

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Байкальский государственный университет

Ю. В. Виниченко

**ГРАЖДАНСКИЙ ОБОРОТ:
ОПЫТ СИСТЕМНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Иркутск
Издательство Байкальского государственного университета
2019

УДК 347.1
ББК 67.404
В48

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Байкальского государственного университета

Рецензенты д-р юрид. наук, проф. Н. П. Асланян
 д-р юрид. наук, доц. С. С. Сулова

Виниченко Ю. В.

В48 Гражданский оборот: опыт системного исследования /
Ю. В. Виниченко. – Иркутск : Изд-во БГУ, 2019. – 374 с.

ISBN 978-5-7253-3008-3

В монографии представлена авторская концепция, основной идеей которой является тезис о феноменологическом статусе гражданского оборота, противопоставленный сложившемуся в советский период и преобладающему ныне в российской цивилистике пониманию его как правовой формы экономического оборота. В работе рассматриваются теоретико-методологические основы исследования гражданского оборота и предпринимается описание данного феномена как системы. Особое внимание уделено вопросу государственно-правового воздействия на систему гражданского оборота.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов и факультетов, практикующих юристов, а также всех, кто интересуется гражданским правом.

УДК 347.1
ББК 67.404

ISBN 978-5-7253-3008-3

© Виниченко Ю. В., 2019
© Издательство БГУ, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА	9
Глава I. Проблема понимания гражданского оборота	9
§ 1. Разработка категории «гражданский оборот» в современном российском правоведении	9
§ 2. Подходы к определению категории «гражданский оборот» в отечественной цивилистике	28
§ 3. Категория правовой формы как основание формального подхода к пониманию гражданского оборота	54
§ 4. Характеристика проблемной ситуации в системе знаний о гражданском обороте	76
Глава II. Методологические основания цивилистического исследования гражданского оборота	106
§ 1. Исторический метод познания гражданского оборота	110
§ 2. Формально-логический метод познания гражданского оборота	124
§ 3. Сравнительно-правовой метод познания гражданского оборота	144
§ 4. Системный подход к исследованию гражданского оборота	166
РАЗДЕЛ II. СИСТЕМНОЕ ОПИСАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА ...	177
Глава I. Общая характеристика системы гражданского оборота	177
§ 1. Цель, функции и видовая характеристика системы гражданского оборота	177
§ 2. Общая характеристика состава и структуры системы гражданского оборота	202
Глава II. Начала функционирования системы гражданского оборота	235
§ 1. Понятие и виды факторов, обуславливающих функционирование системы гражданского оборота	235
§ 2. Онтологические начала функционирования гражданского оборота	257
§ 3. Гносеологические начала функционирования гражданского оборота	286
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	311
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	319

ВВЕДЕНИЕ

В науке и общежитии есть много слов и выражений, которые всеми употребляются как общеизвестные, под которыми как будто разумеется что-то очень определенное, точное, бесспорное; а между тем, если разобратся хорошенько, они оказываются крайне сбивчивыми, неопределенными, неточными; оказывается, что каждый понимает их по-своему, и придает им особый смысл. Выходит, что одно и то же слово выражает совсем разные понятия, чего разговаривающие и пишущие нередко и не подозревают. Отсюда тысяча нескончаемых споров и недоразумений.

К. Д. Кавелин

История показывает, что прогресс науки постоянно сковывался тираническим влиянием определенных концепций, когда их начинали рассматривать в виде догм. По этой причине необходимо периодически подвергать глубокому исследованию положения, которые стали приниматься без обсуждения.

Луи де Бройль

Категория «гражданский оборот» может быть отнесена к числу наиболее часто употребляемых в цивилистической литературе. Еще более полувека назад О. А. Красавчиков констатировал: «... что категория “гражданский оборот” пользуется в нашей литературе широкими “правами гражданства”, должно быть зафиксировано как факт неоспоримый, доказыванию не подлежащий»¹. Количество научных работ по гражданскому праву с тех пор многократно умножилось; достиг поистине рекордных высот и «индекс употребления» термина «гражданский оборот». Редкое исследование по самому узкому с позиций содержания, но так или иначе касающемуся частноправового регули-

¹ Красавчиков О. А. Советский гражданский оборот (понятие и основные звенья) // Ученые записки СЮИ. Т. 5. Вопросы гражданского, трудового права и гражданского процесса. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1957. С. 4.

рования вопросу обходится без упоминания гражданского оборота. Данный термин широко используется при освещении и исследовании самых различных юридических вопросов, причем используется весьма произвольно, наряду с иными выражениями – «имущественный оборот», «деловой оборот», «торговый оборот», «коммерческий оборот», «предпринимательский оборот» либо просто «оборот» – четкого размежевания которых исследователи, как правило, не проводят.

Такие понятия, как «участники гражданского оборота», «условия гражданского оборота», «введение в гражданский оборот» закреплены и в нормативных правовых актах. Их легальных дефиниций законодательство не содержит, чего и не требуется, поскольку решению задачи определения содержания юридических понятий призвана служить наука.

В то же время общепризнанное определение гражданского оборота в отечественной цивилистике отсутствует, хотя и можно говорить о наличии более или менее устоявшейся традиции в его трактовке. Вместе с тем сложившееся и укоренившееся в российском гражданском правоведении восприятие гражданского оборота как правовой формы экономического оборота нуждается в переосмыслении, причем не только с позиций современных цивилистических концепций. Подобное понимание не то что не согласуется с отдельными, в том числе законодательно закрепленными понятиями («участники гражданского оборота», «объекты гражданского оборота», «введение в гражданский оборот», «потребности гражданского оборота» и т. п.), но и делает их абсурдными, поскольку очевидно, что, в частности, никаких потребностей у правовой формы быть не может. Между тем практика российских судов дает массу примеров, когда, решая вопрос о предоставлении правовой защиты отдельным частным лицам либо об отказе в удовлетворении заявленных требований, правоприменители прямо указывают на потребности либо нужды гражданского оборота, апеллируют к ним как к критерию такой защиты.

Отмеченный диссонанс не может быть нивелирован путем того или иного толкования соответствующих законодательных и доктринальных положений и в рамках имеющихся подходов к определению содержания рассматриваемой категории носит неустранимый характер.

Сказанное свидетельствует о наличии в отечественной цивилистике проблемной ситуации, связанной с определением понятия «гражданский оборот», исходя из чего детальное научное исследование данной категории и отображаемого в ней феномена является тео-

ретически и практически необходимым и представляет безусловную актуальность.

В отечественной юриспруденции начало теоретической разработки категории «гражданский оборот» заложили дореволюционные правоведы (Ю. С. Гамбаров, С. А. Муромцев, В. И. Синайский, Е. Н. Трубецкой, Г. Ф. Шершеневич¹ и др.), которые специальных работ рассмотрению данной категории не посвящали, однако отводили ей определенное место в курсах по гражданскому, римскому, торговому праву, освещая те или иные ее аспекты в контексте вопросов о делении вещей на «оборотные» и «внеоборотные», о понятии гражданского правоотношения, об истории права собственности, об отграничении гражданского оборота от торгового и т. д.

Толчок к развитию учение о гражданском обороте получило в советский период благодаря работам С. Н. Братуся, А. В. Дозорцева, О. А. Красавчикова² и др. Именно тогда была написана первая работа, посвященная гражданскому обороту (Красавчиков О. А. Советский гражданский оборот (понятие и основные звенья). М., 1957), и сформировался преобладающий ныне взгляд на него как на правовую надстройку к экономическому базису, правовую форму, юридическое отражение экономического оборота (мы предлагаем называть этот подход формальным).

На современном этапе развития цивилистической доктрины имеется значительное количество научных работ, связанных с изучением гражданского оборота, однако почти все они основаны на формальном подходе к его пониманию и посвящены теоретической разработке отдельных его аспектов, преимущественно – вопроса об объектах граж-

¹ Гамбаров Ю. С. Курс гражданского права : Часть общая. Т. 1. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1911 ; Муромцев С. А. Гражданское право Древнего Рима. М. : Статут, 2003 ; Синайский В. И. Русское гражданское право. М. : Статут, 2002 ; Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. СПб. : Лань, 1999 ; Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. Т. 1 : Введение. Торговые деятели. М. : Статут, 2003.

² Братусь С. Н. О понятии гражданского оборота в советском гражданском праве (доклад на заседании Сектора гражданского права Всесоюзного института юридических наук) // Советское государство и право. 1949. № 11. С. 70–71 ; Его же. Предмет и система советского гражданского права. М. : Госюриздат, 1963 ; Дозорцев А. В. Объекты права государственной социалистической собственности и их классификация // Советское государство и право. 1949. № 1. С. 56–57; Обзор заседаний Сектора гражданского права Всесоюзного института юридических наук // Советское государство и право. 1949. № 11. С. 72 ; Красавчиков О. А. Указ. соч.

данского оборота. Так, исследованию определенных видов объектов гражданского оборота, в том числе их оборотоспособности, посвящены диссертации М. А. Астаховой, Е. В. Агапеевой, В. В. Байбака, В. М. Баранова, Е. А. Барановой, Т. В. Беловой, Т. А. Бикетовой, С. Н. Бритвина, О. Г. Васнева, Р. Ф. Галеевой, А. В. Головизнина, Г. Э. Добрякова, С. Е. Долгаева, Е. В. Ельниковой, Д. В. Жернакова, Д. А. Матвеева, Н. С. Михайловой, А. А. Морозова, Д. С. Некрестьянова, Р. М. Олимовой, Т. А. Пасиковой, И. А. Полуяхтова, Р. А. Ражкова, О. А. Рутковской, Н. С. Филимонова, Н. В. Цуглаевой, Е. В. Шаповаловой. Особенности участия в гражданском обороте отдельных категорий субъектов рассмотрены в кандидатских диссертациях Б. Б. Инжиевой, К. С. Мамажанова, Б. Б. Эбзеева и др. Характеристика отдельных видов юридических фактов «в гражданском обороте» содержится в диссертационных работах Н. С. Апаликова, И. Л. Грековой, Т. А. Еремкиной, М. Р. Каримова, О. Ю. Савельевой и др.

Значимой с позиций научного познания гражданского оборота в данной связи является докторская диссертация В. А. Петрушкина «Системный анализ гражданско-правовой модели оборота недвижимости: проблемы теории и практики» (М., 2014): несмотря на то, что в ней анализируется только оборот недвижимости, ее автор обозначил проблему отсутствия в отечественной науке теории гражданского оборота, а сам гражданский оборот исследовал не как правовую форму экономического оборота, а как сферу общественных отношений.

Отдельные аспекты гражданского оборота разрабатывают также представители иных отраслей правоведения: земельного, природоресурсного, экологического и аграрного права (В. В. Романова), уголовного права и криминологии (А. В. Дранников, М. С. Ласточкина, А. В. Пантюхин и др.), административного права (П. В. Алексей, В. Н. Васин и др.).

Рассмотрению собственно гражданского оборота в современной литературе посвящен только ряд научных статей (М. А. Астаховой, А. В. Руденко, С. Б. Цветкова, К. В. Храмцова¹), в числе которых сле-

¹ Астахова М. А. Оборот в гражданском праве: понятие, структура, разновидности // Бюллетень нотариальной практики. 2006. № 4 ; Ее же. К вопросу о понятии гражданского оборота // Бюллетень нотариальной практики. 2006. № 5 ; Руденко А. В. О понятии «гражданский оборот» // Актуальные проблемы правоведения. 2003. № 3 (6) ; Цветков С. Б. О сущности и понятии гражданского оборота // Свобода. Право. Рынок : материалы Всерос. науч. конф. «40 лет Волгоградской цивилистике», 21–22 мая 2007 г. Вып. 5. Волгоград : ВА МВД

дует выделить статью Б. Б. Эбзеева «Гражданский оборот: понятие и юридическая природа»¹, которая отличается от прочих своим высоким теоретическим уровнем и по существу является первой в современной отечественной цивилистике работой, посвященной проблеме общего понимания гражданского оборота. Единственным на настоящий момент российским учебным изданием, в котором понятию гражданского оборота посвящен отдельный раздел, является учебник по гражданскому праву В. А. Белова².

Вместе с тем на монографическом уровне категория «гражданский оборот» самостоятельным предметом анализа в российской науке гражданского права не становилась. Такое исследование впервые предпринято в настоящем издании.

России, 2007 ; *Храмцов К. В.* Категория справедливости как нравственная основа гражданского оборота // Вестник Омского университета. Сер. Право. Омск : Изд-во ОмГУ, 2006. № 3/4 (8/9) ; *Его же.* Категория добросовестности и развитие гражданского оборота // Право и политика: история и современность : материалы Междунар. науч. конф. (сентябрь 2005 г.). Омск : Изд-во Ом. акад. МВД России, 2006.

¹ *Эбзеев Б. Б.* Гражданский оборот: понятие и юридическая природа // Государство и право. 1999. № 2.

² *Белов В. А.* Гражданское право. Общая часть. Т. 2. Лица, блага, факты : учебник. М. : Юрайт, 2011. § 6 гл. 13, п. 405. С. 278–284.

РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА

ГЛАВА I. ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА

§ 1. Разработка категории «гражданский оборот» в современном российском правоведении

Всякое гуманитарно-научное исследование начинается с «литературного мониторинга» – поиска и формирования списка литературы, так или иначе касающейся предмета будущей работы (статьи, монографии, диссертации). Это один из важнейших этапов исследования, и не только потому, что позволяет узнать «кто и когда об этом уже писал» и писал ли вообще, но и в силу того, что результаты подобной работы зачастую уже сами по себе, т. е. безотносительно к содержанию материала, включенного в составленный список, дают основание для научных гипотез, а возможно, и определенных выводов. Именно исходя из этого, мы сочли необходимым выделить данный параграф, посвятив его обзору современной отечественной юридической литературы по интересующему нас вопросу.

Вместе с тем нельзя не назвать имена выдающихся дореволюционных (Ю. С. Гамбаров, С. А. Муромцев, В. И. Синайский, Г. Ф. Шершеневич и др.) и советских (С. Н. Братусь, А. В. Дозорцев, О. А. Красавчиков и др.) правоведов, научные воззрения которых составляют основу понимания гражданского оборота в современной российской цивилистике. Именно их позиции и суждения ныне традиционно излагают и анализируют в рамках соответствующих исследований при освещении вопроса о генезисе концепции гражданского оборота в отечественном правоведении и с незначительными оговорками кладут в основу большинства предлагаемых определений гражданского оборота.

Нам удалось выявить достаточно большое количество современных научных работ, в которых выражение «гражданский оборот» не просто используется по тексту, но вынесено в заглавие, и которые, таким образом (исходя из того, что название работы должно отражать предмет исследования), скорее всего, связаны с изучением гражданского оборота.

Следует подчеркнуть, что это работы не только цивилистов, но и представителей иных отраслей правоведения, в частности, земельного, природоресурсного, экологического и аграрного права¹, уголовного права и криминологии², административного права³, что свидетельствует не только о цивилистической, но и о межотраслевой значимости термина «гражданский оборот» и соответствующего ему понятия. В числе цивилистических исследований оказалось немало работ, в наименовании которых нашли закрепление такие термины, как «коммерческий оборот»⁴,

¹ См.: *Романова В. В.* Правовое регулирование оборота земельных участков : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06. М., 2005.

² См.: *Дранников А. В.* Уголовная ответственность за контрабанду предметов, ограниченных в гражданском обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Ростов н/Д, 2000 ; *Ласточкина М. С.* Уголовно-правовая защита средств индивидуализации участников гражданского оборота и производимой ими продукции : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2010 ; *Пантюхин А. В.* Уголовно-правовые и криминологические меры борьбы с контрабандой товаров, не ограниченных в гражданском обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2005.

³ См.: *Алексий П. В., Васин В. Н.* Администрирование гражданского оборота // Вестник Московского университета МВД России. № 6. М. : Изд-во Моск. ун-та МВД России, 2008. С. 88–90.

⁴ См.: *Аблезгова О. В.* Нормы «*lex mercatoria*» в правовом регулировании международного коммерческого оборота : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2008 ; *Дроздов-Тихомиров А. А.* Своды принципов договорного права как инструмент регулирования сделок в международном коммерческом обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2011 ; *Клочков А. А.* Стандартные (общие) условия договоров в коммерческом обороте: правовое регулирование в России и зарубежных странах : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2000 ; *Коновалов А. И.* Неустойка в коммерческом обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. СПб., 2003 ; *Кравченко Т. В.* Правовое регулирование участия субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в коммерческом обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. СПб., 2003 ; *Лантева А. М.* Имущественные комплексы в коммерческом обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. СПб., 2010 ; *Полтавченко А. Г.* Правовое регулирование трансграничного коммерческого оборота прав на товарные знаки : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2011 ; *Попова А. В.* Принцип добросовестности в международном коммерческом обороте: Законодательство и судебная практика Российской Федерации и стран-членов Европейского Союза : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2005 ; *Рубанова М. П.* Правовой режим нежилых помещений и проблемы их участия в коммерческом обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. СПб., 2008 ; *Сапункова А. И.* Правовое регулирование синдицированного кредитования в международном коммерческом обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2008 ; *Солдатенко С. А.* Особенности наследования

«предпринимательский оборот»¹, «торговый оборот»², «товарный оборот»³, «хозяйственный оборот»⁴, «экономический оборот»⁵. Поскольку соотношение указанных словосочетаний с термином «гражданский оборот» нуждается в содержательном анализе, подобные научные работы из круга источников, подлежащих последующему формальному анализу, на данном этапе исследования были исключены. Таким образом, рассмотрению были подвергнуты лишь цивилистические работы, в названии которых использованы выражение «гражданский оборот» («гражданско-правовой оборот») либо термин «оборот», допускающий трактовку его и как гражданского оборота.

В результате распределения таких работ по рубрикам «диссертации», «монографии», «научные статьи», «научные доклады (тезисы докладов)», «учебные издания» был получен *первый вывод*: на монографическом уровне категория «гражданский оборот» самостоятель-

имущества, вовлеченного в коммерческий оборот : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. СПб., 2009.

¹ См., например: *Галиуллин Р. Р.* Правовой режим недвижимого имущества в предпринимательском обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Казань, 2009.

² См.: *Амирова Н. А.* Принципы исполнения обязательств в торговом обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2009 ; *Коломенская Е. В.* Функции договора в торговом обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2006 ; *Неверов О. Г.* Товарораспорядительные документы в торговом обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2001 ; *Полин Д. В.* Правовое регулирование расчетов по аккредитиву в торговом обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2001 ; *Фонотова О. В.* Применение Инкотермс в торговом обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2006.

³ См., в частности: *Аванесова Г. А.* Применение банковской гарантии в товарном обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 1999.

⁴ См.: *Кийко А. Ю.* Частноправовые и публичные начала в гражданско-правовом регулировании государственного имущества в хозяйственном обороте России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Волгоград, 2004 ; *Маркина М. В.* Введение прав юридических лиц на объекты промышленной собственности в хозяйственный оборот : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2007 ; *Успенский А. Э.* Арест имущества в хозяйственном обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2006.

⁵ См.: *Клишина А. А.* Охрана коммерческой тайны в экономическом обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2004 ; *Нестерчук Ю. Н.* Правовой режим нефти как объекта экономического оборота : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2012 ; *Нешатаева В. О.* Международно-правовое регулирование экономического оборота культурных ценностей : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2010.

ным предметом исследования в российской науке гражданского права до сих пор не являлась. Значимость данного вывода состоит в том, что, в числе прочих аргументов, он свидетельствует о новизне и актуальности предпринятого исследования.

Анализ выявленных (преимущественно кандидатских¹) цивилистических диссертаций, формально отвечающих заданному критерию (использование терминов «гражданский оборот», «оборот» в заглавии), показал, что в зависимости от предмета исследования их можно разделить на некоторые группы, выделив:

1) работы, посвященные изучению вопросов о гражданском обороте (гражданско-правовой модели оборота) либо гражданско-правовом регулировании оборота тех или иных видов объектов гражданских прав², в том числе их оборотоспособности (в зависимости от

¹ На уровне докторских диссертаций мы обнаружили лишь уже отмеченную диссертацию В. А. Петрушкина «Системный анализ гражданско-правовой модели оборота недвижимости: проблемы теории и практики», а также три работы, в заглавии которых использованы хотя и смежные с термином «гражданский оборот», но отличные от него, уже упомянутые выражения – «коммерческий оборот», «торговый оборот», «хозяйственный оборот». См.: *Беликова К. М.* Правовое регулирование торгового оборота и кодификация частного права в странах Латинской Америки : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. М., 2012 ; *Ершова И. В.* Правовой режим государственного имущества в хозяйственном обороте: Теоретические основы и пути совершенствования : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. М., 2001 ; *Илюшина М. Н.* Правовой режим сделок в коммерческом обороте и в обороте долей хозяйственных обществ: общее и особенное : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. М., 2012.

² См.: *Агапеева Е. В.* Ценные бумаги как объекты гражданского оборота по законодательству России и США (сравнительно-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2006 ; *Астахова М. А.* Оборот прав на результаты интеллектуальной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Тюмень, 2007 ; *Байбак В. В.* Обязательственное требование как объект гражданского оборота : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. СПб., 2004 ; *Баранов В. М.* Гражданско-правовое регулирование оборота природных ресурсов : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2006 ; *Баранова Е. А.* Оборот недвижимости в российском и германском праве: сравнительное исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2005 ; *Белова Т. В.* Правовое регулирование защиты информации и прав на нее в гражданском обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2006 ; *Бикетова Т. А.* Патентные права как объект гражданских прав и монополия в гражданском обороте РФ : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2005 ; *Бритвин С. Н.* Арендные права и их гражданский оборот : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Волгоград, 2006 ; *Васнев О. Г.* Правовое регулирование оборота культурных ценностей : дис. ... канд. юрид. наук :

которой объекты гражданских прав традиционно подразделяют на свободные в обороте, ограниченные в обороте и изъятые из оборота)¹,

12.00.03. Краснодар, 2006 ; *Галеева Р. Ф.* Исключительное право: правовая природа и роль в гражданском обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2011 ; *Головизнин А. В.* Гражданско-правовое регулирование оборота культурных ценностей : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Екатеринбург, 2006 ; *Добряков Г. Э.* Оборот исключительного права в Интернет-среде : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2011 ; *Долгаев С. Е.* Правовое регулирование оборота ценных бумаг : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Самара, 2002 ; *Ельникова Е. В.* Гражданско-правовой оборот земельных участков под строениями в России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Волгоград, 2006 ; *Жернаков Д. В.* Правовой режим земельных участков как объектов гражданского оборота : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Екатеринбург, 2005 ; *Жуков А. С.* Правовое регулирование оборота эмиссионных бездокументарных именных ценных бумаг в законодательстве России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Ростов н/Д, 2005 ; *Койчуев А. А.* Гражданско-правовые средства регулирования оборота ценных бумаг : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Ставрополь, 2005 ; *Маленко В. С.* Гражданско-правовое регулирование земельного оборота с иностранным элементом : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2007 ; *Матвеев Д. А.* Гражданско-правовое регулирование оборота складских свидетельств : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2011 ; *Некрестьянов Д. С.* Гражданско-правовое регулирование оборота объектов незавершенного строительства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. СПб., 2005 ; *Олимова Р. М.* Гражданско-правовое регулирование оборота драгоценных металлов и драгоценных камней в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Казань, 2005 ; *Пасикова Т. А.* Особенности гражданского оборота земельных участков сельскохозяйственного назначения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Краснодар, 2008 ; *Петрушкин В. А.* Указ. соч. ; *Полуяхтов И. А.* Гражданский оборот имущественных прав : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Екатеринбург, 2002 ; *Ражков Р. А.* Гражданско-правовое регулирование оборота валютных ценностей : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Иркутск, 2007 ; *Рутковская О. А.* Драгоценные металлы и драгоценные камни как объекты гражданского оборота на внутреннем и международном рынках : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2013 ; *Филимонов Н. С.* Правовое регулирование гражданского оборота лесных участков (на примере аренды и сервитута) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2010 ; *Харатьян А. Ж.* Регулирование оборота валютных ценностей : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2000 ; *Цуглаева Н. В.* Гражданско-правовой оборот музейных предметов и коллекций : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Волгоград, 2013 ; *Шаповалова Е. В.* Гражданско-правовые формы оборота информации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2008.

¹ Таким образом, в круг работ, подлежащих последующему содержательному анализу, подпадают, в частности, следующие: *Михайлова Н. С.* Оборото-способность вещей в гражданском праве и роль актов органов внутренних дел Российской Федерации в ее реализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук :

а также исследования, посвященные юридическим фактам, касающимся определенных видов объектов гражданских прав¹;

2) работы, связанные с исследованием особенностей участия в гражданском обороте отдельных категорий субъектов²;

3) работы, посвященные общей характеристике отдельных видов юридических фактов «в гражданском обороте»³;

4) работы, направленные на изучение отдельных видов правоотношений в сфере (гражданского) оборота⁴.

Представленная градация при всей условности весьма наглядно демонстрирует направленность диссертационных исследований на разработку лишь отдельных (частных) аспектов проблемы граждан-

12.00.03. СПб., 2007 ; *Морозов А. А.* Правовое регулирование использования в предпринимательской деятельности имущества, ограниченного в обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2010.

¹ См.: *Петров Е. Ю.* Государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним в гражданском обороте недвижимости : дис.... канд. юрид. наук : 12.00.03. Екатеринбург, 2001 ; *Салимзянов Б. И.* Обеспечительная функция предварительного договора в сфере оборота недвижимости : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Казань, 2013 ; *Швабауэр А. В.* Государственная регистрация прав, обременений прав и сделок в гражданском обороте недвижимого имущества : дис.... канд. юрид. наук : 12.00.03. СПб., 2011.

² См.: *Инжиева Б. Б.* Участие государства в современном гражданском обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Элиста, 2013 ; *Мамажанов К. С.* Участие в гражданском обороте лиц, осужденных к лишению свободы в Кыргызской Республике : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. СПб., 2011 ; *Эбзеев Б. Б.* Участие акционерных обществ в гражданском обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2001.

³ См.: *Аналиков Н. С.* Форвардный договор в гражданском обороте и практике правоохранительных органов : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2009 ; *Грекова И. Л.* Формуляр в международном гражданском и торговом обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Саратов, 2007 ; *Еремкина Т. А.* Договор аренды и его роль в гражданском обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2008 ; *Каримов М. Р.* Роль предварительного договора в формировании договорных условий участников гражданского оборота : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2002 ; *Савельева О. Ю.* Недействительность сделок в гражданском обороте: теория и практика : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Рязань, 2003.

⁴ См.: *Зинковский М. А.* Гражданско-правовое регулирование договорных отношений в сфере оборота драгоценных металлов в обезличенной форме : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Белгород, 2010 ; *Токарев Е. А.* Вексельные обязательства и их действие в гражданском обороте Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Томск, 2001.

ского оборота. Кроме этого, она дает основания для еще одного, пожалуй, самого главного на данном этапе вывода: в настоящее время *совокупность знаний о гражданском обороте оказывается лишь частью иных цивилистических учений, преимущественно теории объектов права.*

В силу «привязки» темы исследования к (1) определенной группе (2) одного из правовых явлений (объектов или субъектов права, правоотношений) ученые, как представляется, изначально не могут претендовать на выводы общего характера. И даже если, например, определенные виды объектов исследуются именно как объекты гражданского оборота (диссертации Е. М. Агапеевой, В. В. Байбака, Д. В. Жернакова, О. А. Рутковской), на первое место в любом случае выдвигается сам объект, обоснованность включения которого в гражданский оборот, а также особенности гражданского оборота которого и пытается обосновать диссертант; иным же необходимым элементам гражданского оборота, если они и рассматриваются, придается второстепенное значение. Таким образом, несмотря на научную ценность выводов, содержащихся в проанализированных диссертационных исследованиях, последние объективно имеют частный характер и целостного представления о гражданском обороте сформировать не позволяют.

Отдельным аспектам проблемы гражданского оборота посвящены и имеющиеся монографические работы. При этом часть из них по времени публикации и по названию практически совпадает с диссертационными исследованиями авторов¹, а поэтому укладывается в рамки сложившихся в доктрине направлений использования понятия «гражданский оборот». Аналогичным образом следует оценить и «новые» в этом отношении монографии², с точки зрения словоупо-

¹ См.: Байбак В. В. Обязательственное требование как объект гражданского оборота. М. : Статут, 2005 ; Бритвин С. Н. Арендные права в гражданском обороте: проблемы теории и практики : монография / С. Н. Бритвин, А. Н. Садков, С. А. Чаркин ; под общ. ред., с предисл. А. Я. Рыженкова. Волгоград : Альянс, 2006 ; Вятчин В. А., Еремкина Т. А. Роль и значение аренды в гражданском обороте : монография. М. : Спутник+, 2010 ; Петрушкин В. А. Актуальные проблемы правовой модели системы оборота недвижимости : монография. М. : Статут, 2014 ; Ражков Р. А., Чорновол Е. П. Гражданско-правовое регулирование оборота валютных ценностей : монография. Екатеринбург : Изд-во Урал. юрид. ин-та МВД России, 2007.

² То есть не дублирующие диссертацию того же автора. См.: Вятчин В. А. Значение неустойки в современном гражданском обороте : монография. М. :

требления и методологии познания гражданского оборота являющиеся традиционными.

Узкоспециальный характер исследований в целом наблюдается и на уровне научных статей (включая тезисы докладов), в которых гражданский оборот рассматривается (а возможно, просто упоминается) также в свете вопросов:

- либо об объектах гражданских прав¹,
- либо о субъектах – участниках гражданского оборота²,

Юрлитинформ, 2012 (диссертационная работа данного ученого была написана почти десятилетием ранее и касалась несколько иного аспекта. См.: *Вятчин В. А.* Роль неустойки в условиях свободы договора : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Саратов, 1999); *Гончарова А. В.* Недвижимость в гражданском обороте : монография. Волгоград : Изд-во Волгогр. ин-та экон., социол. и права, 2011 ; *Лобанов С. А.* Публичная собственность в гражданском обороте: проблемы правового регулирования. М. : Ин-т бизнеса и политики, 2008.

¹ См.: *Аполлонов А., Страунинг Э.* Водные объекты в гражданском обороте // Закон. 2001. № 5. С. 45–47 ; *Белов В. А.* Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота: содержание и соотношение понятий // Объекты гражданского оборота : сб. ст. / отв. ред. М. А. Рожкова. М. : Статут, 2007. С. 6–77 ; *Бедняков А. А.* Организационно-правовые формы вовлечения государственного имущества в гражданский оборот // Цивилист. Научно-практический журнал. 2009. № 1. С. 27–29 ; *Беляева О. А.* Чеки в современном гражданском обороте // Журнал российского права. 2001. № 3. С. 137–142 ; *Борzych Д. Д.* Акции как объект экономического и гражданского оборота // Юридический аналитический журнал. Самара : Изд-во Самар. ун-та, 2003. № 4. С. 52–57 ; *Лалетина А. С.* Гражданский оборот газопроводов. Можно ли избежать оформления земельных участков под газопроводами? // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. М., 2009. № 1. С. 137–140 ; *Матияшук С. В.* Электрическая энергия и мощность как особые объекты гражданского оборота: вопросы теории и практики // Журнал российского права. 2008. № 12. С. 94–99 ; *Ротко С. В.* Правовая природа векселя и его значение в гражданском обороте // Ученые записки ДЮИ. Ростов н/Д, 2002. Т. 19. С. 275–289 ; *Рыбалов А. О.* Экономические блага и гражданский оборот // Объекты гражданского оборота : сб. ст. / отв. ред. М. А. Рожкова. М. : Статут, 2007. С. 78–94 ; *Суханов Е. А.* Государство и гражданский оборот [Электронный ресурс] // ЮРИСТ. 2004. № 22. Режим доступа: справ.-правовая система «Гарант» ; *Туктаров Ю. Е.* Имущественные права как объекты гражданско-правового оборота // Актуальные проблемы гражданского права : сб. ст. Вып. 6 / под ред. О. Ю. Шиловых. М. : Норма, 2003. С. 101–136 ; *Уруков В.* Дефектный вексель в гражданском обороте // Право и экономика. 2003. № 2. С. 36–42.

² См.: *Ахмедова З. А.* Участие некоммерческих организаций в гражданском обороте // Северо-кавказский юридический вестник. 2003. № 3. С. 82–89 ; *Богда-*

- либо об определенных отношениях¹,
- либо о юридических фактах².

Впрочем, именно на данном уровне имеются работы общего характера, посвященные анализу собственно гражданского оборота. В их числе, прежде всего, следует указать на статью Б. Б. Эбзеева «Гражданский оборот: понятие и юридическая природа»³ – по сути, первую в современной отечественной цивилистике работу, посвященную проблеме общего понимания категории «гражданский оборот». Общему понятию гражданского оборота (во всяком случае, как

нов Е. А. Участие образовательных учреждений в гражданском обороте // Законодательство. 2004. № 9. С. 69–75 ; Головизнин А. Некоторые вопросы участия в гражданском обороте органов государственной власти (местного самоуправления) // Хозяйство и право. 1999. № 6. С. 59–66 ; Горелик А. П. Некоторые аспекты участия органов внутренних дел в гражданском обороте // Закон и право. 2002. № 7. С. 43–44 ; Демидов И. А. Правовое регулирование участия государства в международном гражданском обороте в свете вступления Российской Федерации во Всемирную торговую организацию // Вестник Саратовской государственной академии права. 2008. № 4 (62). С. 35–38 ; Ивлиев М. Ф., Шерстобитов А. Е. Об участии государственных и муниципальных учреждений в гражданском обороте // Законодательство. 2006. № 12. С. 19–22 ; Комягин Д. Л. Вопросы участия государственной казны в гражданском обороте // Право и экономика. 1999. № 3. С. 29–32 ; Криволапова Л. В. Субъекты гражданского оборота // Право и государство: теория и практика. 2007. № 8 (32). С. 46–51 ; Лескова Ю. Г. Некоторые проблемы участия учреждений в гражданском обороте // Юрист. 2003. № 2. С. 27–30 ; Малинина Л. Ю. О некоторых особенностях участия унитарного предприятия в гражданском обороте // Актуальные вопросы частного права : межвуз. сб. науч. тр. Самара : Самар. ун-т, 2004. С. 92–98 ; Солнцев А. В. Участие органов местного самоуправления в гражданском обороте // Труды юридического факультета Северо-Кавказского государственного технического университета. 2005. Вып. 11. С. 226–228 ; Сорокина С. Я. Участие учреждений в гражданском обороте // Государство и право на рубеже веков : материалы Всерос. конф. Гражданское право. Гражданский процесс. М. : Изд-во ИГиП РАН, 2001. С. 57–64.

¹ См.: Долинская В. В. Информационные отношения в гражданском обороте // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 4. Режим доступа: справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

² См.: Кияшко В. Реальные (консенсуальные) договоры в гражданском обороте // Право и экономика. 2004. № 5. С. 37–40 ; Ломакин Д. В. Крупные сделки в гражданском обороте // Законодательство. 2001. № 3. С. 18–25 ; Москаленко И. В. Сделки в гражданском обороте // Нотариус. 2002. № 2. С. 23–30 ; Недоспасова В. В. Электронная цифровая подпись в гражданском обороте: проблемы применения // Право : материалы науч. сессии (Волгоград, 19–25 апр. 2004 г.). Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2004. Вып. 3. С. 95–97.

³ Эбзеев Б. Б. Гражданский оборот: понятие и юридическая природа.

следует из их названия) посвящены также статьи М. А. Астаховой¹, А. В. Руденко²; доклад С. Б. Цветкова³. Общий характер имеют работы К. В. Храмцова⁴.

Содержательный анализ указанных и иных научных трудов, повторим, пока не является нашей задачей и будет предпринят далее.

Что касается учебной цивилистической литературы⁵, то вопрос о понятии гражданского оборота в ней, как правило, самостоятельного и четкого освещения не получает либо его вовсе обходят молчанием. Особого внимания в данной связи заслуживает уже отмеченный учебник В. А. Белова – единственное на настоящий момент отече-

¹ Астахова М. А. Указ. статьи.

² Руденко А. В. Указ. соч.

³ Цветков С. Б. Указ. соч.

⁴ Храмцов К. В. Указ. статьи.

⁵ К числу которой, на наш взгляд, относятся также работы по курсам римского частного права, а также коммерческого и предпринимательского права. В частности, применительно к настоящему исследованию, работы по римскому частному праву представляют интерес в части раздела о вещах, которые в древнеримском праве, как известно, делились на вещи в обороте, *res in commercio*, и вещи вне оборота, *res quarum commercium non est, res extra commercium*. Из ряда учебной литературы по данному курсу современных российских авторов следует выделить учебник Д. В. Дождева (Римское частное право : учеб. для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсисянца. М. : Норма, 2003) и учебник В. Н. Яковлева (Древнеримское частное право и современное российское гражданское право : учебник. М. : Волтерс Клувер, 2010), оригинальный с позиций предпринятого в нем сравнительного анализа норм и институтов древнеримского частного и современного российского гражданского права.

Относительно учебных изданий по коммерческому и предпринимательскому праву следует заметить, что в них рассматривается не собственно гражданский, а либо коммерческий, либо предпринимательский оборот. В то же время установление соотношения последних с гражданским оборотом может способствовать выявлению признаков понятия «гражданский оборот», в связи с чем при содержательном анализе взглядов на рассматриваемую категорию подобные работы также следует принимать во внимание. Из работ современных авторов в данной связи наиболее авторитетными являются, в частности, учебное пособие М. Н. Илюшиной, М. Ю. Чельшева (Коммерческое право : учеб. пособие. Казань : Изд-во Центра инновац. технологий, 2001), учебники Б. И. Пугинского (Коммерческое право России : учебник. М. : ИКД «Зерцало-М», 2005), Л. В. Андреевой (Коммерческое право России : учебник. М. : Волтерс Клувер, 2008), учебник под редакцией В. С. Белых (Предпринимательское право России : учебник / отв. ред. В. С. Белых. М. : Проспект, 2009).

ственное учебное издание по гражданскому праву, в котором понятие гражданского оборота посвящен отдельный раздел¹.

Не вникая глубоко в содержание² прочих университетских учебников по гражданскому праву России, также можно сделать ряд выводов.

Во-первых, о том, что в классической учебной литературе (призванной заложить основы правопонимания, юридического мировоззрения и мышления будущих правоведов) понятие гражданского оборота также связывают лишь с отдельными вопросами – о предмете отрасли гражданского права, об оборотоспособности объектов гражданских прав и с обязательственными («динамическими») правоотношениями³.

Во-вторых, что одной из основных (важных, значимых) цивилистических категорий гражданский оборот, по-видимому, не признает-

¹ См.: Белов В. А. Гражданское право. Общая часть. Т. 2. § 6 гл. 13, п. 405. С. 278–284.

² В отсутствие специальных учебных изданий и обособленных в их рамках разделов, освещающих вопрос о понятии гражданского оборота, хотя бы беглое ознакомление с содержанием данной группы источников с целью выявления наличия в нем соответствующих суждений оказывается неизбежным.

³ См., например: Российское гражданское право : учебник : в 2 т. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. М. : Статут, 2011. С. 64–68, § 1, 2 гл. 7 ; Российское гражданское право : учебник : в 2 т. Т. 2. Обязательственное право / отв. ред. Е. А. Суханов. М. : Статут, 2011. § 1 гл. 29. Отметим, что в прежних редакциях данного учебника непосредственно давалось определение гражданского оборота (см.: Гражданское право : учебник : в 2 т. Т. 1 / отв. ред. Е. А. Суханов. М. : БЕК, 1998. С. 48 ; Гражданское право : учебник. Т. 1 / под ред. Е. А. Суханова. М. : Волтерс Клувер, 2004. С. 67), однако в издании 2011 г. оно отсутствует, хотя его и можно вывести на основании материала, изложенного в указанных выше разделах данной работы (о предмете гражданского права и понятии обязательства). Дефиниция понятия «гражданский оборот» отсутствует и в другом классическом учебнике (санкт-петербургской юридической школы). В то же время в нем дается определение «отношений экономического оборота» (см.: Гражданское право : учебник : в 3 т. Т. 1 / под ред. Ю. К. Толстого. М. : Проспект, 2013. § 1 гл. 24), что, забегаая вперед, отметим, значимо с позиций традиционного в отечественной доктрине понимания гражданского оборота как правовой формы экономического оборота. Не удалось обнаружить определение гражданского оборота и в новейшем учебнике уральской цивилистической школы (см.: Гражданское право : учебник : в 2 т. / под ред. Б. М. Гонгало. Т. 1. М. : Статут, 2018 ; Гражданское право : учебник : в 2 т. / под ред. Б. М. Гонгало. Т. 2. М. : Статут, 2018).

ся – именно по этой причине самостоятельному рассмотрению данное понятие не подвергается и в сопровождающих нередко такие издания алфавитно-предметных указателях отсутствует¹, несмотря на то, что соответствующий термин в тексте работ используется достаточно широко.

Таким образом, уже со студенческой скамьи у будущих специалистов в области права формируется лишь отрывочное и интуитивное, низведенное до уровня обиходного² представление о гражданском обороте, прививая шаблонное воспроизведение не несущего большой смысловой нагрузки выражения «участники гражданского оборота» (используемого законодателем в п. 1 ст. 2, абз. 3 п. 2 ст. 51, п. 1 ст. 1192 Гражданского кодекса РФ³ (далее – ГК РФ)), и, в лучшем случае, отводя ему место либо в рамках вопроса о предмете гражданского права, либо в учении о юридических лицах как организациях, выступающих «в гражданском обороте от своего имени», либо в учении об объектах гражданских прав, а именно в той его части, которая связана с оборотоспособностью объектов (в понимании которой традиционно исходят из норм ст. 129 ГК РФ).

Полагаем, что подобное положение дел является индикатором более общей проблемы – недостаточной разработанности понятийно-категориального аппарата цивилистической науки в целом⁴. Как ни

¹ См.: Гражданское право : учебник. Т. 1 / под ред. Ю. К. Толстого ; Гражданское право : учебник : в 3 т. Т. 1 / под общ. ред. С. А. Степанова. М. : Проспект ; Екатеринбург : Ин-т частного права, 2010 ; Российское гражданское право : учебник / отв. ред. Е. А. Суханов. М., 2011. Т. 1, Т. 2.

² То, что выражение «гражданский оборот» «весьма прочно вошло в лексикон не только сугубо ученый, но и научно-практический, причем на уровне обиходного, если не сказать общеизвестного понятия», отмечается и в юридической литературе (см.: Белов В. А. Гражданское право. Общая часть. Т. 2. С. 281).

³ Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1 : федер. закон РФ от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018 г.) // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301 ; Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 2 : федер. закон РФ от 26.11.2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 03.08.2018 г.) // Собр. законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

⁴ В данной связи безусловной поддержки и одобрения заслуживают работы представителей саратовской цивилистической школы, в частности, Г. В. Колодуба, направленные на исследование проблемы категориальной системы гражданского права. См.: Колодуб Г. В. К вопросу системности категорий гражданского права // Шестой пермский конгресс ученых-юристов: Российская национальная правовая система: современное состояние, тенденции и перспективы развития : материалы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. О. А. Кузнецова. Пермь, 2015. С. 92–94 ;

парадоксально, именно термины и понятия подобного – макроюридического – уровня оказываются в настоящий момент в правоведении наименее разработанными. Раскрытие сущности базовых цивилистических категорий подменяется указанием на отдельные случаи их использования при регламентации тех или иных общественных отношений, причем не всегда частноправовых. Достаточно показательным в данной связи является словарь-справочник терминов и определений понятий модельного законодательства государств – участников СНГ, выпущенный под эгидой Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. Как отмечается в предисловии к названному изданию, «сформировавшийся на сегодня понятийный аппарат модельного законодательства – это еще один шаг к созданию эталонных понятий единого информационного пространства стран СНГ»¹. С сожалением приходится констатировать, что в ряду таких «эталонных понятий», общим количеством «свыше трех тысяч двухсот лексических единиц»², категории «гражданский оборот» нашлось место лишь в строке алфавитной таблицы (в виде которой оформлен словарь) «оборот наркотических средств и психотропных веществ, гражданский», который в свою очередь определен как «совокупность сделок

Его же. Система категорий гражданского права: общие положения о признаках и функциях // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 1 (108). С. 100–104 ; *Его же.* На пути к формированию теории системности категорий гражданского права // Юрист. 2016. № 12. С. 20–22 ; *Его же.* К вопросу о системе категорий гражданского права // Проблемы правопонимания и правоприменения в прошлом, настоящем и будущем цивилизации : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. 2016. С. 134–136 ; *Его же.* Теоретико-правовые причины системности категориального аппарата гражданского права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 1 (114). С. 144–147 ; *Его же.* Изучение системы категорий гражданского права через призму функций общей теории государства и права: к постановке вопроса // Методологические проблемы цивилистических исследований : сб. науч. ст. : ежегодник / отв. ред. А. В. Габов, В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. М. : Статут, 2017. С. 377–386 ; *Его же.* Теоретико-правовые причины самостоятельного статуса системы категорий гражданского права // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Право. 2018. № 2 (33). С. 135–139 ; *Его же.* Развитие категориального аппарата гражданского права России в эпоху внедрения цифровой экономики // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 5 (124). С. 125–128.

¹ Словарь-справочник терминов и определений понятий модельного законодательства государств – участников СНГ / под ред. М. А. Вуса, В. В. Бондуrowsкого. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2012. С. 3.

² См.: Там же. С. 4.

и иных действий, предметом которых являются наркотические средства и психотропные вещества, не изъятые из законного оборота»¹. При таких обстоятельствах не только размываются границы отдельных понятий; это колеблет общую систему цивилистических категорий и конструкций.

Тот факт, что понятие «гражданский оборот» выделяется из общего ряда правовых понятий, выступает именно категорией, т. е. понятием предельной степени общности, полагаем, сомнений не вызывает. Недаром с привлечением этого понятия и соответствующего ему термина отечественные правоведы анализируют и правовое положение определенных категорий субъектов, и правовой режим отдельных видов объектов, дают характеристику тем или иным видам юридических фактов, правоотношений и т. д., освещают вопрос о предмете отрасли гражданского права, а в гражданском законодательстве отдельных государств через призму данного понятия формулируются цели и задачи гражданско-правового регулирования: в частности, в Гражданских кодексах Азербайджана² и Грузии³ закреплены нормы, согласно которым «обеспечение свободы гражданского оборота» является целью Гражданского кодекса (ст. 1 ГК Азербайджана), гражданских законов (ст. 9 ГК Грузии).

Категориальный уровень понятия «гражданский оборот» признается и в юридической литературе. Так, В. А. Белов отмечая, что данное понятие относится к разряду макроюридических, ставит его на один уровень с понятиями о праве в объективном смысле, о субъектах и объектах права, о правопорядке, правосознании⁴. Обоснова-

¹ Словарь-справочник терминов и определений понятий модельного законодательства государств – участников СНГ. С. 148, п. О35.

² Гражданский кодекс Азербайджанской Республики : утв. Законом Азербайджан. Респ. от 28.12.1999 г. № 779-IQ [Электронный ресурс]. Доступ из информ. системы «Параграф». URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420111.

³ Гражданский кодекс Грузии: по сост. на 1 марта 2010 г.: текст переведен, отредактирован отделом переводов Парламента Грузии. Тбилиси : Раиз.

⁴ Белов В. А. Гражданское право. Общая часть. Т. 2. С. 282. Близкой представляется позиция Е. А. Беляневич, указывающей на необходимость разработки юридической наукой *межотраслевой теории* (курсив наш. – Ю. В.) обеспечения гражданского оборота (Беляневич Е. А. Стабильность гражданского оборота: вопросы теории [Электронный ресурс] // Гражданское право. Алматы : Паритет, 2014. С. 109. URL: <http://pravo.zakon.kz/4658720-stabilnost-grazhdanskogo-oborota.html>).

нию тезиса, что гражданский оборот является фундаментальной цивилистической категорией, посвящена работа А. В. Захаркиной¹. Именуют категорией гражданский оборот и другие ученые².

Отмеченный категориальный уровень предопределяет особую методологическую роль понятия «гражданский оборот» в научном познании, а именно присущее ему как категории (в отличие от «просто» понятий) свойство выступать средством организации познания³. Как заключает Н. П. Асланян, «именно категории выступают в качестве исходного материала, на основе которого выстраивается структура научных исследований, рождаются научные гипотезы и формируются частные научные теории. Всякое научное познание осуществляется в рамках определенной “сетки” (“матрицы”) категорий – философских, общенаучных и частнонаучных, в совокупности формирующих гносеологическую картину исследуемого объекта»⁴.

Иными словами, являясь категорией, понятие гражданского оборота включается в «дисциплинарную матрицу»⁵ юридической «картины мира» и, следовательно, *должно представлять в качестве*

¹ См.: Захаркина А. В. «Гражданский оборот» как фундаментальная цивилистическая категория // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 37. С. 323–333.

² Например, В. А. Петрушкин рассматривает гражданский оборот как экономико-правовую категорию (Петрушкин В. А. Системный анализ гражданско-правовой модели оборота недвижимости: проблемы теории и практики. С. 9, 23 и др.).

³ См.: Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М. : Наука, 1973. С. 126.

⁴ Асланян Н. П. Об отношении к категориям в цивилистической литературе и роли категорий в научном познании // Защита частных прав: проблемы теории и практики : материалы 6-й ежегод. междунар. науч.-практ. конф., состоявшейся в рамках Байк. юрид. форума (Иркутск, 21–22 сент. 2017 г.) / под ред. Ю. В. Виниченко, А. П. Ушаковой. Иркутск : Изд-во БГУ, 2017. С. 13.

⁵ Термин, в 1969 г. введенный в научный оборот Т. Куном. Предлагая его, ученый писал: «Выделяя особое сообщество специалистов... было бы полезно спросить: что объединяет его членов? (Тем самым мы выясним относительную полноту их профессиональной коммуникации и относительное единодушие их профессиональных суждений.) <...> Я предлагаю термин “дисциплинарная матрица”: “дисциплинарная” потому, что она учитывает обычную принадлежность ученых-исследователей к дисциплине; “матрица” – потому, что она составлена из упорядоченных элементов различного рода, причем каждый из них требует дальнейшей спецификации» (Кун Т. Структура научных революций. С ввводной статьей и дополнениями 1969 г. М. : Прогресс, 1977. С. 237–238).

основания исследования тех или иных вещей, свойств и отношений (по терминологии А. И. Умова¹) «в гражданском обороте» (а не наоборот, как это происходит сейчас, – чтобы сформировать более или менее полное представление о гражданском обороте, следует провести ревизию множества разрозненных взглядов и теорий, в которых используется соответствующий термин). Исходя из этого, можно сделать вывод: *система знаний о гражданском обороте, фиксируемая в содержании соответствующей категории, претендует на парадигмальный статус*, т. е. на то, чтобы служить теорией, нормирующей «ход научного анализа бытия человека в правовой действительности» (выражение М. А. Беляева²), исходной концептуальной моделью, принятой в качестве образца для решения исследовательских задач в области гражданского права³, и от восприятия которой зависит содержание идей и концепций, сущностно базирующихся на данной категории.

Однако предпринятый обзор современной отечественной юридической литературы обнаружил обратное: в российской науке на настоящий момент научная теория (т. е. обоснованная, концептуально организованная система научных представлений⁴) гражданского

¹ Умов А. И. Вещи, свойства и отношения. М. : Изд-во АН СССР, 1963.

² Беляев М. А. Современные парадигмы теории права // Вопросы экономики и права. 2009. № 9. С. 29.

³ Из понимания парадигмы как образца исходил, в частности, Т. Кун (Кун Т. Указ. соч. С. 243–244). Выделяют и иное значение термина «парадигма» – понимания ее как исследовательской традиции, которая обладает «известной протяженностью во времени и пространстве» и которую не выбирают, а «воспринимают и осваивают уже в процессе получения профессионального образования» (Резник Ю. М. Введение в социальную теорию: Социальная системология. М. : Наука, 2003. С. 25). В цивилистике таким образом интерпретирует парадигму, например, О. А. Кузнецова, указывая: «Под парадигмой понимается совокупность фундаментальных научных установок, представлений и терминов, принимаемых и разделяемых научным сообществом и объединяющих большинство его членов. Парадигма обеспечивает преемственность развития науки и научного творчества» (Кузнецова О. А. Гражданско-правовая ответственность: необходимость смены методологической парадигмы // Проблемы взыскания убытков в российском правовом порядке : сб. ст. 6-й ежегодн. междунар. науч.-практ. конф. «Коршуновские чтения» / отв. ред. Ю. С. Харитонов. М., 2016. С. 10–11).

⁴ Ушаков Е. В. Введение в философию и методологию науки : учебник. М. : Экзамен, 2005. С. 225.

оборота отсутствует¹, а категория «гражданский оборот» получает свою отрывочную доктринальную разработку и освещение лишь в контексте отдельных вопросов (главным образом, в рамках учения об объектах гражданских прав).

В данной связи необходимо затронуть еще один аспект, касающийся исследования гражданского оборота, – вопрос о научно-отраслевой принадлежности рассматриваемой категории, который не только непосредственно связан с ее содержательным наполнением, но и является существенным с позиций распределения бремени ее теоретической разработки. Так, признание гражданского оборота гражданско-правовой категорией возлагает решение данной задачи исключительно на цивилистов как представителей науки гражданского права. В случае причисления гражданского оборота к макроюридическому или межотраслевому понятийно-категориальному аппарату его доктринальная разработка в виде формирования соответствующей научной концепции (предтеории²) или теории становится уже делом, прежде всего, представителей общей теории права. При характеристике рассматриваемой категории как экономической либо экономико-правовой следует признать необходимым привлечение к решению данной задачи ученых-экономистов.

На первый взгляд, поскольку речь идет о *гражданском* обороте, ответственность за концептуальное обоснование его понимания на себя должны взять цивилисты. Однако помимо того, что подобное словоупотребление, несмотря на свою традиционность, не является однозначным (что будет обосновано в дальнейшем изложении), нельзя не учитывать и того, что понятие «гражданский оборот» широко используется не только в гражданском праве, и отдельные аспекты гражданского оборота составляют предметное поле различных отраслей правоведения: например, представители уголовно-правовой и криминологической науки разрабатывают вопросы незаконного гражданского оборота определенных видов объектов; проблема администрирования гражданского оборота интересует специалистов в

¹ На это справедливо указывает, в частности, В. А. Петрушкин, который пишет, что «в настоящее время в отечественной правовой науке не сложилось целостного, унифицированного представления о сущности гражданского оборота, т. е. отсутствует соответствующая правовая теория» (Петрушкин В. А. Системный анализ гражданско-правовой модели оборота недвижимости: проблемы теории и практики. С. 52).

² Резник Ю. М. Указ. соч. С. 23.

области административного права; феноменологически являясь по существу сферой, обеспечивающей пополнение бюджетов всех уровней, гражданский оборот «небезразличен» и для финансового, налогового права¹. Представляется, что *по мере усиления конвергенционных процессов в праве*, которые, по авторитетному мнению С. С. Алексеева, «по всем данным, останутся в качестве определяющей и, возможно, усиливающейся тенденции мирового правового развития»², *именно категория «гражданский оборот» сможет составить то базовое методологическое основание, которое позволит максимально отразить взаимосвязи и взаимозависимости различных частей системы права.*

Тезис о межотраслевой значимости категории «гражданский оборот», полагаем, является достаточно убедительным аргументом в пользу вывода о том, что она не является исключительно цивилистической. Но в таком случае она подлежит осмыслению и с общетеоретических позиций. Однако, не умаляя общего значения теории права как науки³, заметим, что теоретики права обратят внимание на данную проблему и приступят к ее разрешению не ранее, чем появится соответствующая отраслевая (в силу отмеченных причин – гражданско-правовая) научная теория гражданского оборота. Так было и с классификацией юридических фактов⁴, и с категорией «правоотно-

¹ «Ведь получать налоги и иные бюджетные доходы, – по точному замечанию Е. А. Суханова, – возможно лишь постольку, поскольку существуют юридические и физические лица, имеющие соответствующее имущество. А оно приобретается и используется ими в рамках гражданского (имущественного) оборота» (Суханов Е. А. Государство и гражданский оборот).

² Алексеев С. С. Линия права. М. : Статут, 2006. С. 117.

³ Хотя, увы, роль общей теории права сегодня во многом по-прежнему сводится к функции простого «трансформатора», состоящей в том, что «правовые понятия, первоначально разработанные в одной из специальных юридических наук и трансформировавшиеся благодаря своей общенаучной значимости в категории теории права, распространяются и на другие правовые науки, включаются как особый вариант общей правовой категории в их понятийный аппарат» (Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М. : Юрид. лит., 1976. С. 96).

⁴ Ныне общепризнанной в теории права и в иных отраслях, а изначально (в 1950 г.), предложенной и обоснованной О. А. Красавчиковым (Красавчиков О. А. Теория юридических фактов в советском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1950).

шение»¹, и с являвшейся в свое время предметом нашего научного интереса категорией «разумность»².

Сказанное никоим образом не отвергает значимости имеющихся теоретических исследований. Напротив, обобщение и осмысление изложенных в них позиций, выявление сходства и различий последних, возможных пробелов, является предпосылкой выработки отправных положений, способных составить основу построения необходимой теории гражданского оборота.

Анализ сложившихся в российской цивилистике подходов к пониманию гражданского оборота и будет предпринят далее.

В завершение настоящего параграфа изложим основные выводы, полученные в процессе исследования.

Обзор современной отечественной юридической литературы показывает, что изучение гражданского оборота носит *отрывочный* характер и предпринимается в контексте рассмотрения отдельных вопросов, *преимущественно в рамках учения об объектах гражданских прав*. Теория собственно гражданского оборота (т. е. обоснованная, концептуально организованная система научных представлений о нем) в российской науке отсутствует.

Между тем в силу принадлежности категории «гражданский оборот» к дисциплинарной матрице цивилистики, система знаний о гражданском обороте, фиксируемая в содержании данной категории, претендует на *парадигмальный статус*, т. е. на то, чтобы служить исходной концептуальной моделью, принятой в качестве образца для решения исследовательских задач в области гражданского права, и от восприятия которой зависит содержание идей и концепций, базирующихся на данной категории.

Учитывая, что фактические отношения участников гражданского оборота подпадают под действие не только гражданско-правовых норм, вследствие чего отдельные аспекты гражданского оборота составляют

¹ См. об этом: Васильев А. М. Указ. соч. С. 96.

² См.: Рогачев Д. Н. Разумность как общеправовая категория (проблемы теории, техники, практики) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Н. Новгород, 2010. Данной общетеоретической работе предшествовали: Виниченко Ю. В. Разумность в гражданском праве России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Иркутск, 2003 ; Волосатова Л. В. Принцип разумности в реализации субъективных гражданских прав : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03; 12.00.15. М., 2005 ; Борисова Л. В. Принцип разумности в российском гражданском процессе : учеб. пособие. М. : Юнити-Дана, 2008 ; и др.

предметное поле различных отраслей правоведения, выдвинут тезис, что по мере усиления конвергенционных процессов в праве именно категория «гражданский оборот» может составить то *базовое методологическое основание, которое позволит максимально отразить взаимосвязи и взаимозависимости различных частей системы права.*

§ 2. Подходы к определению категории «гражданский оборот» в отечественной цивилистике

Любая современная научная теория (концепция, идея), сколь бы «новой» и «революционной» она ни была, всегда имеет свое основание, т. е. «некое базисное знание о соответствующих объектах, выступающее как начало научной системы, как отправной пункт в их дальнейшем исследовании»¹: представляется бесспорным, что в настоящее время все предлагаемые решения тех или иных научных задач являются либо развитием ранее высказанных суждений и тезисов, либо покоятся на их критике или опровержении. При этом в сфере гуманитарных наук, в том числе и правоведения, ввиду невозможности экспериментальной верификации отдельных положений, указанное базисное знание нередко является неоднозначным, в связи с чем особую методологическую ценность обретает вопрос об имеющихся подходах к пониманию исследуемого объекта.

В цивилистической литературе неоднократно отмечалось, что существуют два основных подхода к пониманию гражданского оборота: в соответствии с первым, гражданский оборот есть совокупность юридических фактов; согласно второму, он представляет собой совокупность (гражданско-правовых) отношений².

Подобные определения, действительно, составляют большинство имеющихся дефиниций гражданского оборота.

Так, С. А. Муромцев писал, что «гражданский оборот есть совокупность всех актов распоряжения», совершаемых субъектами «в

¹ Керимов Д. А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. М. : Изд-во СГУ, 2009. С. 96.

² См., например: Красавчиков О. А. Советский гражданский оборот (понятие и основные звенья). С. 5 ; Полуяхтов И. А. Указ. соч. С. 13 ; Руденко А. В. Указ. соч. С. 108 ; Михайлова Н. С. Указ. соч. С. 10–11 ; Белов В. А. Гражданское право. Общая часть. Т. 2. С. 281 ; Галеева Р. Ф. Исключительное право: правовая природа и роль в гражданском обороте : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2011. С. 22.

данном гражданском обществе и в пределах гражданско-правового порядка»¹. Как «совокупность всех вообще юридических сделок, совершаемых членами данного гражданского общества», трактовал гражданский оборот Г. Ф. Шершеневич². С. Н. Братусь определял гражданский оборот как «совокупность сделок, административных актов и иных юридических фактов, в силу которых возникают гражданско-правовые имущественные отношения»³. По мнению Ю. Е. Туктарова, оборот в правоведении необходимо понимать как «совокупность актов передачи прав»⁴. А. В. Руденко полагает правильным относить к гражданскому обороту «активные, правомерные, волевые действия, которые обеспечивают переход права собственности», допуская включение в его содержание также тех действий, «которые сами по себе не переносят право собственности, но обеспечивают это, т. е. выполняют вспомогательные функции (например, договоры комиссии, поручения и пр.)»⁵. Гражданский оборот, в частности, драгоценных металлов и драгоценных камней Р. М. Олимова определяет как «совокупность гражданско-правовых сделок, оформляющих переход права собственности на драгоценные металлы и драгоценные камни»⁶. А. А. Морозов исходит из предположения, что гражданский оборот представляет собой «совокупность правомерных действий субъектов, осуществляемых в границах закрепленной за ними правосубъектности, направленных на перемещение в пространстве материальных и нематериальных благ, удовлетворяющих различные потребности участников правоотношений»⁷.

В. И. Синайский полагал, что гражданский оборот составляет «совокупность жизненных отношений (потребностей, интересов) как юридических отношений частноправового порядка»⁸. А. В. Дозорцев определял гражданский оборот как «совокупность отношений в сфере производства и обмена, регулируемых гражданским правом, независимо от того, возникли ли они из гражданско-правовой сделки, адми-

¹ См.: Муромцев С. А. Указ. соч. С. 67.

² Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 36.

³ Братусь С. Н. О понятии гражданского оборота в советском гражданском праве. С. 71.

⁴ Туктаров Ю. Е. Указ. соч. С. 113–114.

⁵ Руденко А. В. Указ. соч. С. 109.

⁶ Олимова Р. М. Указ. соч. С. 9.

⁷ Морозов А. А. Указ. соч. С. 34.

⁸ Синайский В. И. Указ. соч. С. 54–55.

нистративно-распорядительного акта или их сочетания»¹. По мнению О. А. Красавчикова, гражданский оборот представляет собой «совокупность гражданско-правовых имущественных обязательств, возникающих из правомерных действий, направленных на передачу имущества, выполнение работ и оказание услуг»². Б. Б. Эбзеев заключает, что гражданский оборот есть «совокупность гражданско-правовых отношений имущественного характера, существующих на определенной территории и возникающих на основании различного рода юридических фактов»³. А. В. Головизнин определяет гражданский оборот как «совокупность социальных связей в сфере экономической жизнедеятельности общества, возникающих в результате приобретения, пользования и передачи благ, которые, будучи урегулированными нормами гражданского права, обладают гражданско-правовыми формами»⁴. В понимании С. Б. Цветкова гражданский оборот – это «урегулированная нормами гражданского права совокупность общественных отношений, возникающих на основе заключаемых их участниками сделок или иных юридических фактов (юридических составов) в определенных сферах экономической деятельности (связанных с передачей имущества, выполнением работ, оказанием услуг, реализацией результатов интеллектуального труда, уплатой денежных средств) в целях удовлетворения материально-правовых интересов участников, содержанием которых являются их индивидуальные потребности»⁵. По мнению Р. А. Ражкова гражданский оборот представляет собой «совокупность гражданско-правовых обязательственных отношений, возникающих из правомерных действий, в рамках которых осуществляются приобретение и передача благ»⁶. Е. В. Шаповалова предлагает понимать под гражданским оборотом «совокупность относительных отношений, возникающих из различных юридических фактов и опо-

¹ Дозорцев А. В. Объекты права государственной социалистической собственности и их классификация. С. 57 ; Обзор заседаний Сектора гражданского права Всесоюзного института юридических наук. С. 72.

² Красавчиков О. А. Советский гражданский оборот (понятие и основные звенья). С. 20.

³ Эбзеев Б. Б. Гражданский оборот: понятие и юридическая природа. С. 35.

⁴ Головизнин А. В. Гражданско-правовое регулирование оборота культурных ценностей : дис. ... канд. юрид. наук. С. 88.

⁵ Цветков С. Б. Указ. соч. С. 154.

⁶ Ражков Р. А. Гражданско-правовое регулирование оборота валютных ценностей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Иркутск, 2007. С. 8.

средующих движение объектов гражданских прав от одного лица к другому»¹.

В то же время в цивилистической доктрине существуют и иные трактовки гражданского оборота. В частности, Ю. С. Гамбаров включал в его содержание «все учреждения и нормы, при посредстве которых совершается и обеспечивается удовлетворение разнообразных потребностей человека, требующих для этого, при разделении труда и ограниченности индивидуальных средств, содействия других людей»². С точки зрения Е. А. Суханова, гражданский оборот – это «совокупность сделок всех его (гражданского оборота. – Ю. В.) участников и возникающих на этой основе обязательственных отношений, юридически оформляющих экономические отношения товарообмена»³. И. А. Полуяхтов определяет гражданский оборот как юридическую форму экономического оборота, отражающую «процесс перехода субъективных имущественных прав участников гражданских правоотношений, основанный на совершении причинно-обусловленных распорядительных юридических поступков, а применительно к вещным договорам – распорядительных односторонних сделок»⁴. Л. А. Чеговадзе понимает под гражданским оборотом «движение вещей и требований, но наряду с ними и движение прав»⁵. Д. В. Жернаков относительно гражданского оборота земельных участков отмечает, что последний представляет собой «совокупность фактов изменения состояния принадлежности участка, находящегося на государственном кадастровом учете, субъектам как абсолютно (например, при купле-продаже), так и относительно (например, в случае аренды) в результате совершения сделок, а также в случае совершения иных юридических действий, предусмотренных гражданским законодательством и влекущих изменение правового режима земельного участка (фиксируемое в Едином государственном реестре прав), фактически (объективно) проявляющихся в перенесении в натуру проектов землеустройства с закреплением границ участка на

¹ Шаповалова Е. В. Указ. соч. С. 96.

² Гамбаров Ю. С. Указ. соч. С. 581.

³ Гражданское право : учебник. Т. 1 / отв. ред. Е. А. Суханов. М., 1998. С. 48 (автор раздела – Е. А. Суханов).

⁴ Полуяхтов И. А. Указ. соч. С. 7.

⁵ Чеговадзе Л. А. Структура и состояние гражданского правоотношения. М. : Статут, 2004. С. 40.

местности»¹. М. А. Астахова рассматривает гражданский оборот как «урегулированный нормами права процесс перехода различных благ»²; эту точку зрения разделяет И. В. Евстафьева, заключая, что гражданский оборот представляет собой «реализуемый в рамках оснований и способов, прямо предусмотренных гражданским законодательством или не запрещенных им, процесс перехода объекта гражданских прав, вследствие которого происходит постоянная или временная смена правообладателей»³. В. М. Баранов предлагает определение понятия «гражданско-правовой оборот природных ресурсов» как «возможности распоряжения данными объектами путем их передачи другим субъектам с учетом пределов и ограничений их оборотоспособности, установленных отраслевым законодательством»⁴. С. Н. Бритвин понимает под гражданским оборотом, в частности, арендных прав «совокупность сделок и других юридических фактов, влекущих переход этих прав к другому лицу, либо обременение арендных прав (зalog), а также совокупность возникающих на основе таких юридических фактов правоотношений»⁵. Е. В. Ельникова применительно к гражданско-правовому обороту застроенных земельных участков делает вывод, что он включает в себя «переход или изменение в установленном законом порядке прав на расположенные под строениями земельные участки в результате совершения гражданско-правовых сделок или иными гражданско-правовыми способами»⁶. Под гражданским оборотом земельных участков сельскохозяйственного назначения Т. А. Пасикова предлагает понимать «основанный на законе переход имущественных прав на земельные участки сельско-

¹ Жернаков Д. В. Указ. соч. С. 8.

² Астахова М. А. Оборот прав на результаты интеллектуальной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. С. 50–51. В более ранних работах гражданский оборот был определен автором несколько иначе – как «реализуемый в рамках оснований и способов, прямо предусмотренных законом либо не противоречащих ему, процесс перехода объектов гражданских прав» (см.: Астахова М. А. Оборот в гражданском праве: понятие, структура, разновидности. С. 6 ; *Ее же*. К вопросу о понятии гражданского оборота. С. 44).

³ Евстафьева И. В. Правовое регулирование международного оборота имущественных авторских прав : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Саратов, 2012. С. 34.

⁴ Баранов В. М. Указ. соч. С. 8.

⁵ Бритвин С. Н. Арендные права и их гражданский оборот : дис. ... канд. юрид. наук. С. 8, 98.

⁶ Ельникова Е. В. Указ. соч. С. 12, 25.

хозяйственного назначения от одного субъекта к другому в результате сделок, в порядке универсального правопреемства, а также посредством властно-распорядительных функций государственных органов и органов местного самоуправления»¹. По мнению В. А. Белова, гражданский оборот – «совокупность случаев смены носителей субъективных гражданских прав»². Н. С. Михайлова полагает, что гражданских оборот образуют «частные случаи правопреемства, рассмотренные в своей совокупности»³.

Изложенное позволяет заключить, что, во-первых, даже в рамках двух упомянутых подходов (гражданский оборот как совокупность юридических фактов и гражданский оборот как совокупность отношений) существуют различные интерпретации рассматриваемой категории, и, во-вторых, взгляды на гражданский оборот не исчерпываются двумя указанными подходами.

В связи с этим не вызывает сомнений, что картина представлений о гражданском обороте нуждается в корректировке. Например, В. А. Белов к числу «канонических воззрений на существо понятия гражданского оборота» относит и такую (третью) точку зрения, согласно которой гражданский оборот образует совокупность фактических общественных отношений, а также «синтетическую теорию» – точку зрения, которая объединяет в одно понятие гражданского оборота и сделки, и юридические, и фактические отношения⁴.

По нашему мнению, на основании предлагаемых в литературе определений все взгляды на гражданский оборот можно разделить на две группы, первую из которых составляют представления о рассматриваемом явлении как о некой совокупности, вторую – как о процессе перехода (движении).

Взгляды сторонников трактовки понятия гражданского оборота с привлечением понятия «совокупность» при этом распадаются на следующие виды (подгруппы), в свою очередь, также подлежащие дальнейшей градации:

1. Гражданский оборот как совокупность юридических фактов:

1) сделок (Г. Ф. Шершеневич, А. В. Руденко, Р. М. Олимова, А. А. Морозов);

¹ Пасикова Т. А. Указ. соч. С. 8.

² Белов В. А. Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота ... С. 76.

³ Михайлова Н. С. Указ. соч. С. 14.

⁴ См.: Белов В. А. Гражданское право. Общая часть. Т. 2. С. 281–282.

- 2) актов распоряжения (С. А. Муромцев, Ю. Е. Туктаров);
- 3) всех юридических фактов (С. Н. Братусь);
2. Гражданский оборот как совокупность отношений:
 - 1) общественных (фактических) отношений (В. И. Синайский, А. В. Дозорцев, А. В. Головизнин, С. Б. Цветков);
 - 2) гражданских правоотношений:
 - а) только обязательственных (О. А. Красавчиков, Р. А. Ражков, Е. В. Шаповалова);
 - б) всех имущественных (Б. Б. Эбзеев);
3. Гражданский оборот как совокупность и юридических фактов, и отношений (Е. А. Суханов, С. Н. Бритвин);
4. Гражданский оборот как совокупность норм и учреждений (Ю. С. Гамбаров);
5. Гражданский оборот как совокупность случаев смены правообладателя (Д. В. Жернаков, В. А. Белов).

Взгляды сторонников трактовки понятия гражданского оборота через призму понятия «переход» (процесс, движение) включают в себя три следующих вида (подгруппы):

1. Гражданский оборот как переход субъективных прав (и обязанностей) (И. А. Полуяхтов, Е. В. Ельникова, Т. А. Пасикова);
2. Гражданский оборот как переход объектов гражданских прав (М. А. Астахова, И. В. Евстафьева);
3. Гражданский оборот как переход и прав, и объектов (Л. А. Чеговадзе).

В целях удобства восприятия предложенную градацию взглядов российских ученых на гражданский оборот можно представить в виде таблицы.

Стоит обратить внимание на то, что отдельные из приведенных выше определений гражданского оборота сформулированы относительно непосредственно тех или иных видов объектов гражданских прав¹ либо, если и в общем виде, то на основании анализа лишь одного из видов объектов², в силу чего универсальность подобных дефиниций вызывает сомнения.

¹ В частности, определения С. Н. Бритвина, Е. В. Ельниковой, Д. В. Жернакова, Р. М. Олимовой, Т. А. Пасиковой.

² См., например: Михайлова Н. С. Указ. соч.

Гражданский оборот как совокупность	юридических фактов	сделок	
		актов распоряжения	
		всех юридических фактов	
	отношений	общественных (фактических, жизненных) отношений	
		гражданских правоотношений	только обязательственных
			всех имущественных
	юридических фактов и отношений		
	норм и учреждений		
случаев смены правообладателя			
Гражданский оборот как переход (процесс, движение)	субъективных прав и обязанностей		
	объектов гражданских прав (самих благ)		
	и объектов гражданских прав, и прав на них		

Признаем, небесспорно и причисление некоторых авторов к сторонникам определенного подхода, что во многом обусловлено противоречивостью их собственных суждений. Так, например, Е. В. Шаповалова сначала отмечает, что гражданский оборот следует рассматривать как совокупность относительных отношений, но далее пишет: «как и всякое движение, гражданский оборот имеет...»¹, в связи с чем однозначное определение позиции ученого – является она сторонником понимания гражданского оборота как совокупности отношений либо как движения (процесса перехода) – оказывается затруднительным. Не очевидно и то, совокупность каких – общественных либо гражданско-правовых – отношений образует, по мнению правоведа, гражданский оборот: в дефиниции гражданского оборота информации Е. В. Шаповалова указывает «совокупность гражданско-правовых отношений», однако в другой части работы отмечает, что отношения, составляющие гражданский оборот, «представляют собой динамическую часть предмета гражданского права»²; последний же, как известно, составляют общественные (жизненные, фактические) отношения.

Противоречивыми являются суждения Р. М. Олимовой, которая определяя гражданский оборот драгоценных металлов и драгоценных камней как совокупность гражданско-правовых сделок, пишет, что гражданско-правовое регулирование оборота данного вида объектов

¹ См.: Шаповалова Е. В. Указ. соч. С. 96, 98.

² См.: Там же. С. 12, 96.

представляет собой деятельность специально уполномоченных органов или должностных лиц «по выработке системы правовых норм и частичной ее реализации, приводящей к возникновению правоотношений, в совокупности составляющих гражданский оборот драгоценных металлов и драгоценных камней»¹. Аналогичным образом К. Н. Татаринцева, признавая понятие «оборот ценных бумаг» более узким по сравнению с понятием «гражданский оборот», указывает на то, что под оборотом акций следует понимать совокупность отношений участников рынка ценных бумаг, включая вместе с тем в его содержание «как сделки, опосредующие переход права собственности на акции (обращение акций), так и сделки, не связанные с переходом права собственности на них»².

И. В. Евстафьева на основании семантического анализа термина «оборот» сначала заключает, что ближе всего к сути гражданского оборота подошли ученые, придерживающиеся взгляда на данное явление как на «совокупность отношений в рамках гражданского права»³, однако далее делает вывод, что гражданский оборот представляет собой процесс перехода объекта гражданских прав⁴.

Сложно отнести к одному из выделенных выше подходов и позицию В. М. Баранова, по мнению которого гражданско-правовой оборот природных ресурсов заключается в возможности распоряжения такими объектами путем их передачи другим субъектам⁵. Не думаем, что отмеченная сложность вызвана неполнотой предпринятой нами систематики имеющихся взглядов на гражданский оборот, и полагаем, что подобное определение гражданского оборота вообще вряд ли может быть признано удачным, поскольку указание на возможность распоряжения, по существу, сводит рассматриваемую категорию к понятию субъективного права собственности, а точнее, к одному из правомочий содержания последнего.

Затруднительно определить место в приведенной выше группировке взглядов на гражданский оборот также позиции Н. С. Михайловой, которая отмечает, что гражданских оборот образуют частные

¹ Олимова Р. М. Указ. соч. С. 9.

² Татаринцева К. Н. Ограничения прав участников рынка ценных бумаг при обороте акций : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2013. С. 14.

³ Евстафьева И. В. Указ. соч. С. 32.

⁴ См.: Там же. С. 34.

⁵ См.: Баранов В. М. Указ. соч. С. 8.

случаи правопреемства, рассмотренные в своей совокупности¹. Использование термина «совокупность» дает основание для отнесения точки зрения данного автора к одному из выделенных видов первой группы взглядов – а именно к тому, в рамках которого гражданский оборот трактуется как совокупность случаев смены правообладателя. В то же время апелляция к категории правопреемства в ее традиционном понимании как перехода прав и обязанностей (а в самой работе проводится параллель именно с определением Б. Б. Черпахина), в равной мере допускает причисление Н. С. Михайловой к сторонникам иного подхода (гражданский оборот как переход субъективных прав и обязанностей). Опять же в итоговых выводах она определяет гражданский оборот как юридическую форму экономического оборота, включающую в себя правомерные, активные, волевые действия, обеспечивающие переход субъективных имущественных прав, а в случаях и в порядке, установленных законом, и иных прав², исходя из чего ее можно считать представителем подхода к пониманию гражданского оборота как совокупности сделок.

Кроме прочего, изложенное свидетельствует о том, что противопоставление тех или иных подходов является крайне условным и, несмотря на видимые различия всех предлагаемых в доктрине определений гражданского оборота, они имеют ряд общих моментов – именно для наглядности данного положения мы позволили себе столь обширное и полное цитирование отдельных авторских позиций.

Один из таких общих моментов касается признаков, включаемых в дефиниции понятия «гражданский оборот». Представляется, что по своей сути эти признаки являются тождественными³, просто в том или ином случае ученые по-разному расставляют акценты. Так, например, сторонники точки зрения, согласно которой гражданский оборот образует совокупность юридических фактов, нередко указывают, что вследствие них возникают гражданские правоотношения. Равно как, напротив, определяя гражданский оборот как совокупность правоотношений, ученые отмечают, что такие правоотношения возникают на основе тех или иных юридических фактов. Аналогич-

¹ См.: Михайлова Н. С. Указ. соч. С. 14.

² См.: Там же. С. 5, 13–14.

³ В данной связи не согласимся с М. А. Астаховой, которая отмечает принципиальные различия «в понимании как содержания гражданского оборота в целом, так и составляющих его элементов» (Астахова М. А. Оборот прав на результаты интеллектуальной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. С. 50).

ным образом, считая, что гражданский оборот является неким процессом, правоведы подчеркивают, что основанием этого процесса являются сделки или иные юридические факты, а рассматривая гражданский оборот как совокупность юридических фактов, признают, что он есть, прежде всего, юридическая форма, опосредующая переход имущества.

Общность имеющихся точек зрения относительно понятия гражданского оборота отмечал еще О. А. Красавчиков, указывая, в частности, на то, что в своих суждениях ученые «отправляются по существу от одного и того же положения, а именно – от оборотоспособности вещей, от участия тех или иных объектов в обороте»¹. Справедливость данного замечания актуальна и в настоящее время: именно положения об оборотоспособности, включая правила ст. 129 ГК РФ «Оборотоспособность объектов гражданских прав», обычно являются сегодня «исходной точкой» при формулировании понятия гражданского оборота².

В современных условиях это означает принципиальную идентичность используемой различными учеными методологии исследования гражданского оборота, которую в общем виде можно обозначить как юридический нормативизм.

О преобладании нормативистского подхода в изучении гражданского оборота свидетельствует, в частности, то, что, обосновывая необходимость дальнейшего исследования данной категории, ученые нередко указывают на сложность и новизну «многих “практических” институтов гражданского права, вновь созданных или усовершенствованных Гражданским кодексом РФ», и апеллируют к «современному законодательному материалу»³, ратуют за необходимость законодательного определения понятия «гражданский оборот»⁴.

¹ Красавчиков О. А. Советский гражданский оборот (понятие и основные звенья). С. 5.

² См., например: Галеева Р. Ф. Исключительное право: правовая природа и роль в гражданском обороте : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 22–23 ; Евстафьева И. В. Указ. соч. С. 31 ; Ельникова Е. В. Указ. соч. С. 21 ; Романова В. В. Указ. соч. С. 51 ; Шаповалова Е. В. Указ. соч. С. 91–92.

³ См., например: Полуяхтов И. А. Указ. соч. С. 4, 28.

⁴ Так, «очередным упущением законодателя» считает отсутствие нормативного определения гражданского оборота в действующем ГК РФ В. С. Белых. «Как можно построить модели тех или иных гражданско-правовых норм, – пишет ученый, – если используемый при этом термин не раскрывается. Что значит “объекты, изъятые из оборота” или “объекты, ограниченно оборотоспособ-

В качестве аргумента в пользу такой оценки характера исследований гражданского оборота заметим также, что толчок к развитию учение о гражданском обороте в отечественной цивилистике получило в контексте известной дискуссии о предмете гражданского права, т. е. с позиций построения системы гражданско-правовых норм, регламентирующих экономические отношения. Именно тогда сформировался и преобладающий ныне взгляд на гражданский оборот как на правовую надстройку к экономическому базису, правовую форму, юридическое отражение экономического оборота¹.

Тесно связанным с указанным (формальным) подходом² является еще один дискуссионный в отечественной цивилистике вопрос — об объектах гражданского оборота. Так, широко признанной в российской науке гражданского права является позиция, согласно которой объектами гражданского оборота, в отличие от оборота экономического, являются не сами объекты гражданских прав, т. е. не те или иные блага, а имущественные права на них; блага же выступают объектами экономического оборота³. В то же время имеется немало представителей противоположной точки зрения⁴, среди которых, од-

ные”)? Конечно, здесь можно прибегнуть к толкованию, в том числе судебному. Но лучше, на наш взгляд, сформулировать легальное определение понятия “гражданский оборот”, исключив ненужные споры» (*Белых В. С.* Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России [Электронный ресурс]. М. : Проспект, 2009. § 5 гл. 6. Режим доступа: справ.-правовая система «КонсультантПлюс»). См. также: *Михайлова Н. С.* Указ. соч. С. 5, 16 ; *Руденко А. В.* Указ. соч. С. 109 ; *Цветков С. Б.* Указ. соч. С. 154.

¹ *Братусь С. Н.* О понятии гражданского оборота в советском гражданском праве. С. 71 ; *Его же.* Предмет и система советского гражданского права. С. 68–69 ; *Красавчиков О. А.* Советский гражданский оборот (понятие и основные звенья). С. 10 ; *Астахова М. А.* Оборот в гражданском праве: понятие, структура, разновидности. С. 5 ; *Михайлова Н. С.* Указ. соч. С. 3, 5 и др. ; *Полухтов И. А.* Указ. соч. С. 11 ; *Цветков С. Б.* Указ. соч. С. 154 ; и др.

² Подробнее о котором см. следующие параграфы монографии.

³ См.: *Красавчиков О. А.* Советский гражданский оборот (понятие и основные звенья). С. 26 ; *Туктаров Ю. Е.* Указ. соч. С. 114 ; *Белов В. А.* Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота... С. 76 ; *Рыбалов А. О.* Указ. соч. С. 90–92.

⁴ В частности, в юридической литературе к объектам гражданского оборота относят предприятие как имущественный комплекс (Российское гражданское право : учебник. Т. 1 / под ред. Е. А. Суханова. М., 2011. С. 310), драгоценные металлы и драгоценные камни (*Рутковская О. А.* Драгоценные металлы и драгоценные камни как объекты гражданского оборота на внутреннем и меж-

нако, нет единства относительно того, какие именно блага относятся к объектам гражданского оборота. Например, по мнению Б. И. Пугинского, в состав гражданского оборота современное гражданское законодательство включает «любые отношения по передаче имущества»¹ (1). В. В. Романова понимает гражданский оборот как оборот объектов гражданских прав², относя, таким образом, к объектам гражданского оборота не только имущество, но вообще все объекты гражданских прав (2). По мнению Р. Ф. Галеевой, «исходя из смысла закона, категорию объектов гражданского оборота составляют способные к отчуждению объекты гражданских прав, за исключением объектов, ограниченных или исключенных из оборота по указанию закона»³ (3).

В данной связи обращает на себя внимание и небезосновательное, на наш взгляд, замечание Е. В. Шаповаловой, которая, анализируя гражданско-правовые формы оборота информации, пришла к выводу, что последняя включается в оборот «как таковая, а не ее материальные носители и не права на нее»⁴. То, что информация является «“товаром”, на который направлены правоотношения сторон» отмечают и другие авторы⁵. Иную позицию занимает М. А. Рожкова, по мнению которой, информация, имеющая экономическую ценность, являясь нематериальным объектом, не может становиться предметом гражданско-правовых сделок и переходить от одного лица к другому; оборотоспособны и отчуждаемы имущественные права на такую информацию (отдельно – на материальные носители этой информа-

дународном рынках : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2013. С. 4, 5, 7, 13, 16 и др.).

¹ Пугинский Б. И. Коммерческое право России : учебник. М. : Зерцало-М, 2005. С. 57.

² См.: Романова В. В. Указ. соч. С. 52.

³ Галеева Р. Ф. Исключительное право: правовая природа и роль в гражданском обороте : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 22.

⁴ Шаповалова Е. В. Указ. соч. С. 62 ; *Ее же*. Гражданско-правовые формы оборота информации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2008. С. 17. Заметим, гражданско-правовой оборот в позиции ученого включается в понятие оборота.

⁵ См., например: Полищук Е. В. Риелтор – продавец информации или посредник на рынке жилой недвижимости? // Услуги: проблемы правового регулирования и судебной практики : сб. науч.-практ. ст. / [Редкол.: Н. Ф. Качур, М. В. Кратенко (отв. ред.), С. Н. Мальтов]. М. : Волтерс Клувер, 2007. С. 112.

ции)¹. Представляется, что особые свойства информации как сведений о чем-либо (в частности, их нематериальная форма, физическая неотчуждаемость, способность находиться в одновременном обладании неограниченного круга лиц), действительно, обуславливают ее принципиальную способность к самостоятельному переходу (распространению), т. е. в отрыве от того материального носителя, в котором сведения могут быть зафиксированы, и невзирая на тот или иной правовой режим этих сведений (как нематериального блага – например, личной и семейной тайны либо как интеллектуальной собственности – ноу-хау). При этом ограничивать имеющийся массив информации лишь сведениями, охраняемыми в режиме тайны, а именно в таком виде информация незримо закреплена ныне в ст. 128 ГК РФ «Объекты гражданских прав»², по нашему мнению, неверно. Полагаем, что с позиций гражданско-правового регулирования значимыми являются и иные сведения – в частности, общедоступная информация³, включенность которой в гражданский оборот видится бесспорной⁴, но получение, предоставление и распространение которой пере-

¹ Рожкова М. А. Информация как объект гражданских прав, или Что надо менять в гражданском праве [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2018. 6 нояб. URL: https://zakon.ru/blog/2018/11/06/informaciya_kak_obekt_grazhdanskih_prav_ili_chto_nado_menyat_v_grazhdanskom_prave.

² Относительно включения («возврата») информации в легальный перечень объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ) согласимся с М. А. Рожковой, полагающей, что «попытка “загрузить” в статью 128 ГК все то, что приобрело или способно приобрести экономическую ценность – тупиковый путь» (Рожкова М. А. Указ. соч.).

³ К которой в соответствии с нормой п. 1 ст. 7 федерального закона РФ (далее – ФЗ РФ) от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (Собр. законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448) относятся общеизвестные сведения и иная информация, доступ к которой не ограничен.

⁴ Элементарно, это информация об объектах и субъектах гражданского оборота, поиск, в том числе обмен которой, как правило, предваряет абсолютное большинство гражданско-правовых сделок. Правовое регулирование соответствующих отношений заключается в установлении правового режима определенных сведений – либо путем законодательного провозглашения их общедоступности, неограниченности доступа к ним, либо путем возложения юридической обязанности их предоставления и, соответственно, наделения коррелирующим такой обязанности субъективным правом на получение информации. Так, в ст. 5 ФЗ РФ от 29.07.2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» (Собр. законодательства РФ. 2004. № 32. Ст. 3283) установлен перечень сведений, в отношении

ходом права на нее от одного лица к другому, тем не менее, не является. Отсюда следует, что формулировка «объекты гражданского оборота – не сами блага, а права на них» не является столь универсальной, поскольку не обнимает всех возможных субстанций, вовлеченных в гражданский оборот, например, информации.

Неоднозначным является также вопрос о соотношении гражданского оборота с иными смежными выражениями и соответствующими им понятиями, такими как «оборот», «коммерческий оборот», «торговый оборот», «предпринимательский оборот», «хозяйственный оборот». В юридической литературе их четкое разграничение проводится далеко не всегда, а нередко данный вопрос вовсе обходят мол-

которых лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, не может быть установлен режим коммерческой тайны (это, в частности, сведения: содержащиеся в учредительных документах юридического лица, документах, подтверждающих факт внесения записей о юридических лицах и об индивидуальных предпринимателях в соответствующие государственные реестры; содержащиеся в документах, дающих право на осуществление предпринимательской деятельности; о составе имущества государственного или муниципального унитарного предприятия, государственного учреждения и об использовании ими средств соответствующих бюджетов; о загрязнении окружающей среды, состоянии противопожарной безопасности, санитарно-эпидемиологической и радиационной обстановке, безопасности пищевых продуктов и других факторах, оказывающих негативное воздействие на обеспечение безопасного функционирования производственных объектов, безопасности каждого гражданина и безопасности населения в целом; о численности, о составе работников, о системе оплаты труда, об условиях труда, в том числе об охране труда, о показателях производственного травматизма и профессиональной заболеваемости, и о наличии свободных рабочих мест; о задолженности работодателей по выплате заработной платы и социальным выплатам; об условиях конкурсов или аукционов по приватизации объектов государственной или муниципальной собственности; о размерах и структуре доходов некоммерческих организаций, о размерах и составе их имущества, об их расходах, о численности и об оплате труда их работников, об использовании безвозмездного труда граждан в деятельности некоммерческой организации; о перечне лиц, имеющих право действовать без доверенности от имени юридического лица). Согласно норме п. 1 ст. 495 ГК РФ продавец обязан предоставить покупателю необходимую и достоверную информацию о товаре, предлагаемом к продаже, соответствующую установленным законом, иными правовыми актами и обычно предъявляемым в розничной торговле требованиям к содержанию и способам предоставления такой информации. Безусловно, объектом гражданских прав определенных (конкретных) субъектов указанные выше сведения не являются, что, однако, не означает их отсутствия в качестве объекта в гражданском обороте.

чанием. Так, в одном из современных отечественных учебников по гражданскому праву отмечается, что гражданское право «охватывает важнейшую (основополагающую) область жизни современного общества, которую нередко именуют экономическим базисом», но тут же указывается, что гражданское право регулирует, в том числе, «отношения гражданского оборота»¹. Используются в данном издании и такие понятия, как: «экономический оборот», оперативность которого, как отмечается, обеспечивает возможность совершать устные сделки²; «динамика оборота», которую, по мнению авторов, опосредуют обязательственные отношения³. Дефиниций приведенных понятий в данном учебнике нам обнаружить не удалось. В другом учебном издании по гражданскому праву при освещении вопроса о формах участия государства в гражданском обороте, наряду с выражением «гражданский оборот», судя по контексту, как тождественный используется термин «оборот», притом, однако, что в другой части данной работы достаточно подробно рассматриваются отношения экономического оборота⁴. В одном из учебников по предпринимательскому праву отмечается, что «в юридической науке различают: экономический оборот, коммерческий оборот, гражданский оборот», однако в другой части данной работы содержится выражение «нормальные условия деятельности участников экономических отношений (гражданского оборота)»⁵, не позволяющее однозначно определить, разграничивают или отождествляют авторы понятия экономического и гражданского оборота.

Массу примеров отмеченной терминологической непоследовательности можно привести, анализируя научную литературу. Так, И. В. Евстафьева, обращаясь к понятию гражданского оборота, прежде всего отмечает, что дать определение такой характеристике объекта гражданских прав, как «оборотоспособность» можно через понятие

¹ Гражданское право : учебник. Т. 1 / под общ. ред. С. А. Степанова. С. 20 (авторы раздела – С. С. Алексеев, С. А. Степанов).

² См.: Там же. С. 223 (авторы – те же).

³ См.: Там же. С. 486 (авторы раздела – И. З. Аюшева, В. В. Голофаев, Е. О. Сурис).

⁴ См.: Гражданское право : учебник. Т. 1 / под ред. Ю. К. Толстого. С. 223–246 (§ 2 гл. 8, автор раздела – А. А. Иванов), 568–569 (§ 1 гл. 24 «Понятие, система и основания возникновения обязательств», автор раздела – Н. Д. Егоров).

⁵ См.: Предпринимательское право России : учебник / отв. ред. В. С. Бельх. М. : Проспект, 2009. С. 630, 617–618.

«оборот» и далее пишет: «Прямого определения понятия “гражданский оборот” ГК РФ не содержит»¹. Логика суждений автора ставит под сомнение четкое разграничение им понятий «оборот» и «гражданский оборот». М. А. Зинковский делает вывод о необходимости признания монет, выполненных из драгоценных металлов, «не вышедших из оборота как законное платежное средство, в качестве денег», отмечая далее, что безналичные драгоценные металлы «в гражданском обороте» не являются вещами². Как соотносит автор понятия «оборот» и «гражданский оборот» и что вкладывает в содержание каждого из них – остается неясным. Открытым оставляет данный вопрос и Н. С. Филимонов, обозначая при этом один из разделов своей работы «Общее понятие гражданского оборота лесных участков и ограничения оборота лесных участков» и начиная его изложение словами: «Под оборотом лесных участков и лесных насаждений, как уже было указано, понимаются установленные законодательством правила перехода прав на них от одного лица к другому»³. Заметим, что «заявленного» автором общего определения гражданского оборота лесных участков нам обнаружить так и не удалось. В то же время использование в приведенном выше определении понятия оборота лесных участков выражения «переход прав» позволяет предположить, что речь идет именно о гражданском обороте лесных участков.

В данной связи нельзя не заметить, что широко признанное определение гражданского оборота как перехода прав нередко кладется в основу трактовки иных понятий: как отношения по переходу прав определяет экономический оборот нефти Ю. Н. Нестерчук⁴; переход прав на земельные участки представляет собой (просто, а не гражданский) оборот земельных участков, по мнению В. В. Романовой, которая аналогичным образом – как переход прав – определяет и такое понятие, как «земельный оборот»⁵.

¹ Евстафьева И. В. Указ. соч. С. 31.

² См.: Зинковский М. А. Гражданско-правовое регулирование договорных отношений в сфере оборота драгоценных металлов в обезличенной форме : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Краснодар, 2010. С. 7, 10.

³ Филимонов С. Н. Указ. соч. С. 41.

⁴ См: Нестерчук Ю. Н. Правовой режим нефти как объекта экономического оборота : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2012. С. 7–8.

⁵ См.: Романова В. В. Указ. соч. С. 11, 62. При этом в другой части своей работы ученый отмечает, что «оборот земельных участков – упорядоченные посредством правовых установлений товарно-денежные общественные отношения (сделки), складывающиеся в условиях рынка» (см.: Там же. С. 57), сме-

Но даже если отграничение гражданского оборота от иных понятий проводится, отдельным ученым не всегда удается быть до конца последовательными в части словоупотребления. Так, Н. С. Михайлова, указывая на необходимость разграничения гражданского и экономического оборота, тут же пишет, что «остается неустановленной связь оборота с направленностью воли его участников и правомерностью их действий»¹. Не является очевидным, понимает ли при этом автор под «оборотом» гражданский либо экономический оборот (возможный контраргумент о стилистической красоте текста – использование термина «оборот» взамен «гражданский оборот» во избежание повтора – здесь, полагаем, неуместен).

Нередко сопоставляются понятия, отвечающие различным критериям, что явно некорректно. В качестве примера можно привести соотношение таких понятий, как «гражданский оборот» и «оборот ценных бумаг»². Порочность их сопоставления усматривается в том, что понятие «гражданский оборот» указывает на признак отражаемого в данном понятии явления (какой оборот), в то время как в основании понятия «оборот ценных бумаг» лежит предметный критерий (оборот чего). Исходя из этого, подобные понятия являются несоотнесимыми.

Неточности и отсутствие терминологического единообразия, имеющиеся в рамках отдельных работ, дополняет различное решение вопроса о соотношении гражданского оборота с иными смежными понятиями, предлагаемое разными авторами.

Так, относительно корреляции понятий «гражданский оборот» и «имущественный оборот» можно выделить следующие, кардинально противоположные точки зрения:

1) что более широким является понятие имущественного оборота, поскольку оно охватывает не только гражданско-правовые явления, но и правовые формы бюджетных, налоговых, таможенных и т. п. отношений³;

шивая, таким образом, в понимании рассматриваемой им категории различные подходы.

¹ Михайлова Н. С. Указ. соч. С. 13.

² См.: Татаринцева К. Н. Указ. соч. С. 14.

³ См.: Белов В. А. Гражданское право. Общая часть. Т. 2. С. 282.

- 2) что, напротив, понятие гражданского оборота как оборота (всех) объектов гражданских прав шире понятия имущественного оборота как оборота только имущества, в том числе имущественных прав¹;
- 3) что рассматриваемые понятия являются тождественными².

По-разному решается и вопрос о соотношении гражданского и экономического оборота:

1) широко признанным является уже отмеченное понимание гражданского оборота как правовой формы экономического оборота;

2) в то же время в современной литературе высказываются и иные мнения, в частности, приведенная выше точка зрения А. А. Морозова, согласно которой гражданский оборот является частью экономического оборота; аналогичный тезис отстаивает В. А. Петрушкин³;

3) кардинально противоположную позицию занимает Е. В. Шаповалова, полагающая, что гражданский оборот по отношению к экономическому обороту, напротив, является «целым»⁴.

Не во всем совпадают взгляды ученых также относительно соотношения понятий «гражданский оборот» и «коммерческий оборот».

Последнее из указанных понятий в одних случаях используется как тождественное понятию «торговый оборот». Из такого понимания исходит, например, Б. И. Пугинский, отмечая, в частности, что

¹ См.: Романова В. В. Указ. соч. С. 52–53. См. также: Ельникова Е. В. Гражданско-правовой оборот земельных участков под строения в России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Волгоград, 2006. С. 12.

² Например, Б. И. Пугинский, анализируя вопрос о соотношении гражданского и торгового оборота, заключает: «Понятие гражданского (имущественного) оборота является более широким» (см.: Пугинский Б. И. Указ. соч. С. 57). Помещение термина «имущественный» в скобках после слова «гражданский» позволяет сделать вывод, что понятия гражданского и имущественного оборота ученым отождествляются. В качестве равнозначных использовал, как представляется, выражения «имущественный оборот» и «гражданский оборот» С. В. Моргунов, который, в частности, писал: «имущественный оборот есть гражданские правоотношения собственников. В связи с этим не совсем корректно будет отождествлять ограничение виндикации с ограничением права собственности, поскольку собственник, имея имущественный интерес, участвует в гражданском обороте» (Моргунов С. В. Виндикация в гражданском праве. Теория. Проблемы. Практика. М. : Статут, 2006. С. 34).

³ См.: Петрушкин В. А. Системный анализ гражданско-правовой модели оборота недвижимости: проблемы теории и практики. С. 9, 53.

⁴ См.: Шаповалова Е. В. Гражданско-правовые формы оборота информации : дис. ... канд. юрид. наук. С. 100.

содержанием курса коммерческого права является изучение правового регулирования «коммерческой, или, что одно и то же, торговой, деятельности»¹: поскольку в качестве равнозначных ученых использует понятия коммерческой и торговой деятельности, следовательно, тождественными должны признаваться и понятия коммерческого и торгового оборота. В вопросе о соотношении торгового и гражданского оборота Б. И. Пугинский разделяет точку зрения Г. Ф. Шершеневича, указывая, что «сущностью торгового оборота является движение товаров на возмездной основе от изготовителя к потребителю. Понятие гражданского (имущественного) оборота является более широким»². Исходя из приведенной выше трактовки коммерческой деятельности, понятие гражданского оборота, по мнению Б. И. Пугинского, является более широким и по отношению к понятию коммерческого оборота.

М. Н. Илюшина также отмечает, что понятие коммерческого оборота по сравнению с понятием гражданского оборота является значительно более узким. В то же время она иначе обозначает критерий (признак), по которому осуществляется сопоставление данных понятий, а именно считает понятие коммерческого оборота более узким, поскольку он «имеет меньший круг участников, обладающих специальной общеправовой целью, и, соответственно, охватывает меньший круг общественных отношений»³. Подобная трактовка сближает понятие коммерческого оборота с иным понятием – «предпринимательский оборот».

Такая неоднозначность термина «коммерческий», понимаемого и как «торговый», и как «предпринимательский», обнаруживается и при обращении к учебной литературе по гражданскому праву, в которой применительно, правда, не к обороту, а к системе правовых норм отмечается: «В российском праве никогда не выделялось самостоятельное **коммерческое (торговое) право** (выделено автором. – Ю. В.), поскольку для его обособления не было ни исторических, ни социально-политических причин. Конечно, развитая предпринимательская (коммерческая) деятельность немыслима без публично-правового контроля и ряда необходимых ограничений, которые, од-

¹ Пугинский Б. И. Указ. соч. С. 5, 9.

² Там же. С. 57.

³ Илюшина М. Н. Правовой режим сделок в коммерческом обороте и в обороте долей хозяйственных обществ: общее и особенное : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. С. 28–29.

нако, не меняют природы коммерческого права как частного, не отменяют действия общих принципов частного права. В отечественном правовом порядке коммерческое (торговое) право следует рассматривать в качестве подотрасли (составной части) гражданского права»¹.

В цитируемом учебнике содержится еще одно примечательное с позиций настоящего исследования выражение – «предпринимательское (хозяйственное) право»², буквальное толкование которого позволяет сделать вывод об идентичности понятий предпринимательского и хозяйственного оборота. При этом можно заметить, что в более раннем издании данного учебника прямо указывалось на то, что «предпринимательский оборот – часть гражданского оборота, совокупность соответствующих отношений с участием предпринимателей (профессиональных участников имущественного оборота)»³. С таким подходом не соглашается В. А. Белов, по мнению которого отнесение к гражданскому обороту, как его части, предпринимательского оборота ведет к отождествлению понятий гражданского и имущественного оборота, что является неверным⁴. Хозяйственный оборот В. А. Белов именуется также планово-административным и отмечая, что он противостоит гражданскому обороту, указывает на то, что хозяйственный оборот (так же, как и гражданский) выступает правовой формой экономического оборота, однако в отличие от гражданского оборота основан не на гражданском (частном), а на «публичном (государственном или корпоративном) организующем начале (начале его регулирования извне, “сверху”)»⁵. Иную позицию занимал В. П. Мозолин, который называл понятие гражданского оборота, базирующееся на «частноправовом чисто цивилистическом подходе при определении его юридической сущности» устаревшим и считал необходимым заменить понятие «частный оборот» на «экономический» или «имущественный»⁶. Ученый критически оценивал положе-

¹ Российское гражданское право : учебник. Т. 1 / под ред. Е. А. Суханова. М., 2011. С. 62.

² Там же.

³ Гражданское право : учебник. Т. 1 / под ред. Е. А. Суханова. М., 2004. С. 67.

⁴ См.: Белов В. А. Гражданское право. Общая часть. Т. 2. С. 281–282.

⁵ См.: Там же. С. 283.

⁶ Мозолин В. П. О макро- и микроправовом регулировании комплексных имущественных отношений в сфере экономики // Новое в гражданском законодательстве: баланс частных и публичных интересов : материалы для 7-х Ежегод. науч. чтений памяти проф. С. Н. Братуся / отв. ред. Н. Г. Доронина. М. :

ния и правовые нормы ГК РФ «об исключительно автономном характере действия Кодекса, игнорирующего комплексный характер его функционирования на совместной основе с другими правовыми общностями, входящими в систему российского права», и, в частности, писал: «Разумеется, остается правильным то, что комплексную основу правового регулирования современного экономико-рыночного оборота товаров продолжают составлять гражданско-правовые принципы, присущие частному праву. Это принципы равноправия участвующих в обороте товаров субъектов права и принцип свободы договора. Вместе с тем нельзя не учитывать воздействия на формирование и функционирование рыночных отношений государства при использовании им норм публичного права (антимонопольное законодательство и др.)»¹.

В ряде случаев вопрос о соотношении гражданского оборота с иными смежными понятиями ученые непосредственно не анализируют, однако общий контекст суждений авторов позволяет определить их позицию по данному вопросу. Например, Е. В. Шаповалова отмечает несовершенство правового регулирования «оборота информации, в том числе гражданско-правового»². Подобная формулировка, как представляется, означает, что понятие «оборот», по мнению цивилиста, является более широким по объему и содержанию, а понятие «гражданско-правовой оборот (гражданский оборот)» включается в понятие оборота. Е. А. Суханов пишет, что «экономическое понятие товара как объекта товарного (имущественного) оборота в гражданском праве воплощается не только в вещах, но и в иных, в том числе нематериальных, объектах»³. Выражение «товарного (имущественного) оборота» позволяет заключить, что ученый рассматривает понятия «товарный оборот» и «имущественный оборот» как равнозначные, а указание на то, что «гражданский оборот носит имущественный, товарный характер»⁴, дает основание для вывода, что тожде-

Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации ; Юриспруденция, 2012. С. 23.

¹ Там же.

² Шаповалова Е. В. Гражданско-правовые формы оборота информации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 4.

³ Российское гражданское право : учебник. Т. 1 / отв. ред. Е. А. Суханова. М., 2011. С. 301 (автор раздела – Е. А. Суханов).

⁴ Там же. С. 174.

ственными признаются все три понятия – «гражданский оборот», «имущественный оборот», «товарный оборот».

Говоря о подходах к определению рассматриваемой категории, следует также отметить имеющуюся в доктрине позицию о возможности «широкого» и «узкого» понимания гражданского оборота.

Обратившись в свое время к анализу категории «гражданский оборот» в связи с исследованием проблемы разумности в гражданском праве, мы указали на необходимость введения таких понятий, как «гражданский оборот в узком смысле» (включающий только относительные, в частности, обязательственные правоотношения) и «гражданский оборот в широком смысле» (включающий наряду с относительными также абсолютные правоотношения)¹. Несколько позднее подтверждение справедливости вывода о возможности такого (широкого и узкого) понимания гражданского оборота мы нашли в юридической литературе. Так, С. Н. Бритвин отметил отсутствие в научной литературе существенных причин для «узкого» понимания гражданского оборота, а именно ограничения последнего лишь сделками по передаче права собственности. Считая сужение понятия «гражданский оборот» необоснованным, ученый признал справедливой позицию Б. Б. Эбзеева, по мнению которого в гражданский оборот включается любая гражданско-правовая сделка, которая влечет обременение имущества новыми правами либо связана с переходом прав на имущество, либо с переходом самого имущества от одного лица к другому². В. А. Белов также пришел к выводу, что «термин “гражданский оборот” может употребляться в двух несколько отличающихся смыслах – узком и широком». Однако ученый иначе определил содержание названных смысловых компонентов термина. По его мнению, «гражданский оборот в узком (собственном) смысле слова – это совокупность случаев смены носителей субъективных гражданских прав; прибавив к этой совокупности еще и подсистему, состоящую из случа-

¹ См.: Виниченко Ю. В. Отдельные аспекты проблемы разумности в гражданском обороте // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2006. № 6. С. 60.

² См.: Бритвин С. Н. Арендные права и их гражданский оборот : дис. ... канд. юрид. наук. С. 97. Заметим, что сам Б. Б. Эбзеев в данной связи апеллирует к позиции Д. М. Генкина, полагавшего, что в понятие оборота входят не только сделки по переходу права собственности, но и другие гражданско-правовые сделки (Эбзеев Б. Б. Гражданский оборот: понятие и юридическая природа. С. 33).

ев частных ограничений и обременений субъективных гражданских прав, мы получим понятие гражданского оборота в широком смысле слова»¹. То, что содержание понятия «гражданский оборот» рассматривается в литературе в широком и узком значениях, отметил С. Б. Цветков². К сторонникам узкого понимания гражданского оборота он отнес А. В. Руденко³; к представителям широкого понимания – Д. В. Добрачева, А. С. Трифонова, Е. В. Ельникову, Э. Б. Эбзеева. По мнению самого ученого, гражданский оборот следует рассматривать в широком смысле «с включением в его содержание обязательств, как связанных, так и не связанных с передачей права собственности»⁴.

«Вполне традиционными» для правовой науки направлениями сочла «узкое» и «широкое» понимание гражданского оборота Е. В. Шаповалова, предложив вместе с тем свою интерпретацию данного вопроса. В частности, сторонники «узкого» направления, по ее мнению, считают, что под гражданским оборотом следует понимать «только совокупность возникающих из правомерных действий гражданско-правовых отношений», в то время как представители «широкого» направления рассматривают его «как совокупность гражданско-правовых отношений, порождаемых любыми юридическими фактами, в соответствии с которыми осуществляется переход благ от одного лица к другому»⁵. На основании изложенного можно заключить, что различие указанных направлений Е. В. Шаповалова усматривает в вопросе допустимости включения в гражданский оборот неправомерных действий, а не в том, объединяет ли гражданский оборот только отношения «динамики» либо в него следует включать также иные отношения, в частности, образующие «статику». Подтверждает это и итоговый вывод автора: «принципиальное отличие подходов к определению понятия “гражданский оборот” заключается в возмож-

¹ Белов В. А. Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота... С. 76.

² Цветков С. Б. Указ. соч. С. 152.

³ Цитируя вывод последнего о том, что «гражданский оборот по смыслу ГК РФ заключается в некоторых действиях по передаче объектов гражданских прав одним субъектом другому, что влечет за собой (по общему правилу) переход права собственности на этот объект» (см.: Цветков С. Б. Указ. соч. С. 152 ; Руденко А. В. Указ. соч. С. 107).

⁴ Цветков С. Б. Указ. соч. С. 152–153.

⁵ Шаповалова Е. В. Гражданско-правовые формы оборота информации : дис. ... канд. юрид. наук. С. 92.

ности отнесения событий и неправомерных действий к основаниям перехода объектов гражданских прав от одного лица к другому»¹.

В данной связи следует заметить, что далеко не все ученые связывают гражданский оборот с переходом объектов гражданских прав; напротив, классическим является подход, согласно которому объектами гражданского оборота признаются не сами объекты гражданских прав, а субъективные права (и обязанности) на них. Вопрос о допустимости включения в гражданский оборот неправомерных действий в цивилистике, действительно, является дискуссионным², однако разграничение всех имеющихся подходов к определению понятия гражданского оборота только на данном основании представляется ошибочным, что, полагаем, достаточно ярко иллюстрирует приведенная выше таблица.

Свое видение вопроса о «широком» и «узком» понимании гражданского оборота излагает также Р. Ф. Галеева, разделяя одновременно подход к пониманию гражданского оборота как совокупности правоотношений³. Отталкиваясь в суждениях от нормы п. 1 ст. 129 ГК РФ «Оборотоспособность объектов гражданских прав», она приходит к выводу, что гражданский оборот в узком смысле означает «непосредственный переход блага – его отчуждение от одного лица к другому (с прекращением полного абсолютного права у одного субъекта и возникновением аналогичного права у другого субъекта)»⁴, а в широком – «непосредственный оборот благ (отчуждение от одного лица

¹ Шаповалова Е. В. Гражданско-правовые формы оборота информации : дис. ... канд. юрид. наук. С. 95.

² Преобладают взгляды, согласно которым гражданский оборот включает только правомерные действия (см., например: Руденко А. В. Указ. соч. С. 109 ; Морозов А. А. Указ. соч. С. 34 ; Михайлова Н. С. Указ. соч. С. 5, 13–14) либо, при ином подходе, только гражданские правоотношения, порождаемые правомерными действиями (см., например: Красавчиков О. А. Советский гражданский оборот (понятие и основные звенья). С. 20 ; Ражков Р. А. Гражданско-правовое регулирование оборота валютных ценностей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 8). В то же время, по мнению отдельных ученых, гражданский оборот образуют определенные группы гражданско-правовых отношений, возникающих из различных (любых) юридических фактов, т. е. в том числе из правонарушений (см., например: Эбзеев Б. Б. Гражданский оборот: понятие и юридическая природа. С. 35, 33–34 ; Шаповалова Е. В. Гражданско-правовые формы оборота информации : дис. ... канд. юрид. наук. С. 97, 98–99).

³ См.: Галеева Р. Ф. Исключительное право: правовая природа и роль в гражданском обороте : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 22.

⁴ Там же. С. 23.

к другому), в том числе в порядке универсального правопреемства, а также случаи сингулярного и конститутивного правопреемства»¹. Близкой является позиция И. В. Евстафьевой, которая, демонстрируя отмеченный общий нормативистский характер исследований гражданского оборота, отмечает, что возможность понимания гражданского оборота в узком смысле – как «непосредственно переход объектов гражданских прав от одного лица к другому по основаниям, предусмотренным законом» – следует из толкования правил ст. 129 ГК РФ, а в широком смысле – как «совокупность гражданских правоотношений» – из толкования положений ст. 2 ГК РФ².

Обобщая приведенные суждения о «узком» и «широком» понимании гражданского оборота, следует признать, что их сходство заключается лишь в тождестве используемой терминологии. Содержательно же трактовки данного вопроса отдельными учеными, как можно увидеть, значительно разнятся.

Изложенное позволяет утверждать, что *в отечественной цивилистике отсутствует не только единое и общепризнанное определение понятия «гражданский оборот»³, но и единообразная трактовка сложившихся подходов к пониманию данной категории*. При этом говорить о том, что какие-то из подходов являются основными, а их определенная интерпретация – верной можно либо со ссылкой на «авторитеты» и «классиков», либо исходя из количества сторонников той или иной позиции. Полагаем, что ни первое, ни второе не является в данном вопросе достаточно убедительным аргументом; решать задачу определения истинного значения и направления познания гражданского оборота, на наш взгляд, нельзя ни априорно, ни, тем более, «математическим» путем.

В такой ситуации, как представляется, есть два возможных варианта понимания и познания гражданского оборота: 1) «принятие» и развитие каждым отдельным исследователем одного из сложившихся

¹ См.: Галеева Р. Ф. Исключительное право: правовая природа и роль в гражданском обороте : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 23.

² Евстафьева И. В. Указ. соч. С. 33.

³ Этот тезис, отнюдь, не нов и обычно не подытоживает, а, напротив, предваряет обзор имеющихся взглядов на гражданский оборот (см., например: Астахова М. А. Оборот прав на результаты интеллектуальной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. С. 48 ; Головизнин А. В. Гражданско-правовое регулирование оборота культурных ценностей : дис. ... канд. юрид. наук. С. 60 ; Шавалова Е. В. Гражданско-правовые формы оборота информации : дис. ... канд. юрид. наук. С. 92).

подходов, в том числе формулирование путем их синтеза или модификации некой «новой» дефиниции гражданского оборота; 2) критическое осмысление укоренившихся в доктрине протоззглядов на гражданский оборот через призму современных цивилистических концепций, отдельных законодательных положений и соответствующей правоприменительной практики.

В силу очевидного субъективного характера первого из указанных направлений, к тому же пагубного для науки как ведущего к релятивизму¹, более целесообразным и перспективным видится второе направление, предполагающее, подчеркнем, не столько критику отдельных воззрений на гражданский оборот, сколько объективное сопоставление, верификацию с позиций актуальной познавательной ситуации тезисов, ставших уже почти цивилистическими постулатами, т. е. воспринимаемых и воспроизводимых большинством современных ученых как нечто незыблемое, сомнению не подлежащее, без учета, однако, того общего юридино-мировоззренческого, законодательного и, как следствие, правоприменительного контекста, в котором подобные представления формировались.

Так или иначе, следует заключить, что *современная система знаний о гражданском обороте характеризуется разрозненностью, терминологической непоследовательностью, вариативностью как имеющихся дефиниций гражданского оборота, так и трактовки самих подходов к его пониманию.*

§ 3. Категория правовой формы как основание формального подхода к пониманию гражданского оборота

Как было отмечено, превалирующим в отечественной цивилистике является формальный подход к пониманию гражданского оборота, т. е. его восприятие как правового отражения, правовой формы экономического оборота². Исходя из этого, одной из ключевых категорий, лежащих в основании современных представлений о граждан-

¹ Подробнее об этом см.: Асланян Н. П. Об истине и плюрализме мнений в цивилистике (на примере теории охранительных правоотношений) // Защита частных прав: проблемы теории и практики : материалы 7-й ежегод. междунар. науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 3 дек. 2018 г.) / под ред. Н. П. Асланян, Ю. В. Виниченко. Иркутск : Изд-во БГУ, 2019. С. 6–9.

² Что, полагаем, отчасти связано с общей популярностью в отечественной литературе идеи правового отражения (см.: Тарасов Н. Н. Указ. соч. С. 35).

ском обороте, выступает категория правовой формы, от содержательного наполнения которой зависит и понимание гражданского оборота, в связи с чем мы сочли необходимым отдельно остановиться на ее рассмотрении.

В отечественной юриспруденции понятие «правовая форма» (и отражающий его термин) является широко используемым: так, по соответствующему поисковому запросу в электронном каталоге юридической научной библиотеки «Спарк» было обнаружено 2 537 релевантных работ (по состоянию на февраль 2019 г.). При этом, как показал анализ таких работ, крайне обширной является не только предметная сфера употребления (отраслевая принадлежность) данного понятия, но и его контекстный диапазон.

В частности, к термину «правовая форма» отечественные правоведы прибегают в рамках исследований по общей теории и истории права¹, по конституционному², административному³, финансовому⁴,

¹ См.: Батурина Ю. Б. Правовая форма и правовое средство в системе понятий теории права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2001 ; Калентьева Т. А. Правовые формы реализации экономической функции Российского государства в условиях перехода к рыночным отношениям : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Самара, 2000 ; Рябко А. И. Социальный контроль и его правовые формы: вопросы теории : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 1995.

² См.: Королева И. Н. Парламентский регламент как правовая форма регулирования порядка деятельности представительного органа государственной власти: российская и зарубежные модели : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. М., 2007 ; Гулордава Д. Современная конституционная монархия как демократическая и правовая форма правления // Право и жизнь. 2002. № 48. С. 338–344 ; Мирская О. А. Правовые формы и условия изменения конституционно-правового статуса и наименования субъекта Российской Федерации // Закон и право. 2013. № 3. С. 35–36.

³ См.: Матвеев С. П. Административные регламенты как правовая форма обеспечения социальной защиты государственных служащих // Административное право и процесс. 2011. № 12. С. 9–12.

⁴ См.: Артеменко Н. В. Правовые формы государственного регулирования предпринимательской деятельности // Финансовые и правовые проблемы РФ и пути их решения: теория и практика. Ч. 5. Иркутск, 2009. С. 33–35 ; Грачева Е. Ю. Правовая форма финансового контроля // Финансовое право. 2003. № 3. С. 3–6 ; Маркелов В. В. Правовая форма бюджетной деятельности субъектов Российской Федерации // Финансовое право. 2004. № 4. С. 38–41 ; Фролова Е. Е. Правовые формы и содержание государственного финансового контроля в сфере наличного денежного обращения // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2010. № 5. С. 160–164.

природоресурсному¹, гражданскому и предпринимательскому², жилищному³, международному публичному⁴ и международному частному⁵ праву, по уголовному и уголовно-исполнительному праву и криминологии⁶, криминалистике⁷.

¹ См.: *Налетов К. И.* Лицензирование и договорно-правовые формы пользования недрами в РФ и за рубежом : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06. М., 2006.

² См.: *Асосков А. В.* Правовые формы участия юридических лиц в международном коммерческом обороте. М. : Статут, 2003 ; *Натарова О. А.* Гражданско-правовой договор как правовая форма оказания платных образовательных услуг // Закон и право. 2009. № 12. С. 71–74 ; *Попондопуло В. Ф.* Правовые формы реализации инвестиционных соглашений с участием публично-правового образования // Правоведение. 2013. № 2. С. 79–92 ; *Томилова Л. Н.* Правовые формы и способы участия муниципального образования в предпринимательской деятельности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Саратов, 2003 ; *Чаркин С. А.* Крестьянское (фермерское) хозяйство как правовая форма осуществления субъективных прав граждан на предпринимательскую деятельность // Ученые записки : сб. ст. Волгоград : Изд-во ВИЭСП, 2010. № 10. С. 380–386.

³ См.: *Суслова С. И.* Жилищные отношения и их правовые формы. М. : Юрлитинформ, 2013.

⁴ См.: *Соколов В. А.* Мирный договор – основная правовая форма восстановления послевоенных отношений между государствами. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1965.

⁵ См.: *Дроздов-Тихомиров А. А.* Соглашение о применимом праве и источники неформального регулирования международных коммерческих договоров, выраженные в форме правовых принципов // Закон. 2009. № 8. С. 192–203 ; *Кудашкин В. В.* Оговорка о публичном порядке в международном частном праве как правовая форма, опосредующая содержание публичного порядка // Законодательство и экономика. 2004. № 3. С. 64–77 ; *Седова Ж. И.* Унифицированная правовая форма международного юридического лица. Тенденции развития международных экономических отношений. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2003 ; *Секинаева З. А.* Международные соглашения как правовая форма регулирования гражданско-процессуальных отношений с участием иностранных лиц // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2009. № 3 (18). С. 149–156.

⁶ См.: *Пленкин Ю. В.* Изоляция осужденных к лишению свободы – признак наказания и правовая форма государственного принуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Рязань, 2005.

⁷ См.: *Докучаев О. О.* Следственно-оперативная группа как правовая форма взаимодействия следствия и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность // Вестник криминалистики. 2008. Вып. 3 (27). С. 109–113 ; *Его же.* Контроль и запись переговоров как правовая форма взаимодей-

Сообразно этому, в соответствующих отраслевых исследованиях российские ученые употребляют такие словосочетания, как «гражданско-правовая форма»¹, «конституционно-правовая форма»², «административно-правовая форма»³, «уголовно-правовая форма»⁴, «международно-правовая форма»⁵. Наряду с указанными, в отечественной юри-

ствия следователя и органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность // Вестник криминалистики. 2008. Вып. 4 (28). С. 48–51.

¹ См.: Буланов Р. Ю. Гражданско-правовая форма экономических свойств денег // Научный вестник Волгоградской академии государственной службы. 2009. № 2. С. 60–66 ; Волынкина М. В. Гражданско-правовая форма инновационной деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. М., 2007 ; Ершов О. Г. Внедоговорные отношения в строительстве и их гражданско-правовая форма. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011 ; Егоров А. В. Договорные отношения в строительстве и их гражданско-правовая форма. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012 ; Кузнецова А. С. Гражданско-правовая форма распоряжения результатами научно-исследовательской деятельности образовательных учреждений системы МВД России // Вопросы права и проблемы становления гражданского общества в России. Хабаровск : Изд-во Дальневост. юрид. ин-та МВД России, 2009. С. 40–42 ; Попов В. К. Гражданско-правовые формы реализации материальных интересов в агропромышленном комплексе СССР : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. Харьков, 1983 ; Ушницкий Р. Р. Гражданско-правовая форма корпоративного отношения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Якутск, 2013.

² См.: Гударенко Р. Ф. Государственные целевые программы как конституционно-правовая форма осуществления деятельности по социальной защите инвалидов // Права и возможности детей-инвалидов на получение образования, социальную реабилитацию и интеграцию в общество : ст. науч.-практ. конф. Ставрополь : Мир данных, 2010. С. 163–170 ; Назарова И. С. Избирательные системы как конституционно-правовая форма (механизм) констатирования института народного представительства // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 6. С. 116–119.

³ См.: Василевская Д. В. Административные регламенты оказания государственных услуг и исполнения государственных функций в сфере недропользования как административно-правовая форма регулирования правоотношений // Бизнес в законе. 2009. № 2. С. 205–208 ; Зеленцов А. Б. Обращения граждан как административно-правовая форма // Вестник Российского университета дружбы народов. Юридические науки. 2003. № 1. С. 5–15.

⁴ См.: Бязров В. Г., Козаев Н. Ш. Институт добровольного отказа как уголовно-правовая форма предупреждения захвата заложника и некоторые вопросы его совершенствования // Конституция и проблемы укрепления законности: материалы 6-й Северо-Кавказской регион. науч.-практ. конф. Владикавказ : Изд-во Владикавказ. ин-та управления, 2011. С. 164–176.

⁵ См.: Альтишулер А. Б. Новая международно-правовая форма экономического сотрудничества // Советское государство и право. 1964. № 10. С. 54–65 ;

дической литературе широко используется термин «организационно-правовая форма», не имеющий, как можно увидеть, строгой отраслевой «привязки»¹. Отдельные авторы оперируют также такими терминами, как «государственно-правовая форма»²; «нормативно-правовая форма»³,

Самакэ Исса. Международный договор как основная международно-правовая форма экономического сотрудничества стран Африки : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1971 ; *Стоякин С. Г.* Правовая природа основных международно-правовых форм интеграции государств-участников Союза Независимых Государств // Аспирант и соискатель. 2005. № 2. С. 83–93.

¹ См.: *Алексеев Д. Б.* Финансовый контроль как самостоятельная организационно-правовая форма государственной контрольной деятельности // Бизнес в законе. 2013. № 6. С. 182–187 ; *Аристаков Ю. М.* Социалистические концерны – новая организационно-правовая форма развития самостоятельности предприятия // Экономико-правовые проблемы перестройки хозяйственного механизма. М. : Изд-во ИГиП АН СССР, 1989. С. 63–66 ; *Белокрылова О.* Филиал как организационно-правовая форма объективизации внутрихозяйственного распределения фонда накопления // Хозяйство и право. 1994. № 1. С. 54–59 ; *Винницкий А. В.* Организационно-правовая форма государственных компаний: недостатки регулирования и перспективы реформирования // Современное право. 2010. № 11. С. 70–75 ; *Ермошин Г. Л.* Статус судьи как организационно-правовая форма обеспечения его независимости // Российский судья. 2012. № 6. С. 10–16 ; *Калинова К. В.* Концессия – организационно-правовая форма хозяйствования: особенности и определяющие их факторы. Статья 1. Концессия как инвестиционная база // История государства и права. 2014. № 14. С. 34–37 ; *Клеандров М. И.* Государственная корпорация: новая организационно-правовая форма – новые проблемы // Российский ежегодник предпринимательского (коммерческого) права. СПб. : Универ. издат. консорц. «Юридическая книга», 2009. № 2. С. 303–313 ; *Курбатов А.* Государственная корпорация как организационно-правовая форма юридического лица // Хозяйство и право. 2008. № 4. С. 105–124 ; *Смолянинов Е. С.* Уголовно-правовые средства борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием организационно-правовых форм юридического лица : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 . М., 2000 ; *Эстунлин И. В.* О понятии организационно-правовой формы юридического лица // Армия и общество. 2014. № 3 (40). С. 14–19.

² См.: *Левин И. Д.* Советская федерация – государственно-правовая форма разрешения национального вопроса в СССР // Вопросы советского государства и права, 1917–1957. М. : Изд-во АН СССР, 1957. С. 213–268 ; *Муртаза-Оглы Ф. А.* Советская автономия как государственно-правовая форма разрешения национального вопроса // Вопросы теории права и государственного строительства. Вып. 3. Томск, 1979. С. 69–75.

³ См.: *Махина С. Н.* Нормативно-правовая форма децентрализации публичного администрирования: Правотворчество и правоприменение: Взаимосвязь и проблемы повышения юридического качества // Правовая наука и ре-

«социально-правовая форма»¹, «экономико-правовая форма»²; «негативно-правовая форма»³, «социалистические правовые формы»⁴.

Изложенное свидетельствует о том, что в области юридических наук категория «правовая форма» применяется к изучению явлений, составляющих предмет различных отраслей правоведения, что придает ей межотраслевой статус.

Обширным является не только область употребления рассматриваемого понятия, но и спектр иных юридически значимых категорий, анализируемых через его призму (иными словами, того, что выступает в качестве правовой формы). Как правовую форму отечественные правоведы рассматривают следующие явления: секундарные права, публичные ограничения и частные обременения гражданских прав, кредиторские обязанности, гражданско-правовой режим, гражданско-правовое значение, охраняемые законом интересы, взаимосвязи правовых явлений, состояния отсутствия, гражданско-правовые связи с участием так называемых третьих лиц⁵;

форма юридического образования: Правотворчество и правоприменение: Взаимосвязь и проблемы повышения юридического качества : сб. науч. тр. Вып. 19. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2006. С. 98–116.

¹ См.: *Кудряшова О. А.* Социально-правовая форма в системе элементов обстановки совершения преступления // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2011. № 6 (223), вып. 25. С. 54–57 ; *Токарева Е. В.* Товарищество собственников жилья как социально-правовая форма объединения граждан по месту жительства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Волгоград, 2012.

² См.: *Гриценко Е. А., Марченко О. С.* Аренда как экономико-правовая форма реализации собственности // Актуальные проблемы формирования правового государства : краткие тез. докл. и науч. сообщ. республ. науч. конф., 24–26 окт. 1990 г. Харьков : Изд-во Харьк. юрид. ин-та, 1990. С. 142–143 ; *Лебединец О. Н.* Государственно-частное партнерство как экономико-правовая форма взаимодействия публичного и частного // Актуальные проблемы частного и публичного права : сб. ст. по материалам межрегион. науч.-практ. конф. (Волгоград, 12 окт. 2012 г.). Волгоград : ВА МВД России, 2013. № 5. С. 68–74.

³ См.: *Борякова С. А.* Негативно-правовая форма защиты права собственности // Актуальные проблемы международного частного и гражданского права : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Челябинск, 15 дек. 2009 г.). М. : Изд-во СГУ, 2010. С. 81–85.

⁴ См.: *Шварц Х. Д.* Перевод хозяйственных единиц из социалистических правовых форм в формы обществ частного права // Основы немецкого торгового и хозяйственного права. Германский Фонд международного правового сотрудничества. М. : БЕК, 1995. С. 102–112.

⁵ См.: *Белов В. А.* Гражданское право. Общая часть. Т. 1. Введение в гражданское право : учебник. М. : Юрайт, 2011. С. 320–321.

гражданскую правосубъектность¹; гражданское правоотношение²; договоры (соглашения)³, в том числе международные⁴, а также понуждение к заключению договора⁵; банковскую гарантию⁶; доверитель-

¹ См.: *Красавчиков О. А.* Гражданская правосубъектность как правовая форма // *Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права. Избранные труды* : в 2 т. Т. 2. М. : Статут, 2005. С. 26–50 ; *Белов В. А.* Гражданское право. Общая часть. Т. 1. С. 320.

² См.: *Красавчиков О. А.* Гражданское правоотношение – юридическая форма общественного отношения // *Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права*. С. 7–25 ; *Белов В. А.* Гражданское право. Общая часть. Т. 1. С. 320.

³ См.: *Братусь С. Н.* Хозяйственный договор как гражданско-правовая форма распределения продукции между государственными предприятиями // *Советское государство и право*. 1953. № 2–3. С. 74–88 ; *Быковский В. К.* Договор аренды лесного участка как правовая форма осуществления предпринимательской деятельности по использованию лесов // *Предпринимательское право*. 2008. № 2. С. 36–38 ; *Галлов В. В., Зинченко С. А., Ломидзе О. Г.* Концессионное соглашение – правовая форма взаимодействия бизнеса и государства // *Закон*. 2007. № 2. С. 65–72 ; *Горбунов М. П.* Договор как правовая форма хозяйственной инициативы // *Правоведение*. 1979. № 2. С. 76–81 ; *Колокольцев А. Н.* Административный договор как правовая форма управления // *Право и политика*. 2007. № 9. С. 14–19 ; *Машанский С. Е.* Договор поставки как правовая форма планирования качества продукции // *Всесоюзная научно-практическая конференция по правовым проблемам стандартизации качества продукции и метрологии* : тез. докл. М. : Изд-во стандартов, 1975. С. 133–135 ; *Монкявичюс Э. А.* Договор как правовая форма межхозяйственной кооперации в Литовской ССР // *Правовые вопросы межхозяйственной кооперации*. М. : Изд-во ИГиП АН СССР, 1980. С. 51–58 ; *Натарова О. А.* Указ. соч. ; *Попондопуло В. Ф.* Концессионное соглашение – правовая форма государственно-частного партнерства // *Правоведение*. 2007. № 6. С. 255–268 ; *Пратьков Д. Ю.* Инвестиционный договор как правовая форма осуществления капитальных вложений по законодательству Российской Федерации // *Правовая политика и правовая жизнь*. 2013. № 4. С. 136–141.

⁴ См.: *Секинаева З. А.* Международные соглашения как правовая форма регулирования гражданско-процессуальных отношений с участием иностранных лиц // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2009. № 3 (18). С. 149–156 ; *Шуриалов В. М.* Международные договоры между социалистическими странами как основная правовая форма выражения социалистического интернационализма // *Советский Союз и международные договоры* : сб. ст. Вып. 8. М., 1980. С. 42–55.

⁵ См.: *Хохлов С. А.* Понуждение заключить договор как правовая форма регулирования хозяйственных связей в капиталистических странах // *Антология уральской цивилистики, 1925–1989* : сб. ст. М. : Статут, 2001. С. 228–241.

⁶ См.: *Пометихина С. И.* Банковская гарантия как правовая форма распределения обязательственного риска // *Бизнес в законе*. 2009. № 4. С. 144–147.

ное управление¹; казенное предприятие²; иностранные инвестиции³; контроль⁴; надзор⁵; гражданство⁶; плебисцит⁷; регламенты⁸; документы⁹; стандарты¹⁰; (государственную) регистрацию¹¹; предписа-

¹ См.: *Беневоленская З. Э.* Доверительное управление как правовая форма распоряжения имущества // Закон. 2005. № 12. С. 85–98.

² См.: *Куликова А. А.* Казенное предприятие как правовая форма реализации государственной и муниципальной собственности в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Ростов н/Д, 2014.

³ См.: *Денчик Н.* Иностранные инвестиции как правовая форма обновления хозяйственных связей // Хозяйство и право. 1996. № 6. С. 47–56.

⁴ См.: *Горшенев В. М., Шахов И. Б.* Контроль как правовая форма деятельности. М. : Юрид. лит., 1987 ; *Докучаев О. О.* Контроль и запись переговоров как правовая форма...

⁵ См.: *Беляев В. П.* Надзор как правовая форма государственной деятельности: общетеоретические проблемы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Белгород, 2000.

⁶ См.: *Четвериков А. О.* Гражданство Европейского Союза как правовая форма либерализации трансграничных общественных отношений между государствами-членами ЕС // Lex Russica. 2010. № 4. С. 860–872 ; *Чунаев К. Г.* Гражданство как правовая форма существования государства // Юридическая теория и практика в истории и современной России : сб. науч. ст. М. : Юрист, 2010. С. 150–160.

⁷ См.: *Волова И. В.* Плебисцит как правовая форма волеизъявления народов колониальных стран // Тезисы итоговой научной конференции юридического факультета за 1966 год. Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1967. С. 18–19.

⁸ См.: *Королева И. Н.* Указ. соч. ; *Матвеев С. П.* Указ. соч. ; *Трунина Е. В.* Административные регламенты как правовая форма осуществления таможенными органами государственного контроля // Право и экономика. 2012. № 1. С. 53–59.

⁹ См.: *Вершинин А. П.* Электронный документ: правовая форма и доказательства в суде. М. : Городец, 2000.

¹⁰ См.: *Савицкая А. Н.* Стандарты предприятий как правовая форма реализации конституционных принципов управления экономикой // Правовые проблемы управления качеством продукции на базе стандартизации и метрологического обеспечения : тез. всесоюз. науч.-практ. конф. (Свердловск, 18–19 окт. 1978 г.). Свердловск : Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1978. С. 61–62 ; *Семякин М. Н.* Государственные стандарты и особые условия как специфические правовые формы регулирования отношений поставки : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1978.

¹¹ См.: *Илезов М. Б.* Регистрация по месту пребывания и месту жительства как правовая форма управления в миграционной сфере // История государства и права. 2008. № 22. С. 11–14 ; *Пойминова Я. В.* Государственная регистрация прав

ние¹; изоляцию осужденных². Таким образом, в качестве правовой формы учеными рассматриваются самые различные явления, бесконечное многообразие которых обуславливает возможность их систематики, на наш взгляд, лишь с позиций того, явлениями какого – фактического (реального) либо правового (идеального) порядка они являются. В отличие от этого вопрос о том, правовой формой чего выступает то или иное явление, решается в доктрине достаточно единообразно. Можно, конечно, встретить работы, в которых исследуют, например, правовые формы презумпций³. Однако в основном предмет научного интереса составляют: правовая форма определенной деятельности: государственной⁴, бюджетной⁵, правотворческой⁶, инновационной⁷, управленческой⁸, надзорной⁹; правовая форма общественных отношений¹⁰.

как правовая форма реализации властных полномочий: методологические проблемы // Нотариус. 2009. № 3. С. 36–39.

¹ См.: *Ульянов И. А.* Предписание как правовая форма воздействия антимонопольного органа на договорные отношения хозяйствующих субъектов // Законодательство. 2011. № 2. С. 40–48.

² См.: *Пленкин Ю. В.* Указ. соч.

³ См.: *Бронникова М. Н.* Гражданско-правовая презумпция по российскому законодательству: содержание, правовые формы и применение : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Самара, 2006.

⁴ См.: *Беляев В. П.* Указ. соч. ; *Фридман В. С.* Правовая форма государственной деятельности // Северо-Западная академия государственной службы. Ежегодник 2001 : сб. науч. ст. СПб. : Изд-во СЗАГС, Образование-Культура, 2002. С. 289–312.

⁵ См.: *Маркелов В. В.* Указ. соч.

⁶ См.: *Марченко Ю. В.* Правотворческая деятельность как правовая форма осуществления функций государства // Вестник Саратовской государственной академии права. 2008. № 5 (63). С. 20–26.

⁷ См.: *Волынкина М. В.* Указ. соч.

⁸ См.: *Илезов М. Б.* Указ. соч. ; *Колокольцев А. Н.* Указ. соч.

⁹ См.: *Назаров С. Н.* Надзорная деятельность: этапы развития, сферы реализации, правовая форма / под ред. Д. Ю. Шапсугов. Ростов н/Д : Изд-во АПСН СКНЦ ВШ, 2005 ; *Его же.* Надзорный процесс как правовая форма осуществления надзорной деятельности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2006. № 4. С. 16–29.

¹⁰ См.: *Белов В. А.* «Наследование» и «наследственное правопреемство»: фактическое отношение и его правовая форма // Наследственное право. 2014. № 1. С. 6–16 ; *Сулова С. И.* Указ. соч. ; *Суханов Е. А.* Правовая форма экономических отношений // Методологические проблемы правоправедения. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1994. С. 46–57 ; *Яковлев В. Ф.* Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. М. : Статут, 2006. С. 23.

Анализируя доктринальные источники по рассматриваемому вопросу, можно также заметить, что нередко выражение «правовая форма» используют вместо иных обычно употребляемых в науке гражданского права терминов, таких, как «организационно-правовая форма» юридических лиц¹, «форма» сделки (договора)²; либо, напротив, термины «правовая форма», «организационно-правовая форма» заменяют словом (просто) «форма»³.

Кроме того, представляется возможным выделить в отдельную группу многочисленные работы, авторы которых используют выражение не «правовая», а «юридическая форма»⁴. Оставляя за рамками

¹ См.: Бакинская В. Ю. Акционерное общество как правовая форма объединения капиталов : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 1997; Дрыга М. А. Унитарное предприятие как правовая форма управления государственным имуществом // Юридический вестник РГЭУ. 2004. № 3. С. 56–60; Куликова Т. В. Муниципальные унитарные предприятия как правовая форма управления муниципальным имуществом // Научные труды РАЮН. Вып. 3, т. 1. М., 2003. С. 501–507; Лехтинен Л. Правовые формы предпринимательства на основе Гражданского кодекса России // Хозяйство и право. 1995. № 8. С. 55–60; Чаркин С. А. Указ соч.; Его же. Правовая форма хозяйственного товарищества как способ реализации субъективных прав граждан на индивидуальную предпринимательскую деятельность // Конституционно-правовые основы регулирования имущественных отношений и защиты имущественных прав : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., 13 дек. 2008 г. Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2009. С. 18–19.

² См.: Илюшина М. Н. Понятие правового режима как правовой формы коммерческих сделок // Вестник Российской правовой академии. 2007. № 2. С. 49–51; Пак А. Б. Правовая форма завещания // Социально-экономические и правовые проблемы развития информационного общества : материалы междунар. науч.-практ. конф., 30 сент. 2009 г. В 5 т. Т. 4. Омск : Изд-во АНО ВПО «Омский экономический институт», 2009. С. 253–261; Харитонов А. В. Правовая форма договора факторинга в России и за рубежом // Актуальные проблемы совершенствования российского законодательства и правоприменения : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Уфа, 29 апр. 2009 г.) : в 3 ч. Ч. 2. Гражданско-правовые проблемы. Уфа, 2009. С. 184–188.

³ См.: Кузин А. В., Финогентова О. Е. Товарищество как форма юридического лица. История и современность // Актуальные проблемы гражданского права и процесса. Вып. 1. М., 2006. С. 55–58.

⁴ См.: Алгазинова Е. Э. Правоотношение как юридическая форма осуществления расходов организаций в целях налогообложения прибыли // Современные проблемы теории налогового права (The Modern Problems of Tax Law Theory) : материалы междунар. науч. конф. (Воронеж, 4–6 сент. 2007 г.). Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2007. С. 390–396 ; Бабайцева Е. А. Коммерческая

настоящей работы разбор соотношения данных терминов и соответствующих им понятий, можно констатировать, что в цивилистической литературе они, как правило, отождествляются (полагаем, вследствие семантически оправданного¹ отождествления терминов «правовой» и «юридический»²). Так, и признанный авторитет в дан-

организация как юридическая форма осуществления права на занятие предпринимательской деятельностью : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Волгоград, 2004 ; *Гена Е. И.* Собственность граждан и юридические формы ее реализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 1993 ; *Землянухина С. Г., Землянухина Н. С.* Соотношение юридических форм и экономических отношений собственности на рабочую силу // Экономический анализ права : материалы междунар. науч.-практ. семинара, 3–4 июня 2003 г. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2003. С. 147–154 ; *Конобеевская И. М.* К вопросу о юридической форме реализации прав на недвижимое имущество // Политико-правовые проблемы взаимодействия власти и бизнеса в условиях кризиса : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 15-летию Саратов. обл. Думы и 100-летию Саратов. гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2009. С. 159–161 ; *Попов А. В.* Товарищество собственников жилья как юридическая форма, опосредующая правомочия собственников помещений в многоквартирном доме : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Волгоград, 2006 ; *Самаркин К. И.* Юридические формы осуществления права на жилище // Российский юридический журнал. 2008. № 1. С. 199–203 ; *Тонков Е. Е.* Трансформация юридических форм государственной деятельности в период экономического кризиса. М. : Изд-во СГУ, 2009 ; *Чемагина Н. А., Ямбушев Ф. Ш.* Конституционно-правовая характеристика договора как юридической формы регулирования взаимоотношений в сложносоставном субъекте Российской Федерации // Научные исследования высшей школы : сб. тез. докл. и сообщений на итог. науч.-практ. конф., 10 февр. 2004 г. Тюмень : Изд-во Тюмен. юрид. ин-та МВД РФ, 2004. С. 15–16.

¹ «Юридический – относящийся к праву, правовой» (*Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 1999. С. 915).

² Впрочем, отдельные представители иных областей правоведения, в частности общей теории права, анализируя вопрос о юридической форме, термины «юридический» и «правовой» противопоставляют. Например, Г. М. Лановая рассуждает о соотношении юридической формы и «правового содержания» и использует при этом такой термин, как «юридическое право» (см.: *Лановая Г. М.* Соотношение содержания и формы в юридическом праве // История государства и права. 2010. № 6. С. 25). Для цивилиста, взвешенного на постулатах древнеримского права и отчетливо усматривающего в этимологическом основании термина «юридический» древнеримское «*ius, iuris*» – «право», подобное словоупотребление представляется не только тавтологичным, но и, действительно, парадоксальным, даже принимая во внимание замечание С. С. Алексеева о возможности существования наряду с правовыми законами неправовых законов и, «стало быть, ... “неправового права” – несправедливого, не

ном вопросе О. А. Красавчиков в названии одной из своих работ использует выражение «юридическая форма» («Гражданское правоотношение – юридическая форма общественного отношения»), а другой – «правовая форма» («Гражданская правосубъектность как правовая форма»). Аналогичным образом В. Ф. Яковлев, отмечая, что российское право выступает единой юридической формой общественных отношений, уточняет, что в данном случае термин «правовая форма» употребляется в том значении, «когда все право рассматривается в качестве формы общественных отношений»¹.

Изложенное позволяет сделать еще один вывод, связанный с пониманием категории «правовая форма»: четкое отграничение ее от иных смежных понятий («юридическая форма», «организационно-правовая форма», «форма»), и, таким образом, единообразное понимание данной категории в отечественной доктрине отсутствует². Представляется, что это вызвано:

- во-первых, общим невниманием ученых, особенно современных, к вопросу о значении тех или иных терминов и (или) пренебрежением требованием необходимости их корректного употребления;

- во-вторых, тем, что в подавляющем большинстве случаев категория правовой формы привлекается учеными для познания других юридически значимых явлений и, таким образом, не получает должного внимания ввиду того, что не является непосредственным предметом научного анализа.

В данной связи следует заметить, что изучению собственно понятия «правовая форма» в современном правоведении посвящено

отвечающего высоким требованиям гуманистического правопонимания» (Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М. : Статут, 1999. С. 239).

¹ Яковлев В. Ф. Указ. соч. С. 23. Данному значению правовед противопоставляет смысл термина «форма», используемого для обозначения «формы самого права как самостоятельного общественного явления, имеющего также и свое содержание» (Там же).

² На то, что понятие правовой формы не имеет единого общепризнанного содержания, указывалось в отечественной юридической литературе и ранее (см.: Халфина Р. О. Право как средство социального управления. М. : Наука, 1988. С. 174). При этом, по замечанию Р. О. Халфиной, термин «правовая форма» применялся в различных смыслах – как вся совокупность правовых норм, как система права, норма права и т. п. (см.: Халфина Р. О. О правовой форме экономических отношений // Советское государство и право. 1965. № 7. Прим. 1; Ее же. Право как средство социального управления. С. 174).

крайне незначительное количество научных работ. Из числа исследований общетеоретического характера – это лишь указанная выше диссертационная работа Ю. Б. Батуриной «Правовая форма и правовое средство в системе понятий теории права» (М., 2001)¹ и статья О. Н. Петюковой², рассматривавшей вопрос о трактовке понятия правовой формы в связи с исследованием другой научной проблемы – юридической формализации отношений советского государства и Русской православной церкви³. Отчасти долгожданным «принцем», явившимся к категории правовой формы под «алыми парусами» (используя выражение О. А. Красавчикова⁴), можно считать В. А. Белова – автора единственного в настоящее время общего учения о правовых формах в области гражданского права. «Отчасти» – именно в силу отраслевого характера отмеченного учения⁵; во всем остальном концепцию данного ученого, на наш взгляд, следует признать наиболее полным, хотя и не лишенным недостатков учением о правовых формах, автор которой не только предлагает свою модификацию определения анализируемой категории и приводит развернутую классификацию правовых (гражданско-правовых) форм, но и подробно рассматривает отдельные их виды. В рамках отраслевых исследований выводы и суждения по проблеме понимания правовых форм, во многом построенные на критическом анализе концепции

¹ См. также ее работу: *Батурина Ю. Б.* Понятие «правовая форма» // Научные труды РАЮН. Вып. 3, т. 1. М. : Юрист, 2003. С. 36–44.

² См.: *Петюкова О. Н.* К вопросу о трактовке понятия «правовая форма» // Векторы развития современной России : материалы 5-й межвуз. науч.-практ. конф. Моск. фил. ЛГУ им. А. С. Пушкина (Москва, 17 февр. 2010 г.) : сб. ст. : в 2 ч. Ч. 2. М. : МФ ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2010. С. 292–296.

³ См.: *Петюкова О. Н.* Правовые формы отношений советского государства и Русской православной церкви в 1917–1945 годах : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. М., 2011 ; *Ее же.* Правовые формы отношений Советского государства и Русской православной церкви в 1917–1945 годах : монография. М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2012. Анализ понятия «правовая форма», в частности, его соотношению с понятиями «форма права» и «источник права» в указанных работах посвящены § 1 гл. 1 диссертации, разд. 1.1 гл. 1 монографии.

⁴ Который в свое время образно заметил, что категория правовой формы «еще только ждет своего “принца”, который явится к ней под “алыми парусами”» (см.: *Красавчиков О. А.* Гражданское правоотношение – юридическая форма общественного отношения. С. 16).

⁵ В то время как О. А. Красавчиков справедливо указывал на настоятельную необходимость всестороннего сущностного научного анализа категории правовой формы с общетеоретических позиций (см.: Там же).

В. А. Белова, содержатся также в монографии С. И. Сусловой «Жилищные отношения и их правовые формы» (М., 2013).

Что касается предлагаемых дефиниций рассматриваемого понятия, то Ю. Б. Батурина, предпринявшая наиболее обстоятельное общетеоретическое исследование категории правовой формы, определяет ее как «юридическую комплексную категорию¹», осуществляющую опосредование различных неправовых общественных явлений нуждающихся в юридической регламентации, а также служащую каркасом внутри самого права, объединяющим (цементирующим) различные элементы входящие в право², предлагая, кроме этого, определение правовой формы как объективно выраженной и устойчивой связи между составляющими право элементами (частями), а также между правом и неправовыми явлениями, нуждающимися в правовой регламентации³. В правовой форме, по ее мнению, выделяются две составляющие: внутренняя правовая форма, определяемая как «объективная связь между различными элементами составляющими право», и внешняя правовая форма – «связь права с неправовыми явлениями, нуждающимися в юридической регламентации»⁴.

Отмеченное выделение внешней и внутренней правовой формы в целом соответствует философскому подходу к пониманию такой родовой категории, как «форма» (видовой по отношению к которой является понятие «правовая форма»). Так, в философском энциклопедическом словаре соответствующий термин определяется двояко: 1) как «внешнее очертание, наружный вид предмета, внешнее выражение какого-либо содержания»; 2) как «внутренне строение, структура, определенный и определяющий порядок предмета или порядок протекания процесса в отличие от его “аморфного” материала (материи), содержания или содержимого»⁵. Аналогичным образом освещается вопрос о многозначности понятия формы в учебной литературе по философии: «Часто под формой понимается способ внешнего выражения содержания, иногда при этом указывается, что форма к тому

¹ Полагаем, что правовая категория как понятие предельной степени общности, как «продукт мышления», «познавательный образ правовых явлений и процессов» (Васильев А. М. Указ. соч. С. 89) комплексной быть не может, даже если она отражает различные стороны (признаки) явления.

² См.: Батурина Ю. Б. Правовая форма и правовое средство... С. 8.

³ Там же. С. 36.

⁴ Там же. С. 8.

⁵ Философский энциклопедический словарь. М. : Инфра-М, 1999. С. 489.

же есть относительно устойчивая определенность связи элементов (точнее, компонентов) содержания и их взаимодействия, тип и структура содержания»¹.

Возвращаясь к вопросу об определении понятия «правовая форма», приведем также точку зрения О. Н. Петюковой: предложенное ею определение правовой формы государственно-конфессиональных отношений, как представляется, позволяет судить и об авторском понимании правовой формы в общем. Абстрагировавшись от того, что речь идет о государственно-конфессиональных отношениях, можно заключить, что под правовой формой она понимает комплекс многообразных юридических средств, осуществляющих правовую регламентацию и опосредование правом неких взаимоотношений². При этом правовые формы (классифицируемые ученым в зависимости от функционального содержания государственной деятельности на правотворческую, правоисполнительную, правоохранительную и контрольную формы) О. Н. Петюкова противопоставляет неправовым формам государственного воздействия³.

Дефиницию гражданско-правовой формы формулирует В. А. Белов, полагая, что она представляет собой «результат научного анализа случаев оценки общественных отношений и их элементов нормами гражданского права, который может выражаться в *утверждении* либо *отрицании* возможности и (или) необходимости определенного поведения участников этих отношений»⁴. Правовые формы «как таковые» он понимает как «абстрактные родовые понятия, охватывающие собой все конкретные формы такого рода»⁵, причем понятия не просто правовые, но «одной только *правовой науки*»⁶. В круг явлений, подлежащих отнесению к разряду гражданско-правовых

¹ Алексеев П. В., Панин А. В. Философия : учебник. М. : Теис, 1996. С. 380.

² Правовая форма государственно-конфессиональных отношений определяется как «комплекс многообразных юридических средств, осуществляющих правовую регламентацию и опосредование правом взаимоотношений государства и религиозных объединений, реализуемый в виде определенной деятельности субъектов государственно-конфессиональных правоотношений с соблюдением установленных законом правил и процедур» (Петюкова О. Н. Правовые формы отношений советского государства и Русской православной церкви в 1917–1945 годах. С. 58).

³ См.: Там же. С. 59.

⁴ Белов В. А. Гражданское право. Общая часть. Т. 1. С. 319.

⁵ Там же. С. 312.

⁶ Там же. С. 320.

форм, ученый включает двенадцать категорий юридической науки¹, выделяя наряду с этим восемь видов правовых форм, а именно: формы собственно отношений и формы иных явлений; абстрактные и конкретные формы; абсолютные и относительные правовые формы; положительные и отрицательные правовые формы; формы-эффекты прямого и обратного (рефлексивного) действия; формы-эффекты активного и пассивного действия права; эгоистические и альтруистические правовые формы; индивидуальные и коллективные правовые формы².

С. И. Сулова в рамках анализируемого ею вопроса о правовых формах жилищных отношений авторское определение правовой формы не предлагает, избирая в качестве общего методологического основания исследования концепцию В. А. Белова. В то же время отдельные положения данной концепции она подвергает критике³, особо отмечая, что о правовых формах общественных отношений следует говорить не только с позиций логико-нормативного учения о праве, в рамках которого нормы права воспринимаются в качестве логических суждений и, таким образом, право полностью абстрагируется от мира реальности, но и, в том числе, с позиций социологического подхода, ставящего на первое место уровень единичного, а не общего⁴. Таким образом, ученый акцентирует внимание на методологических основаниях познания правовых форм.

¹ См.: *Белов В. А.* Гражданское право. Общая часть. Т. 1. С. 320–321.

² См.: Там же. С. 322–331.

³ В частности, она обращает внимание на нечеткость позиции правоведа в отношении количества типов выделяемых правовых форм, на неясность связи двух предложенных им групп правовых форм (а именно на то, что дихотомии предлагаемых В. А. Беловым классификационных групп охватывают далеко не все прямо поименованные им самим правовые формы), на неоднозначность выделения отдельных видов правовых форм (например, охраняемого законом интереса, взаимосвязи правовых явлений) (см.: *Сулова С. И.* Указ. соч. С. 157–160). Соглашаясь с отмеченными замечаниями, в качестве примера, можно привести позицию В. А. Белова относительно такой категории, как «право участия» (см. об этом: *Виниченко Ю. В.* Проблемы понимания категории «право участия» в современной отечественной цивилистике // *Известия Иркутской государственной экономической академии.* 2013. № 4 (90). С. 88–92).

⁴ См.: *Сулова С. И.* Указ. соч. С. 149–150, 153–155. «Именно уровень единичного, конкретного отношения и его соотносимость с теми логическими суждениями, которые позволили сконструировать представления о возможном и должном», по мнению автора, представляет важность для «юриста-ученого (в первую очередь отраслевика) и юриста-практика» (Там же. С. 155).

Отдельные общие замечания относительно понятия «правовая форма» высказаны В. Ф. Яковлевым, который обращал внимание на то, что «термин “правовая форма” отношений употребляется и во множественном числе»¹. Последующее пояснение ученого, что «пишут и говорят об административно-правовой, гражданско-правовой и других формах отношений», а также его утверждения, что «термин “правовая форма” обозначает право в целом», а «под различными правовыми формами понимаются прежде всего отдельные отрасли права»², позволяют сделать вывод, что: во-первых, правовед признавал существование некоторого количества различных правовых форм общественных отношений; во-вторых, он осуществлял их разграничение, прежде всего, по отраслевому критерию.

Самостоятельный подраздел «Гражданско-правовые формы имущественных отношений» в рамках учебника по гражданскому праву выделял в свое время Е. А. Суханов, заключая, что «основными гражданско-правовыми формами имущественных отношений и соответственно главными подразделениями (подотраслями) гражданского права являются: вещное право; обязательственное право; исключительные (интеллектуальные) права; корпоративное право»³. Определения гражданско-правовых форм в указанной работе нам обнаружить не удалось.

Говоря о понимании категории правовой формы, следует заметить, что основу соответствующих современных цивилистических воззрений во многом составляют работы ученых советского периода, в частности: О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородского – «Вопросы теории

¹ Яковлев В. Ф. Указ. соч. С. 23.

² Там же.

³ Гражданское право : учебник : в 4 т. Т. 1 : Общая часть / под ред. Е. А. Суханова. М. : Волтерс Клувер, 2008. Пункт 3 § 2 «Предмет гражданского права» гл. 2 «Гражданское право как отрасль права» разд. I. Примечательно, что в более позднем издании (2011 г.) данный подраздел ученым уже не выделяется; однако итоговый вывод соответствующей части учебника – п. 3 «Имущественные отношения, регулируемые гражданским правом» § 2 «Гражданское право как отрасль права» – по сути является идентичным: каждая из «групп экономических (имущественных) отношений *оформляется* (регулируется) различными подотраслями и институтами гражданского права: вещным правом, корпоративным правом, исключительными (интеллектуальными) правами, обязательственным правом, наследственным правом» (Российское гражданское право : учебник. Т. 1 / отв. ред. Е. А. Суханов. М., 2011. С. 68).

права» (М., 1961)¹; Р. О. Халфиной – «О правовой форме экономических отношений» (1965 г.), «Право как средство социального управления» (М., 1988)²; В. Г. Вердникова и А. Ю. Кабалкина – «Гражданско-правовые формы товарно-денежных отношений» (М., 1970); уже указанные работы О. А. Красавчикова «Гражданское правоотношение – юридическая форма общественного отношения» (Свердловск, 1975) и «Гражданская правосубъектность как правовая форма» (Свердловск, 1978).

Так, В. Ф. Яковлев, рассуждая о понятии правовой формы, прямо ссылаясь на указанную работу О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородского³. Сами же ученые, указывая на необходимость разграничения понятий «правовых форм» и «формы права», отмечали, что, когда говорят «правовые формы», имеют в виду «право как определенное социальное явление, отличающееся от иных идеологических форм (таких, как политика, нравственность, религия и т. п.), которые вместе с правом определяются материальными условиями жизни данного общества, его экономическим базисом»⁴. Понятие «правовая форма», согласно их позиции, «ориентируется на право в целом», выступающее в качестве формы «по отношению к экономическому базису общества, который со своей стороны по отношению к праву в целом выполняет функцию содержания»; при этом экономические отношения находятся за пределами права и лишь отражаются в нем «в “снятом” виде, в виде, переработанном сознанием господствующего класса»⁵.

¹ О правовой форме авторы пишут, в частности, в § 1 «Понятие нормы права. Форма и содержание права» гл. III указанной работы.

² Глава VI данной книги посвящена вопросу о соотношении правовой формы и содержания регулируемых отношений. См. также: *Халфина Р. О.* О формах воздействия социалистического права на экономику // Советское государство и право. 1961. № 11. С. 35–46 ; *Ее же.* Об объективной обусловленности правовых форм их экономическим содержанием // Тезисы докладов и сообщений на межвузовской конференции по теоретическим и методологическим проблемам правовой науки. Кишинев, 1965. С. 31–34 ; *Ее же.* Роль права в экономическом развитии социалистического общества // СССР – Япония: право и социальный прогресс : материалы советско-японского юридического симпозиума 1980 и 1982 гг. М., 1983. С. 20–25 ; *Ее же.* Правовое регулирование экономических отношений (вопросы теории) // Проблемы совершенствования советского законодательства. Вып. 29. М., 1984. С. 82–95.

³ См.: *Яковлев В. Ф.* Указ. соч. С. 23.

⁴ *Иоффе О. С., Шаргородский М. Д.* Вопросы теории права. М. : Госюриздат, 1961. С. 133.

⁵ Там же.

«Отсюда, – заключают авторы, – и известная самостоятельность права, которая приводит к тому, что, будучи формой в сопоставлении с экономическими отношениями, оно в то же время обладает как своей собственной формой, так и своим особым содержанием»¹.

То, что оперируя понятием правовой формы, «мы в известной мере выходим за пределы права», отмечала и Р. О. Халфина², одна из первых обратившаяся к проблеме содержательного наполнения этой категории. В своих суждениях она исходила из понимания последней как «комплекса норм и институтов, опосредующих определенный вид общественных отношений»³, последовательно развивая тезис о том, что в данное понятие «включаются нормы и институты различных отраслей права»⁴. Отмеченное, а также используемое ею выражение «формы правового регулирования»⁵, равно как и суждения о том, что в отдельные периоды «форма гражданского права придавалась отношениям, выражающим по существу подчинение одной стороны другой» и что «гражданское право... может служить адекватной формой имущественных отношений»⁶, позволяет заключить, что под правовой формой Р. О. Халфина понимала само позитивное (объективное) право. Из числа современных цивилистов сторонником подобного понимания правовой формы (как объективного права), на наш взгляд, можно считать, Е. А. Суханова, который пишет об оформлении отдельных групп экономических (имущественных) отношений различными подотраслями и институтами гражданского права.

Иначе трактовал данное понятие О. А. Красавчиков, отмечая относительно позиции Р. О. Халфиной, что правовая форма «охватывает не только и столько самое право (его нормы, институты и отрасли)»⁷; последние, по его мнению, «являются скорее формой права, нежели

¹ См.: Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. С. 133.

² См.: Халфина Р. О. Право как средство социального управления. С. 175.

³ См.: Там же. С. 174.

⁴ Там же. С. 175. В более ранней работе она пояснила, что использует термин «правовая форма» для обозначения необходимого, по ее мнению, общего понятия, охватывающего «всю совокупность норм (а иногда и институтов), регулирующих *все стороны* (курсив наш. – Ю. В.)» конкретных групп и видов экономических отношений (см.: Халфина Р. О. О правовой форме экономических отношений. Прим. 1).

⁵ См.: Халфина Р. О. Право как средство социального управления. С. 184.

⁶ См.: Там же. С. 188.

⁷ Красавчиков О. А. Гражданское правоотношение – юридическая форма общественного отношения. С. 18.

правовой формой»¹. Объективное право ученый рассматривал лишь в качестве «непременной основы» обретения отдельными явлениями социальной действительности тех или иных юридических форм и «очертаний»; саму же правовую форму в предельно общем виде («предварительно») он определял как «основанную на нормах права *меру* возможного или должного *поведения*»². Гражданско-правовые формы, по мнению О. А. Красавчикова, представляют собой «систему установленных законом мер, определяющих границы: а) юридически возможного и юридически необходимого поведения субъектов; б) их юридического состояния или в) применительно к социальным образованиям – “организованности” и основных видов деятельности»³. Развитием идей О. А. Красавчикова в современном гражданском правоведении можно считать концепцию В. А. Белова, у которого предложенное корифеем отечественной цивилистики определение правовой формы как основанной на нормах закона *мере* возможного или должного поведения не только не вызывает возражений⁴, но, более того, кладется в основание формулируемых им определений (признаков, характеристик) отдельных гражданско-правовых форм⁵.

Так же, как В. Г. Вердников и А. Ю. Кабалкин, товарно-денежный характер имущественных отношений, входящих в предмет отрасли гражданского права, подчеркивает Е. А. Суханов⁶. Что касается отме-

¹ Красавчиков О. А. Гражданское правоотношение – юридическая форма общественного отношения. С. 19.

² Там же. С. 20–21.

³ Там же. С. 25.

⁴ См.: Белов В. А. Гражданское право. Общая часть. Т. 1. С. 318.

⁵ Так, относительно гражданского правоотношения (как одной из правовых форм) В. А. Белов отмечает, что традиционно она определяется как «юридическая связь субъектов – участников фактического (жизненного) отношения, выражающаяся в наличии у них субъективных прав и юридических обязанностей», продолжая, что «в свою очередь субъективные права определяются как *мера возможного*, а юридические обязанности – как *мера должного* (юридически необходимого) *поведения*» (Там же. С. 320). Другая выделяемая им гражданско-правовая форма – кредиторские обязанности – представляет собой «*меру юридически необходимого поведения* активного участника обязательства (кредитора)» (Там же. С. 321). Указание на «*возможности совершения конкретных юридических действий*» содержится в определении еще одной выделяемой ученым гражданско-правовой формы – секундарных прав (Там же).

⁶ См.: Российское гражданское право : учебник. Т. 1 / отв. ред. Е. А. Суханов. М., 2011. С. 66–67. Ср.: «... виды имущественных отношений регулируются нормами советского гражданского права, поскольку они хотя бы в конеч-

ченной работы самих советских ученых, то, несмотря на широкое название – «Гражданско-правовые формы товарно-денежных отношений», в целом, не считая ряда общих замечаний¹, посвящена она рассмотрению только гражданско-правовых договоров и возникающего вследствие их заключения договорного обязательства, признаваемого В. Г. Вердниковым и А. Ю. Кабалкиным основной гражданско-правовой формой товарно-денежных отношений.

Анализируя приведенные позиции, нетрудно заметить, что при определенном сходстве (которое заключается в том, что в большинстве случаев речь идет о правовой форме общественных отношений, а также в признании множественности правовых форм) взгляды отдельных ученых по интересующему нас вопросу порядком отличаются.

Так, правовой формой признают и нормы (институты, отрасли) права (Р. О. Халфина, Е. А. Суханов, В. Ф. Яковлев), и юридические средства (О. Н. Петюкова), и основанную на нормах права меру поведения субъектов (О. А. Красавчиков), и категории правовой науки (В. А. Белов).

При этом, признавая существование различных правовых форм, сторонники одной позиции, а именно трактующие правовую форму как объективное право, используют при их выделении различные критерии:

1) либо отраслевой – правовые формы соотносят с отдельными отраслями права (В. Ф. Яковлев);

2) либо подотраслевой (внутриотраслевой) – выделение правовых форм осуществляется соответственно подотраслям определенной отрасли права (Е. А. Суханов);

ном счете обусловлены использованием товарно-денежной формы» (Вердников В. Г., Кабалкин А. Ю. Гражданско-правовые формы товарно-денежных отношений. М. : Юрид. лит., 1970. С. 13).

¹ В частности, что «нет оснований для признания гражданскоправовой формой товарно-денежных отношений обязательства, возникающего из административных актов» (Вердников В. Г., Кабалкин А. Ю. Указ. соч. С. 29), и что «правовыми формами товарно-денежных отношений служат не все обязательства гражданского оборота, даже при понимании последнего как совокупности гражданскоправовых обязательств, направленных на передачу имущества, выполнение работ, оказание услуг или уплату денег, которые возникают из правомерных действий» (Там же. С. 30; в понимании гражданского оборота авторы ссылаются на позицию О. А. Красавчикова).

3) либо межотраслевой – ту или иную (одну) правовую форму образуют нормы и институты различных отраслей права (Р. О. Халфина).

Имеет нюансы и смысловое наполнение термина «правовой» (как составляющей выражения «правовая форма»). Как правило, его использование призвано подчеркнуть противопоставление (1) фактическому (фактическим – «жизненным» общественным отношениям, экономическому базису) как содержанию соответствующей правовой формы. Вместе с тем, например, О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский противопоставляли правовую форму (2) иным идеологическим формам (политике, нравственности, религии и т. п.) общественных отношений, а О. Н. Петюкова пишет о наличии помимо правовых (3) неправовых форм государственного воздействия.

Изложенное приводит к выводу, что, несмотря на широкое использование при освещении самых различных юридических вопросов, единообразное понимание правовой формы отсутствует. Ученые не сходятся во мнениях ни относительно того, *что* признается правовой формой (нормы права, мера поведения субъектов, категории правовой науки), ни относительно того, о правовой форме *чего* следует говорить (отношений либо деятельности), ни относительно того, *какие* правовые формы и их виды следует выделять, ни относительно того, *как соотносятся* отдельные правовые формы с нормами (институтами, отраслями) права (а именно, имеют ли они подотраслевой, отраслевой либо межотраслевой характер).

Исходя из этого, необходимо констатировать, что само учение о правовой форме (правовых формах), на котором базируется формальный подход, нуждается в систематике, конкретизации и развитии. Относительно широко распространенного в отечественной цивилистике формального подхода к пониманию гражданского оборота в данной связи следует заключить: *ввиду недостаточной теоретической разработанности категории правовой формы, последняя не может обеспечить непротиворечивость представлений о гражданском обороте, вследствие чего не должна претендовать на то, чтобы признаваться основой соответствующей системы научных знаний – теории гражданского оборота.*

§ 4. Характеристика проблемной ситуации в системе знаний о гражданском обороте

Освещение вопроса, вынесенного в заглавие настоящего параграфа, начнем с указания на выявленные ключевые моменты, которые характеризуют актуальную познавательную ситуацию в области исследования гражданского оборота. На настоящий момент систему знаний о нем в отечественном правоведении отличает:

1. Фрагментарный характер суждений о гражданском обороте, обусловленный тем, что рассматриваемая категория получает теоретическую разработку не как таковая, а преимущественно в контексте изучения узкоспециальных вопросов о видах субъектов, объектов гражданского оборота, юридических фактов, правоотношений в гражданском обороте. Как следствие, имеющиеся научные работы, так или иначе касающиеся проблемы понимания гражданского оборота, целостного представления о последнем сформировать не позволяют.

2. Вариативность имеющихся определений понятия «гражданский оборот». Так, широко распространено определение гражданского оборота как некой совокупности (при этом взгляды сторонников такого подхода не являются единообразными и могут быть подвергнуты дальнейшей группировке). Восприятию гражданского оборота как совокупности противостоит его определение через понятие «переход» (движение, процесс), в рамках которого также можно выделить несколько различных позиций. Однако градация представлений о гражданском обороте является достаточно условной: как ввиду противоречивости суждений отдельных ученых (вследствие чего однозначно отнести их к сторонникам того или иного подхода зачастую крайне затруднительно), так и в силу принципиальной идентичности признаков, используемых разными правоведами при формулировании дефиниций гражданского оборота. В таких условиях выявление истинного содержания категории «гражданский оборот», т. е. адекватного фиксируемому в ней феномену, является проблематичным, поскольку по существу сводится к субъективному выбору одного из имеющихся определений.

3. Неоднозначность трактовки самих подходов к пониманию гражданского оборота. Наиболее иллюстративным примером в данной связи является признанная в доктрине точка зрения о возможности понимания гражданского оборота в «узком» и «широком» смыслах: сходство соответствующих научных суждений заключается лишь в

тождестве используемой терминологии; содержательно же интерпретация данного вопроса отдельными учеными значительно разнится.

4. В то же время имеется достаточно устоявшееся понимание рассматриваемой категории. В частности, постулатами, прочно укоренившимися в отечественной гражданско-правовой науке, начиная с советского периода, являются тезисы, согласно которым: 1) гражданский оборот представляет собой правовую форму экономического оборота (и, следовательно, вывод о том, что гражданский оборот – это переход прав, в то время как переход самих благ – это оборот экономический); 2) гражданский оборот образуют только отношения «динамики» и, в зависимости от подхода, он является либо собственно процессом перехода субъективных гражданских прав, либо включает в себя только правоотношения, связанные с переходом прав, либо только юридические факты, которые влекут такой переход. Как будет показано далее, указанные положения не являются аксиоматичными, вызывают сомнения и, как минимум, заслуживают корректировки.

5. Общий нормативистский характер исследований гражданского оборота. В большинстве случаев ученые в поисках определения понятия «гражданский оборот» отталкиваются от легальных установлений, в частности ст. 129 ГК РФ «Оборотоспособность объектов гражданских прав»¹. В итоге складывается ситуация, напоминающая движение по замкнутому кругу: законодатель, формулируя те или иные положения с привлечением понятия «гражданский оборот» и не давая легальной дефиниции последнего, возлагает задачу более или менее универсального и, главное, практически «жизнеспособного» содержательного наполнения используемых правовых понятий на представителей науки, в то время как последние не могут (либо не желают или не способны) оторваться в своих суждениях от «буквы закона». О приросте научного знания в такой ситуации, очевидно, говорить не приходится.

6. Терминологическая непоследовательность. Вследствие ли популярности термина «гражданский оборот» либо по иным причинам на настоящий момент в правоведении он необоснованно низведен до уровня обиходного, в силу чего используется весьма произвольно, наряду с иными выражениями, такими как «имущественный оборот», «коммерческий оборот», «предпринимательский оборот», «торговый

¹ Подробнее об этом см. также в § 2 гл. II разд. I монографии.

оборот» либо просто «оборот», четкого разграничения которых исследователи не проводят, а если сопоставительный анализ понятий предпринимается, единство мнений среди ученых по данному вопросу отсутствует. Как следствие, «порядок в терминологическом хозяйстве»¹ относительно рассматриваемой категории отсутствует.

К указанным моментам, описывающим сложившуюся ситуацию в системе знаний о гражданском обороте, можно добавить следующие.

7. Несогласованность интерпретации выражений, производных от термина «гражданский оборот», в различных отраслях научного знания. Как было отмечено, термин «гражданский оборот» используют представители различных отраслей правоведения, в том числе, например, уголовно-правовой и криминологической науки, которые разрабатывают отдельные аспекты проблемы незаконного гражданского оборота определенных видов объектов: оружия, наркотических средств, психотропных веществ, алкогольной продукции, порнографии и др.² Употребляя при этом выражения «предметы, ограниченные в гражданском обороте», «товары, не ограниченные в гражданском обороте», они вкладывают в них смысл, отличный от того, который существует в цивилистической доктрине. Так, А. В. Дранников определяет предметы, ограниченные в гражданском обороте, как «предметы материального мира, гражданско-правовые сделки с которыми, в том числе экспортно-импортные перемещения, полностью или частично запрещены законодательством Российской Федерации в целях обеспечения обороноспособности государства, общественной безопасности, здоровья населения, культурного достояния Российской Федерации и других зарубежных государств»³, что не в полной мере согласуется с гражданско-правовым пониманием объектов, ограниченных в гражданском обороте, как объектов, которые могут принадлежать лишь определенным участникам оборота либо совершение сделок с которыми допускается по специальному разрешению, т. е. оборот которых, хотя и с определенными ограничениями, в целом допустим, а не запрещен.

Между тем представляется, что в рамках единой системы права трактовка тождественных или близких по смыслу выражений, пусть и

¹ См.: Гонгало Б. М. Метод О. А. Красавчикова // Российский юридический журнал. 2006. № 1. С. 31.

² См.: Дранников А. В. Указ. соч. ; Ласточкина М. С. Указ. соч. ; Пантюхин А. В. Указ. соч.

³ Дранников А. В. Указ. соч. С. 8.

используемых в различных отраслях права и сферах юридической науки, должна быть единообразной и не может предприниматься вне контекста «проблематики взаимосвязей... и взаимозависимостей различных частей системы права»¹.

Так, если говорить о взаимосвязи гражданского и уголовного права, то она проявляется, в частности, в том, что определенное поведение субъекта может одновременно подпадать под действие норм обеих указанных отраслей: например, в случае сделки, совершенной с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности. Нередко такая сделка, ничтожность которой установлена нормой ст. 169 ГК РФ, а примерный перечень которых ныне содержится в п. 85 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»² (далее – постановление Пленума ВС РФ от 23.06.2015 г. № 25, постановление Пленума ВС РФ № 25), по терминологии положенного в основу данного постановления разъяснения Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 10 апреля 2008 г. № 22 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с применением статьи 169 Гражданского кодекса Российской Федерации»³ (см. п. 5), «сама по себе образует состав публичного правонарушения», в связи с чем особенно остро стоит вопрос о квалификации соответствующего деяния.

Здесь же следует отметить и теснейшую связь налогового и гражданского права, которая проявляется хотя бы в том, что налоговая политика и вопросы налогообложения зачастую непосредственно обуславливают поведение участников гражданских правоотношений, влияя на выбор ими, например, организационно-правовых форм предпринимательства либо вида заключаемого договора. Укажем также на усматривающуюся системную связь презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений, закрепленной нормой п. 5 ст. 10 ГК РФ⁴, с вытекающей из п. 7 ст. 3 Налогового ко-

¹ Чельшев М. Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: Цивилистическое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. Казань, 2009. С. 3.

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

³ Вестник ВАС РФ. 2008. № 5.

⁴ Которая с 1 марта 2013 г. (дата вступления в действие федерального закона РФ от 30.12.2012 г. № 302-ФЗ, внесшего изменения в числе прочих в ст. 10

декса РФ¹ (далее – НК РФ) презумпцией добросовестности налогоплательщиков. В частности, согласно п. 7 ст. 3 НК РФ, «все неустранимые сомнения, противоречия и неясности актов законодательства о налогах и сборах толкуются в пользу налогоплательщика (плательщика сбора, плательщика СВ, налогового агента)». В литературе по налоговому праву при анализе данной нормы, со ссылкой на разъяснения Конституционного Суда Российской Федерации², отмечается, что в сфере налоговых отношений действует презумпция добросовестности налогоплательщиков³. Безусловно, гражданско-правовой данная презумпция названа быть не может. Однако учитывая, что в подавляющем большинстве случаев один и тот же субъект (физическое, юридическое лицо) одновременно является участником и граж-

ГК РФ) зафиксирована следующим образом: «Добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются».

¹ Налоговый кодекс Российской Федерации. Ч. 1 : федер. закон от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 29.05.2019 г.) // Собр. законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

² Определения Конституционного Суда РФ от 25.07.2001 г. № 138-О «По ходатайству Министерства Российской Федерации по налогам и сборам о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 12 октября 1998 года по делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 11 Закона Российской Федерации “Об основах налоговой системы в Российской Федерации”» (Вестник Конституционного суда РФ. 2002. № 2), от 16.10.2003 г. № 329-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью “Экспорт-Сервис” на нарушение конституционных прав и свобод положениями абзаца первого пункта 4 статьи 176 Налогового кодекса Российской Федерации» (здесь и далее в отсутствие указания иного доступ к материалам судебной практики из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»), от 04.12.2003 г. № 441-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью “Нива-7” на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 2 статьи 20, пунктами 2 и 3 статьи 40 Налогового кодекса Российской Федерации» (Вестник Конституционного суда РФ. 2004. № 3).

³ См.: *Голева Е. В.* Налоговая ответственность при сделках с «проблемными» контрагентами: противоречия судебной практики // *Налоги.* 2016. № 5. С. 11–15 ; *Долгополов О. И.* Проблемы толкования налогового законодательства [Электронный ресурс]. Режим доступа: справ.-правовая система «КонсультантПлюс» ВерсияПроф, 2017 ; *Крусс В. И.* Конституционализация фискально-экономических обязанностей в Российской Федерации : монография. М. : Норма, Инфра-М, 2017 ; *Орлова Е.* Необоснованная налоговая выгода – 11 лет спустя // *Налоговый вестник – Консультации. Разъяснения. Мнения.* 2017. № 9. С. 33–50.

данского, и налогового правоотношения (как правило, сопряженного с гражданским, вытекающего из него)¹, логично предположить, что добросовестный участник гражданско-правовых отношений является и добросовестным налогоплательщиком. В конечном счете отмеченная связь детерминирована фактическим единством той социальной сферы, в которой действуют субъекты соответствующих отношений: и субъекты гражданско-правовых отношений, и налогоплательщики являются участниками сферы имущественного обращения, подвергаемой правовому регулированию со стороны не только гражданского права, но и норм иных отраслей, в том числе налогового². Учитывая изложенное, считаем необходимым рассматривать презумпцию добросовестности с более широких – межотраслевых – позиций, именуя ее при таком подходе *презумпцией добросовестности субъектов гражданского оборота*.

Помимо прочего (использования специалистами в области публичного права соответствующих наработок цивилистической науки, достижения терминологического единообразия российских законов), учет отмеченных и иных междисциплинарных связей обеспечит единство правовой государственной политики в части нормативной регла-

¹ В данной связи уместно привести авторитетное замечание М. Ю. Чельшева, который правовой предпосылкой взаимодействия гражданского и налогового права считал то, что, «сосуществуя в рамках единой системы права», они «вызывают необходимость для одних и тех же субъектов (курсив наш. – Ю. В.) строить свое поведение руководствуясь нормами обоих правовых образований и регулируют, хотя и различными приемами, отношения собственности» (Чельшев М. Ю. Взаимодействие гражданского и налогового права в регулировании отношений с участием предпринимателей. М. : Статут, 2014. С. 13).

² Так, еще в 2006 г. Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ указал, что «судебная практика разрешения налоговых споров исходит из презумпции добросовестности налогоплательщиков и иных участников правоотношений в сфере экономики» (п. 1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12.10.2006 г. № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» (Вестник ВАС РФ. 2006. № 12)). Данное положение воспроизводится в судебных решениях и в настоящее время (см.: определение Верховного Суда РФ от 10.10.2016 г. № 309-КГ16-10785 ; постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 17.01.2018 г. по делу № А24-3334/2017 ; решение арбитражного суда Рязанской области от 01.12.2017 г. по делу № А54-4588/2017), в том числе в одном логическом ряду (в одном абзаце) со ссылкой на презумпцию добросовестности участников гражданских правоотношений (см., например: решение арбитражного суда Иркутской области от 03.08.2017 г. по делу № А19-3929/17).

ментации гражданского оборота как социального феномена¹, что, в свою очередь, означает системное совершенствование положений отдельных отраслей права и законодательства, а также унификацию подходов к интерпретации и практической реализации отдельных понятий и конструкций, в том числе категории «гражданский оборот».

8. Познавательная инертность восприятия и исследования гражданского оборота, проявляющаяся в том, что абсолютное большинство всех «вновь» предлагаемых определений гражданского оборота по существу является модификацией суждений и подходов, сложившихся в доктрине ранее², прежде всего, в советский период, когда в отечественной науке сформировался и начал укореняться преобладающий ныне формальный подход к пониманию гражданского оборота – взгляд на него как на правовую форму, правовую надстройку к экономическому базису, представляющую собой «динамику» субъективных прав. Не отрицая значимости работ ученых того периода, в частности, О. А. Красавчикова, с именем которого связана теория правовых форм³ (лежащая в основании сформулированного правоведом определения понятия гражданского оборота⁴), и не подвергая сомнению важность и необходимость преемственности научных взглядов, тем не менее, полагаем, что на современном этапе, когда уже накоплен значительный массив знаний о гражданском обороте, следует проявлять научную смелость и, затронув понятие «гражданский оборот», предпринимать более решительные шаги в направлении его познания или, как минимум, претендуя на объективность и актуальность результатов осуществляемого научного поиска, иметь в виду общую тенденцию постоянного развития научного знания и наряду с «классическими» постулатами непременно учитывать также вновь появляющиеся концепции, касающиеся предмета исследования.

¹ Как отмечается в юридической литературе, «межотраслевой подход к исследованию правовых явлений обуславливает их объективное и всестороннее познание, а также обеспечивает межотраслевую гармонизацию нормативно-правового регулирования общественных отношений» (*Кузнецова О. А. Методы научного исследования в цивилистических диссертациях // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 4 (26). С. 263*).

² Подробнее об этом см. в § 1 гл. II разд. I монографии.

³ См.: *Красавчиков О. А. Гражданское правоотношение – юридическая форма общественного отношения ; Его же. Гражданская правосубъектность как правовая форма*.

⁴ *Красавчиков О. А. Советский гражданский оборот (понятие и основные звенья). С. 3–28*.

Так, исследуя гражданский оборот и исходя при этом из понимания его как правовой формы экономического оборота, на наш взгляд, нельзя обойти вниманием концепцию гражданско-правовых форм В. А. Белова, согласно которой необходимо выделять более десятка таких форм: гражданское правоотношение; гражданскую правосубъектность; секундарные права; публичные ограничения и частные обременения гражданских прав; кредиторские обязанности; гражданско-правовой режим; гражданско-правовое значение; охраняемые законом интересы; взаимосвязи правовых явлений; отрицательные правовые формы (состояния отсутствия); коллективные правовые формы; гражданско-правовые связи с участием третьих лиц¹. При этом, напомним, В. А. Белов считает, что гражданский оборот выступает правовой формой экономического оборота². В этой связи уже даже в первом приближении возникает целый ряд вопросов, в частности: в какой именно правовой форме, из числа указанных, отражается экономический оборот; или гражданский оборот – их совокупность? Является ли гражданский оборот самостоятельной правовой формой? Не ясно и то, выступает ли гражданский оборот единственно возможной формой экономического оборота. Учитывая традиционность восприятия гражданского оборота как некой «динамики», оправдан и вопрос о том, отражается ли экономический оборот в категориях юридической науки только в форме обязательств³ или, как отмечается в литературе, в вещно-правовых формах тоже⁴? Если гражданский оборот – форма экономического оборота, то, следовательно, последний

¹ См.: Белов В. А. Гражданское право. Общая часть. Т. 1. С. 320–321.

² См.: Белов В. А. Гражданское право. Общая часть. Т. 2. С. 283.

³ Как совокупность гражданско-правовых обязательственных форм определяет гражданский оборот такого объекта, как валютные ценности Р. А. Ражков (см.: Ражков Р. А. Гражданско-правовое регулирование оборота валютных ценностей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 8). Вместе с тем В. А. Белов наряду с формой обязательственных правоотношений выделяет также относительные правовые формы, не являющиеся обязательствами, а именно: охранительные гражданские правоотношения, права ожидания удовлетворения, относительные секундарные права и права участия (корпоративные права) (см.: Белов В. А. Гражданское право. Т. 4. Особенная часть. Относительные гражданско-правовые формы : учебник. М. : Юрайт, 2013).

⁴ Вещно-правовые формы гражданского оборота, в частности, культурных ценностей выделяет, например, А. В. Головизнин (см.: Головизнин А. В. Гражданско-правовое регулирование оборота культурных ценностей : дис. ... канд. юрид. наук. С. 114–157).

является его содержанием; но имеет ли он (экономический оборот) в таком случае свое собственное содержание, что при этом является его формой и как соотносится последняя с гражданским оборотом? Наконец, как может одно из двух видовых явлений, отражаемых в соответствующих понятиях («гражданский оборот» и «экономический оборот»), выступать формой другого? Представляется бесспорным, что ответы на приведенные вопросы требуют глубокого осмысления и серьезного научного анализа и в любом случае обуславливают необходимость корректировки имеющегося учения о гражданском обороте как правовой форме.

Такова общая ситуация в области познания гражданского оборота. Она свидетельствует о трудностях развития дальнейшего познания и должна быть охарактеризована как *проблемная*¹, причем проблемный ее характер детерминирован *порочностью самих рамок наличного научного знания в данной области, а именно преобладанием формального подхода к восприятию гражданского оборота*. Представляется, что именно в силу восприятия гражданского оборота в качестве правовой формы современные ученые неспособны дать научно обоснованное объяснение тому, что представляют из себя, например, стабильность, потребности, интересы, нужды гражданского оборота, о которых упоминается в современной юридической ли-

¹ Мы исходим из необходимости отграничения собственно научной проблемы от научной задачи, разделяя в данном вопросе позицию Н. Н. Тарасова, указывающего, что «различение научной задачи и научной проблемы целесообразно осуществить, прежде всего, в плане средств познавательной деятельности. В этих рамках исследовательская ситуация должна расцениваться как задачная, если для достижения поставленных исследовательских целей наличные компоненты метода юридической науки являются адекватными и достаточными. Если же исследовательская ситуация характеризуется недостаточностью наличных методологических средств правопведения, требует иной парадигмы, привлечения дополнительных инструментов научного исследования, в том числе и из иных наук, то ее можно характеризовать как проблемную» (Тарасов Н. Н. Указ. соч. С. 38–39). См. также: Рузавин Г. И. Методология научного исследования : учеб. пособие. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 1999. С. 40–46. По мнению О. А. Кузнецовой, которая исходит из понимания научной проблемы как обнаруженной неспособности объяснить новые факты посредством существующего научного знания, в цивилистике научную проблему можно констатировать, «когда частноправовая ситуация не может быть разрешена даже при помощи принципов гражданского права» (Кузнецова О. А. Научная проблема и названия цивилистических исследований // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. Вып. 4 (22). С. 316, 317).

тературе, материалах судебной практики, а также в документах, являющихся «мотивами» тех или иных законодательных изменений, или, скажем, что означает термин «введение объектов в гражданский оборот», какие субстанции вводятся в гражданский оборот и какой смысл вкладывает законодатель в формулировку «правомерное введение в гражданский оборот». Как справедливо отмечает Н. Н. Тарасов, «проблема потому и возникает, что существующие теории не описывают или не объясняют имеющиеся факты»¹.

Так, закреплённая в Гражданском кодексе РФ формулировка «правомерное введение в гражданский оборот»², с позиций понимания гражданского оборота как правовой формы, ставит в тупик и порождает вопрос: как можно ввести нечто материальное (например, согласно ст. 1274 ГК РФ³, экземпляры произведений) в идеальную по своей природе правовую форму? Но даже абстрагировавшись от этого, выражение «правомерное введение в гражданский оборот» не укладывается в рамки сложившегося восприятия гражданского оборота, поскольку подразумевает наличие случаев, когда определенные объекты вводятся в гражданский оборот неправомерно. Однако с точки зрения понимания гражданского оборота как правовой формы экономического оборота, и, таким образом, как оборота субъективных прав (и обязанностей), введение в гражданский оборот, на наш взгляд, изначально не может быть «правомерным» или «неправомерным» — оно либо есть, либо его нет. Иными словами, или действие субъекта по введению определенного объекта в гражданский оборот влечет соответствующий правовой результат — «введение», суть, появление в гражданском обороте нового, ранее отсутствовавшего в

¹ Тарасов Н. Н. Указ. соч. С. 39.

² Такая формулировка используется в ряде статей ГК РФ. Например, в п. 2 ст. 1274 ГК РФ говорится о том, что «в случае, когда библиотека предоставляет экземпляры произведений, правомерно введенные в гражданский оборот, во временное безвозмездное пользование, такое пользование допускается без согласия автора или иного правообладателя и без выплаты вознаграждения»; ст. 1344 ГК РФ гласит: «Если оригинал или экземпляры произведения, обнародованного в соответствии с настоящим параграфом, правомерно введены в гражданский оборот путем их продажи или иного отчуждения, дальнейшее распространение оригинала или экземпляров допускается без согласия публикатора и без выплаты ему вознаграждения».

³ Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 4 : федер. закон РФ от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 23.05.2018 г.) // Собр. законодательства РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.

нем права (обязанности), либо не влечет его ввиду неправомерности поведения действующего субъекта¹.

Впрочем, современный российский правовой порядок позволяет привести примеры, когда формально правомерно введенные в гражданский оборот субъективные права по существу являются введенными в него неправомерно.

Например, в случае заключения договора об отчуждении исключительного права на произведение, предусмотренного ст. 1285 и 1234 ГК РФ, лицом, не уполномоченным на передачу права, в силу отсутствия права у отчуждателя не должно следовать перенесение этого права на другого участника гражданского оборота. В то же время ст. 1257 ГК РФ закрепляет презумпцию авторства, в соответствии с которой при отсутствии доказательств иного автором произведения считается лицо, указанное в качестве автора на оригинале или экземпляре произведения. До момента опровержения данной презумпции неуполномоченный отчуждатель формально будет считаться автором произведения и, таким образом, первоначальным обладателем исключительных прав (п. 2 ст. 1255 ГК РФ), в связи с чем соответствующий (изначально ничтожный, на наш взгляд) договор должен предполагаться действительным. Следовательно, исключительное право автора, являющееся предметом данной распорядительной сделки, должно считаться введенным в гражданский оборот, хотя и неправомерно.

Другим примером может быть государственная регистрация вещных прав на юридически дефектные объекты недвижимости. Известна практика российских судов, которые стремясь защитить так называемых дольщиков, в целом ряде случаев выносили решения о признании права собственности на жилые помещения, расположенные в построенных, но не введенных (в том числе по причине самовольности постройки) в эксплуатацию многоквартирных домах. Можно указать и на случаи незаконного отвода и изменения правового режима земельных участков. Несмотря на то, что последующая

¹ Следует заметить, что неправомерное введение в гражданский оборот при этом, безусловно, не должно восприниматься лишь как отсутствие условия (правомерного введения), предусмотренного гипотезой регулятивной нормы и необходимого для наступления установленных «нормальных» правовых последствий. В том случае, когда введение объекта в гражданский оборот представляет собой неправомерное действие, с ним должны быть связаны качественно иные правовые последствия – приводящие в действие охранительные правовые нормы.

государственная регистрация прав на подобные объекты формально осуществляется на законном основании (на основе судебного решения, акта органа государственной власти), сама дефектность появления соответствующих объектов определяет изначальную порочность прав на них, которые, таким образом, должны рассматриваться как ставшие объектами гражданского оборота неправомерно, что отчасти подтверждает предусмотренная законом¹ возможность оспаривания решения о государственной регистрации и основанного на ней признания субъективного права на определенный объект.

Безусловно, право как совокупность правовых норм должно быть рассчитано на тот идеальный порядок, который предполагает неотступное соблюдение этих самых норм и который должен служить образцом, всеобщим масштабом поведения субъектов в обществе². В то же время законодатель не может игнорировать те фактически существующие ситуации, когда некто, формально действующий как управомоченное лицо, в действительности таковым не является, но тем не менее производит, продает либо предлагает к продаже или иным образом отчуждает определенные блага.

Учетом этих жизненных обстоятельств, как представляется, обусловлены и оговорки о «правомерном» введении в гражданский оборот, и законодательное закрепление стоящих с ними в одном ряду

¹ В частности, п. 6, 7 ст. 8.1 ГК РФ, п. 5 ст. 1 федерального закона РФ от 13.07.2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (Собр. законодательства РФ. 2015. № 29 (ч. 1). Ст. 4344) (ранее это допускала норма абз. 2 п. 1 ст. 2 федерального закона РФ от 21.07.1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (Собр. законодательства РФ. 1997. № 30. Ст. 3594)). Согласно разъяснению Пленума Верховного Суда РФ, при рассмотрении спора о праве на имущество, зарегистрированном в государственном реестре, к участию в деле в качестве ответчика должно быть привлечено лицо, за которым зарегистрировано право на это имущество (абз. 2 п. 5 постановления Пленума ВС РФ № 25).

² Так, рассматривая изъятие из оборота имущества как санкцию за нарушение исключительных прав, применительно к контрафактным материалам, О. А. Кузнецова справедливо отмечает, что «в собственности каких-либо лиц такие материалы находиться в принципе не могут, так как такое имущество не может быть в законном обороте, законные владельцы у него отсутствуют» (Кузнецова О. А. Изъятие имущества как санкция за нарушение исключительных прав // Система управления интеллектуальной собственностью и защита интеллектуальных прав в образовательных организациях : сб. ст. всерос. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 27 сент. 2017 г.) / сост. А. А. Молчанов. СПб. : Изд-во СПб. ун-та МВД России, 2017. С. 25, 24).

по своей условности норм о недействительных сделках, либо порождающих желаемые сторонами, хоть и нестабильные, правовые последствия (оспоримые сделки), либо влекущих фактический переход имущества от одного лица к другому, а для добросовестного приобретателя при наличии известных условий – и прав на него (исполненные ничтожные договоры). Но в таком случае и *само понимание гражданского оборота, на наш взгляд, требует корректировки, в частности, путем включения в состав его объектов не только субъективных прав и обязанностей, но и самих благ, в том числе материальных субстанций*, охватывая те, нахождение которых в гражданском обороте является условно правомерным. Помимо уже отмеченного относительно такого блага, как информация, аргументом в пользу такого решения может быть и планируемое законодательное признание фактического владения¹.

В данной связи нельзя не обратить внимания также на то, что практически во всех нормах ГК РФ, в которых используется выражение «введение в гражданский оборот», указывается именно на материальные объекты, в которых выражены охраняемые результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации: товары (п. 2 ст. 1484, п. 2 ст. 1486, ст. 1487 и др.); продукт, в котором использованы изобретение или полезная модель, либо изделие, в котором использован промышленный образец (п. 2 ст. 1358, пп. 6 ст. 1359); семена, животные, растительный или племенной материал (п. 2 ст. 1421, пп. 6 ст. 1422); оригинал или экземпляры опубликованных произведений либо фонограммы (ст. 1272, п. 2 ст. 1274, ст. 1325); интегральные микросхемы с топологией (пп. 3 ст. 1456) и т. д. Об этом свидетельствует и судебная практика, в материалах которой указывается на введение в гражданский оборот отдельных жилых помещений в коммунальной квартире, недвижимого имущества и пр.²; причем, как видно из приведенных примеров, понятию «введение в

¹ См.: Подраздел 1 «Владение» раздела II «Вещное право» ГК РФ в редакции проекта федерального закона от 27.04.2012 г. № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Режим доступа: справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

² См.: постановление Конституционного Суда РФ от 03.11.1998 г. № 25-П; постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 27.10.2005 г. № А58-3881/04-Ф02-5278/05-С2; определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 17.10.2011 г. № ВАС-13314/11.

гражданский оборот», несмотря на использование его в нормах, закрепленных в части четвертой ГК РФ, правоприменителем вполне оправданно придается общеотраслевое значение.

В свете вопроса о том, *что* именно вводится в гражданский оборот, является его объектом – материальные блага (как это следует, например, из положений п. 4 ст. 152, п. 2 ст. 152.1, п. 4 ст. 152.2, ст. 1272, п. 2 ст. 1274, ст. 1325, п. 2 ст. 1358, подп. 6 ст. 1359, п. 2 ст. 1421, подп. 6 ст. 1422, п. 2 ст. 1484, п. 2 ст. 1486, ст. 1487 и др. ГК РФ) или также субъективные права (в том числе на дематериализованные объекты, фактически не способные к передаче) – проблема соотношения понятий «оборот» и «гражданский оборот» как атрибутов экономического и правового начал и становится тем «краеугольным камнем», который требует не пространных теоретических рассуждений, но предельной точности и осторожности формулировок и предлагаемых решений, поскольку от этого, в конечном счете, зависит наступление совершенно определенных правовых последствий¹.

¹ В качестве примера можно указать на правило ст. 1487 ГК РФ «Исчерпание исключительного права на товарный знак», устанавливающей, что «не является нарушением исключительного права на товарный знак использование этого товарного знака другими лицами в отношении товаров, которые были введены в гражданский оборот на территории Российской Федерации непосредственно правообладателем или с его согласия». Одним из ключевых при применении данной нормы является вопрос о том, какие действия могут признаваться введением в гражданский оборот, а именно только ли те, которые связаны с переходом прав на объекты (в частности, первая продажа или иная передача товара, маркированного товарным знаком), либо понятие «введение в гражданский оборот» охватывает также случаи производства (изготовления) объектов, их ввоза на территорию РФ и др., с переходом прав не связанные?

Нормы законодательства дать однозначный ответ на этот вопрос не позволяют. С одной стороны, первый из указанных вариантов толкования соответствует тому понятию гражданского оборота, которое на основании его традиционной доктринальной трактовки формулируют путем логического анализа (общего) правила п. 1 ст. 129 ГК РФ, гласящего о переходе объектов от одного лица к другому в порядке правопреемства. С другой стороны, в соответствии с нормой подп. 1) п. 2 ст. 1484 ГК РФ исключительное право на товарный знак может быть осуществлено путем размещения товарного знака на товарах, «которые производятся, предлагаются к продаже, продаются, демонстрируются на выставках и ярмарках или иным образом вводятся в гражданский оборот на территории Российской Федерации, либо хранятся или перевозятся с этой целью, либо ввозятся на территорию Российской Федерации». Из приведенной нормы следует, что производство признается способом (по сути, моментом) введения товаров в гражданский оборот. Что касается ввоза на территорию РФ,

Между тем российский законодатель в одних случаях говорит о введении объектов в гражданский оборот (п. 4 ст. 152, п. 2 ст. 152.1, п. 4 ст. 152.2, ст. 1272, п. 2 ст. 1274, п. 1 ст. 1302, ст. 1325, ст. 1344 и др. ГК РФ), а в других случаях использует выражение «введение в оборот» (п. 2 ст. 1515, п. 1 ст. 1537 ГК РФ). Не вполне ясна логика законодателя и относительно противоположного по значению понятия – «изъятие из (гражданского) оборота», которое с юридической точки зрения является основным правовым последствием неправомерного введения определенного объекта в гражданский оборот: представляется, если объект введен в *гражданский* оборот, то и изыматься он должен также из *гражданского* оборота. Однако в ГК РФ преимущественно используемому выражению «введение в *гражданский* оборот» почему-то противостоит только «изъятие из *оборота*».

Другим моментом, связанным с выражением «введение в гражданский оборот», является вопрос о способах упомянутого введения, в контексте проблемы определения понятия «гражданский оборот» сводящийся к тому, охватывает ли оно только отношения «динамики» (перехода прав на объекты) либо и отношения «статики» (юридической принадлежности объектов отдельным лицам) тоже.

В числе возможных способов введения объектов в гражданский оборот в законодательстве применительно к отдельным видам объектов прямо указаны: продажа или иное отчуждение, ввоз на территорию России, изготовление, производство, применение (внедрение), предложение о продаже, демонстрация на выставках и ярмарках (ст. 1358, 1359, 1484, п. 2 ст. 1519 ГК РФ). На этом основании следует признать, что введение в гражданский оборот может осуществляться, в том числе и производством (созданием) материальных объектов, а не только их отчуждением. Данный вывод подтверждается и судебной практикой. Так, например, в постановлении ФАС Восточно-Сибирского округа от 27 октября 2005 г. № А58-3881/04-Ф02-

то в данном случае в числе способов введения товаров в гражданский оборот он непосредственно не назван и обозначен как способ осуществления исключительного права на товарный знак; вместе с тем перечень способов введения товаров в гражданский оборот в цитируемой норме является открытым, что, полагая, не исключает возможность включения в него и ввоза на территорию РФ, как это имеет место в других статьях ГК РФ (см.: подп. 1) п. 2 ст. 1358, подп. 6) ст. 1359, подп. 2) п. 2 ст. 1454). Таким образом, решение вопроса об исчерпании права в каждом отдельном случае во многом определяется процессуальной позицией и умением интерпретатора (представителя стороны по делу).

5278/05-С2 по иску о признании права хозяйственного ведения на незавершенное строительством здание и истребование данного имущества из чужого незаконного владения, указано, что «... право собственности на вновь создаваемое недвижимое имущество, подлежащее государственной регистрации, возникает с момента такой регистрации. Таким образом, именно с этого момента недвижимое имущество включается в гражданский оборот и может являться предметом различных сделок». Поскольку при этом говорится о включении в гражданский оборот, можно заключить, что вследствие этого объект становится частью гражданского оборота¹, следовательно, должен охватываться понятием последнего, несмотря на то, что в рассматриваемом случае речь идет о возникновении субъективного права, а не об его отчуждении или переходе.

Аналогичный вывод следует сделать в таких допускаемых законом (п. 1, 3 ст. 1233, п. 1, 4 ст. 1235, 1236 ГК РФ) случаях, как временное предоставление либо передача части исключительного права правообладателем другому лицу, когда при возникновении исключительного права у одного лица одновременного прекращения этого права у (первоначального) правообладателя не происходит. По смыслу ст. 129 ГК РФ, указанные случаи не подлежат включению в гражданский оборот, поскольку смены обладателя субъективного права при этом не происходит, этих обладателей просто становится больше. Равно как отсутствует смена правообладателя при перемещении имущества внутри организации (в частности, при наделении юридическим лицом имуществом созданных им филиалов и представительств либо иных структурных подразделений), а также при возврате собственнику принадлежащего ему имущества из чужого незаконного владения в порядке реализации виндикационного требования². В то же время исключение подобных случаев из гражданского оборота представляется необоснованным сужением содержания последнего даже с позиций сложившегося понимания, поскольку «динамика» (как свойство, характер «действительных правовых связей участни-

¹ Это соответствует и тому значению, которое придается слову «включить» в русском языке: «ввести, внести в состав, в число кого-чего-нибудь», «присоединить к системе чего-нибудь» (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 85).

² О том, что к сфере (гражданского) оборота можно отнести также виндикацию, отмечает, в частности, Д. В. Жернаков (см.: Жернаков Д. В. Указ. соч. С. 128).

ков гражданского оборота»¹), традиционно отмечаемая в числе существенных признаков гражданского оборота, здесь, на наш взгляд, безусловно, присутствует.

В данной связи более удачным представляется подход, при котором понятие гражданского оборота связывают не только с транслятивным, т. е. «переносящим права и обязанности»², но и с конститутивным (правоустанавливающим) правопреемством, при котором «на основе права праводателя создается право с иным содержанием (более ограниченным)»³. В современной юридической литературе сторонником такого понимания гражданского оборота является, в частности, Р. Ф. Галеева⁴. Впрочем, и в этом случае, в силу своего фактического характера, за рамками гражданского оборота (в его общепризнанном понимании) остается виндикация.

Между тем еще И. А. Покровский в числе основных проблем современного ему гражданского права выделял «проблему собственности», в рамках анализа которой особо останавливался на вопросе о причинах восстановления принципа «Hand muss Hand wahren» для движимых вещей и установления института поземельных книг для оборота на недвижимости⁵. Правило или, как его иначе именует правовед, начало «Hand muss Hand wahren», действовавшее «в правовых системах старогерманского корня» (и, заметим, воплощенное в нормах действующего российского гражданского законодательства), заключалось в том, что виндикации от всякого третьего лица подлежали только вещи, вышедшие из рук владельца против его воли (потерянные, похищенные); вещи, добровольно вверенные владельцем кому-нибудь, в случае их отчуждения последним «уходят от собственника окончательно»⁶. Данное правило значительно отличалось от по-

¹ Колодуб Г. В. Динамика гражданско-правового обязательства: категория, содержание, значение // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2011. № 3. С. 115 ; См. также: Колодуб Г. В. К вопросу о понимании категории «динамика» гражданско-правового обязательства // Вестник Саратовской государственной академии права. 2011. № 3 (79). С. 89–92.

² См.: Черепяхин Б. Б. Правопреемство по советскому гражданскому праву // Черепяхин Б. Б. Труды по гражданскому праву. М. : Статут, 2001. С. 311.

³ Там же. С. 320.

⁴ См.: Галеева Р. Ф. Исключительное право: правовая природа и роль в гражданском обороте : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 23.

⁵ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М. : Статут, 2001. С. 351, п. XI.

⁶ См.: Там же. С. 197, 195–196.

ложений древнеримского права, согласно которому, как известно, никто не мог передать другому больше прав, чем имеет сам¹, исходя из чего даже добросовестный приобретатель вещи права собственности на нее не получал и истинный собственник мог отобрать вещь назад.

Как пишет И. А. Покровский, «последовательное проведение римского принципа создавало бы общую неуверенность оборота», поскольку приобретатель никогда не мог быть уверен в том, что он стал собственником и что «завтра не явится некоторое другое лицо, которое докажет свое право собственности на вещь и отберет ее себе»; начало же «*Hand muss Hand wahren*», по мнению правоведа, устраняло подобную неуверенность, в связи с чем под влиянием «потребностей оборота», «потребностей экономического прогресса» оно «начинает укрепляться снова»². Возражая «энергичным протестам» против распространения данного начала в общегражданском (а не только в специальном торговом) праве, ученый отмечал, что все они «остаются бессильными перед общим стремлением к созданию наибольшей прочности оборота»³. Логическим развитием данного тезиса является его суждение о том, что и усвоение принципа «*Hand muss Hand wahren*» для движимых вещей, и установление института поземельных книг для оборота на недвижимости «вызвано единой целью и проникнуто единой мыслью: обеспечить прочность гражданского оборота путем узаконения доверия к известным внешним фактам»⁴. Таким образом, те или иные правила виндикации самым непосредственным образом связывались корифеем отечественной цивилистики с гражданским оборотом, а точнее, с необходимостью обеспечения его прочности⁵.

¹ «*Nemo ad alium plus juris transferre potest, quam ipse habet*». – лат.

² См.: Покровский И. А. Указ. соч. С. 197, 196, 204, 198.

³ См.: Там же. С. 198–199.

⁴ Там же. С. 201.

⁵ Аналогичные суждения высказывают и современные юристы. Так, А. А. Куприянов, обосновывая тезис о том, что фактическое владение является основным аргументом в спорах о недвижимости, ссылается на постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 30.01.2004 г. № Ф08-5465/03, в котором указано, что «истечение срока исковой давности к предыдущему фактическому владельцу лишает собственника права истребовать вещь у лица, в фактическом владении которого она находится», и заключает: «Это так по смыслу закона, защищающего устойчивость гражданского оборота на будущее время» (Куприянов А. А. Фактическое владение как основной аргумент в спорах о недвижимо-

Понятие «прочность (стабильность¹, устойчивость) гражданского оборота» заслуживает особого внимания, поскольку является еще одним положением, не укладывающимся в устоявшееся формальное понимание гражданского оборота. Заметим, что указанное понятие и соответствующие ему выражения используются не только в современной юридической литературе² и в материалах судебной практики³

сти [Электронный ресурс] // Недвижимость, строительство, право. Изд. дом «Арбитражная практика», 2009. № 1. URL: <https://pravorub.ru/articles/1467.html>).

¹ Означающее «прочность, устойчивость, постоянность» (см.: *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Указ соч. С. 761).

² Так, одна из цивилистических монографий начинается словами: «Одной из основных задач для Российской Федерации на современном этапе является обеспечение нормального и стабильного функционирования гражданского оборота» (см.: *Желонкин С. С.* Недействительность анτισоциальных сделок : монография. М. : ИНФРА-М, 2014. С. 3). См. также: *Богданова Е. Е.* Добросовестность участников договорных отношений и проблемы защиты их субъективных гражданских прав : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. М., 2010. С. 13 ; *Безик К. С.* Одностороннее изменение и расторжение договоров в гражданском праве Российской Федерации : монография. Иркутск, 2012. С. 175 ; *Дятлов Е. В.* Согласие третьих лиц на совершение сделки в гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2014. С. 15 ; *Ломакин Д. В.* Внутрикorporативные процедуры и стабильность гражданского оборота: проблема поиска приоритета // Вестник ВАС РФ. 2010. № 11 ; *Петрушкин В. А.* Актуальные проблемы правовой модели системы оборота недвижимости. С. 5, 10 ; *Сидоров А. Е.* Предприятие как объект гражданских прав в Германии, Австрии, Швейцарии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2014. С. 9 ; *Храмцов К. В.* Категория справедливости как нравственная основа гражданского оборота. С. 72.

³ Например, согласно п. 2 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 21.04.2003 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О. М. Мариничевой, А. В. Немировской, З. А. Склиановой, Р. М. Склиановой и В. М. Ширяева» «конституционные принципы свободы экономической деятельности и свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств предполагают наличие надлежащих гарантий стабильности, предсказуемости и надежности гражданского оборота, которые не противоречили бы индивидуальным, коллективным и публичным правам и законным интересам его участников». В кассационном определении Магаданского областного суда от 13.12.2011 г. № 33-1362/11 по делу № 2-1810/11 указано, что «целью государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним является не только учет недвижимого имущества, но и обеспечение субъектам прав на недвижимое имущество гарантий устойчивости оборота такого имущества со стороны государства». В п. 38 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 г. № 25 разъясняется, что «по смыслу ст. 131 ГК

(в том числе, зарубежных¹), но и в документах, являющихся «мотивами» тех или иных законодательных изменений. Так, в п. 5.2.1

РФ закон в целях обеспечения стабильности гражданского оборота устанавливает необходимость государственной регистрации права собственности и других вещных прав на недвижимые вещи, ограничения этих прав, их возникновения, переход и прекращение». В постановлениях Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.05.2015 г. по делу № А08-4047/2014, от 24.06.2015 г. по делу № А36-852/2015 отмечается, что институт исковой давности в гражданском праве «имеет целью упорядочить гражданский оборот, создать определенность и устойчивость правовых связей, дисциплинировать их участников, способствовать соблюдению хозяйственных договоров». То, что «применение судом исковой давности по заявлению стороны в споре направлено на сохранение стабильности гражданского оборота» указано также в постановлении Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 04.03.2016 г. 15АП-1085/2016 по делу № А32-3757/2015, решении АС Ростовской области от 02.12.2010 г. по делу № А53-1583/2010. См. также: постановление Президиума ВАС РФ от 04.09.2007 г. № 3039/07 по делу № А40-70770/05-85-579 ; решение АС Астраханской области от 12.04.2010 г. по делу № А06-6822/2009 ; решение АС Кемеровской области от 08.02.2013 г. по делу № А27-11489/2012 ; решение АС г. Москвы от 12.11.2013 г. по делу № А40-52753/2012 ; постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 14.03.2016 г. по делу № А51-13412/2015 ; решение АС Республики Северная Осетия – Алания от 28.07.2015 г. по делу № А61-1176/2015.

¹ Так, рассматривая вопрос об основах гражданского права в судебной практике Грузии, об обеспечении гражданского оборота говорит Т. Зарандиа. В частности, она развивает тезис о том, что значительная роль в обеспечении справедливого и упорядоченного гражданского оборота принадлежит государству, которое выступает гарантом отмеченной справедливости и упорядоченности (см.: *Zarandia T. Grundlagen des Zivilrechts in der georgischen Rechtsprechung // Grundlagen der Zivilrechtsordnung in den Staaten des Kaukasus und Zentralasiens in Theorie und Praxis : Materialien einer Konferenz an der Universität Bremen vom 29. und 30 März 2007 / R. Knieper, L. Chanturia, H.-J. Schramm (Hrsg.). Berlin : Berliner Wissenschafts-Verlag, 2007. S. 136–138* [Зарандиа Т. Основы гражданского права в судебной практике Грузии // Основы гражданского права в государствах Кавказа и Центральной Азии в теории и на практике : материалы междунар. конф. в Бремен. ун-те 29 и 30 марта 2007 г. / под общ. ред. Р. Книпера, Л. Чантурия, Г.-И. Шрама. Берлин : Berliner Wissenschafts-Verlag, 2007. С. 152–155]). Данный тезис ученый иллюстрирует выдержками из ряда решений Конституционного Суда Грузии, в одном из которых говорится о необходимости защиты потребителя как слабой стороны рыночных отношений от неправомерных условий, предлагаемых сильной стороной, и указывается на то, что «вмешательство государства в этом направлении для обеспечения справедливого и упорядоченного гражданского оборота следует считать оправданным шагом» (решение Конституционного Суда Грузии «Граждане Грузии Шалва Нателашвили и Акакий Микадзе

разд. II Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации¹ (далее – Концепция, Концепции развития гражданского законодательства РФ) отмечалось широкое распространение на практике признания сделок ничтожными на основании ст. 168 ГК и далее указывалось: «Тем самым стабильность и предсказуемость гражданского оборота поставлены под серьезную угрозу. Чтобы не допустить дальнейшего разрушения стабильности гражданского оборота, изменение законодательства должно быть направлено на сокращение легальных возможностей признавать сделки недействительными во всех случаях, когда недействительность сделки как гражданско-правовая санкция является неоправданной и явно несопоставимой по характеру и последствиям допущенных при совершении сделки нарушений»². Данная общая идея, получив воплощение в новой редакции ст. 168 ГК РФ³, была детализирована в новелле кодекса – ст. 173.1 «Недействительность сделки, совершенной без необходимого в силу закона согласия третьего лица, органа юридического лица или государственного органа либо органа местного самоуправления», относительно положений которой (в системной связи с нормой ст. 157.1 «Согласие на совершение сделки») в Пояснительной записке к проекту ФЗ РФ «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴ (далее по тексту – Пояснительная записка к законопроекту о внесении изменений в ГК РФ, Пояснительная записка) указано, что «в отдельных случаях сделка должна являться оспоримой и тогда, когда правила о согласии на ее совершение установлены в интересах третьего лица, однако с учетом существа отношений и в целях обеспечения

против национальной комиссии по регулированию энергетики Грузии (НКЗЭГ)» (см. Там же. С. 153)).

¹ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации : одобр. решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 07.10.2009 г. // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.

² См. также п. 9 разд. I Концепции.

³ См.: О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации : федер. закон от 07.05.2013 г. № 100-ФЗ. Режим доступа : справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

⁴ Режим доступа: справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=93951>.

стабильности гражданского оборота целесообразно исходить из оспоримого характера сделки без согласия». Кроме этого, в Пояснительной записке говорится о «дестабилизации оборота» (абз. 2 разд. I); отмечается, что в интересах гражданского оборота вводится правило, требующее опубликовывать сведения о признании решения собрания недействительным в том же порядке, в каком были опубликованы сведения о принятии данного решения (п. 2 ст. 181.3); «повысить защищенность и стабильность гражданского оборота, снизить риск лиц, вступающих в отношения с лицом, предъявившим доверенность» призваны изменения в положения ГК о представительстве (гл. 10).

Однако несмотря на столь широкое употребление, понятие «стабильность (устойчивость, прочность) гражданского оборота» нельзя признать определенным в своем содержании. Более того, с позиций формального подхода к пониманию гражданского оборота, буквально означая стабильность правовой формы, в отдельных случаях оно представляется даже абсурдным: как можно, ссылаясь на необходимость обеспечения устойчивости основанной на нормах права меры возможного или должного поведения¹, обосновывать изменения правовых норм, которые эти возможности и долженствования устанавливают?

В качестве аргумента в пользу необходимости совершенствования положений гражданского законодательства апеллируют и к потребностям гражданского оборота. Например, в Концепции развития гражданского законодательства РФ указано, что «потребности гражданского оборота в разнообразных финансовых услугах требуют как расширения круга возможных банковских счетов, так и развития регламентации уже предусмотренных законодательством видов банковских счетов» (п. 2.4.1 подр. 2.4 «Банковский счет» разд. VI «Законодательство о ценных бумагах и финансовых сделках»)², что «с учетом

¹ Подобным образом определял понятие правовой формы О. А. Красавчиков (см.: *Красавчиков О. А.* Гражданское правоотношение – юридическая форма общественного отношения. С. 20–21).

² Данное положение буквально воспроизведено и в п. 7 заключения Комитета Государственной Думы Федерального Собрания РФ по финансовому рынку от 23.04.2012 г. № 8/4 «По проекту федерального закона № 47538-6 “О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации”» (Режим доступа: справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=96018>), а также в Пояснительной записке к законопроекту о внесении изменений в ГК РФ.

существующей судебной практики и нужд имущественного оборота следует рассмотреть вопрос о возможном расширении понятий “отлагательное условие” и “отменительное условие” в сделках под условием» (п. 4.1.1 подр. 4 разд. II). В заключении по проекту федерального закона РФ «Об электронной подписи»¹ отмечено, что данный законопроект соответствует зарубежному законодательству, «где преобладают технологически нейтральные модели регулирования электронных подписей, отвечающие в большей степени потребностям гражданского оборота». В определении Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2010 г. № 456-О-О² по жалобам, связанным с порядком исчисления исковой давности по требованиям третьих лиц, указывалось, что требования заявителей сопряжены с внесением изменений в правовое регулирование, что «относится к прерогативам федерального законодателя, который реализует их в том числе с учетом конкретных условий социально-экономического развития Российской Федерации и потребностей гражданского оборота»³.

В определении Высшего Арбитражного Суда РФ от 2 декабря 2009 г. № ВАС-13944/09 по делу № А56-31225/2008 также используется данное понятие, однако говорится не об изменении действующего законодательства, а о необходимости «приспособления имеющегося инструментария к современным условиям и потребностям гражданского оборота, включая применение судами норм законодательства по аналогии»⁴.

В ином аспекте – в качестве критерия предоставления либо отказа в правовой защите – выступают потребности гражданского оборота (противопоставляемые интересам его отдельных участников) в

¹ По проекту федерального закона № 159631-4 «Об электронной подписи»: решение Комитета по энергетике, транспорту и связи от 14 сентября 2005 г. № 3.25-12/52. Режим доступа: справ.-правовая система «Консультант-Плюс»: Законопроекты.

² Определение Конституционного Суда РФ от 08.04.2010 г. № 456-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб закрытого акционерного общества «Викон» и гражданки Лоховой Алевтины Павловны на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 1 статьи 181 Гражданского кодекса Российской Федерации».

³ Принимая во внимание новую редакцию п. 1 ст. 181 ГК РФ, можно констатировать, что последние были учтены отечественным законодателем.

⁴ Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 02.12.2009 г. № ВАС-13944/09 по делу № А56-31225/2008.

практике судов общей юрисдикции¹. Несмотря на то, что судебные решения выносятся при этом в пользу одной из сторон спора, в правоприменительных актах прямо указывается на потребности либо нужды гражданского оборота. Так, в решении Пятигорского городского суда Ставропольского края от 29 апреля 2011 г. по делу № 2–794/11 (по иску о признании права собственности на нежилые помещения в силу приобретательной давности)² указано, что действие приобретательной давности, лишаящей собственника принадлежащего ему права вопреки его воле, «не вполне согласуется с основами частного права и не может быть оправдано ничем иным, кроме как нуждами оборота». Установив наличие всех условий, необходимых для признания права собственности в силу приобретательной давности, суд пришел к выводу, что «правильным является разрешение спора в пользу истца, а в конечном итоге в пользу гражданского оборота», пояснив: «Ведь отказ в иске по основанию приобретательной давности практически лишает давностного владельца возможности

¹ На наш взгляд, подобный подход вполне оправдан, поскольку индивидуальные интересы и потребности отдельных участников гражданского оборота столь разносторонни и различны, что вряд ли могут быть как обобщены исчерпывающим образом, так и признаны в своем единстве потребностями самой системы (гражданского оборота), посредством которой эти индивидуальные потребности и интересы и реализуются. Более того, право как социальный регулятор, призванный «мирно», без кровопролития разрешать возникающие в обществе конфликты, базируется не только на эмпирическом суммировании и типизации потребностей и интересов членов общества, но и на их изначальном противопоставлении. При этом, вставая на сторону одних категорий лиц (в частности, должников – при заявлении ими об истечении исковой давности, добросовестных приобретателей и др.), право отказывает тем самым в защите интересов других, с позиций идеи справедливости ничуть не меньше заслуживающих такой защиты и нуждающихся в ней (кредиторов, собственников). Причины подобных правовых решений, как представляется очевидным, лежат вне плоскости противопоставления равновеликих с точки зрения частного права интересов юридически равных субъектов и могут быть объяснены только путем апелляции к некой иной величине, надстоящей над индивидуальными потребностями и интересами членов социума, и выступающей *действительным* критерием предоставления либо отказа в правовой защите. Таким критерием и выступают потребности гражданского оборота, противопоставляемые интересам его отдельных участников. С указанных позиций «необходимо признать, что интересы имущественного оборота в целом тоже носят общественный, а не только частный характер» (Суханов Е. А. Государство и гражданский оборот).

² URL: <https://rospravosudie.com/court-pyatigorskij-gorodskoj-sud-stavropolskij-kraj-s/act-100483671>.

приобрести право собственности в отношении такого объекта недвижимости. В результате имущество оказывается фактически выведенным из гражданского оборота, поскольку истец не имеет правомочий по распоряжению им в виде сдачи в аренду, залога, отчуждения, а такие сделки являются ничтожными». Другим примером могут служить случаи удовлетворения заявленных требований о взыскании денежных средств в порядке наследования. В соответствующих судебных решениях (о возмещении ущерба, причиненного вследствие недостатков товара¹; о признании недействительными условий договора кредитования и применении последствий недействительности в виде возврата денежных средств²; о взыскании комиссии за обслуживание ссудного счета по кредитному договору³) отмечается, что «понимание наследства как совокупности имущественных отношений, в которых ранее состоял наследодатель, в которые затем вступают наследники, больше отвечает потребностям гражданского оборота» и что «в отношениях собственности наследники встают на место собственника, в обязательственных отношениях – на место кредитора или должника соответственно».

При видимой понятности приведенных положений представляется не вполне ясным, что являют собой указанные «потребности гражданского оборота». Раскрытие содержания понятия «потребность», означающего «надобность, нужду в чем-нибудь, требующую удовлетворения»⁴ большей внятности в трактовку соответствующего выражения не вносит. Можно предположить, что в тех случаях, когда говорят о потребностях гражданского оборота, имеют в виду потребности не собственно гражданского оборота, а его участников, как это, например, прямо зафиксировано во введении к разделу IV «Законодательство о вещных правах» Концепции, а также в Пояснительной записке к законопроекту о внесении изменений в ГК РФ (абз. 2 разд. II Вещное право). Но в таком случае, с позиций понимания гражданско-

¹ См.: Апелляционное определение Октябрьского районного суда г. Красноярска от 01.06.2010 г. (URL: <https://rospravosudie.com/court-oktyabrskij-rajonnyj-sud-g-krasnojarska-krasnojarskij-kraj-s/act-101228847>).

² См.: Решение Азнакаевского городского суда Республики Татарстан от 29.06.2011 г. по делу № 2-1048 (URL: <https://rospravosudie.com/court-aznakaevskij-gorodskoj-sud-respublika-tatarstan-s/act-104327834>).

³ Решение Азнакаевского городского суда Республики Татарстан от 17.01.2012 г. по делу № 2-40 (URL: <https://rospravosudie.com/court-aznakaevskij-gorodskoj-sud-respublika-tatarstan-s/act-100014828>).

⁴ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ соч. С. 572.

го оборота как правовой формы, встает еще более сложная и, пожалуй, неразрешимая задача: сначала разобраться с тем, что означает выражение «участники правовой формы», и уже после этого выявить смысл словосочетания «потребности участников правовой формы».

Обращение с целью установления значения терминов «стабильность гражданского оборота» и «потребности гражданского оборота» к имеющимся в отечественной доктрине дефинициям понятия «гражданский оборот» без «привязки» к формальному подходу способствовать решению данной задачи также не в состоянии, поскольку дополнение последних словами «стабильность» либо «потребности» влечет формулировки, как минимум, лишенные практической значимости. Напротив, при этом возникают вопросы: в чем заключаются потребности правоотношения как юридической конструкции; что может означать стабильность юридических фактов; способны ли (и если да, то каким образом) потребности либо стабильность движения или процесса перехода объектов, равно как и потребности (или стабильность) случаев смены субъектов – носителей субъективных прав, обуславливать правовое регулирование?

Исходя из этого, следует либо констатировать, что выражения «потребности (нужды) гражданского оборота», «стабильность (прочность, устойчивость) гражданского оборота» являются не более чем словосочетаниями, не имеющими какого-либо смысла и, тем более, юридического значения или даже просто некорректными, а потому вряд ли заслуживающими того, чтобы быть положенными в основу принимаемых судебных решений или выступать мотивом совершенствования нормативно-правовых установлений, либо, что видится более верным, признать необходимость изменения восприятия категории «гражданский оборот». И в таком изменении современная наука, по нашему убеждению, остро нуждается в силу того, что в основании понимания гражданского оборота как правовой формы экономического оборота изначально заложена *категориальная ошибка*, под которой в философии понимается неоправданное отнесение фактов, соответствующих одной категории, к некоторой другой категории¹.

¹ См.: Философский энциклопедический словарь. С. 384. При этом термин «категория» в данном случае также понимается в философском смысле – как форма действительности (Там же. С. 204). Уместно заметить, что термин «категориальная ошибка» введен английским философом Гилбертом Райлом, который поясняя, что он понимает под этим выражением, писал об отнесении в абстрактном мышлении определенных понятий к тем логическим типам, к кото-

Применительно к познанию гражданского оборота отмеченная категориальная ошибка заключается в том, что, будучи признанным в свое время «надстройкой» к экономическому «базису», гражданский оборот был отнесен тем самым к числу категорий *гносеологии* и, таким образом, стал восприниматься исключительно в качестве неких *идеальных представлений* о чем-то ином, существующем фактически. Между тем полагаем бесспорным факт *реального (бытийственного, онтологического)* существования самого гражданского оборота. Гражданский оборот – это *не просто отражение*, по терминологии Д. Д. Гримма¹, «хозяйственного быта народа»; в первую очередь, он – *относительно самостоятельное явление реальной действительности*, сам этот быт, причем подверженный воздействию со стороны норм не только частного права. Из понимания гражданского оборота как совокупности *жизненных отношений (потребностей, интересов)* частноправового порядка исходили и дореволюционные цивилисты²; отождествляли гражданский оборот с *реальными отношениями* производства и обмена также отдельные ученые советского периода (в частности, А. В. Дозорцев). Однако под влиянием политических и идеологических факторов советский гражданский оборот, противопоставленный такому же понятию в буржуазном гражданском праве³, стал восприниматься как правовая форма.

Именно из-за данной категориальной ошибки, допущенной на этапе формирования представлений о гражданском обороте, определения его *категориальной принадлежности (т. е. того, в какой форме действительности он существует)*, невозможно наполнить смыслом, например, рассмотренные выше выражения «введение в граж-

рым они не принадлежат, и в качестве иллюстрации подобной ошибки привел, в частности, следующий пример: «Джон Доу может быть незнакомцем, родственником, другом или врагом Ричарду Роу. Но он не может состоять ни в одном из этих отношений со “среднестатистическим налогоплательщиком”». Джон Доу знает как извлечь смысл из определенного рода разговоров о среднестатистическом налогоплательщике, но он затрудняется сказать, почему он не может встретиться с ним на улице точно также, как он встречается с Ричардом Роу» (Райл Г. Понятие сознания / пер. с англ. М. : Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 27).

¹ См.: Гримм Д. Д. К вопросу о соотношении институтов гражданского права с хозяйственным бытом народа. СПб. : Сенатская тип., 1907.

² Синайский В. И. Указ. соч. С. 54–55 ; Муромцев С. А. Указ. соч. С. 67 и след.

³ См.: Обзор заседаний Сектора гражданского права Всесоюзного института Юридических наук // Советское государство и право. 1949. № 11. С. 70–72.

данский оборот», «потребности гражданского оборота» либо такое общеупотребительное словосочетание, как «субъекты гражданского оборота», ибо изначально необъяснимо то, как можно ввести в правовую форму в том числе определенное материальное благо (товар, экземпляр произведения, здание и т. п.), равно как очевидно и то, что никаких субъектов, потребностей, нужд и интересов у правовой формы быть не может.

Полагаем, что по этой же причине гражданским оборотом традиционно не признают, в частности, случаи неправомерного обращения материальных благ¹, вследствие чего из него выпадают недействительные сделки, виндикационные и кондикционные отношения, злоупотребительные действия (как частный случай – сделки в обход закона), увы, составляющие немалый пласт реалий современной жизни нашего общества. В итоге гражданский оборот предстает не в том виде, как он *реально существует*, а в виде, усеченном до установленных позитивным правом регулятивных возможностей и долженствований, что вряд ли верно.

Если научное сообщество рассчитывает на то, чтобы продуцируемые им знания как «идеальные фрагменты правовой действительности» (выражение В. В. Шаханова²) были адекватны исследуемым процессам и явлениям, детерминировали «эволюционную фазу формирования юридической системы» и являлись «отражением “духа времени”»³, оно должно изменить ракурс видения гражданского оборота, перейти от «надстроечного» к «базисному» его восприятию.

Итак, познавательная ситуация в области исследования категории «гражданский оборот» должна быть охарактеризована как проблемная, причем не столько ввиду многообразия мнений относительно интерпретации данного понятия, каждое из которых не лишено доли истины, сколько в силу укоренившегося в отечественной цивилистике формального подхода к восприятию гражданского оборота (понимания его как правовой формы экономического оборота), в ос-

¹ См.: Красавчиков О. А. Советский гражданский оборот (понятие и основные звенья). С. 20 ; Руденко А. В. Указ. соч. С. 109 ; Михайлова Н. С. Указ. соч. С. 5, 13–14 ; Ражков Р. А. Гражданско-правовое регулирование оборота валютных ценностей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 8 ; Морозов А. А. Указ. соч. С. 34.

² Шаханов В. В. Правовые парадигмы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Владимир, 2005. С. 6.

³ Там же.

новании которого, в свою очередь, изначально заложена категориальная ошибка, состоящая в лишении гражданского оборота онтологического статуса, причислении его к категориям гносеологии. Как следствие, базируясь продолжительное время на ошибочных исходных установках, на настоящий момент наука гражданского права не только оказалась бессильна в решении ряда вопросов, связанных с интерпретацией и применением понятия «гражданский оборот» и производных от него понятий, но и породила новые.

Для изменения сложившейся ситуации необходимо избрать иное методологическое основание познания исследуемой категории и отображаемого в ней феномена – такое, которое позволит сформировать целостную и непротиворечивую научную теорию гражданского оборота.

В завершение первой главы данной работы, резюмируем: понятие «гражданский оборот» является одной из базовых цивилистических категорий, через призму которой формируются исходные представления об участниках и объектах гражданско-правовых отношений, о предмете и даже целях и задачах гражданско-правового регулирования. Исходя из этого, система знаний о гражданском обороте, фиксируемая в содержании соответствующей категории, претендует на парадигмальный статус, т. е. на то, чтобы служить исходной концептуальной моделью, принятой в качестве образца для решения исследовательских задач в области права, причем, учитывая имеющиеся межотраслевые связи, не только частного.

Между тем отрывочный, фрагментарный характер суждений о гражданском обороте, вариативность имеющихся определений последнего, равно как и трактовки самих подходов к его пониманию, терминологическая непоследовательность свидетельствуют об отсутствии в отечественной юриспруденции стройной научной теории гражданского оборота. При этом в современной цивилистической доктрине продолжает сохраняться сложившееся и укоренившееся в советский период восприятие гражданского оборота как правовой формы экономического оборота, которое, однако, на фоне познавательной инертности и общего нормативистского характера исследований рассматриваемой категории необходимый прирост знаний об отражаемом в нем явлении реальной действительности не обеспечивает.

Исправить сложившуюся познавательную ситуацию возможно только посредством изменения общего ракурса видения гражданского оборота. Для этого, прежде всего, устраняя допущенную в свое

время категориальную ошибку, следует отказаться от понимания гражданского оборота как юридического отражения экономического оборота и признать его явлением онтологического порядка, избрав взамен для его познания такой методологический инструментарий, который позволит объединить имеющиеся многочисленные разрозненные и разноаспектные теоретические наработки и выйти на качественно иной, сущностный уровень познания гражданского оборота.

Анализу возможных методов познания гражданского оборота посвящена следующая глава монографии.

ГЛАВА II. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА

Не останавливаясь на общей проблеме понимания научной методологии в целом и юридической методологии, в частности¹, заметим, что значимость методов научного исследования, т. е. возможных приемов и способов, посредством которых в доктрине решаются определенные теоретические и прикладные задачи², трудно переоценить³. Не-

¹ Об имеющихся взглядах на понятие методологии см.: Керимов Д. А. Указ. соч. С. 92 и след. ; Чупин П. П. Научный метод и методология науки // Научный метод и методологическое сознание : сб. науч. тр. Свердловск, 1986. С. 9 и след. ; Белов В. А. Предметно-методологические проблемы цивилистической науки // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. М. : Юрайт-Издат, 2007. С. 124–160 ; Малахов В. П. Философия права : учеб. пособие. М. : Юнити-Дана, 2007. С. 42–46 ; Марченко М. Н. Проблемы теории государства и права : учебник. М. : ТК Велби : Проспект, 2008. С. 22–23 ; Проблемы методологии и методики правоведения / ред. Д. А. Керимов [и др.]. М. : Мысль, 1974 ; Рузавин Г. И. Методология научного познания. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2012. С. 4, 7–8 ; Сырых В. М. Метод правовой науки (Основные элементы, структура). М. : Юрид. лит., 1980. С. 6–10.

² Так, в философском энциклопедическом словаре метод определяется как «способ достижения определенной цели, совокупность приемов или операций практического или теоретического освоения действительности» и отмечается, что в области науки «метод есть путь познания, который исследователь прокладывает к своему предмету» (см.: Философский энциклопедический словарь. С. 266). Н. Н. Тарасов предлагает понимание метода юриспруденции как «научно обоснованной и философски оправданной системы средств познавательной деятельности, соответствующей природе права и неразрывно связанной с предметом правоведения» (Тарасов Н. Н. Указ. соч. С. 38). По мнению И. Г. Рузавина, в самом широком смысле метод можно рассматривать как «некоторую систематическую процедуру, состоящую из последовательности определенных операций, применение которых либо приводит к достижению поставленной цели, либо приближает к ней» (см.: Рузавин И. Г. Методология научного познания. С. 6).

³ О важности методологического основания в современных научных исследованиях пишет Н. Н. Тарасов, отмечая: «Сумеет российское правоведение стать полностью адекватным не только текущим (ситуативным) социальным запросам, но и идеалам современной науки, способным не только объяснять текущее “настоящее”, но и эффективно прогнозировать и проектировать принципиальное “будущее” право или “плановмерно отступить” на описательно-комментаторские позиции, во многом зависит от отношения юристов к проблемам методологии своей науки» (Тарасов Н. Н. Методологические проблемы со-

оспоримым доказательством этого является тот факт, что рубрика «методологическая основа (база) исследования» является неотъемлемым компонентом любой отечественной научно-квалификационной работы.

Анализ таких работ, предпринятых в рамках специальности 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» и так или иначе связанных с исследованием гражданского оборота, показал, что практически все авторы применяют такие общенаучные способы научного познания, как анализ и синтез, достаточно часто указывая также: индукцию и дедукцию, сравнение, аналогию. Традиционным является указание на использование диалектического метода познания (иногда именуемого «диалектической теорией познания»¹), формально-логического метода. Все чаще в диссертационных цивилистических работах авторы отмечают применение ими «системного» («системно-структурного») подхода (метода, анализа).

Из числа частнонаучных методов многие ученые избирают для проведения исследований методы: историко-правовой, догматический; все более востребованным в последнее время становится сравнительно-правовой метод, в том числе метод «компаративистики».

Следует заметить, что вопрос об отнесении отдельных методов к общенаучным либо к частнонаучным в правоведении является дискуссионным. В частности, относительно формально-логического и сравнительно-правового методов В. М. Сырых, не соглашаясь с Ю. Я. Баскиным, Д. И. Фельдманом и Т. Н. Радько (выделяющих данные методы в качестве общенаучных²), полагает, что они являются частноправовыми, и отмечает, что «критерий отделения частноправовых методов от общих и специальных связывается не столько с

временного правоведения : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. Екатеринбург, 2002. С. 9).

¹ См.: *Илюшина М. Н.* Правовой режим сделок в коммерческом обороте и в обороте долей хозяйственных обществ: общее и особенное : дис. ... д-ра юрид. наук. С. 12.

² См.: *Баскин Ю. Я., Фельдман Д. И.* Международное право: проблемы методологии. Очерки методов исследования. М. : Междунар. отношения, 1971. С. 12–18 ; *Радько Т. Н.* Методологические вопросы познания функций права. Волгоград : НИ и РИО, 1974. С. 89 и след. В современной юридической литературе к общенаучным методам познания относит, в частности, формально-логическую методологию В. П. Малахов (см.: *Малахов В. П.* Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории : монография. М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2011. С. 15).

фактом их применения в познании государственно-правовых явлений, сколько со степенью модификации, приспособления тех или иных методов применительно к специфике правовых исследований»¹. По мнению ученого, «в ходе многовековой практики толкования права данные методы были творчески дополнены, развиты специфическими правилами познания и в том виде, в котором они существуют в настоящее время, могут применяться только в правовой науке»². Также к частноправовым «сугубо юридическим» относят формально-юридический и сравнительно-правовой методы Н. И. Матузов, А. В. Малько³, О. А. Кузнецова⁴; «специфическими» считает указанные научные методы А. В. Мелехин⁵.

В работах, связанных с исследованием гражданского оборота, встречается указание и на иные способы познания, например: «межотраслевой метод исследования»⁶; «функциональный подход»⁷; «моделирование»⁸; «социально-правовой» и «конкретно-социологический» методы⁹, «системо-деятельностный метод»¹⁰.

¹ Сырых В. М. Указ. соч. С. 12.

² Там же. С. 13.

³ См.: Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. М., 2004. § 4 «Система методов теории государства и права», гл. 1. Режим доступа: справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

⁴ Кузнецова О. А. Методы научного исследования в цивилистических диссертациях. С. 263.

⁵ См.: Мелехин А. В. Теория государства и права. М., 2009. С. 15.

⁶ См.: Там же.

⁷ См.: Майдаровский Д. В. Предварительный договор и заключение основного договора в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2011. С. 7.

⁸ См.: Там же ; Бритвин С. Н. Арендные права и их гражданский оборот : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Волгоград, 2006. С. 5.

⁹ Рутковская О. А. Драгоценные металлы и драгоценные камни как объекты гражданского оборота на внутреннем и международном рынках : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 6.

¹⁰ Как отмечает М. Н. Илюшина, позволивший ей «выявить особенности содержания правового режима сделок, складывающихся в коммерческом обороте и обороте долей хозяйственных обществ с точки зрения частноправового и публично-правового регулирования, его видов, соотношения со смежными понятиями» (Илюшина М. Н. Правовой режим сделок в коммерческом обороте и в обороте долей хозяйственных обществ: общее и особенное : дис. ... д-ра юрид. наук. С. 12).

В чем заключаются отдельные способы, и какие результаты позволило получить их применение, ученые нередко не поясняют.

Из отмеченных выше и множества других не названных здесь методов, используемых, по заверению ученых, в ходе исследования ими тех или иных аспектов гражданского оборота, считаем необходимым остановиться на рассмотрении таких приемов и способов научного познания, как: исторический (историко-правовой), формально-логический, сравнительно-правовой, системный. Во-первых, потому, что по количеству указаний на их применение в целях изучения гражданского оборота (или его отдельных аспектов) в отечественной доктрине они, что называется, занимают верхние ступни рейтинга¹ и, во-вторых, ввиду различного, а иногда – упрощенного, на наш взгляд, их понимания учеными.

Необходимо заметить, что относительно исторического и сравнительно-правового методов в юридической литературе высказана позиция, согласно которой они являются не методами, а направлениями изучения права². Соглашаясь в целом с подобной оценкой, исходя из целей настоящей работы, посвященной критическому анализу методологического инструментария, используемого при изучении гражданского оборота, считаем допустимым, следуя сложившемуся словоупотреблению, именовать их в дальнейшем изложении методами познания.

Подчеркнем, что выделенные методы будут рассмотрены лишь в общем виде – как возможные способы (основания) познания гражданского оборота, что не предполагает ни исчерпывающей характеристики самих методологических средств, ни детального исследования с их применением являющейся предметом настоящей работы категории «гражданский оборот».

¹ Так, О. А. Кузнецова отмечает, что «юридический позитивизм как методология призывает к исследованию прежде всего правовых норм с использованием формально-юридического (юридико-догматического) метода, без выяснения сущности, природы, содержания и цели правовых явлений, скрывающихся за нормами права», и, предприняв критический анализ цивилистических диссертаций в срезе представленных в них методологических частей, делает вывод: «Многие диссертации по цивилистике содержательно соответствуют именно такой методологии: описание исследуемого правового явления с приведением и толкованием правовых норм, его регулирующих» (Кузнецова О. А. Методы научного исследования в цивилистических диссертациях. С. 259–260).

² См.: Белов В. А. Предметно-методологические проблемы цивилистической науки. С. 151 ; Его же. Гражданское право. Общая часть. Т. 1. С. 78.

Полагаем, что при изучении гражданского оборота бесспорно допустимым является использование всех указанных выше способов. Однако, как справедливо отмечается в литературе, «любой метод науки имеет свои теоретико-познавательные и логические возможности, за пределами которых его эффективность снижается или элиминируется вовсе»¹. Исходя из этого, основной задачей, на решение которой направлено настоящее исследование, является выявление такого метода (методов) познания гражданского оборота, который в условиях актуальной познавательной ситуации будет наиболее эффективным с позиций приращения научного знания о данной категории и отражаемом в ней явлении юридически значимой действительности. В качестве научной гипотезы², сформировавшейся у нас в ходе анализа имеющихся в отечественной цивилистике подходов к пониманию категории «гражданский оборот», отметим, что перейти к качественно новому – сущностному – познанию гражданского оборота, по нашему мнению, позволит системный подход.

§ 1. Исторический метод познания гражданского оборота

Исследование того или иного объекта (категории, института и т. д.) в правоведении принято начинать с вопроса о генезисе либо самого объекта, либо представлений (концепций, учений и т. п.) о нем. В общем виде такой путь научного познания и является историческим или, в сфере права, историко-правовым.

Следует обратить внимание на то, что в литературе четкого разграничения между собственно историческим и историко-правовым методами исследования, как правило, не проводится, в том числе теми учеными, которые в рубрике «методологическая основа исследования» одновременно указывают и исторический, и историко-правовой методы³. Отдельные правоведы отмечают, что при написа-

¹ Алексеев П. В., Панин А. В. Указ. соч. С. 22.

² Следует обратить внимание на то, что П. В. Алексеев и А. В. Панин рассматривают саму гипотезу как форму и метод теоретического исследования. В частности, ученые пишут: «В методологии термин “гипотеза” используется в двух смыслах: как форма существования знания, характеризующаяся проблематичностью, недостоверностью, и как метод формирования и обоснования объяснительных предложений, ведущий к установлению законов, принципов, теорий»; в рамках данного метода проявляется интуиция исследователя (Там же. С. 305).

³ См.: Головизнин А. В. Гражданско-правовое регулирование оборота культурных ценностей : дис. ... канд. юрид. наук. С. 7.

нии работы «автор руководствовался принципом историзма»¹, имея в виду, как представляется, так же использование исторического метода познания.

Полагаем, что исторический и историко-правовой методы соотносятся как общее и частное и в равной мере заключаются в ретроспективном анализе изучаемого объекта (предмета, явления). Специфика историко-правового исследования при этом, на наш взгляд, состоит в том, что те или иные процессы и факты, имевшие место в истории государства и права в тот или иной временной период, составляют, главным образом, лишь общий исторический контекст, необходимый для осмысления причин появления или, напротив, прекращения либо особенностей содержания соответствующих правовых норм, выступающих ключевым предметом правовых исследований.

Можно отметить, что большинство современных отечественных гражданско-правовых работ, авторы которых обращаются к «истории вопроса», основывается на делении истории государства и права России на такие национально-специфические этапы (периоды), как: «до 1917 г.» (дореволюционный), «советский», и «современный». Иными словами, приступая к историческому рассмотрению исследуемой проблемы, российские ученые в качестве шаблона используют уже устоявшуюся и привычную последовательность освещения: дореволюционное – советское – современное право, иногда выделяя также «переходный («перестроечный»)» период.

Отмеченная тенденция наблюдается и в работах, связанных с исследованием гражданского оборота. Так, И. А. Полуяхтов, рассматривая вопрос о генезисе концепции гражданского оборота, сначала приводит взгляды дореволюционных цивилистов (Ю. С. Гамбарова, И. А. Покровского), затем анализирует позиции советских авторов (С. Н. Братуся, А. В. Дозорцева, О. А. Красавчикова, С. С. Алексеева, Д. М. Генкина), а после – современные трактовки гражданского оборота². Аналогичным образом Е. В. Ельникова начинает анализ вопроса о содержании понятия «гражданский оборот» с того, что излагает мнение Ю. С. Гамбарова и «классическое понимание гражданского оборота, сформулированное еще в трудах дореволюционных ученых Г. Ф. Шершеневича, В. М. Хвостова», прослеживая далее развитие

¹ Филимонов Н. С. Правовое регулирование гражданского оборота лесных участков (на примере аренды и сервитута) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. М., 2010. С. 7.

² См.: Полуяхтов И. А. Указ. соч. С. 12–28.

предложенных ими подходов «в советское время» (в трудах С. Н. Братуся, В. А. Дозорцева, О. А. Красавчикова) и современными учеными¹. М. А. Астахова также сначала освещает «концепции по поводу гражданского оборота», выработанные «отечественной наукой дореволюционного и советского периода», после чего приводит «взгляды современных исследователей»². А. А. Морозов, предпринимая анализ эволюции понятия «гражданский оборот», последовательно освещает воззрения дореволюционных цивилистов (К. П. Победоносцева, Е. В. Васьковского), ученых советского периода (С. Н. Братуся, С. С. Алексеева, А. В. Дозорцева, О. А. Красавчикова), современных исследователей (И. А. Полуяхтова, К. И. Скловского, Л. А. Чеговадзе, М. А. Астаховой)³. Применительно к категории «оборотоспособность», помимо дореволюционного, советского и современного периодов, правовед особо оговаривается о гражданско-правовом источнике переходного периода – Основях гражданского законодательства Союза ССР и республик⁴. Д. В. Жернаков отмечает, что «отношения гражданского оборота были предметом исследования русских (дореволюционных), советских и современных цивилистов»⁵, разделяя тем самым сложившуюся и общепринятую градацию отечественной истории государства и права на указанные выше периоды. Тот же вывод следует из суждений Р. Ф. Галеевой о том, что «с дореволюционных времен вплоть до наших дней в науке гражданского права наметилось два основных подхода к явлению гражданского оборота»⁶, и Е. В. Шаповаловой, отмечающей, что «большинство ученых дореволюционного, советского и постсоветского периодов рассматривали гражданский оборот как некую совокупность отношений, возникающих из различных юридических фактов и опосредующих перемещение прежде всего материальных благ от одного лица к другому»⁷.

¹ См.: *Ельникова Е. В.* Гражданско-правовое регулирование оборота культурных ценностей : дис. ... канд. юрид. наук. С. 16–21.

² См.: *Астахова М. А.* Оборот прав на результаты интеллектуальной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. С. 48–49.

³ См.: *Морозов А. А.* Указ. соч. С. 31–34.

⁴ См.: Там же. С. 38–46.

⁵ *Жернаков Д. В.* Указ. соч. С. 57.

⁶ *Галеева Р. Ф.* Исключительное право: правовая природа и роль в гражданском обороте : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 22.

⁷ *Шаповалова Е. В.* Гражданско-правовые формы оборота информации : дис. ... канд. юрид. наук. С. 96.

Подобная метода исследования прослеживается и в тех работах, авторы которых исторический (историко-правовой) способ познания в методологической основе своей работы прямо не называют. Например, В. В. Романова, указав в соответствующей части диссертации на «научно-диалектические методы и приемы, такие как анализ и синтез, абстрагирование, индукция и дедукция, аналогия, системный подход, а также ряд частнонаучных методов сравнительного правоведения, технико-юридические и иные методы», в последующем изложении отмечает, что «определения понятия гражданского оборота представленные в отечественной правовой науке с дореволюционного периода до наших дней имеют сходную сущность, отличаясь лишь в отдельных аспектах»¹. Иллюстрирует данный вывод автор последовательным изложением позиций Ю. С. Гамбарова, С. Н. Братуся, А. В. Дозорцева, О. А. Красавчикова, заключая, что современное определение гражданского оборота, содержащееся в Большом юридическом словаре, «обобщает приведенные ранее точки зрения»².

Характерной чертой цивилистических научных работ в рамках «исторической рубрики» является также традиционное обращение в качестве исходного к положениям римского частного права. Применительно к исследованию гражданского оборота при этом приводят нормы Дигест Юстиниана и суждения романистов о вещах в обороте, *res in commercium*, и вещах вне (гражданского) оборота, *res quae commercium non est, res extra commercium*, проводя параллель с общепризнанной в российской цивилистической доктрине градацией объектов гражданских прав на свободные в обороте, ограниченные в обороте и изъятые из оборота³.

Отмеченные нормы в римском частном праве, действительно, имели место⁴, исходя из чего, ученые разных времен и народов небезосновательно излагали и излагают их содержание, придавая, однако, соответствующим положениям не всегда одинаковое значение. Так, в современной отечественной литературе положения древнеримского права о *res in commercium* и *res extra commercium* рассматривают преимущественно в контексте вопроса об оборотоспособности объек-

¹ Романова В. В. Указ. соч. С. 49.

² См.: Там же. С. 49–50.

³ См., например: Морозов А. А. Указ. соч. С. 35–36.

⁴ См., в частности: D. 18.1.6 pr.; 18.1.34.1; 20.3.1.2; 30.39.10 // Дигесты Юстиниана / отв. ред. Л. Л. Кофанов. Т. 3. М., 2003. С. 560–561, 572–573 ; Т. 4. М., 2004. С. 50–51 ; Т. 5, полутом 1. М., 2004. С. 358–359.

тов гражданских прав как способности последних к отчуждению или переходу от одного лица к другому в рамках гражданских правоотношений¹. Отдельные авторы прямо отмечают, что «правовые принципы оборотоспособности вещей (объектов гражданского права), разработанные древнеримскими юристами, с достаточной полнотой нашли отражение и в современном российском гражданском праве»². Вместе с тем, например, Ю. С. Гамбаров, также признававший заимствованный из римского права характер разделения вещей на «оборотные» и «внеоборотные», заключал, что основанием римского деления вещей на указанные группы «было нахождение или ненахождение их в составе имущества, тогда как основанием этого же деления в новой юриспруденции сделалось положение вещей в гражданском обороте, отождествленном с понятием имущественного оборота»³. Подобное отождествление правовед считал неправильным, отмечая, что под понятием «commercium» «следует разуметь только особую форму пользования известными благами внешнего мира, приспособленную к целям торговли и исключительного усвоения человеком этих благ по началам частной собственности», и что этой формой «не исчерпывается ни понятие оборота, ни понятие права»⁴. Аналогичным образом – с позиций вопроса о принадлежности вещей определенным лицам – трактовал категорию *res extra commercium* Е. Н. Трубецкой, отмечавший, что данные вещи «потому исключаются из гражданского оборота, что составляют объект чье-либо исключительного права»⁵. С точки зрения способности «подлежать власти частных лиц» рассматривал состоящие в гражданском обороте вещи Е. В. Васьковский⁶.

В данной связи, признавая то колоссальное значение, которое римское частное право оказало на формирование и развитие большинства современных цивилистических концепций, тем не менее, следует подчеркнуть, что апелляция в том или ином вопросе к классической римской юриспруденции не должна быть безоговорочной,

¹ См., например: Рожкова М. А. Оборотоспособность объектов гражданских прав // Закон. 2009. № 3. С. 212–213.

² Яковлев В. Н. Указ. соч. С. 146.

³ Гамбаров Ю. С. Указ. соч. С. 580–588.

⁴ Там же.

⁵ Трубецкой Е. Н. Указ. соч. С. 183.

⁶ Васьковский Е. В. Учебник гражданского права. М.: Статут, 2003. С. 116–117.

поскольку сами древнеримские юристы не являлись авторами тех общих теоретических постулатов, ссылаясь на которые современные исследователи обосновывают отдельные суждения и выводы. На основании практических конструкций, действительно выработанных древнеримскими юристами, это сделали их последователи – глоссаторы и постглоссаторы, а позднее – германские пандектисты. При этом уместно привести замечание Е. А. Суханова о том, что «у нас есть и еще ряд заблуждений. Например, мы считаем, что наш российский правопорядок, как и европейское континентальное право в целом, имеет в своей основе римское частное право. Это и так, и не так. <...> Подлинным предшественником нашего права является не римское право,... а германское пандектное право. <...> Благодаря работам пандектистов появились общие понятия: договор, сделка, обязательство, право собственности, вещное право, деликт, которых нет в римском праве. Это произошло в самом конце XVIII и начале XIX века. Вот кто наши предшественники»¹.

Таким образом, даже если опираться в понимании гражданского оборота на систему римского частного права, а именно на существовавшие в нем нормы о *res in commercium* и *res extra commercium*, то прежде всего следует говорить о тех или иных доктринальных воззрениях на указанную классификацию. Между тем трактовка соответствующих положений древнеримского права, как показано выше, может быть различной, и устоявшийся характер определенных взглядов не свидетельствует об их истинности, бесспорности и однозначности.

Исторический метод используется не только применительно к вопросу о генезисе концепции гражданского оборота, но и при анализе правовых норм и содержащих их нормативно-правовых актов, регламентирующих гражданский оборот тех или иных видов объектов гражданских прав. Так, Р. М. Олимова указывает на то, что ею «активно использовался исторический метод», поясняя: «Правовые акты были рассмотрены в хронологическом порядке их издания с выявлением тенденций развития и преемственности законодательства»². К анализу «развития гражданского оборота в его историко-правовом аспекте, позволяющем проследить закономерности формирования со-

¹ Суханов Е. А. Стенограмма вводной лекции для слушателей Российской школы частного права (ВАС РФ, 4 окт. 2010 г.) // Портал российского частного права. URL: http://www.privlaw.ru/index.php?news_year=2010.

² Олимова Р. М. Указ. соч. С. 7–8.

временного правового регулирования оборотоспособности объектов гражданских прав» обращается А. А. Морозов¹.

Итак, исторический метод широко используется современными учеными при исследовании гражданского оборота. Однако в большинстве случаев его применение сводится к простому хронологическому рассмотрению либо взглядов на категорию «гражданский оборот», либо соответствующих правовых норм. Не отрицая возможной эффективности, а иногда и необходимости подобного пути познания изучаемых объектов², мы убеждены, что научный потенциал историко-правового метода гораздо более значителен.

Безусловно, ретроспективный обзор литературных или нормативных источников позволяет проследить преемственность взглядов или нормативных установлений относительно предмета исследования, проиллюстрировать или обосновать традиционность определенного подхода. Вместе с тем представляется очевидным, что рассмотрение тех или иных объектов (предметов, явлений) «в исторической постепенности их развития»³ имеет преимущественно описательный характер, в связи с чем не способно, на наш взгляд, вывести исследо-

¹ Морозов А. А. Правовое регулирование использования в предпринимательской деятельности имущества, ограниченного в обороте : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2010. С. 15.

² На наш взгляд, это теоретически и практически оправданно при исследовании правовых норм и институтов, которые могут получать принципиально различное оформление в позитивном праве. Так, например, применение исторического метода при анализе соседского права в России показало и позволило нам обосновать отсутствие онтологической (исторической) связи между институтом права собственности и нормами, призванными регламентировать отношения субъектов в связи с эксплуатацией ими соседствующего (смежного или близко расположенного) недвижимого имущества, и на этом основании критически оценить предлагаемое закрепление в ГК РФ норм о соседских правах как об ограничениях права собственности (см.: Виниченко Ю. В. Исторические начала соседского права в России : монография. Иркутск : Ин-т законодательства и прав. информ. им. М. М. Сперанского, 2012 ; *Ее же*. Соседское право и право собственности: вопрос взаимосвязи (историко-правовое исследование) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 1. С. 21–31 ; Виниченко Ю. В., Асланян Н. П., Поротикова О. А. Соседское право в России: исторические начала и подходы к пониманию. М. : Юриспруденция, 2014).

³ Выражение А. М. Гуляева (см.: Гуляев А. М. Об отношении русского гражданского права к римскому (Вступительная лекция, читанная 16 сент. 1894 г.). Киев, 1894. С. 3).

вателя на новый уровень познания, особенно – такого сложного явления, как гражданский оборот.

По нашему мнению, применение исторического метода при исследовании гражданского оборота, равно как и других явлений реальной действительности, не должно ограничиваться отмеченным ретроспективным описанием соответствующих позиций и норм (бесконечно воспроизводимым в каждой последующей работе по данной теме)¹. Действительная значимость данного метода заключается в другом – в том, что посредством историко-правового анализа можно обнаружить факторы, обуславливавшие в отдельные периоды развития общества то или иное понимание гражданского оборота и содержание соответствующих правовых норм, а также выявить начала функционирования самого гражданского оборота.

В данной связи уместно привести замечание Г. Ф. Шершеневича о том, что выбор научного метода определяется задачей науки и исторический метод служит такой задаче правоведения, как объяснение существующего правового порядка². В частности, ученый писал: «Если житейская практическая потребность удовлетворяется систематическим изложением действующего права, то пытливость научно воспитанного ума идет дальше и желает знать причины, под влиянием которых сложились те или иные нормы. Такое объяснение существующего может дать только изучение прошедшего. Его приходится искать или в общих законах общественного развития или же в тех ближайших исторических условиях, которые вызвали существование действующих норм»³. Близкое высказывание встречаем в работе И. С. Тимофеева, который относительно предмета историко-научных исследований отмечал, что «в истории науки важно учитывать не только “то, что было” – историческую реальность в виде уникальных событий (открытий и т. п.), но и причины событий, законы развития науки»⁴.

¹ Полагаем, тезис о том, что гражданский оборот является не просто понятием, а именно явлением реальной действительности, лишь отражаемым в соответствующем понятии, в дополнительном обосновании не нуждается.

² См.: *Шершеневич Г. Ф.* Задачи и методы гражданского правоведения. Казань : Типо-литогр. Императ. ун-та, 1898. С. 5. Двумя другими задачами гражданского правоведения, согласно позиции ученого, являются познание и оценка норм действующего гражданского права, которые достигаются, соответственно, посредством догмы права и политики (Там же. С. 3–4).

³ Там же. С. 5.

⁴ *Тимофеев И. С.* Изменения в понимании предмета историко-научных исследований // Вопросы истории естествознания и техники. 1981. № 2. С. 99.

Так, например, можно воспринять как данность новую, вступившую в действие 1 октября 2013 г., редакцию ст. 129 ГК РФ¹, в которой теперь отсутствует указание на такую привычную долгое время для российского правопорядка категорию объектов, как объекты, изъятые из оборота². Но тот самый пытливым ум, который «не довольствуется констатированием факта, но ищет их объяснения»³, не может не задаться целым рядом вопросов. Какими мотивами руководствовался законодатель? Означает ли это, что изъятых из оборота объектов теперь не существует, и все изъятые ранее из оборота объекты впредь являются ограниченными в обороте; все абсолютно, даже явно «антисоциальные» — скажем, героин или материальные носители видеозаписей актов сексуального насилия?

Наконец, почему при изменении нормы ст. 129 ГК РФ положения об изъятых из оборота объектах (как особой группе, противопоставляемой свободным в обороте и, особенно, ограниченным в обороте объектам) сохранены в целом ряде иных нормативных правовых актов⁴, в частности, в нормах:

¹ Изменения приняты федеральным законом от 02.07.2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 3 июля 2013.

² О «привычности» данной категории объектов наиболее ярко свидетельствует решение АС Оренбургской области от 30.04.2015 г. по делу № А47-1369/2015, в котором указано: «В соответствии со ст. 129 Гражданского кодекса Российской Федерации виды объектов гражданских прав, нахождение которых в обороте не допускается, должны быть прямо указаны в законе», т. е. несмотря на внесенные законодательные изменения, воспроизводится норма абз. 1 п. 2 ст. 129 ГК РФ в ранее действовавшей редакции.

³ См.: *Шершеневич Г. Ф.* Задачи и методы гражданского правоведения. С. 5.

⁴ Как следствие, находя отражение и в соответствующей судебной практике. Так, в одном из решений Арбитражного суда Забайкальского края указано, что «основанием отнесения земельных участков к категории ограниченных в обороте либо изъятых из оборота является не характеристика самого земельного участка, а статус объекта на нем расположенного, и без этих данных отнести земельный участок к *определенной категории* (ограничен либо изъят из оборота, либо имеет традиционный статус), невозможно» (см.: решение АС Забайкальского края от 30.10.2014 г. по делу № А78-9878/2014 // Банк решений арбитражных судов. URL: <http://ras.arbitr.ru>). См. также: постановление АС Восточно-Сибирского округа от 31.10.2014 г. № А33-4087/2014 ; постановление Одиннадцатого Арбитражного апелляционного суда от 27.11.2014 г. по делу № А55-10231/2013 ; решение АС Саратовской области от 17.11.2014 г. по делу № А57-14093/2014 ; решение АС Новгородской области от 11.12.2014 г. по делу

– п. 2 ст. 6 федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)»¹, устанавливающей, что «не допускается ипотека имущества, изъятого из оборота»;

– абз. 1 п. 2 ст. 27 Земельного кодекса РФ² (далее – ЗК РФ), согласно которой «земельные участки, отнесенные к землям, изъятым из оборота, не могут предоставляться в частную собственность, а также быть объектами сделок, предусмотренных гражданским законодательством»;

– п. 3 ст. 3 ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества»³, указывающей в числе имущества, не подлежащего приватизации, на «имущество, отнесенное федеральными законами к объектам гражданских прав, оборот которых не допускается (объектам, изъятым из оборота)»;

– п. 4 ст. 8 ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях»⁴, предусматривающей, что одним из допустимых случаев создания унитарного предприятия является необходимость «производства отдельных видов продукции, изъятой из оборота или ограничено оборотоспособной»;

– ст. 3.7, ч. 1 ст. 23.4, ч. 1 ст. 27.11, п. 2 ч. 3 ст. 29.10 Кодекса РФ об административных правонарушениях⁵ (далее – КоАП РФ), устанавливающих в части административных правонарушений, предметами которых являются вещи, изъятые из оборота, подведомственность таких правонарушений, их правовые последствия, в частности,

№ А 44-7208/2014 ; решение АС Иркутской области от 19.12.2014 г. по делу № А19-19197/2014.

¹ Об ипотеке (залоге недвижимости) : федер. закон РФ от 16.07.1998 г. № 102-ФЗ (ред. от 31.12.2017 г.) // Собр. законодательства РФ. 1998. № 29. Ст. 3400.

² Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 г. № 136-ФЗ (ред. от 25.12.2018 г.) // Собр. законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

³ О приватизации государственного и муниципального имущества : федер. закон РФ от 21.12.2001 г. № 178-ФЗ (ред. от 06.03.2019 г.) // Собр. законодательства РФ. 2002. № 4. Ст. 251.

⁴ О государственных и муниципальных унитарных предприятиях : федер. закон РФ от 14.11.2002 г. № 161-ФЗ (ред. от 28.11.2018 г.) // Собр. законодательства РФ. 2002. № 48. Ст. 4746.

⁵ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 01.05.2019 г.) // Собр. законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

что «вещи, изъятые из оборота, подлежат передаче в соответствующие организации или уничтожению»;

– п. 2 ст. 131 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹, согласно которой из имущества должника, которое составляет конкурсную массу, исключается, в том числе, имущество, изъятое из оборота, а также в правилах пп. 1–3 ст. 132, п. 2 ст. 196 данного закона, устанавливающих обязанность собственника изъятого из оборота имущества принять от конкурсного управляющего это имущество или закрепить его за другими лицами;

– п. 4 ст. 69 ФЗ «Об исполнительном производстве»², согласно которой при отсутствии или недостаточности у должника денежных средств взыскание обращается на иное принадлежащее должнику имущество, за исключением имущества, изъятого из оборота, и имущества, на которое в соответствии с законодательством не может быть обращено взыскание.

Более того, рассматриваемая формулировка не только сохранена в нормах, имевшихся в других законах на момент внесения изменений в ст. 129 ГК РФ, но и использована во вновь принятом нормативно-правовом акте, в частности, в положении абз. 4 п. 2 ст. 41 федерального закона от 29 июля 2017 г. № 217-ФЗ «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³, касающегося внесения изменений в ФЗ РФ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации», а именно закрепления в п. 2.7 ст. 3 последнего в качестве условия приобретения без проведения торгов права собственности на земельный участок, предназначенный для ведения садоводства, огородничества или дачного хозяйства, того, что «земельный участок не является изъятым из оборота, ограниченным в обороте и в отношении земельного участка не принято решение о резервировании для государственных или муниципальных нужд»⁴.

¹ О несостоятельности (банкротстве) : федер. закон РФ от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собр. законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

² Об исполнительном производстве : федер. закон РФ от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ (ред. от 06.03.2019) // Собр. законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

³ Собр. законодательства РФ. 2017. № 31 (Ч. I). Ст. 4766.

⁴ По сути это правило идентично норме подп. 5 п. 1 ст. 19 утратившего силу федерального закона «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» (Собр. законодательства РФ. 1998. № 16.

С позиций нашего исследования интересно и то, почему в ст. 129 ГК РФ (до указанных изменений) закреплялось выражение «объекты, изъятые из оборота», в то время как в ст. 20 и 181 Гражданского кодекса РСФСР 1922 г.¹ – «имущество, изъятое из гражданского оборота»²,

Ст. 1801), закреплявшей право членов указанных организаций распоряжаться своим земельным участком и иным имуществом «в случаях, если они на основании закона не изъяты из оборота или не ограничены в обороте».

¹ Введен в действие постановлением ВЦИК от 11.11.1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.

² В частности, последняя из указанных статей (ст. 181) касалась купли-продажи и устанавливала, что ее предметом «может быть всякое имущество, не изъятое из гражданского оборота»; особые правила действовали в отношении права покупки золотой и серебряной монеты и иностранной валюты. Норма ст. 20 имела общий характер, устанавливая, что имущество, изъятое из гражданского оборота, могло быть объектом гражданского права «лишь в тех пределах, в каких это положительно указано законом». Часть из таких пределов, по сути, устанавливалась в непосредственно следующих за ст. 20 иных статьях кодекса, однако, заметим, при этом использовался термин не «гражданский», а «частный оборот». Так, норма ст. 21 ГК РСФСР гласила: «Земля является достоянием государства и не может быть предметом частного оборота.

Владение землею допускается только на правах пользования». Изъятими из частного оборота являлись также национализированные и муниципализированные предприятия, их оборудование, железные дороги и их подвижной состав, национализированные суда, а равно национализированные и муниципализированные строения; в то же время устанавливалось, что они «не могут быть отчуждаемы и закладываемы теми органами, в ведении коих они состоят, а также обрабатываемы на удовлетворение кредиторов», однако «в установленном законом порядке» национализированные и муниципализированные предприятия, строения и суда могли сдаваться в аренду (ст. 22).

В соответствии с положением ст. 23 изъятими из частного оборота признавались: оружие (кроме охотничьего оружия и огнестрельного, приобретение которых регулировалось особыми правилами), взрывчатые вещества, воинское снаряжение, летательные аппараты, телеграфное и радиотелеграфное имущество, аннулированные ценные бумаги, спиртные напитки свыше установленной законом крепости и сильнодействующие яды. Выражение «частный оборот» сохранилось и в норме ст. 54 кодекса, согласно которой предметом частной собственности могли быть: «немунципализированные строения, предприятия торговые, предприятия промышленные, имеющие наемных рабочих в количестве, не превышающем предусмотренного особыми законами; орудия и средства производства, деньги, ценные бумаги и прочие ценности, в том числе золотая и серебряная монета и иностранная валюта, предметы домашнего обихода, хозяйства и личного потребления, товары, продажа коих не воспрещается законом, и всякое имущество, не изъятое из частного оборота».

а в ГК РСФСР 1964 г.¹ ни гражданский оборот, ни просто оборот не упоминались вовсе²?

В отсутствие прямых пояснений (например, в Пояснительной записке к законопроекту о внесении изменений в ГК РФ) о тех или иных законодательных мотивах можно лишь предполагать.

Так, относительно объектов, обозначенных нами выше как «антисоциальные» нельзя не заметить, что одновременно с исключением из ст. 129 ГК РФ указания на категорию изъятых из оборота объектов, тем же самым федеральным законом (от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ), в ГК РФ были введены новые правила, посвященные защите нематериальных благ – чести, достоинства, деловой репутации, изображения и частной жизни гражданина. В частности, это нормы п. 4 ст. 152, п. 2 ст. 152.1, п. 4 введенной данным законом ст. 152.2, устанавливающие, что изъятию и уничтожению без какой бы то ни было компенсации подлежат изготовленные в целях введения в гражданский оборот экземпляры материальных носителей, которые содержат сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, незаконно полученную информацию о его частной жизни либо его неправомерно полученное или используемое изображение.

Таким образом, можно предположить, что законодатель применительно к части изъятых ранее из оборота объектов небезосновательно счел целесообразным перенести допустимый с точки зрения

Термин «гражданский оборот» использовался также в норме ст. 16 кодекса, устанавливающей, что «юридические лица участвуют в гражданском обороте и вступают в сделки через посредство своих органов или через своих представителей». Кроме этого, в отдельных правилах ГК РСФСР 1922 г. содержались такие понятия, как «оборот» (ст. 19, 87, 338), «обычные условия оборота» (ст. 117), «внешний торговый оборот» (ст. 17).

¹ Утвержден законом РСФСР от 11.06.1964 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 406.

² Ср., в частности: ст. 16 ГК РСФСР 1922 г. и ст. 24 ГК РСФСР 1964 г. Вместе с тем выражение «гражданский оборот» имелось на уровне подзаконных актов, например, в п. 3 постановления Совмина СССР от 13.08.1958 г. № 914 «Об утверждении Положения о Государственном архивном фонде Союза ССР и сети центральных государственных архивов СССР» (СП СССР. 1958. № 14. Ст. 112), устанавливающим, что «документальные материалы, включенные в состав Государственного архивного фонда Союза ССР, изъяты из гражданского оборота и не могут являться объектом купли-продажи и других сделок со стороны учреждений, организаций, предприятий, а также отдельных граждан» (документ утратил силу в связи с изданием постановления Совмина СССР от 04.04.1980 г. № 274).

семантики смысловой акцент в термине «изъятый» со свойств (характеристики) самих объектов в сторону результата (процесса) изъятия определенных объектов, т. е. на правовые последствия нарушений защищаемых законом нематериальных благ. Что касается другой части «антисоциальных» объектов, то они, по-видимому, действительно, должны быть квалифицированы как ограниченные в обороте¹. Например, тот же героин, как говорится в Пояснениях к единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Таможенного союза², «применяется в качестве успокаивающего средства вместо кодеина и морфина» (подгруппа XII (A) (3)), и, таким образом, является оборотоспособным объектом, хотя для его отчуждения и требуется специальное разрешение (т. е. по смыслу п. 2 ст. 129 ГК РФ, он является ограниченным в обороте).

Сложнее понять логику законодателя в части сохранения норм о создании унитарного предприятия в случае необходимости производства продукции, изъятой из оборота; неясно и то, случайным либо намеренным является оставление без изменения правила абз. 1 п. 2 ст. 27 ЗК РФ и, напротив, внесение изменений в п. 2.7 ст. 3 закона «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации», упоминающих об изъятых из оборота земельных участках.

В любом случае представляется очевидным, что найти ответы на поставленные вопросы посредством алгоритма «было так, а стало иначе» невозможно. Для более или менее достоверного их объяснения требуется выявление факторов, детерминировавших те или иные нормативные установления. Примечательно в этом отношении пра-

¹ Как верно пишет В. А. Петрушкин, «нет оснований утверждать о существовании объектов, которые полностью изъяты из оборота. Можно лишь говорить о наличии объектов, ограниченных в обороте. Другое дело, что степень этого ограничения может быть различна» (*Петрушкин В. А. Системный анализ гражданско-правовой модели оборота недвижимости: проблемы теории и практики.* С. 29). По мнению ученого, термин «объекты, изъятые из оборота» используется «не по его буквальному смыслу, а для обозначения довольно высокой степени ограниченности того или иного объекта в обороте, то есть для обозначения соответствующего предела гражданского оборота» (Там же).

² Пояснения к единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Содружества Независимых Государств (ТН ВЭД СНГ) : утв. решением Совета руководителей таможенных служб государств – участников Содружества Независимых Государств от 14.06.2017 г. № 10/65 (Т. 2, разд. VI–VIII, группы 29–43). Режим доступа: справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

вило п. 2 ст. 6 Гражданского кодекса Республики Казахстан¹ (далее – ГК Казахстана, ГК РК) «Толкование норм гражданского законодательства», согласно которому «при выяснении точного смысла нормы гражданского законодательства необходимо учитывать исторические условия, при которых она вводилась в действие».

Данные условия (факторы), определяющие содержание гражданского оборота, категориально являются, на наш взгляд, ничем иным как его началами, т. е. первопричинами, обусловившими содержание и существо данного феномена². Именно при такой трактовке исторический метод позволит обнаружить закономерности и определить объективные тенденции развития гражданского оборота как реально существующего явления, и на этом основании понять механизм возможного и оптимального воздействия на него.

§ 2. Формально-логический метод познания гражданского оборота

В доктрине вопрос об общенаучном либо частнонаучном значении данного метода является дискуссионным. Так, В. М. Сырых относит формально-логический метод к частнонаучным, «несмотря на то что в его основе лежат общие, логические и специальные грамматические методы»³. Напротив, по мнению В. П. Малахова, формально-логическая методология относится к общенаучным, базовым методологиям научного познания в любой предметной области, в связи с чем имеет неспецифический (неспециализированный) характер⁴; из цивилистов данную позицию разделяет В. А. Белов, также выделяющий формально-логический метод в числе общенаучных методов исследования⁵. Высказываются в литературе и суждения, согласно ко-

¹ Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) [Электронный ресурс] : принят Верховным Советом Республики Казахстан 27 дек. 1994 г. // ИС «Параграф». URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1006061.

² См.: Асланян Н. П. Основные начала российского частного права. Иркутск : Изд-во ИГЭА, 2001. С. 33. Выявлению исторических начал функционирования гражданского оборота посвящен § 2 гл. II разд. II монографии.

³ Сырых В. М. Указ. соч. С. 12.

⁴ См.: Малахов В. П. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории. С. 15.

⁵ См.: Белов В. А. Гражданское право. Общая часть. Т. 1. С. 73. Как отмечает ученый, среди частнонаучных методов познания обыкновенно выделяют: 1) догматический, 2) герменевтический, 3) компаративистский или сравнитель-

торым формальная логика «сама по себе не является методом исследования, а только лишь способом построения теории, основанной на других методах»¹.

Безотносительно к той или иной характеристике данного метода, его суть заключается в познании изучаемых объектов (предметов, явлений) посредством законов формальной логики, логического мышления, в результате чего реальная действительность отражается в понятиях, признаваемых «клеточками», самыми простыми элементами мышления².

Поскольку в области права основные понятия последнего находят отражение в юридических нормах, содержащих общеобязательные правила поведения, результатом и одновременно ключевым объектом формально-логического анализа в правоведении оказываются эти самые нормы, получившие закрепление в позитивном праве. Исходя из этого, в юриспруденции формально-логический метод небезосновательно связывают с догматическим методом, с догмой права³, а

но-правовой (см.: Там же). В данной связи можно заметить, что к герменевтическому методу прибегают не только цивилисты: например, специалист в области педагогики Н. А. Переломова анализирует в аспекте указанного подхода вопрос об организации образовательного процесса (см.: *Переломова Н. А. Развитие и самореализация личности в аспекте герменевтического подхода // Байкальский психологический и педагогический журнал. 2005. № 1–2 (5–6). С. 104–109*). Исходя из этого, следует признать, что разделение методов научного познания на общенаучные и частнонаучные с последующим причислением к указанным группам тех или иных отдельных методов является крайне условным и, как представляется, не столь значимым.

¹ См.: *Филиппова С. Ю.* Инструментальный подход в науке частного права. М. : Статут, 2013. С. 11.

² См.: *Иванов Е. А.* Логика. М. : БЕК, 1996. С. 44.

³ Непосредственным объектом которой, по замечанию Д. Д. Гримма, являются абстрактные типы конкретных жизненных отношений – юридические институты, изучаемые «в порядке сосуществования» (см.: *Гримм Д. Д.* Лекции по догме римского права. М. : Зерцало, 2003. С. 42). Как отмечается в юридической литературе, начиная с середины XIX в., формально-догматическая концепция права занимает и сегодня господствующие позиции в отраслевом, в том числе цивилистическом, правоведении (см.: *Семякин М. Н.* Становление экономического анализа частного права России: проблемы и перспективы развития // *Стратегии развития предпринимательства в современных условиях : сб. науч. тр. 2-й междунар. науч.-практ. конф. 25–26 янв. 2018 г. / под науч. ред. Е. А. Горбашко, В. Г. Шубаевой. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2018. С. 35*).

именно, признают формальную логику основой догматизма¹. Более того, в общетеоретической юридической литературе отмечается, что формирование догмы как смысловой основы «юриспруденции и практики нормирования, регуляции и суда» составляет «**назначение** формально-логической методологии»².

Именно путем формально-логического анализа положений действующего законодательства выводят российские ученые и понятие гражданского оборота, в качестве исходной точки своих суждений избирая, как правило, формулировку п. 1 ст. 129 ГК РФ «Оборотоспособность объектов гражданских прав»³. Подобный подход можно считать уже классическим: то, что в суждениях относительно понятия гражданского оборота ученые «отправляются по существу от одного и того же положения, а именно – от оборотоспособности вещей, от участия тех или иных объектов в обороте», – отмечал еще О. А. Красавчиков⁴.

Однако, используя один и тот же – формально-логический – инструментарий, ученые зачастую приходят к различным выводам, рас-

¹ См.: Белов В. А. Гражданское право. Общая часть. Т. 1. С. 73 ; Филиппова С. Ю. Указ. соч. С. 11.

² Малахов В. П. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории. С. 16.

³ См.: Галеева Р. Ф. Исключительное право: правовая природа и роль в гражданском обороте : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 22–23 ; Евстафьева И. В. Указ. соч. С. 31 ; Ельникова Е. В. Гражданско-правовое регулирование оборота культурных ценностей : дис. ... канд. юрид. наук. С. 21 ; Романова В. В. Указ. соч. С. 51 ; Шаповалова Е. В. Гражданско-правовые формы оборота информации : дис. ... канд. юрид. наук. С. 91–92. В поисках содержания рассматриваемой категории обращаются отечественные ученые и к иным законодательным положениям. Например, В. А. Петрушкин, задаваясь вопросом о том, включает ли в себя категория «гражданский оборот» оборот так называемых нематериальных объектов, заключает, что для ответа на данный вопрос «следует обратиться к содержанию гражданского законодательства», после чего рассматривает правила ст. 1042 ГК РФ (см.: Петрушкин В. А. Актуальные проблемы правовой модели системы оборота недвижимости. С. 10–11), а при соотношении категорий «гражданский оборот» и «имущественный оборот» апеллирует к норме п. 1 ст. 779 ГК РФ (см.: Там же. С. 11–12). Приводятся и анализируются ученым и иные случаи использования термина «гражданский оборот» в ГК РФ, а также в иных федеральных законах и в иных нормативных правовых актах (см.: Там же. С. 12–14).

⁴ Красавчиков О. А. Советский гражданский оборот (понятие и основные звенья). С. 5.

ходясь во многих существенных моментах. Наиболее яркой иллюстрацией этого может служить вопрос о традиционной классификации объектов гражданских прав по критерию оборотоспособности, во всех случаях основанной на положениях одной и той же статьи – ст. 129 ГК РФ. Несмотря на общее сходство современных подходов к решению данного вопроса, далеко не во всех моментах правоведы единодушны.

Прежде всего, отсутствует единообразие относительно предмета рассматриваемой классификации. В основном в качестве такового указываются объекты гражданских прав, в отдельных случаях именуемые также объектами гражданских правоотношений. В то же время, ссылаясь на правила ст. 129 ГК РФ, посвященной оборотоспособности объектов гражданских прав, нередко пишут об оборотоспособности вещей¹, неоправданно сужая, на наш взгляд, тем самым сферу применения и умаляя значение категории «оборотоспособность».

По-разному обозначается в современной юридической литературе также критерий указанной классификации. В одних случаях указывают на собственно «оборотоспособность»²; в других случаях деление объектов проводится «по принципу свободы оборота»³, «по степени» либо «по началу их свободы в экономическом обороте»⁴, «в зависимости от возможности свободно отчуждаться или переходить» к другому лицу⁵; отдельные авторы принимают во внимание объем оборотоспособности⁶.

Различно определяется в российском правоведении и само понятие «оборотоспособность». Далеко не всегда его определяют именно как способность объектов, то есть как присущее им свойство⁷, хотя подобное понимание наиболее соответствует исходному смыслу соответствующего термина, образуемого путем сложения таких состав-

¹ См.: Российское гражданское право : учебник. Т. 1 / отв. ред. Е. А. Суханов. М., 2011. С. 304–305.

² См.: Там же. С. 304 ; Чубаров В. В. Проблемы правового регулирования недвижимости. М. : Статут, 2006. С. 176–177.

³ См.: Белов В. А. Гражданское право: Общая и Особенная части. М. : Центр ЮрИнфоР, 2003. С. 130.

⁴ См.: Белов В. А. Гражданское право. Общая часть. Т. 2. С. 278, 280.

⁵ См.: Зенин И. А. Гражданское право : учебник. М. : Юрайт, 2010. С. 118.

⁶ См.: Астахова М. А. Оборот прав на результаты интеллектуальной деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Екатеринбург, 2007. С. 15.

⁷ В русском языке «способный» означает «обладающий каким-нибудь свойством» (см.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 757).

ляющих, как «оборот» и «способность». В ряде случаев при определении оборотоспособности объектов гражданских прав ученые используют иной термин – «допустимость»¹ (от «допустимый» – «возможный, позвольтельный, разрешенный»²), связывая, таким образом, вопрос об оборотоспособности объектов с понятием «правой режим объектов»³, как это делает и российский законодатель⁴.

Вследствие смешения понятий «оборотоспособность объектов» и «правовой режим объектов», в доктрине одни и те же виды (группы) объектов гражданских прав (либо виды вещей) попадают в рамки классификаций, осуществляемых по различным критериям. А именно, традиционно выделяемые группы «объекты (вещи), свободные в обороте», «объекты (вещи), ограниченные в обороте» и «объекты (вещи), изъятые из оборота» в одних работах приводятся в рубрике «Классификация по целевому назначению и правовому режиму»⁵, а в других – в разделе «Оборотоспособность вещей»⁶.

В новой редакции ст. 129 ГК РФ, вступившей в действие 1 октября 2013 г.⁷, указание на объекты, изъятые из оборота, как отмечалось, отсутствует. Данной категории объектов придана характери-

¹ См.: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части первой (постатейный) / рук. авт. кол. и отв. ред. О. Н. Садилов. М. : Контракт ; Инфра-М, 2003. С. 315 ; Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. П. В. Крашенинникова. М., 2011. Режим доступа: справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 176.

³ По замечанию С. С. Алексеева, означающим порядок регулирования, выраженный «в характере и объеме прав по отношению к объекту» (Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия... С. 374). Как совокупность существующего правового регулирования в отношении определенного явления объективной действительности понимается правовой режим и в цивилистической литературе (см.: Сенчищев В. И. Объект гражданского правоотношения. Общее понятие // Актуальные вопросы гражданского права / под ред. М. И. Брагинского ; Исследовательский центр частного права. Российская школа частного права. М. : Статут, 1998. С. 140, 157–158).

⁴ См.: п. 4 ст. 3 федерального закона РФ от 02.07.2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 3 июля 2013.

⁵ См.: Пиляева В. В. Гражданское право. Части общая и особенная : учебник. М. : КноРус, 2011. С. 97.

⁶ См.: Российское гражданское право : учебник. Т. 1 / отв. ред. Е. А. Суханов. М., 2011. С. 304–305.

⁷ Приняты федеральным законом РФ от 02.07.2013 г. № 142-ФЗ.

ка ограниченных в обороте, что, на наш взгляд, является вполне оправданным, поскольку это адекватно отражает реально существующую ситуацию: нахождение большинства из изъятых ранее из оборота объектов в собственности государства, по сути, означало, что такие объекты «могут принадлежать лишь определенным участникам оборота» (п. 2 ст. 129 ГК РФ), исходя из чего, по указанному признаку они изначально фактически являлись ограниченно оборотоспособными, на что справедливо указывалось в литературе¹. Ограничение в гражданском обороте других объектов осуществлялось по второму из предусмотренных законом признаков – наличию специального разрешения на их отчуждение или иную передачу.

Возвращаясь в данной связи (см. § 1 гл. 1 настоящей работы) к вопросу о сохранении указания на изъятые из оборота объекты, в частности, в земельном законодательстве (в норме абз. 1 п. 2 ст. 27 ЗК РФ), отметим, что, являясь допустимым с позиций системного толкования данной (специальной) нормы Земельного кодекса РФ и общего правила п. 3 ст. 129 ГК РФ², оно, как представляется, вряд ли может быть признано удачным по отмеченной выше причине фактической (действительной) ограниченности оборота объектов, находящихся в собственности государства (а согласно п. 4 ст. 27 ЗК РФ изъяты из оборота именно земельные участки, занятые объектами, находящимися в федеральной собственности). Примечательно, что и сама ст. 27 ЗК РФ, устанавливающая правила об изъятых из оборота земельных участках, называется «Ограничения оборотоспособности земельных участков». Можно полагать, что указание на изъятие из оборота призвано подчеркнуть специфику правового режима данного вида земельных участков³, однако сведение вопроса об оборотоспособности объекта к вопросу о его правовом режиме представляется ошибочным.

¹ См.: Лапач В. А. Указ. соч. С. 296.

² Согласно которому земля и другие природные ресурсы могут отчуждаться или переходить от одного лица к другому иными способами в той мере, в какой их оборот допускается законами о земле и других природных ресурсах.

³ Именно по этому критерию специалисты в области земельного права разграничивают изъятые из оборота и ограниченные в обороте земельные участки (см.: Анисимов А. П., Рыженков А. Я., Чаркин С. А. Земельное право России: краткий курс лекций / под ред. А. П. Анисимова. М.: Юрайт, 2014. С. 88). Впрочем, высказывается также мнение, что установление особых правовых режимов отдельных территорий и объектов само может рассматриваться как «способ ограничения оборотоспособности данных земель» (см.: Земельное право / В. Х. Улюкаев [и др.]. М., 2010. Режим доступа: справ.-правовая систе-

На наш взгляд, необходимое разграничение данных понятий заключается в следующем: в отличие от правового режима, который отражает законодательно установленные возможности и долженствования субъектов по отношению к тому или иному виду объектов, *оборотоспособность выступает характеристикой самих объектов реальной действительности, благ* – наличия или отсутствия у них естественного свойства быть элементом оборота.

В соответствии с этим *по критерию оборотоспособности объекты гражданских прав следует классифицировать на оборотоспособные и необоротоспособные*. Именно дихотомия «оборотоспособные объекты – необоротоспособные объекты» представляется верной, поскольку она охватывает все возможные виды объектов гражданских прав. Традиционное же деление объектов, в свете новой редакции ст. 129 ГК РФ уже только на две группы, – на свободные в обороте и ограниченные в обороте может повлечь явно ошибочный вывод, что все объекты гражданских прав так или иначе являются оборотоспособными, просто для оборота некоторых из них требуется специальное разрешение либо особый субъектный состав (п. 2 ст. 129 ГК РФ); наличия необоротоспособных объектов, то есть таких, которые буквально не способны к обороту, данная группировка не предполагает. В то же время некоторые из объектов гражданских прав, в частности, дематериализованные результаты творческой деятельности и нематериальные блага¹, такой способностью не обладают, при-

ма «КонсультантПлюс»). Так или иначе, тезис о взаимосвязи правового режима земель (земельных участков) и их оборотоспособности можно считать общепризнанным, хотя и не всегда характер их соотношения определяется учеными достаточно четко. Так, например, А. П. Анисимов и А. И. Мелихов завершают свою работу «Правовой режим земельных участков...» выводом о ненужности проведения «жестких граней между нормами гражданского и земельного права, определяющих совместно и неразрывно оборотоспособность земельных участков» (Анисимов А. П., Мелихов А. И. Правовой режим земельных участков: новый межотраслевой подход к соотношению норм гражданского и земельного права // Право и экономика. 2008. № 12. С. 8). См. также: Жернаков Д. В. Указ. соч. § 3.1 гл. 3 ; Чубаров В. В. Указ. соч. С. 187.

¹ Включая деловую репутацию, в вопросе относительно оборотоспособности которой мы разделяем позицию М. А. Рожковой, полагающей, что «деловая репутация, являясь нематериальным результатом коммерческой деятельности, в силу своих естественных свойств, являясь *нематериальным* объектом – не предусматривает возможность ее передачи (перехода). Это подтверждается п. 2 ст. 1027 ГК РФ, закрепляющим возможность предоставления права на использование деловой репутации и коммерческого опыта “создателя” этой репу-

чем объективно, а не только в силу норм п. 4 ст. 129 и ст. 150 ГК РФ, соответственно.

Небезынтересно заметить, что в ст. 178 ГК Украины (аналог ст. 129 ГК РФ) наряду с объектами, которые могут свободно отчуждаться или переходить от одного лица к другому, объектами, изъятыми из гражданского оборота, и ограниченными в обороте объектами указано на объекты, которые «являются неотъемлемыми от физического или юридического лица». В данном отношении положения ст. 178 ГК Украины следует признать более полными, поскольку в ст. 129 ГК РФ неотчуждаемые (что по смыслу данной статьи тождественно «необоротоспособные») объекты представлены только интеллектуальной собственностью (п. 4). Вместе с тем приведенный в п. 1 ст. 178 ГК Украины перечень видов объектов гражданских прав является именно перечнем (а не легальным основанием или отражением стройной доктринальной классификации), поскольку включенные в него отдельные виды объектов отвечают различным классификационным критериям. По критерию оборотоспособности в данном перечне, по нашему мнению, можно выделить только объекты, неотъемлемые от физического или юридического лица, охарактеризовав их в качестве необоротоспособных объектов.

Представляется, что в основании общепринятого деления объектов гражданских прав на свободные в обороте, ограниченные в обороте и изъятые из оборота лежит не собственно оборотоспособность объектов, а законодательно установленные в отношении отдельных видов объектов возможности и долженствования субъектов, т.е. правовой режим объектов. Исходя из этого, более удачным видится иное название ст. 129 ГК РФ – «Правовой режим объектов гражданских прав». В то же время при установлении последнего законодатель не может не учитывать естественных свойств самих объектов, в частности, их способность либо неспособность к обороту. Признается это и в доктрине. Например, Д. В. Жернаков обосновывает обусловлен-

тации и обладателя такого опыта. Даже и в тех случаях, когда законодатель говорит о передаче самой деловой репутации (см. п. 1 ст. 1042 ГК РФ), речь идет о передаче *права на использование* созданной деловой репутации – иное понимание данной нормы приводило бы к абсурдному заключению о возможности отчуждения деловой репутации» (Рожкова М. А. Обязательство по компенсации репутационного ущерба как разновидность деликтного обязательства // Обязательства, возникающие не из договора : сб. ст. / рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. М. : Статут, 2015. С. 127).

ность гражданско-правового режима земельного участка возможностью нахождения его в гражданском обороте, физическими свойствами земельного участка¹. М. А. Астахова отмечает, что ограничение оборотоспособности прав на охраняемые результаты интеллектуальной деятельности «определяется в основном природой блага»². М. А. Рожкова, придерживаясь традиционного подхода в вопросе классификации объектов гражданских прав по критерию оборотоспособности, делит объекты, изъятые из частного обладания и оборота, на три группы: объекты, изъятые из оборота по причине их большой публичной значимости, объекты, изъятые из оборота из соображений общественной безопасности и объекты, изъятые из оборота в силу их естественных свойств³.

¹ См.: Жернаков Д. В. Указ. соч. С. 8, 9, 73.

² Астахова М. А. Оборот прав на результаты интеллектуальной деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 16.

³ См.: Рожкова М. А. Оборотоспособность объектов гражданских прав. С. 213–215. Уместно привести и следующее утверждение данного ученого: «нематериальные объекты – полноценные объекты гражданских **прав**, но никак не гражданского **оборота**... что обусловлено как раз нематериальной природой этих объектов» (Рожкова М. А. Информация как объект гражданских прав, или Что надо менять в гражданском праве). Полностью соглашаясь в том, что при классификации объектов должны учитываться их естественные свойства, тем не менее, полагаем, что все объекты, не способные к обороту в силу своих природных (естественных) свойств, необходимо относить к числу необоротоспособных, а не изъятых из оборота, поскольку, как справедливо отмечается в литературе, изъять из оборота можно лишь то, что в принципе может в нем находиться (см.: Белов В. А. Гражданское право. Общая часть. Т. 2. С. 279). Заметим, что в более поздней работе М. А. Рожкова, на наш взгляд, по существу, по тому же самому критерию – оборотоспособности, однако уже не объекты гражданских прав, а имущество делит на следующие группы: 1) объекты, обладающие экономической ценностью для участников гражданского оборота и допускающие передачу (переход) этих объектов от одного лица к другому (в качестве примеров указаны: вещи, результаты работы, оказание услуг, различные имущественные права (включая права требования, исключительные права на объекты интеллектуальной собственности, права на заключение договора и пр.), имущественные комплексы); 2) объекты, обладающие экономической ценностью для участников гражданского оборота, предусматривающие возникновение в отношении их субъективных гражданских прав и допускающие передачу (переход) от одного субъекта к другому только прав на эти объекты, но не самих этих объектов по причине нематериального характера последних (к ним автором отнесены результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, деловая репутация, индивидуализирующие человека черты и

Таким образом, вопрос об оборотоспособности объекта оказывается первичным по отношению к вопросу о его правовом режиме¹, в связи с чем верным представляется подход к классификации объектов гражданских прав, при котором объекты сначала разделяются на оборотоспособные и необоротоспособные и лишь затем осуществляется их дальнейшее деление на те или иные группы.

Наиболее последовательно подобный подход представлен в работах В. А. Белова, который до внесения изменений в ст. 129 ГК РФ классифицировал объекты гражданских (частных) прав на 1) оборотоспособные и 2) не являющиеся оборотоспособными, выделяя в числе оборотоспособных объекты, свободные в обороте, и объекты, ограниченные в обороте, а в числе не обладающих оборотоспособностью – объекты, необоротоспособные в силу своих естественных свойств, и объекты, изъятые из оборота². При этом изъятые из оборота объекты ученый трактует как объекты, «лишенные свойства оборотоспособности предписаниями объективного права (ставшие

пр.); 3) объекты, обладающие безусловной экономической ценностью, но не являющиеся объектами гражданских прав вследствие прямого запрещения возможности принадлежать частным лицам, недопустимости выступать объектами гражданско-правовых сделок и пр. Относительно последних ученый пишет: «Изъятие этих объектов из гражданского оборота (такие объекты традиционно обозначаются как “объекты, изъятые из оборота”) влечет исключение их из числа объектов гражданских прав (подтверждением чего стало исключение федеральным законом РФ от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ “О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации” упоминания об объектах, изъятых из оборота, из текста ст. 129 ГК РФ)» (Рожкова М. А. Обязательство по компенсации репутационного ущерба как разновидность деликтного обязательства. С. 125–126).

¹ Так, В. А. Лапач писал, что правильная квалификация правового режима объекта правоотношения «позволяет правоприменителю успешно разрешать возникающие споры о праве собственности на те или иные объекты, об ответственности за незаконное владение, пользование и распоряжение ими», а вопрос о применимости к спорным правоотношениям норм той или иной отрасли законодательства и решается «по признаку товарности, оборотоспособности объектов» (Лапач В. А. Указ. соч. С. 289–290). Иной является позиция В. В. Чубарова, который рассматривает оборотоспособность как важнейшую составляющую гражданско-правового режима «любой вещи» (Чубаров В. В. Указ. соч. С. 187).

² См.: Белов В. А. Гражданское право. М., 2003. С. 130–131 ; Его же. Гражданское право. Общая часть. Т. 2. М., 2011. С. 280.

необоротоспособными)»¹, что, исходя из нашего понимания оборотоспособности как *естественного* свойства объектов, видится спорным.

Вызывает возражения и критерий классификации, во-первых, единый для отстаиваемой В. А. Беловым двухуровневой четырехчленной классификации, и, во-вторых, сформулированный с привлечением категории «свобода», в частности, как степень свободы объектов в обороте². Относительно первого заметим, что любая последующая градация предмета исследования, на наш взгляд, должна осуществляться по вновь избранному (или выявленному) исследователем признаку, суть критерия, детализирующему первоначальный критерий, но, тем не менее, иному в каждом последующем случае. Что касается свободы объектов в обороте, то вопрос о ее степени уместен, как представляется, лишь при условии принципиальной способности объекта к обороту (а по признанию самого ученого, такой способностью обладают не все объекты). Иными словами, только установив, что объект способен к обороту, можно ставить вопрос о том, насколько свободно он может обращаться; соответственно, отсутствие у объекта такого свойства, по сути, тождественно констатации «нулевой» степени его свободы в обороте, что с точки зрения правоведения вряд ли можно считать выводом, имеющим весомое значение.

Также по критерию свободы объектов в обороте, а именно в зависимости «от возможности свободно отчуждаться или переходить от одного лица к другому» делит объекты гражданских правоотношений на оборотоспособные и необоротоспособные И. А. Зенин. Аналогично В. А. Белову к необоротоспособным он относит объекты, «по прямому указанию закона» изъятые из оборота, характеризуя подобным образом и ограниченно оборотоспособные объекты, считая оборотоспособными, таким образом, только полностью свободные в обороте вещи и имущественные права³. Наряду с уже сказанным относительно критерия рассматриваемой классификации и характеристики изъятых из оборота объектов, серьезные сомнения вызывает обоснованность отнесения к числу необоротоспособных тех объектов, оборот которых все же возможен и допустим, хоть и при наличии специального разрешения либо особого субъектного состава, т. е. ограниченно оборотоспособных объектов. Учитывая изложенное, полагаем, что позиция

¹ Белов В. А. Гражданское право. Общая часть. Т. 2. С. 280.

² См.: Там же. С. 278.

³ См.: Зенин И. А. Указ. соч. С. 118–119.

И. А. Зенина, несмотря на изначально методологически верный подход, в большей степени заслуживает критики, чем поддержки.

Не вполне логичными представляются и суждения М. А. Астаховой, которая, анализируя проблему оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности, оправданно выделяет в отдельную группу необоротоспособные права, но при указании на основание дифференциации отмечает, что «наличием оборотоспособности характеризуется целый ряд прав, однако объем этой оборотоспособности весьма неоднороден»¹. На наш взгляд, приведенное замечание корректно лишь относительно двух других выделяемых данным ученым групп прав – свободно оборотоспособных и ограниченно оборотоспособных, но никак не необоротоспособных прав.

Недостаточно ясной является позиция В. В. Байбака, который отмечает, что «в гражданском же праве такое свойство (оборотоспособности. – Ю. В.) присуще *лишь объектам гражданских прав*»². Буквальное прочтение данной фразы дает основание для логического вывода, что, по мнению ее автора, все объекты гражданских прав обладают данным свойством. Более того, начиная рассуждения с указания: «ГК РФ определяет оборотоспособность как способность объекта гражданских прав свободно отчуждаться и переходить от одного лица к другому (п. 1 ст. 129)»³, В. В. Байбак, как можно заключить, не только усматривает наличие в российском гражданском праве легального определения понятия «оборотоспособность», но и признает все объекты гражданских прав свободными в обороте. Насколько верны приведенные умозаключения, можно лишь предполагать. Но если они все же верны и В. В. Байбак действительно считает все объекты гражданских прав оборотоспособными, неясно, какое место в системе объектов гражданских прав он отводит необоротоспособным и изъятым из оборота обязательственным требованиям, существование которых ученый не отрицает⁴.

Отстаивая классификацию объектов гражданских прав по критерию оборотоспособности на оборотоспособные и необоротоспособные, особо необходимо оговориться о том, в чем усматривается

¹ Астахова М. А. Оборот прав на результаты интеллектуальной деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 15.

² Байбак В. В. Обязательственное требование как объект гражданского оборота : дис. ... канд. юрид. наук. С. 42.

³ Там же. С. 36.

⁴ См.: Там же. С. 37, 38.

юридическое значение такого деления. Представляется, что помимо правового режима отдельных видов объектов (который и должен быть положен в основание принятого деления объектов на свободные в обороте, ограниченные в обороте и изъятые из оборота), таким свойством объектов, как их оборотоспособность *детерминирован вид правоотношений, которые могут складываться по поводу тех или иных видов объектов*. Указанием на правовой режим определенного объекта последний вопрос, на наш взгляд, не решается. Полагаем, что необоротоспособные объекты гражданских прав могут выступать объектом только охранительных гражданских правоотношений (как это закреплено и действующим законодательством, в частности, п. 2 ст. 2, ст. 1225 ГК РФ¹), в то время как по поводу оборотоспособных объектов могут складываться как охранительные, так и регулятивные гражданские правоотношения.

Детальное рассмотрение вопроса о регулятивных и охранительных гражданских правоотношениях выходит за рамки настоящей работы, в связи с чем позволим себе ограничиться некоторыми общими замечаниями. Признавая необходимость градации гражданских правоотношений на регулятивные и охранительные и разделяя в понимании последних позицию представителей ярославской цивилистической школы, полагаем, что специфика охранительного субъективного права заключается в том, что оно обладает способностью принудительного осуществления – свойством, которого не имеет регулятивное субъективное право². Данный, сформулированный в предельно

¹ Согласно первой из указанных норм, «нематериальные блага *защищаются* гражданским законодательством, если иное не вытекает из существа этих нематериальных благ»; ст. 1225 ГК РФ гласит о том, что «интеллектуальная собственность *охраняется* законом» и содержит перечень результатов творческой деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации, которым «предоставляется *правовая охрана*».

² См.: Крашенинников Е. А. Право на защиту // Методологические вопросы теории правоотношений. Ярославль, 1986. С. 7 ; *Его же*. К теории права на иск. Ярославль, 1995. С. 4 ; Мотовиловкер Е. Я. Теория регулятивного и охранительного права. Воронеж, 1990. С. 55. К числу сторонников данной позиции можно отнести А. Б. Бабаева и В. А. Белова (см.: Бабаев А. Б., Белов В. А. Проблемы общего учения о гражданском правоотношении // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. М. : Юрайт-Издат, 2007. С. 258–263). Следует заметить, что в отечественной цивилистике более традиционной является иная точка зрения – что любое субъективное право способно к принудительному осуществлению. Основываясь на

общем виде, вывод покоится на понимании «должного» как требования к воле другого лица, в связи с чем обязанный субъект в регулятивном правоотношении имеет свободу выбора – представить или нет «предъявляемое ему извне веление предметом собственной воли, сознательного размышления и самостоятельного решения»¹, иными словами, исполнить предъявляемое к нему требование или отступить от него. Исходя из этого, юридическая обязанность как мера должного поведения может быть исполнена только добровольными действиями; принуждение в отношении обязанного невозможно². Если же обязанный субъект не исполнил свою обязанность, происходит нарушение права управомоченного лица либо его охраняемого законом интереса, однако в этом случае возникает притязание, которое кардинально меняет характер нарушенного правоотношения и дает управомоченному либо возможность принуждения, либо возможность его односторонних действий³.

С изложенных позиций предоставленное законом лицу субъективное право требования в отношении определенного объекта будет реализовываться различно не столько исходя из того, каков правовой

ней, Д. Н. Кархалев отмечает, что субъективному охранительному праву на защиту (до момента нарушения являвшемуся правомочием на защиту) противостоит охранительная обязанность по восстановлению нарушенного права (см.: Кархалев Д. Н. Охранительное гражданское правоотношение. М. : Статут, 2009. С. 30–31). Причем признаком, свидетельствующим о самостоятельности охранительного обязательства, по мнению ученого, является «возможность его нарушения», что влечет возникновение нового охранительного правоотношения, направленного на обеспечение защиты первого правоотношения (см.: Там же. С. 31–32). Представляется, что подобное понимание охранительных прав, как минимум, лишено практической значимости, поскольку предполагает бесконечное «наслоение» все новых и новых охранительных правоотношений, явившихся следствием нарушения одного регулятивного субъективного права, – конструкцию, *a priori* не способную обеспечить управомоченному лицу реализацию предоставленной ему возможности в отношении определенного блага. По этой причине данная позиция заслуживает критической оценки и не может, по нашему мнению, претендовать на концепцию, предлагающую адекватное и актуальное понимание охранительных прав.

¹ Мотовиловкер Е. Я. Указ. соч. С. 47.

² См.: Там же. С. 46–47 ; См. также: Шемчук О. А. О некоторых особенностях гражданско-правовых обязанностей // Защита частных прав: проблемы теории и практики : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 20–21 апр. 2012 г.) / отв. ред. Н. П. Асланян. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2012. С. 171.

³ См.: Мотовиловкер Е. Я. Указ. соч. С. 39–40, 53.

режим данного объекта, сколько в зависимости от того, содержание какого – регулятивного либо охранительного – правоотношения данная правовая возможность составляет. Представляется, что легально установленные возможности субъектов в отношении необоротоспособных объектов всегда имеют характер притязаний в том смысле, что обладают способностью принудительного осуществления.

Еще одним вопросом, связанным с применением формально-логического метода, является вопрос о понятии оборота, к которому «способны» либо «не способны» отдельные виды объектов. В российской цивилистической доктрине этот вопрос является открытым; более того, в контексте проблемы оборотоспособности объектов гражданских прав, равно как и проблемы определения понятия «гражданский оборот» учеными он, как правило, даже не ставится. Вместе с тем в литературе высказана позиция о связи категории «оборотоспособность объектов гражданских прав» с понятием не гражданского, а экономического оборота¹. Следовательно, термин «оборотоспособность» может иметь различные смысловые оттенки, означая способность объекта либо к экономическому обороту (суть, фактической передаче), либо к гражданскому обороту (к переходу прав на объект). Все зависит от того, как мы будем интерпретировать термин «оборот».

В данной связи следует заметить, что в российском гражданском законодательстве понятие «гражданский оборот», а точнее, соответствующее ему выражение используется в основном (более 20 раз) в части четвертой ГК РФ, посвященной интеллектуальной собственности, в частности, в уже указанных нормах, содержащих такое словосочетание, как «введение в гражданский оборот» (ст. 1272, п. 2 ст. 1274, п. 1 ст. 1302, ст. 1325, ст. 1344 и др.). Для сравнения, в части первой ГК РФ, закрепляющей общие положения, оно содержится в тексте лишь восьми норм, более половины из которых принята толь-

¹ Ср.: Белов В. А. Гражданское право. М., 2003. С. 129 ; *Его же*. Гражданское право. Общая часть. Т. 2. М., 2011. С. 278–280. Напомним, что в отечественной цивилистике данные понятия традиционно разграничивают: широко признано, что объектами гражданского оборота, в отличие от оборота экономического, являются не сами объекты гражданских прав, то есть не те или иные блага, а имущественные права на них; блага же выступают объектами экономического оборота (см.: Красавчиков О. А. Советский гражданский оборот (понятие и основные звенья). С. 26 ; Туктаров Ю. Е. Указ. соч. С. 114 ; Белов В. А. Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота... С. 76 ; Рыбалов А. О. Указ. соч. С. 90–92).

ко в 2013–2014 гг.¹ Так, уже привычным является упоминание гражданского оборота в нормах: п. 2 ст. 15 ГК РФ «Возмещение убытков» – при определении упущенной выгоды (как неполученных доходов, которые лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено); п. 1 ст. 2 ГК РФ «Отношения, регулируемые гражданским законодательством», согласно которому гражданское законодательство определяет правовое положение участников гражданского оборота. Выражение «участники гражданского оборота» содержится также в нормах п. 1 ст. 1192 (часть третья ГК РФ), а с принятием федерального закона РФ от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ – в абз. 3 п. 2 ст. 51 ГК РФ. В рамках сложившегося словоупотребления («участие в гражданском обороте», «обычные условия гражданского оборота») получил закрепление рассматриваемый термин в ряде норм, введенных федеральным законом РФ от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ – п. 4 ст. 49, абз. 2 п. 1 ст. 53.1 (новой) ГК РФ. Новеллами, введенными федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ, являются правила, посвященные защите нематериальных благ (чести, достоинства, деловой репутации, изображения и частной жизни гражданина) и устанавливающие, что изъятию и уничтожению без какой бы то ни было компенсации подлежат изготовленные в целях введения в гражданский оборот экземпляры материальных носителей, которые содержат сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, незаконно полученную информацию о его частной жизни либо его неправомерно полученное или используемое изображение (п. 4 ст. 152, п. 2 ст. 152.1, п. 4 ст. 152.2).

Что касается нормы п. 1 ст. 129 ГК РФ, на основании формально-логического анализа которой, повторим, в доктрине и формулируют определения понятия оборотоспособности объектов гражданских прав, а также определения самого гражданского оборота, то в

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям : федер. закон РФ от 28.06.2013 г. № 134-ФЗ. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 30 июня 2013 ; О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : федер. закон РФ от 02.07.2013 г. № 142-ФЗ. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 3 июля 2013 ; О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации : федер. закон РФ от 05.05.2014 г. № 99-ФЗ. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 5 мая 2014 г.

ней выражение «гражданский оборот» не используется. Норма п. 1 ст. 129 ГК РФ ныне гласит: «Объекты гражданских прав могут свободно отчуждаться или переходить от одного лица к другому в порядке универсального правопреемства (наследование, реорганизация юридического лица) либо иным способом, если они не ограничены в обороте». Если исходить при формально-логическом толковании приведенной нормы (учитывая название статьи, в которой она закреплена) из традиционного в российской цивилистике разграничения понятий «гражданский оборот» и «экономический оборот» и связанного с этим постулата, что объектом гражданского оборота являются субъективные права (и обязанности), следует признать, что несмотря на использование термина «оборот», в ст. 129 ГК РФ имеется в виду именно гражданский оборот. В частности, согласно названию данной статьи – «Оборотоспособность объектов гражданских прав» – она закрепляет правила оборотоспособности объектов гражданских прав; а поскольку это делается посредством установления возможности отчуждения или перехода объектов, при том что такое отчуждение или переход могут осуществляться в порядке правопреемства, логически следует вывод о том, что под оборотом в данном случае понимается переход прав (а не самих благ), то есть с позиций отмеченного противопоставления гражданского оборота экономическому, действительно, гражданский (а не экономический) оборот объектов¹.

Однако означает ли это, что подобным образом (как гражданский оборот) следует трактовать термин «оборот», содержащийся в тексте других норм ГК РФ (п. 1 ст. 133, ст. 133.1, п. 2 ст. 152.1, подп. 2 п. 2 ст. 178, п. 2 ст. 179, п. 3 ст. 209, п. 1 ст. 260, ст. 357, п. 1 ст. 401 и др.)? Полагаем, что не всегда.

Отмеченное понимание термина «оборот» допустимо, как представляется, например, при толковании положений п. 1 ст. 133, ст. 133.1 ГК РФ, посвященных таким видам объектов гражданских

¹ Следует отметить, что в литературе высказана и иная позиция на сей счет. Так, анализируя «предписания ст. 129 ГК», В. А. Петрушкин заключает, что они свидетельствуют о синонимичности терминов «оборот» и «гражданский оборот». В качестве аргумента ученый пишет: «Такой вывод следует, в частности, из того, что речь в отмеченной статье идет об обороте именно объектов гражданских прав» (*Петрушкин В. А. Актуальные проблемы правовой модели системы оборота недвижимости. С. 15 ; Его же. Системный анализ гражданско-правовой модели оборота недвижимости: проблемы теории и практики. С. 29*).

прав, как неделимые вещи и единый недвижимый комплекс и содержащих выражения: «вещь... выступает в обороте как единый объект вещных прав», «вещью, участвующей в обороте как единый объект». Ввиду прямой отсылки к ст. 129 ГК РФ так же в значении гражданского оборота используется термин «оборот» в норме п. 3 ст. 209 ГК РФ, устанавливающей, что «владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами в той мере, в какой их оборот допускается законом (статья 129) осуществляются их собственником свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов других лиц». В системной связи с положениями ст. 129 ГК РФ следует толковать и правило п. 1 ст. 260 ГК РФ о том, что распоряжение земельным участком допускается постольку, «поскольку соответствующие земли на основании закона не исключены из оборота или не ограничены в обороте». Исходя из формулировки нормы абз. 1 п. 2 ст. 15 ГК РФ, в частности, принимая во внимание содержащееся в ней выражение «обычные условия гражданского оборота», аналогичным образом – как гражданский оборот – следует трактовать, по нашему мнению, термин «оборот» в словосочетании «условия оборота», используемом в тексте правил абз. 2 п. 2 ст. 179, абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ.

В то же время иным, на наш взгляд, является смысл термина «оборот» в норме п. 2 ст. 152.1 ГК РФ, которая гласит: «Изготовленные в целях введения в гражданский оборот, а также находящиеся в обороте экземпляры материальных носителей, содержащих изображение гражданина, полученное или используемое с нарушением пункта 1 настоящей статьи, подлежат на основании судебного решения изъятию из оборота и уничтожению без какой бы то ни было компенсации». Представляется, что формулировка приведенной нормы, а именно, одновременное использование в ее тексте и термина «оборот», и выражения «гражданский оборот» дает основание для вывода о необходимости разграничения как самих указанных терминов, так и соответствующих им понятий. В противном случае (при их отождествлении), логично предположить, что формулировка данного правила была бы иной: «Изготовленные в целях введения в гражданский оборот, а также находящиеся в нем...».

Однако в этом случае возникает вопрос о содержательном наполнении понятия «оборот»: в частности, следует ли трактовать его как (фактический) «экономический оборот» (самых объектов)? Полагаем, что да. Прежде всего, потому, что в самой рассматриваемой

норме прямо говорится об изъятии материальных объектов, в то время как объектами гражданского оборота (которые можно было бы изъять из него), согласно общепринятому пониманию, являются субъективные права. Вывод о необходимости понимания термина «оборот» в п. 2 ст. 152.1 ГК РФ как экономического оборота следует, по нашему мнению, и при возможной интерпретации изъятия из оборота таким образом, что изъятие самих объектов осуществляется наряду с изъятием прав на них. При этом мы исходим из того очевидного обстоятельства, что изъять из гражданского оборота можно лишь то, что в нем находится, т. е., повторим, субъективные права. Однако права на объекты, о которых идет речь в анализируемой норме (тиражируемые и распространяемые экземпляры материальных носителей, неправомерно содержащих «чужое» изображение), изначально порочны, в связи с чем, следуя терминологии ГК РФ (в частности, п. 2 ст. 1274, ст. 1344), их нельзя признать «правомерно введенными в гражданский оборот»¹ и, соответственно, правомерно в нем находящимися. Иными словами, подобные права являются «неправомерными», в силу чего их вообще вряд ли можно считать частью гражданского оборота и, следовательно, подлежащими и способными к изъятию из него.

Таким образом, посредством формально-логического толкования отдельных норм российского гражданского законодательства один и тот же термин – «оборот» – может быть интерпретирован различно: и как гражданский оборот, и как экономический оборот. При этом однозначно и категорично утверждать, что именно то или иное его понимание является подлинным, по нашему убеждению, невозможно, в связи с чем справедливо замечание о том, что формально-логический метод служит средством «получения правильного, а не истинного научного знания»². Какое, например, значение будет иметь термин «оборот» в норме подп. 2 п. 2 ст. 178 ГК РФ, устанавливаю-

¹ Хотя, как уже отмечалось, с точки зрения понимания гражданского оборота как оборота субъективных прав и обязанностей сомнительным является сам вопрос о «правомерном» или «неправомерном» введении (объектов) в гражданский оборот: либо фактическое действие субъекта по введению определенного объекта в гражданский оборот влечет соответствующий правовой результат – «введение», суть, появление в гражданском обороте нового, ранее отсутствовавшего в нем права (обязанности), либо не влечет его ввиду неправомерности поведения действующего субъекта.

² *Пугинский Б. И.* Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М. : Юрид. лит., 1984. С. 23 ; *Филиппова С. Ю.* Указ. соч. С. 11.

щей, что достаточно существенным предполагается заблуждение (под влиянием которого совершена оспариваемая сделка), если «сторона заблуждается в отношении предмета сделки, в частности таких его качеств, которые в обороте рассматриваются как существенные»? Где именно рассматриваются качества предмета сделки как существенные, и какие доводы должен привести субъект, оспаривающий сделку по данному основанию? Не вполне ясно и то, как следует толковать термин «оборот» в тексте правил ст. 357 ГК РФ «Залог товаров в обороте» (в частности, п. 2 данной статьи – в выражении «товары в обороте, отчужденные залогодателем»).

Отмеченная содержательная неоднозначность, а порой – неопределенность отдельных законодательных положений приводит к тому, что понимание категории «гражданский оборот», основанное на применении формально-логической методологии, напротив, скорее оказывается интуитивным, нежели логически обоснованным. Как следствие, в равной мере допустимыми являются трактовки гражданского оборота и как совокупности относительных отношений, возникающих из различных юридических фактов и опосредующих движение объектов гражданских прав от одного лица к другому¹, и как совокупности актов передачи прав², и как перехода или изменения в установленном законом порядке прав на те или иные объекты³, и как процесса перехода самих объектов гражданских прав⁴. Но при таких обстоятельствах размываются не только границы самого понятия «гражданский оборот»; это колеблет общую систему цивилистических категорий, элементом которой данное понятие выступает.

Стремление найти выход из сложившейся познавательной ситуации, оставаясь при этом в рамках догмы, равносильно переливанию «из пустого в порожнее»: представители науки пытаются объяснить значение выражений и соответствующих им понятий «оборот», «гражданский оборот», избирая в качестве исходного то или иное нормативное установление, в то время как законодатель, в задачи которого, как отмечалось, не входит обязательное определение используемых правовых понятий, полагается в решении данного вопроса на

¹ Шаповалова Е. В. Гражданско-правовые формы оборота информации : дис. ... канд. юрид. наук. С. 96.

² Туктаров Ю. Е. Указ. соч. С. 113–114.

³ Ельникова Е. В. Гражданско-правовое регулирование оборота культурных ценностей : дис. ... канд. юрид. наук. С. 12, 25.

⁴ Евстафьева И. В. Указ. соч. С. 34.

доктрину, ожидая приемлемых дефиниций от ученых. Но поскольку на сегодняшний день такие дефиниции различны, использование в законе и интерпретация на практике терминологических оборотов по интересующей нас проблеме является произвольным.

Учитывая изложенное, следует заключить, что определения гражданского оборота, выводимые путем формально-логического анализа норм позитивного права, не могут способствовать дальнейшему развитию системы знаний о гражданском обороте и построению стройной научной теории гражданского оборота, поскольку при таком подходе главной задачей исследователя становится приведение к «общему знаменателю» существующих законодательных положений, содержащих выражение «гражданский оборот» и иные близкие ему термины. Однако несогласованность таких положений, усугубляемая вариативностью смысла термина «оборот», делает указанную задачу трудновыполнимой, убеждая в неэффективности использования при исследовании гражданского оборота «махрового юридического позитивизма» (выражение В. М. Сырых¹) и связанного с последним формально-логического метода.

§ 3. Сравнительно-правовой метод познания гражданского оборота

Еще одним возможным способом познания гражданского оборота является сравнительно-правовой метод, относительно которого, прежде всего, следует обратить внимание на неоднозначность его понимания. С одной стороны, его можно трактовать в смысле сравнительного правоведения – компаративистики, когда сравнению подлежат актуальные (действующие) правовые нормы (институты и т. д.) различных государств (правовых систем, правопорядков). Такой характер имеют исследования Е. В. Агапеевой «Ценные бумаги как объекты гражданского оборота по законодательству России и США (сравнительно-правовой аспект)»², К. М. Беликовой «Правовое регулирование торгового оборота и кодификация частного права в странах Латинской Америки»³.

С другой стороны, сравнительно-правовое исследование может заключаться в сопоставлении (сравнении), например, норм, регламен-

¹ См.: Сырых В. М. Материалистическая философия частного права : монография. М. : Юрлитинформ, 2014. С. 6.

² Агапеева Е. В. Указ. соч.

³ Беликова К. М. Указ. соч.

тирующих определенную группу общественных отношений, действовавших в границах одного государства, но в различные временные периоды. Так, Р. М. Олимова, указывая, что приоритетным частно-правовым методом познания в проведенном ею исследовании являлся сравнительно-правовой, оправданно уточняет при этом, что «нормативные акты, регулирующие рынок драгоценных металлов и драгоценных камней... сопоставлялись между собой, так же, как и содержащиеся в них нормы»¹.

Допустимость подобного понимания сравнительно-правового метода признается и в специальной литературе. В частности, А. А. Тилле отмечал, что «всякое историческое исследование необходимо предполагает сравнение исследуемого объекта в разные периоды. Поэтому вполне возможно сравнительное исследование в историческом плане любого государственного или правового института отдельно взятой страны»². По авторитетному замечанию К. Цвайгерта и Х. Кётца, «историю права можно квалифицировать как “вертикальное сравнительное право”, а сравнение современных правовых систем – как “горизонтальное сравнительное право”»³.

Возможно и третье понимание сравнительно-правового метода, при котором в сравнительном плане рассматриваются «различные аспекты или части одной правовой системы»⁴, т. е. также положения права определенного государства, но уже не в ретроспективе, а в рамках одного временного периода.

Рассматриваемый метод может выступать и как некий симбиоз сравнительно-правового и исторического (историко-правового) методов – сравнительно-исторический метод, когда при сравнении права разных государств во внимание принимаются также исторические начала сопоставляемых норм, институтов и т. д. Так, говоря об отношениях между сравнительным правом и историей права, К. Цвайгерт и Х. Кётц отмечают, что они «на удивление сложны» и констатация то-

¹ См.: Олимова Р. М. Гражданско-правовое регулирование оборота драгоценных металлов и драгоценных камней в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 7.

² Проблемы методологии и методики правоведения. С. 117 (автор главы А. А. Тилле).

³ Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права : в 2 т. Т. 1. Основы / пер. с нем. М. : Междунар. отношения, 2000. С. 19.

⁴ См.: Там же. С. 8–9. В качестве примера ученые поясняют: «различные параграфы Германского гражданского уложения».

го, что «сравнительное право изучает правовые системы, сосуществующие в пространстве, а история права – во времени» является неполной, поскольку «во-первых, история права использует сравнительный метод... Во-вторых, широкое толкование понятия “сравнительное право” включает в себя и сравнительную историю права»¹. Сторонником последнего понимания сравнительного метода был, в частности, один из дореволюционных правоведов – М. Ковалевский, который, приступая к его анализу, «позволил себе», «прежде всего, изменить несколько самый термин и говорить не о сравнительном методе просто, а о методе историко сравнительном»². По мнению ученого, «научное орудование» сравнительным методом «возможно лишь под условием непосредственного знакомства с памятниками истории права сравниваемых народов»³. В современной российской юридической литературе на недостаточную изученность сравнительно-исторического правоведения указывает, например, Т. А. Желдыбина⁴.

Учитывая изложенное, необходимо подчеркнуть: ввиду отмеченной неоднозначности словосочетания «сравнительно-правовой» ученым следует либо уточнять, что именно будет подлежать сравнению, либо (в случае сопоставления правовых норм, институтов, категорий, конструкций и т. п., закрепленных или используемых в разных государствах) использовать специальный термин – «компаративистика». В таком, специальном, значении сравнительно-правовой метод и будет рассматриваться в дальнейшем изложении.

Признавая значимость данного метода⁵, тем не менее, нельзя не задаться вопросом: получению каких результатов призвано способствовать его применение для изучения гражданского оборота? Можно предположить, что в отсутствие легальной дефиниции, а также единого понимания категории «гражданский оборот» в российской науке и практике обращение к опыту законодательного использования и доктринальной трактовки данного понятия других государств будет

¹ Цвайгерт К., Кёту Х. Указ. соч. С. 18.

² Ковалевский М. Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права. М. : Тип. Э. Б. Миллера, 1880. С. 9.

³ Там же. С. 57.

⁴ См.: Желдыбина Т. А. Становление и развитие сравнительно-правовых исследований в цивилистике России (XI – начало XX века) : монография. М. : Инфра-М, 2014. С. 8.

⁵ Все более активное использование, которого во многом обусловлено современной тенденцией расширения межгосударственных связей в различных сферах.

способствовать формированию более полного представления о гражданском обороте и, следовательно, решению задачи определения его содержания.

Наибольший интерес при этом представляет право тех государств и народов, с которыми у России сложились и существуют тесные социокультурные, экономические, политико-правовые и иные связи. Прежде всего, в их числе – страны, ранее входившие в состав СССР.

Так, сравнительно-правовой анализ законодательных и доктринальных положений России и Украины через призму исследуемой нами категории «гражданский оборот» обнаруживает, что легальное закрепление данного понятия в Украине несколько отличается от его нормативной фиксации в России. В частности, в ст. 178 Гражданского кодекса Украины¹ (далее по тексту – ГК Украины) «Оборотоздатність об'єктів цивільних прав», в отличие от ее аналога – ст. 129 ГК РФ «Оборотоспособность объектов гражданских прав», непосредственно используется выражение «гражданский оборот» («цивільний оборот»). Вместе с тем так же, как и в российском праве, четкое разграничение понятий «гражданский оборот», «оборот», «хозяйственный оборот», «экономический оборот» и др. как на законодательном уровне, так и на уровне доктрины в Украине отсутствует. Например, К. Пейчев, анализируя ст. 178 ГК Украины, использует не содержащийся в данной статье термин «гражданский оборот», а термин «оборот», точнее, его синоним – «обіг», особо оговаривая лишь использование в своем исследовании этого, последнего, термина. Оправданно апеллируя в рамках работы о понятии оборота природных ресурсов к терминологии, принятой в «поресурсовому законодавстві»², вопросу о соотношении понятий «оборот» («обіг») и «гражданский оборот» автор особого значения не придает, возможно, отождествляя их. Так или иначе, позиция К. Пейчева в вопросе понимания оборота содержательно совпадает с принятой в российском правоведении трактовкой гражданского оборота как перехода прав на объекты. В частности, ученый пишет: «Поскольку мы рассматриваем оборот природных ресурсов как элемент общественных отношений, которые подлежит правовому регулированию, логичным будет вести речь о переходе

¹ Цивільний кодекс України від 16.01.2003 р. № 435-IV [Электронный ресурс] // Верховна Рада України. URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/435-15>.

² Пейчев К. Поняття обігу природних ресурсів // Підприємництво, господарство і право : науково-практичний, господарсько-правовий журнал / Ін-т приватного права і підпр-ва АПрН України та інш. Київ, 2007. № 7. С. 51.

прав (а не природного объекта) от одного лица к другому. Таким образом, как родовое понятие относительно категории “оборот природных ресурсов” мы будем рассматривать термин “переход прав”»¹. Рассматривая вопрос о юридической природе рыночного оборота земельных участков, аналогичный вывод делает В. В. Носік, отмечая, что «в юридическом смысле понятие “оборот земельных участков” тождественно понятию “переход прав на земельные участки”»².

Приведенные суждения украинских ученых иллюстрируют не только имеющееся сходство с пониманием гражданского оборота, сложившимся в российской науке гражданского права, но и обнаруживают одну из национальных особенностей украинского законодательства и права в данном вопросе. Имеется в виду понятие и соответствующий ему термин «обіг», абсолютный языковой аналог которого в русском языке отсутствует.

Данный термин, насколько мы поняли, используется в основном в природоресурсном законодательстве Украины. Однако встречается он и в нормах гражданско-правового характера, например, в п. 3 ч. 1, ч. 2 ст. 195 ГК Украины. Нельзя не обратить внимания на то, что в ч. 1 ст. 195 (о группах и видах ценных бумаг) украинский законодатель употребил наряду с этим термин «цивільний оборот», в связи с чем не вполне ясно, следует ли рассматривать понятия «обіг» и «гражданский оборот» в качестве равнозначных. Еще бóльшую путаницу в данный вопрос вносят положения Земельного кодекса Украины³, в ч. 4 ст. 167, ч. 3 ст. 207 которого используется выражение «вилученні з господарського обігу»⁴, притом что в ст. 1 закона Украины

¹ «Оскільки ми розглядаємо обіг природних ресурсів як елемент суспільних відносин, що підлягає правовому регулюванню, логічним буде вести мову про перехід прав (а не природного об'єкта) від однієї особи до іншої. Отже, як родові поняття щодо категорії “обіг природних ресурсів” ми розглядатимемо термін “перехід прав”» (здесь и далее пер. наш. – Ю. В.). См. там же.

² «В юридичному значенні поняття “обіг земельних ділянок” є тотожним поняттю “перехід прав на земельні ділянки”» (см.: Носік В. В. Юридична природа ринкового обігу земельних ділянок // Законодавство України : науково-практичні коментарі. Юридичний журнал / ТОВ «Український інформаційно-правовий центр». Київ, 2003. № 10. С. 93).

³ Земельний кодекс України від 25.10.2001 р. № 2768-III [Електронний ресурс]. URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2768-14>.

⁴ «Изъятие из хозяйственного оборота».

«О защите экономической конкуренции»¹, в дефиниции товара, содержится словосочетание «господарський оборот» (так же «хозяйственный оборот» – Ю. В.). Являются ли данные термины синонимичными выражению «гражданский оборот»? Очевидно, нет, в том числе принимая во внимание наличие в Украине кроме Гражданского также Хозяйственного кодекса².

Оставляя за рамками настоящей работы дискуссию о целесообразности существования двух кодексов³, нельзя не признать, что несмотря на отмеченную терминологическую непоследовательность, характерную и для российского законодательства, в Украине сфера использования близких, но не идентичных (в числе прочего, с позиций категорий «род» и «вид») понятий и соответствующих им терминов «оборот», «хозяйственный (экономический) оборот» и «гражданский оборот» прослеживается более очевидно. А именно, термин «оборот» в большей степени употребляется в актах хозяйственного законодательства. В Гражданском же кодексе Украины он используется главным образом не в «чистом» виде (это делается только дважды, в ст. 178), а в словосочетаниях «обычай делового оборота» (порядка 25 раз) и «гражданский оборот» (которое помимо уже отмеченных ст. 178, ч. 1 ст. 195 встречается в ч. 3 ст. 180, п. 3, 4 ч. 2 ст. 432, ч. 2 ст. 1116). При этом контекст использования термина «оборот» дает основания для вывода, что при его употреблении речь идет, скорее всего, об обороте в экономическом смысле, к объектам которого, напомним, в российской цивилистической доктрине традиционно относят сами блага, а не права на них. Так, в определении товарного рынка (ст. 1 закона Украины «О защите экономической конкуренции») как сферы оборота товаров содержатся такие экономические термины, как «спрос» и «предложение». Экономическим, по сути, является, на наш взгляд, содержание нормы ч. 2 ст. 24 закона, устанавливающей правила расчета объемов реализации товаров – они определяются исходя из суммы дохода (выручки) от реализации продук-

¹ Про захист економічної конкуренції: закон України від 11.01.2001 р. № 2210-III [Электронный ресурс]. URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2210-14>.

² Господарський кодекс України від 16.01.2003 р. № 436-IV [Электронный ресурс] // URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/436-15>.

³ См. об этом, например: *Щербина В.* Некоторые проблемы совершенствования хозяйственного и хозяйственного процессуального законодательства // Ежегодник украинского права : сб. науч. тр. / отв. за вып. А. В. Петришин. Харьков, 2001. № 3. С. 201–207.

ции (товаров, работ, услуг) за вычетом суммы налога на добавленную стоимость, акцизного налога, других налогов или сборов, базой для налогообложения в которых является оборот за последний финансовый отчетный год, предшествовавший подаче заявления. В ч. 4 ст. 40 Хозяйственного кодекса Украины используется выражение «внутренний оборот» и при этом говорится о его доле в общем объеме валовой продукции предприятия. Что касается использования терминов «оборот» и «гражданский оборот» в законодательно установленных нормах российского права, то в частности в ГК РФ они употребляются примерно равным образом, причем термин «оборот» встречается не только в составе таких устойчивых выражений, как «обычай делового оборота», «платежный оборот», «международный оборот», но и достаточно часто в самостоятельном виде (ст. 129, п. 1 ст. 133, ст. 133.1, п. 2 ст. 152.1, подп. 2 п. 2 ст. 178, п. 2 ст. 179, п. 3 ст. 209, п. 1 ст. 260, п. 1 ст. 338, п. 2 ст. 341, ст. 357, п. 1 ст. 401 и др.).

Таким образом, в понимании гражданского оборота в России и Украине имеется как сходство, так и различие, но в целом вопрос об определении содержания данного понятия в украинском праве также нельзя признать решенным.

К аналогичному выводу приводит сопоставительный анализ законодательных положений России и Республики Казахстан. В частности, в Гражданском кодексе Республики Казахстан¹ так же, как и в ГК РФ, понятие «гражданский оборот» используется в составе выражений:

– «участники (участников) гражданского оборота» (п. 2 ст. 207², название гл. 56, подп. 2 п. 1, п. 3 ст. 961, п. 2 ст. 963 (разд. 5 «Право интеллектуальной собственности»), п. 1 ст. 1091 (разд. 7 «Международное частное право») ГК Казахстана; п. 1 ст. 2, абз. 3 п. 2 ст. 51, п. 1 ст. 1192 (разд. VI «Международное частное право») ГК РФ);

¹ Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27.12.1994 г. ; Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) от 01.07.1999 г. № 409-І [Электронный ресурс]// ИС Параграф. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1013880.

² Следует уточнить, что буквально данная норма устанавливает: «Фонд является юридическим лицом, в гражданском обороте представлен органами фонда, имеет самостоятельный баланс и банковский счет», т. е. выражение «участник гражданского оборота» в ней прямо не используется. Однако поскольку, по сути, речь идет об участии фонда в гражданском обороте («в гражданском обороте представлен»), мы сочли возможным включить приведенную норму в выделенную выше группу.

– «введение в гражданский оборот», «введены в гражданский оборот», «в связи с введением в гражданский оборот», «введенные в гражданский оборот» (п. 4 ст. 978, дважды – в п. 3 ст. 992, п. 1 ст. 1034 ГК Казахстана; п. 4 ст. 152, п. 2 ст. 152.1, п. 4 ст. 152.2 ГК РФ). При этом подобно российскому, казахстанский законодатель также проявляет терминологическую непоследовательность и в одних случаях (указанных выше) говорит о введении объектов в гражданский оборот, а в других (ст. 1010, подп. 2 п. 3 ст. 1014, п. 2 ст. 1025 ГК РК) – закрепляет выражение «ведение в оборот». Однако в отличие от ГК РФ в ГК Казахстана используется формулировка «имущество, не изъятое из гражданского оборота» (абз. 2 п. 1 ст. 303 «Виды залога», п. 4 ст. 916 «Аукцион»). Впрочем, и здесь законодатель не вполне последователен и в других нормах кодекса говорит уже не об имуществе, изъятом из гражданского оборота, а об изъятых из (просто) оборота объектах (п. 1 ст. 116 «Оборотоспособность объектов гражданских прав» ГК РК) либо более узко – вещах (п. 2 ст. 116, п. 1 ст. 301 «Предмет залога» ГК РК).

Встречаются в ГК РК и такие нормы, в которых термины «оборот» и «гражданский оборот» используются одновременно. Так, правило абз. 2 п. 1 ст. 303 ГК Казахстана гласит: «Предметом ипотеки могут быть предприятия, строения, здания, сооружения, квартиры в многоквартирном доме, транспортные средства, космические объекты, товары в обороте и другое не изъятое из гражданского оборота имущество». Можно предположить, что подобное словоупотребление связано с устойчивым характером выражения «товары в обороте» (также используемого в нормах п. 2 ст. 310, ст. 327 ГК РК).

Говоря об устойчивых юридических формулировках, можно отметить свойственное законодательству обоих государств широкое использование близкого гражданскому обороту выражения «обычай делового оборота»¹.

¹ В ГК Казахстана: подп. 1 п. 1, п. 2 ст. 152, ст. 272, 274, 275, абз. 2 п. 2 ст. 277, ст. 278, п. 2 ст. 279, абз. 1 ст. 281, п. 1 ст. 284, ст. 366, п. 2 ст. 382, п. 2 ст. 388, п. 2 ст. 392, п. 2 ст. 396, п. 1 ст. 402, абз. 1 п. 2 ст. 411, п. 2 ст. 427, п. 2 ст. 431, п. 1 ст. 461, п. 2 ст. 463, п. 2 ст. 466, подп. 7 п. 1 ст. 750, п. 1 ст. 758, ст. 860, п. 2 ст. 868, п. 6 ст. 1113.

В ГК РФ: ст. 309, 311, 312, абз. 2 п. 2 ст. 314, ст. 315, 316, абз. 1 п. 1 ст. 406, п. 5 ст. 421, п. 2 ст. 427, абз. 2 ст. 431, п. 2 ст. 438, подп. 4 п. 2 ст. 451, п. 1 ст. 452, абз. 1 п. 2 ст. 459, п. 2 ст. 474, п. 2 ст. 478, п. 1 ст. 508, абз. 2 п. 1 ст. 510, п. 2 ст. 513, п. 1 ст. 722, п. 2 ст. 724, абз. 2 п. 1 ст. 836, ст. 848, п. 1 ст. 862, п. 1 и п. 3 ст. 863, п. 3 ст. 867, абз. 2 п. 2 ст. 874, абз. 2 п. 1 ст. 891,

Схожим в рассматриваемых государствах является и доктринальное понимание категории «гражданский оборот». Аналогично большинству российских исследователей, казахстанские ученые раскрывают содержание данного понятия в рамках вопроса об оборотоспособности объектов гражданских прав, так же рассуждая при этом о правовой форме экономического оборота и так же, не проводя четкого разграничения между понятиями «гражданский оборот» и «оборот». Так, в одном из авторитетных комментариев к Гражданскому кодексу Республики Казахстан¹ при разъяснении положений ст. 116 «Оборотоспособность объектов гражданских прав» кодекса указано: «Оборот объектов гражданских прав – это юридическая форма экономического оборота товаров как необходимой стороны рыночной экономики». Исходя из исторически единой для наших государств советской цивилистической традиции, согласно которой юридической формой экономического оборота признается именно гражданский оборот, приведенное суждение дает основание для вывода, что выражения «оборот» и «гражданский оборот», по мнению авторов комментария, следует понимать как тождественные. Убеждает в этом и сам факт использования в толковании положений ст. 116 ГК РК термина «гражданский оборот», который в тексте норм данной статьи отсутствует. Так, несмотря на то, что комментаторы используют выражения «изъятие из оборота», «вещи, изъятые из оборота», «не могут находиться в обороте», при толковании п. 2, касающегося вещей, изъятых из оборота², поясняется, что «изъятые из гражданского оборота государственные награды РК». Относительно правила п. 4, посвященного обороту личных неимущественных благ и прав³, отмечается, что «изъятые из гражданского оборота, за исключением случаев, уста-

ст. 985, абз. 1 ст. 992, п. 3 ст. 998, абз. 3 ст. 1006 ГК РФ (см.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) ; Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 2 : федер. закон РФ от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 29.07.2018 г.) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410).

¹ Комментарий к Гражданскому кодексу Республики Казахстан (Общая часть) [Электронный ресурс] / сост. Р. А. Маметова ; отв. ред.: М. К. Сулейменов, Ю. Г. Басин // ИС Параграф. URL: <https://clck.ru/GLF2i>.

² Данный пункт закрепляет норму, идентичную по содержанию ранее имевшейся и в ГК РФ: «Виды вещей, отчуждение которых не допускается (вещи, изъятые из оборота), должны быть прямо указаны в законодательных актах».

³ Буквально п. 4 ст. 116 ГК РК гласит следующее: «Личные неимущественные блага и права неотчуждаемы и непередаваемы иным способом, за исключением случаев, установленных законодательными актами».

новленных законодательными актами, личные неимущественные блага и права».

В учебнике по гражданскому праву, основанному на Гражданском кодексе Республики Казахстан, при освещении вопроса об оборотоспособности вещей также неоднократно используется термин «гражданский оборот». В частности, С. В. Скрябин пишет, что «одним из главных оснований для классификации вещей и определения правового режима является их гражданская оборотоспособность (ст. 116 ГК РК)» и отмечает, что «по этому основанию выделяются три категории объектов: 1) вещи, изъятые из гражданского оборота; 2) вещи, ограниченные в гражданском обороте; 3) вещи, находящиеся в гражданском обороте»¹.

Примечательным с позиций законодательного использования понятия «гражданский оборот» является Гражданский кодекс Азербайджанской Республики (далее – ГК Азербайджана), ст. 136 которого – аналог ст. 129 ГК РФ, ст. 178 ГК Украины, ст. 116 Республики Казахстан – называется не «Оборотоспособность объектов гражданских прав», а «Гражданский оборот вещей».

Однако и в данном государстве законодатель отступает от принципа терминологического единообразия, легально закрепляя наряду с выражением «гражданский оборот» термин «оборот»². Так, в нормах ст. 136.2, 747-2 ГК Азербайджана, равно как и в (специальном) законе Азербайджанской Республики от 23 декабря 2003 г. № 565-ПQ³ речь идет о вещах (предметах), изъятых из гражданского оборота; в то же время в положениях ст. 136.1, 136.3, 276.1 кодекса говорится о просто обороте. При этом если в одних нормах, в том числе в приведенных

¹ Гражданское право. Т. 1. Общая часть : учебник для вузов (академический курс) / отв. ред. М. К. Сулейменов. Алматы, 2013. С. 460 (автор раздела – С. В. Скрябин).

² Широко используемый, в том числе, в выражениях: «залог товаров в обороте» – ст. 300.0.6, 306.1, 306.2, 306.3, 306.4; «обычай делового оборота» – ст. 390.7, 404.2, 409.3, 422.2.4, 423.1, 425.1, 427.4, 428.2, 571.2, 586.2, 590.2, 629.1, 631.2, 780.1.3, 789.4, 792.2, 815.2, 946.1, 958, 972.1, 973.1, 973.3, 977.2, 984.2, а также в выражении «условия оборота» – ст. 422.2.2 ГК Азербайджана.

³ О перечне предметов, которые могут принадлежать определенным участникам гражданского оборота и включение которых в гражданский оборот допускается по специальному разрешению (гражданский оборот ограничен) : закон Азербайджан. Респ. от 23.12.2003 г. № 565-ПQ [Электронный ресурс] // ИС Параграф. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30614732.

выше¹, термин «оборот», скорее всего, следует толковать по общему смыслу ст. 136 ГК Азербайджана, то есть как гражданский оборот, то в других нормах данный термин имеет иной, явно экономический, смысл (например, в ст. 790.3.2, устанавливающей обязанность торгового представителя «достигать минимального оборота (квоты) по заказам или договорам» и ст. 792.1, согласно которой «торговый агент имеет право на получение стабильного месячного вознаграждения и (или) вознаграждения, зависящего от оборота или размера сделок (комиссионное вознаграждение)»).

Учитывая изложенное, следует признать, что и в Азербайджане, несмотря на более широкое по сравнению с Россией законодательное использование понятия «гражданский оборот», ответ на вопрос о содержании последнего не является однозначным. При этом так же, как и в российском, украинском, казахстанском праве, основная сложность заключается в отграничении (либо ином соотношении) понятий «гражданский оборот» и «оборот».

Что касается законодательства государств «дальнего зарубежья», то в нем также можно обнаружить формулировки, близкие по смыслу используемым в ГК РФ и связанные с понятием «гражданский оборот».

Например, в целом ряде статей Французского гражданского кодекса (*Code civil*², далее – ФГК) говорится о введении продуктов в оборот. Точнее, в ФГК используются выражения: «*la mise en circulation du produit*» (art. 1386-16), «*sa (du produit. – Ю. В.) mise en circulation*» (art. 1386-4) – «введение продукта в оборот (обращение)»³; «*produit a été mis en circulation*» (art. 1386-4, 2° art. 1386-11) – «продукт, введенный в оборот (обращение)»; «*il (le producteur. – Ю. В.) n'avait pas mis le produit en circulation*», «*il a mis le produit en circulation*» (1°, 4° art. 1386-11) – «производитель, (не) ввел продукт в оборот (обращение)»; в ст. 1386-5 кодекса прямо устанавливается, что продукт введен в оборот (обращение), когда производитель доб-

¹ А также, например, в правилах ст. 994 (о «негодности ценной бумаги к обороту») и ст. 1128.4, согласно которой «продукт не считается недоброкачественным вследствие последующего включения в оборот продукта лучшего качества».

² *Code civil* [Электронный ресурс] // Légifrance, le service public de l'accès au droit. URL: <http://legifrance.gouv.fr/affichCode.do?dateTexte=20140530&cidTexte=LEGITEXT000006070721&fastReqId=37596080&fastPos=1&oldAction=rechCodeArticle>.

³ Здесь и далее перевод наш. – Ю. В.

ровольно отказался от него, а также то, что продукт может быть введен в оборот (обращение) только один раз¹.

Принимая во внимание, что в ГК РФ широко используется выражение «введение (объектов) в гражданский оборот», термин «circulation» в данной связи представляет особый интерес: а именно, допустимо ли трактовать его как «гражданский оборот»? Не претендуя на бесспорность последующих выводов и суждений, тем не менее, позволим себе заключить, что ответ на данный вопрос должен быть отрицательным – прежде всего, исходя из того, что «оборот» является лишь одним из значений термина «circulation»² и для обозначения гражданского оборота специалисты особо выделяют иные термины – «commerce»³, «commerce juridique»⁴, «acte de commerce»⁵.

Данный вывод следует и при обращении к юридической литературе, в которой как «гражданский оборот» трактуется именно термин «commerce», а не «circulation». Так, один из французских ученых Ф. Терре, освещая вопрос об основных началах контрактного права Франции, отмечает, что в первоначальной редакции ФГК договорная свобода рассматривалась главным образом негативно, и в числе статей «той же эпохи», сохраненных в Гражданском кодексе, приводит ст. 1128 (введенную законом 1804-02-07. – Ю. В.). В частности, автор пишет: «Так, ст. 1128 Гражданского кодекса гласит: “Предметом соглашений могут быть лишь те вещи, которые находятся в гражданском обороте”. Уже тогда слова “гражданский оборот” должны были дать повод к различным толкованиям»⁶. Обратившись к оригинальному тексту ст. 1128 ФГК⁷, можно заметить, что в нем использован

¹ Буквально art. 1386-5 Code civil гласит: «Un produit est mis en circulation lorsque le producteur s'en est dessaisi volontairement. Un produit ne fait l'objet que d'une seule mise en circulation».

² Иными возможными смысловыми компонентами данного термина являются «денежный оборот», «движение» (см.: *Мачковский Г. И.* Французско-русский юридический словарь. М. : АБВУУ Press, 2009. С. 91).

³ См.: *Мачковский Г. И.* Указ. соч. С. 101.

⁴ См.: Там же.

⁵ См.: *Мачковский Г. И.* Русско-французский юридический словарь. М. : АБВУУ Press, 2009. С. 173.

⁶ Основные начала российского и французского права : учебник / Ж.-С. Боргетти [и др.] ; под ред. Г. А. Есакова, Н. Мазека, Ф. Мелэн-Сукраманьена. М. : Проспект, 2012. С. 318–319 (автор раздела – Ф. Терре).

⁷ Она гласит: «Il n'y a que les choses qui sont dans le commerce qui puissent être l'objet des conventions».

термин «commerce», интерпретированный Ф. Терре как «гражданский оборот». Авторитетный авторский коллектив издания, в котором содержится приведенная цитата (это, в частности, такие известные ученые, как Л. Ю. Василевская, Р. Леже, А. П. Сергеев, В. Ф. Попондопуло, В. В. Ярков), не дает оснований сомневаться в качестве выполненного перевода с французского на русский язык¹. Вместе с тем небесспорным видится предложенный перевод фразы Ф. Терре: «Уже тогда слова “гражданский оборот” должны были дать повод к различным толкованиям». На наш взгляд, в указанном варианте из нее следует, что, по мнению автора, различные толкования (ст. 1128 ФГК) обусловлены отсутствием ясности в понимании собственно гражданского оборота. Иным был бы смысл такого (полагаем, допустимого) варианта перевода, при котором в приведенной фразе был бы сохранен (не подвергался переводу) термин «commerce», содержащийся в тексте нормы ст. 1128 ФГК: «Уже тогда слова “commerce” должны были дать повод к различным толкованиям». В этом случае «повод к различным толкованиям» данной нормы «должны были дать» не различные подходы к пониманию гражданского оборота, а неоднозначность самого термина «commerce». Представляется, что именно относительно этого Ф. Терре и сделал свое замечание.

Так или иначе, анализ законодательных положений ФГК убеждает в том, что значение термина «commerce» в отдельных нормах кодекса является различным. В частности, в значении «торговля» термин «commerce» следует понимать, по нашему мнению, например, в ст. 1107 ФГК, согласно которой специальные правила для коммерческих сделок устанавливаются в соответствии с законами, связанными с торговлей («*les règles particulières aux transactions commerciales sont établies par les lois relatives au commerce*»). Аналогичный смысл имеет рассматриваемый термин в названии французского Code de commerce (Торгового кодекса). Иное значение – «коммерческая деятельность» – имеет термин «commerce», например, в ст. 509 ФГК, согласно 3° которой опекун не может заниматься коммерческой деятельностью от имени представляемого лица («*exercer le commerce... au nom de la personne protégée*»). Также в значении коммерческой деятельности, скорее всего, используется данный термин в ст. 533 ФГК, определяющей то, что является «l'objet d'un commerce», а также устанавливающей, что слово «движимое имущество» не вклю-

¹ Перевод выполнен А. А. Бубновым, И. В. Немцовым (Основные начала российского и французского права. С. 5).

чает наличные деньги, драгоценности, долги, книги, медали, приборы науки, искусств и ремесел, нижнее белье, лошадей, экипажи, оружие, зерно, вино, сено и другие товары¹. Новый смысл приобретает термин «commerce» в словосочетании «fonds de commerce» (ст. 389-5, 505, 1321-1, 1404, 1424, 1589-2 ФГК), которое переводится как «торгово-промышленное предприятие (как совокупность элементов актива движимого имущества без права требования)»².

Столь же неоднозначной является интерпретация выражения «acte de commerce», которое можно понимать и как «гражданский оборот»³, и как «торговая сделка; коммерческая операция»⁴. Представляется, что именно в последнем значении используется данное выражение в art. L110-1 Торгового кодекса Франции, содержащем разъяснение, что считается «acte de commerce» («La loi répute actes de commerce:...»), а по сути, закрепляющем перечень «актов», которые дореволюционный русский правовед В. А. Удинцев именовал «торговыми действиями»⁵. В свете вопроса о соотношении гражданского и торгового оборота та или иная интерпретация рассматриваемого выражения (равно как и общего термина «commerce») имеет принципиальное значение.

В данной связи небезынтересно заметить, что в нормах ФГК о введении объектов (продуктов) в оборот употребляется термин «circulation», а точнее, выражения «mettre en circulation» и «mise en circulation», которые переводят как, соответственно, «выпускать в об-

¹ «Le mot “meuble”, employé seul dans les dispositions de la loi ou de l'homme, sans autre addition ni désignation, ne comprend pas l'argent comptant, les pierreries, les dettes actives, les livres, les médailles, les instruments des sciences, des arts et métiers, le linge de corps, les chevaux, équipages, armes, grains, vins, foin et autres denrées; il ne comprend pas aussi ce qui fait l'objet d'un commerce».

² Мачковский Г. И. Французско-русский юридический словарь. С. 253.

³ См.: Он же. Русско-французский юридический словарь. С. 173.

⁴ См.: Он же. Французско-русский юридический словарь. С. 11.

⁵ В частности, ученый писал: «*Actes de commerce* понятие новое, имеющее внести поправку в понятие купца и главное – дополнить это последнее. *Actes de commerce* – один из важнейших моментов в истории идеи торгового права. Раз существуют какие-то *особые торговые действия*, значит должны существовать и *особые торговые нормы*. Понятием *торговых действий* отграничивается специальная *сфера торгового права*, не имеющего применения там, где нет торговых действий» (см.: Удинцев В. А. История обособления торгового права // Удинцев В. А. Избранные труды по торговому и гражданскому праву. М.: Центр ЮрИнфоР, 2003. С. 103).

ращение» и «выпуск в обращение»¹ (в частности, ст. 1386-4, 1386-5, 1°, 2°, 4° ст. 1386-11, ст. 1386-16 ФГК). В то же время для обозначения изъятия объектов из оборота используется выражение «mettre hors commerce» – «изымать из гражданского оборота»² (в частности, ст. 1302, 1303 ФГК). Отождествляют ли понятия «оборот» и «обращение»³ французские юристы и задаются ли они вопросом о соотношении понятий «оборот» и «гражданский оборот» – сказать сложно. Однако в части приведенного словоупотребления нельзя не провести параллель с нормами российского гражданского законодательства, в котором, напротив, преимущественно используемому выражению «введение в гражданский оборот»⁴ противостоит только «изъятие из оборота». Подобный диссонанс заслуживает критической оценки, поскольку, повторим, представляется, что если объект введен в гражданский оборот, то и изыматься он должен также из гражданского оборота⁵.

Говоря об изъятии объектов из (гражданского) оборота, следует обратить внимание на то, что сами вещи, изъятые из (гражданского) оборота («choses hors du commerce»), авторы французской учебной литературы выделяют в отдельную группу не по критерию оборотоспособности (либо свободы в обороте), как это принято в современном российском правоведении, а в зависимости от их принадлежности (присвоенности)⁶. Точнее, французские ученые различают «les

¹ См.: *Мачковский Г. И.* Французско-русский юридический словарь. С. 91, 347.

² См.: Там же. С. 101.

³ Именно как «обращение» переводят термин «circulation» («оборот») в выражениях «mettre en circulation», «mise en circulation».

⁴ См.: п. 4 ст. 152, п. 2 ст. 152.1, п. 4 ст. 152.2, ст. 1272, п. 2 ст. 1274, п. 1 ст. 1302, ст. 1325, ст. 1344 и др. ГК РФ; выражение «введение в оборот» в ГК РФ употребляется значительно реже (п. 2 ст. 1515, п. 1 ст. 1537).

⁵ Примечательно в этом отношении законодательство Украины, в котором отмеченной противоречивости, имеющейся в нормах российского и французского права, мы не усмотрели: так, сообразно разграничению предметов регулирования Гражданского и Хозяйственного кодексов, в ст. 432 ГК Украины говорится об изъятии товаров из гражданского оборота, а в ч. 1 ст. 29 Хозяйственного кодекса используется выражение «изъятие товаров из оборота».

⁶ Напомним, что именно нахождение или ненахождение вещей в составе имущества, а не их положение в имущественном (гражданском) обороте являлось основанием древнеримского деления вещей на *res in commercio* и *res extra commercium*, и по мнению дореволюционных цивилистов (см. в § 1 гл. II разд. I монографии).

choses appropriées et celles qui ne le sont pas»¹, то есть вещи, которые обращены в собственность и те, которые таковыми не являются. При этом к категории изъятых из (гражданского) оборота вещей они относят публичное имущество государства, то есть те вещи, которые не могут находиться в обладании частных лиц, в частности потому, что они предназначены для удовлетворения потребностей общества («qui ne peuvent pas être appropriées privativement, notamment parce qu'elles sont affectées aux besoins de la collectivité (bien du domaine public)»²).

Анализируя положения французского гражданского права, можно также заметить, что для обозначения перехода прав³ в нем используют такое специальное выражение, как «transfert des droits»⁴. В ФГК оно закреплено, например, в нормах ст. 1843-3 (содержащей словосочетание «переход соответствующих прав», «le transfert des droits correspondants»), ст. 1601-2 (в которой говорится о переходе права собственности, «le transfert de propriété»). Допустимо ли рассматривать данное выражение («transfert des droits») в качестве синонимичного терминам «acte de commerce», «commerce», «commerce juridique», т. е. «гражданский оборот»? Вряд ли, в том числе принимая во внимание правило ст. 1598 ФГК, согласно которому все, что находится в гражданском обороте (в смысле обращенности в чью-либо собственность) может быть продано, если специальными законами не запрещено их отчуждение («Tout ce qui est dans le commerce peut être vendu lorsque des lois particulières n'en ont pas prohibé l'aliénation»)⁵. Однако однозначно ответить на вопрос о со-

¹ См.: *Voirin P., Goubeaux G. Droit civil. T. 1. Personnes – Famille – Personnes protégées – Bien – Obligations – Sûretés. 32e édition. Paris. L.G.D.J – Lextenso édition, 2009. P. 268.*

² Там же.

³ В российском правоведении традиционно составляющего содержание гражданского оборота, противопоставляемого экономическому обороту как переходу самих благ.

⁴ См.: *Мачковский Г. И. Французско-русский юридический словарь. С. 526.*

⁵ Как можно увидеть, термин «commerce» в данной норме мы истолковали сообразно указанному выше критерию выделения вещей, изъятых из (гражданского) оборота, т. е. в значении «присвоенности» вещей, наличия (правового) господства над ними, несмотря на то, что выражение «être dans le commerce» (используемое в ст. 1598 ФГК) специалисты в общем трактуют как «быть [находиться] в гражданском обороте» (см.: Там же. С. 101). Данная формулировка используется также в 1° ст. 2397 ФГК, устанавливающей, что пред-

держании соответствующих понятий и их соотношении посредством исключительно толкования законодательных положений, как представляется, невозможно.

Данное замечание в полной мере относится и к термину «Verkehr» («(денежное) обращение; оборот; обмен»¹), достаточно широко используемому в нормах Германского гражданского уложения (Bürgerliches Gesetzbuch (BGB)², далее – ГГУ). В ГГУ это нормы: о заменимых вещах (§ 91), которые определяются в обороте числом, объемом или весом («die im Verkehr nach Zahl, Maß oder Gewicht bestimmt zu werden pflegen»); о принадлежностях – согласно § 97 (1) ими не являются вещи, которые не рассматриваются в таком качестве в обороте («im Verkehr nicht als Zubehör angesehen wird»); об оспоримости сделок из-за ошибки, которая рассматривается в обороте как существенная («die im Verkehr als wesentlich angesehen werden», § 119 (2) – аналог «нового» подп. 2 п. 2 ст. 178 ГК РФ) и др.³

В случае употребления в тексте норм общего термина «Verkehr» («оборот»), а не специальных «Geschäftsverkehr» («деловой оборот»⁴, «деловые отношения»⁵) или «Handelsverkehr» («торговый оборот», «коммерческий оборот»⁶), как это указано, например, в § 310 (1), в названии § 312i, 312j, amtlicher Hinweis к § 247, 286, 288 ГГУ, утверждать, о каком именно обороте (торговом, гражданском или ином) идет речь в той или иной норме нельзя. Нельзя не принять во внимание и наличие в немецком языке специального термина «Rechtsver-

метом ипотеки может быть недвижимое имущество, находящееся в (гражданском) обороте («les biens immobiliers qui sont dans le commerce»).

¹ См.: Немецко-русский юридический словарь / под ред. П. И. Гришаева, М. Бенъямина. М. : АБИ Пресс, 2010. С. 540. Другими возможными значениями данного термина являются: «(уличное) движение; транспорт; перевозки»; «сношение, связь»; «половое сношение; половая связь» (см.: Там же); «правовой оборот», «торговый оборот» (см.: *Kettler St. H., Kiseleva Yu. Wörterbuch der Rechts- und Wirtschaftssprache* = Словарь юридических и экономических терминов. Band II. Deutsch-russisch. München : Verlag C. H. Beck, 2006. S. 367).

² Bürgerliches Gesetzbuch [Электронный ресурс] // Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/bgb/index.html>.

³ В частности, § 241a (2), § 276 (2), § 794 (1) ГГУ.

⁴ См.: Немецко-русский юридический словарь. С. 208.

⁵ *Kettler St. H., Kiseleva Yu. Wörterbuch*. S. 164–165.

⁶ Ebd. S. 181–182. Для обозначения торгового оборота выделяют также термин «Warenverkehr» (Ebd. S. 367).

kehr» – «правовой оборот», «юридический оборот»¹, равно как и особого выражения для обозначения гражданского (гражданско-правового) оборота – «*zivilrechtlicher Verkehr*»².

Безусловно, что тот иной вывод о соотношении соответствующих понятий («*Verkehr*», «*zivilrechtlicher Verkehr*», «*Geschäftsverkehr*», «*Handelsverkehr*») требует детального анализа, однако позволим заключить, что четкого разграничения между ними в немецком законодательстве и праве не проводится. Так, немецкий правовед Ф. Регельсбергер³, рассматривая вопрос об оборотоспособности вещей (*Verkehrsfähigkeit der Sachen*), отмечал, что оборотоспособностью вещи является ее способность быть предметом юридического (правового) распоряжения («*Die Fähigkeit einer Sache, Gegenstand rechtlicher Verfügung zu sein, ist ihre Verkehrsfähigkeit*»⁴), а необоротоспособными вещами («*verkehrsunfähige S.*») являются, соответственно, такие, которые не обладают способностью быть предметом правового оборота («*ohne die Fähigkeit, Gegenstand des Rechtsverkehrs zu sein*»⁵). Слова «*rechtlicher Verfügung*», «*Rechtsverkehrs*» дают основания для вывода, что термин «*Verkehrsfähigkeit*» Ф. Регельсбергер понимал как способность объектов к гражданскому обороту⁶. Но следует ли из этого, что

¹ *Kettler St. H., Kiseleva Yu. Wörterbuch. S. 367.*

² См.: *Немецко-русский юридический словарь. С. 540, 604.*

³ К работам которого обращались и дореволюционные, и отечественные цивилисты. См.: *Васьковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М. : Центр ЮрИнфоР, 2002. С. 55, 77–78 ; Гамбаров Ю. С. Указ. соч. Примечания 56, 139, 268, 279, 451 и др. ; Лапач В. А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. С. 39 ; Жернаков Д. В. Указ. соч. С. 119. См. также: *Байбак В. В. Обязательственное требование как объект гражданского оборота : дис. ... канд. юрид. наук. С. 24, 45.**

⁴ *Regelsberger F. Pandekten. Band 1. Leipzig, 1893 // Digital library; Max-Planck-Institut für europäische Rechtsgeschichte. URL: <http://dlib-pr.mpg.de>. S. 405.* Вторым, наряду с оборотоспособностью, свойством вещей, по мнению ученого, является их правообъектность (*Rechtsfähigkeit*), т. е. способность находиться под правовым господством, «*in rechtlicher Sonderherrschaft zu stehen*» (См.: *Ebd.*).

⁵ См.: *Ebd. S. 406.*

⁶ Косвенно об этом свидетельствует сопоставимое с позицией Ф. Регельсбергера о правообъектности и оборотоспособности вещей суждение А. Жалинского и А. Рёрихт о том, что в немецком праве «вещи есть телесные объекты, над которыми возможно осуществление господства и которые (за опре-

термин «Verkehr», в случае самостоятельного использования¹, а не как составной части слова «Verkehrsfähigkeit», понимался ученым именно в значении правового (суть, гражданского), а не экономического оборота – неясно, в том числе, учитывая употребление правоведом иных языковых единиц, таких как «Handelsverkehr»² («торговый оборот»), «Verkehrsanschauung»³, «Anschauung des Verkehrs»⁴ («виды оборота»), «Verkehrsübung»⁵ («обычай оборота»), «Verkehrswert»⁶ («рыночная стоимость»), «Strom des Verkehrs»⁷ («поток оборота»).

Из числа современных немецких исследователей термин «гражданский оборот» использует Д. Медикус, который, анализируя отдельные виды обязательств в Германском гражданском уложении, особое внимание уделяет вопросу о защите гражданского оборота и, в частности, пишет: «Искомым критерием выступает обязанность по защите гражданского оборота. В данном случае речь идет об обязанности в рамках экономически допустимых рисков избегать, предотвращать или, по крайней мере, уменьшать их опасность в сфере собственной деятельности»⁸. Такую обязанность, по мнению ученого, устанавливают § 831–841 ГГУ⁹. Вместе с тем в указанных (равно как и в иных) нормах ГГУ соответствующее выражение – «*zivilrechtlicher Verkehr*» («гражданский оборот») – нам обнаружить не удалось; в § 831, который в качестве примера рассматривает Д. Медикус, используется общий термин – «Verkehr» («оборот»). Заметим, что и сам ученый наряду с формулировкой «гражданский оборот» употребляет термин «оборот» (в словосочетании «формирование оборота»)¹⁰; отождествляет ли их правовед – в отсутствие прямых указаний автора можно лишь предполагать.

деленными исключениями) могут участвовать в *гражданском обороте*» (см.: Жалинский А., Перухт А. Введение в немецкое право. М. : Спарк, 2001. С. 312).

¹ См.: Regelsberger F. Pandekten. S. 370, 379, 397, 398, 400, 401, 403, 405.

² См.: Ebd. S. 366.

³ См.: Ebd. S. 366, 373, 388.

⁴ Ebd. S. 378, 387.

⁵ Ebd. S. 379, 388.

⁶ См.: Ebd. S. 400.

⁷ См.: Ebd. S. 406.

⁸ Медикус Д. Отдельные виды обязательств в Германском гражданском уложении // Проблемы гражданского и предпринимательского права Германии / пер. с нем. М. : БЕК, 2001. С. 134.

⁹ См.: Там же.

¹⁰ См.: Там же.

Впрочем, в данной связи вновь встает вопрос о правильности перевода, который на сей раз хочется перевести в русло такой проблемы, сопровождающей большинство сравнительно-правовых (компаративистских) исследований, которую в общем виде можно обозначить как «сложность перевода»¹.

В одних случаях отмеченная сложность может быть обусловлена причинами преимущественно лингвистического характера, скажем, отсутствием в родном либо иностранном языке термина-аналога (как, например, отсутствие в русском языке абсолютного аналога используемого в украинском законодательстве и праве термина «обіг»). Однако в других случаях сложность перевода является следствием и показателем не просто лингвистической, но собственно юридической проблемы – определения содержания отдельных юридических понятий. В частности, это может иметь место при полисемии, то есть многозначности терминов (как, например, французского слова «commerce»)², предполагающей при переводе определенного термина, за которым стоят правовые понятия, выбор в родном языке наиболее близкого эквивалента или аналога³. При условии профессиональной компетентности переводчика (включающей не только высокий уровень владения родным и иностранным языком, но и достаточно глубокие «фоновые», а именно юридические, знания) подобная – семантическая – неоднозначность терминов особых трудностей, в общем, не вызывает.

Значительно сложнее выявить адекватный иностранный аналог определенного юридически значимого термина, содержание которого

¹ Стоит заметить, что с данной проблемой может столкнуться любой ученый – в частности, при составлении требуемых в настоящее время большинством изданий перечня ключевых слов и аннотации к научной работе на иностранном (как правило, английском) языке.

² Как отмечает специалист в данной области К. М. Левитан, многие лингвисты считают, что полисемия термина не является показателем его неточности. «Чем сильнее развита система многозначности в терминологии, тем точнее установлены связи между общенаучными понятиями и отраслевым концептуальным аппаратом, тем категоризированнее и структурированнее предстает объект изучения» (см.: *Левитан К. М. Юридический перевод: основы теории и практики* : учеб. пособие. М. : Проспект ; Екатеринбург : Изд. дом «Уральская государственная юридическая академия», 2011. С. 36).

³ Подробнее об адекватности и эквивалентности перевода см.: Там же. С. 49 и след.

не является единообразным (уже) на уровне национального права¹. В качестве примера подобной ситуации в контексте настоящего исследования можно привести русскоязычный термин «оборотоспособность (объектов гражданских прав)», в общем виде означающий способность (объектов) к обороту.

На первый взгляд, сложностей при переводе его на иностранные языки возникать не должно. Так, в немецком языке и гражданско-правовой доктрине Германии существует соответствующий термин «Verkehrsfähigkeit»²; имеется термин «оборотоспособный» и во французском языке – «transférable»³; как «оборотоспособность» интерпретируют отечественные правоведы термин «Transferability», используемый в заголовке ст. 2-105 Единообразного торгового кодекса США⁴. Вместе с тем, повторим, в современной российской науке гражданского права высказана позиция о связи категории «оборотоспособность объектов гражданских прав» с понятием не гражданского, а экономического оборота⁵, которые, как было отмечено, отличаются тем, что объектами гражданского оборота, в отличие от оборота экономического, являются не сами объекты гражданских прав, т. е. не те или иные блага, а имущественные права на них; блага же выступают объектами экономического оборота. При таком подходе термин «обо-

¹ То, что внешне идентичные термины не всегда имеют одно и то же значение в различных правовых системах и что понятийному аппарату при применении сравнительно-правового метода следует уделять особое внимание, отмечается и в юридической литературе (см.: Власов В. И., Власова Г. Б., Денисенко С. В. Сравнительное правоведение : учеб. пособие. М. : КНОРУС, 2014. С. 14 ; Фролычева Е. А. Некоторые аспекты сравнительно-правового метода в экспертологии для исследования однородных институтов в странах с различными правовыми системами // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2010. Вып. 3. С. 102).

² См.: Kettler St. H., Kiseleva Yu. Wörterbuch. Band II. S. 368 ; Kettler St. H., Kiseleva Yu. Wörterbuch der Rechts- und Wirtschaftssprache = Словарь юридических и экономических терминов. Band I. Russisch-deutsch. München : Verlag C. H. Beck, 2006. S. 188).

³ См.: Мачковский Г. И. Французско-русский юридический словарь. С. 526 ; Его же. Русско-французский юридический словарь. С. 173.

⁴ См.: Единообразный торговый кодекс США : пер. с англ. // Серия: Современное зарубежное и международное частное право. М. : Междунар. центр фин.-экон. развития, 1996. С. 59. Доступ к оригинальному тексту Uniform Commercial Code : сайт Legal Information Institute [Электронный ресурс]. URL: <http://www.law.cornell.edu/ucc>.

⁵ Белов В. А. Гражданское право. Общая часть. Т. 2. С. 278–280.

ротоспособность» может иметь различные смысловые оттенки, означая способность объекта (1) либо к экономическому обороту (суть, фактической передаче), (2) либо к гражданскому обороту (к переходу прав на объект). В случае признания отмеченной позиции, то есть при трактовке оборотоспособности, не связывающей ее с переходом прав на объекты, семантически точно передать смысл русскоязычного термина «оборотоспособность» при переводе его на иностранные языки несколько затруднительно.

Так, французский термин «transférable» как производный от «transfert» – «перенос; переход (прав)»¹ – изначально предполагает его корреляцию с гражданским оборотом (как переходом прав); если же говорить о способности объекта к фактической передаче, скорее всего, следует использовать другие термины – «circulation» («обращение») либо «tradition réelle» («вручение вещи»)², но как в этом случае корректно сформулировать «оборотоспособность» – сказать сложно. Не является бесспорным и перевод русскоязычного термина «оборотоспособность» на английский язык: например, Е. Н. Васильева соотнесла его не с англо-американским «Transferability», а с термином «Alienability» – «отчуждаемость»³; можно перевести его и как «negotiability» – «обращаемость», относительно которого лингвисты уточняют: «способность акции, векселя и т. п. к обращению»⁴, либо, буквально, как «ability to circulation (of objects of civil rights)», сделав тем самым акцент на (экономический) термин «circulation» – «обращение»⁵. Противоречивой является также трактовка немецкого термина «Verkehrsfähigkeit», который специалисты толкуют как «спо-

¹ См.: *Мачковский Г. И.* Французско-русский юридический словарь. С. 526.

² См.: Там же. С. 521.

³ См.: *Васильева Е. Н.* Оборотоспособность в сфере интеллектуальной собственности // *Хозяйство, труд, право.* 2011. № 8. С. 26.

⁴ *Борисенко И. И., Саенко В. В.* Современный русско-английский юридический словарь. М. : АБВУУ Press, 2009. С. 224.

⁵ См.: *Жданова И. Ф.* Русско-английский экономический словарь. М. : Рус. яз. – Медиа ; Дрофа, 2008. С. 357. Именно термин «circulation» используется и в том случае, когда речь идет об изъятии объектов из обращения (оборота) (см.: *Борисенко И. И., Саенко В. В.* Указ. соч. С. 225, статья «обращение»). Однако «оборот» (к которому способны либо не способны объекты) можно перевести не только как «circulation», но и как «turnover», в частности, в выражении «trade turnover» – «торговый оборот» (см. там же. С. 223), в связи с чем перевод термина «оборотоспособность» на английский язык может варьироваться и не является однозначным.

способность вещей находиться в обороте», но в то же время относительно семантически близкого выражения «verkehrsfähige Sache» указывают: «вещь, не изъятая из гражданского оборота»¹.

Таким образом, сравнение определенных правовых норм или суждений, имеющих в законодательстве и праве различных государств, предполагает не только предварительное установление смысла используемых в них терминов, но и максимальную эквивалентность содержания обозначаемых этими терминами понятий, что, повторим, в случае неоднозначности внутринациональных подходов к трактовке отдельных правовых категорий бывает затруднительным.

Завершая в целом рассмотрение вопроса о сравнительно-правовом (компаративистском) методе как возможном способе познания гражданского оборота, следует признать, что его использование позволяет выявить как сходство, так и различие в законодательной фиксации и доктринальной трактовке данного понятия в различных государствах. В то же время полагаем, что сами по себе подобные результаты, хотя и представляют известный познавательный интерес и, действительно, способствуют преодолению «национальной ограниченности правового мышления»², вряд ли имеют значительную научную и практическую ценность, поскольку решить проблему определения содержания понятия «гражданский оборот» не в состоянии. Напротив, уже в первом приближении можно обнаружить наднациональный характер проблемы понимания гражданского оборота, а именно в равной мере свойственную праву различных государств терминологическую и категориальную противоречивость характеристики гражданского оборота, что, как представляется, достаточно убедительно показало предпринятое нами исследование. На этом основании можно заключить, что сравнительно-правовой метод не позволяет решить имеющуюся в российском праве проблему непротиворечивого понимания категории «гражданский оборот» и, таким образом, не является эффективным способом ее познания.

§ 4. Системный подход к исследованию гражданского оборота

Итак, ни исторический (в его понимании как ретроспективного обзора ранее действовавшего законодательства либо воспроизведения положений древнеримского и дореволюционного отечественного

¹ Немецко-русский юридический словарь. С. 540.

² Цвайгерт К., Кёту Х. Указ. соч. С. 28.

права), ни сравнительно-правовой, ни преобладающий формально-логический методы научного познания не способствуют решению научной задачи построения целостной непротиворечивой теории гражданского оборота. Нуждающимся в предварительном развитии является и учение о правовой форме как основании формального подхода к пониманию гражданского оборота; заметим также, что, по признанию ученых, «“форма” и “содержание” фиксируют лишь *общие* связи и закономерности в явлениях, а в подробном, детальном исследовании они малоэффективны»¹.

Единственно возможным выходом в данной познавательной ситуации, характеризующейся отсутствием научной теории гражданского оборота при одновременном наличии немалого количества работ, раскрывающих отдельные грани последнего, на наш взгляд, является *изменение методологии* исследования как категории «гражданский оборот», так и отражаемого в ней явления, поскольку, как признается в общетеоретической литературе, именно «поиск новых исследовательских средств, новых методов обеспечивает прирост теоретических знаний, углубление представлений о свойственных предмету закономерностях»².

Представляется, что исследование гражданского оборота как юридически значимого явления следует проводить на основе системного подхода, который позволит перейти от описательного изучения его отдельных аспектов (как то: субъекты гражданского оборота, его объекты, порождающие гражданский оборот либо составляющие его юридические факты, образующие его правоотношения) к познанию его сущности. Последняя, вне всяких сомнений, не может быть выявлена путем простого перечисления и изолированного рассмотрения тех или иных частей той или иной «совокупности» (фактов, правоотношений, норм либо отдельных правовых форм и т. п.), без определения связи между ними, анализа функционирования их как единого целого. Эвристический потенциал системного подхода отмечается и в юридической литературе. В частности, Ц. А. Ямпольская указывала, что «использование выводов общей теории систем с учетом особенностей предмета,

¹ Протасов В. Н. Правоотношение как система. М. : Юрид. лит., 1991. С. 5.

² Теория права и государства / под ред. В. В. Лазарева. М. : Юрист, 1996. С. 16.

т. е. данной конкретной системы, и есть ключ к познанию многих еще неизвестных сторон изучаемых явлений и процессов»¹.

Формирование целостного представления о гражданском обороте образно можно сравнить с игрой в пазлы, цель которой, как известно, заключается в том, чтобы из отдельных фрагментов сложить изображение. При этом важно не потерять ни одной детали – иначе «картинка» будет неполной; важно и то, что контуры каждой детали таковы, что она может занять лишь строго определенное место. Задача усложняется, если у игрока нет образца, по которому «картинка» собирается. Однако данное обстоятельство не меняет цели и правил игры: изображение будет собрано лишь при условии наличия полного набора деталей и помещения каждой из них на свое место. При этом очевидно, что отдельные элементы, сколь велики бы они не были, не могут восприниматься как самостоятельные образы, позволяющие однозначно утверждать, что изображено на «картинке» в целом.

Следует заметить, что возможность системного анализа определенного предмета или явления бесспорна во всех случаях, поскольку, как отмечается специалистами в общей теории систем, «один объект может быть исследован и как системный, и как несистемный»², *«любые объекты могут быть представлены как некоторые системы»*³. Данный взгляд получил признание и в правоведении. Так, В. Н. Протасов пишет, что «категория “система” относится к числу *всеобщих* категорий, то есть она применима к характеристике любых предметов и явлений, *всех объектов*», замечая также, что «как система может быть рассмотрено, в принципе, любое явление, хотя и не всякий объект научного анализа в этом нуждается»⁴. Аналогично И. В. Блаубергу, В. А. Белов отмечает, что «не существует предметов или явлений, *являющихся* системами или *не являющихся* таковыми по своей природе»⁵. То, что понятие системы относительно и в зависи-

¹ Ямпольская Ц. А. К методологии науки управления // Советское государство и право. 1965. № 8. С. 21.

² Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Системный подход: предпосылки, проблемы, трудности. М. : Знание, 1969. С. 25, 29.

³ Уёмов А. И. Системный подход и общая теория систем. М. : Мысль, 1978. С. 22.

⁴ Протасов В. Н. Указ. соч. С. 17, 7.

⁵ Белов В. А. Наука гражданского права как система // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. М. : Юрайт-Издат, 2007. С. 163. И. В. Блауберг указывал, в частности, что «объект как таковой, безотносительно к задачам его исследования и используемым при этом по-

мости от методологии исследования любой объект познания может быть рассмотрен либо как система, либо как не-система, признают и иные авторы¹.

Таким образом, в части выбора системного метода для познания отдельных объектов вопрос заключается не в возможности его применения, а в том, насколько использование данного метода является необходимым (перспективным, целесообразным).

На наш взгляд, при исследовании гражданского оборота в целях построения научной теории, способной дать целостное, возможно более полное и непротиворечивое представление о гражданском обороте как явлении действительности, применение системного подхода не только допустимо, но и с позиций современной науки гражданского права остро необходимо.

В данной связи можно заметить, что тезис о необходимости применения системного подхода к исследованию гражданского оборота уже высказывался в юридической литературе. Однако признать соответствующие попытки отдельных авторов удачными не представляется возможным². Так, М. А. Астахова, анализируя научные определения понятия «гражданский оборот», отметила принципиальные различия в понимании «как содержания гражданского оборота в целом, так и составляющих его элементов», в связи с чем пришла к выводу, что «наличие доктринальных противоречий требует выработки особых теоретических подходов в целях установления истинного смысла рассматриваемого явления», заключив: «... Это представляется возможным за счет проведения системного анализа... категории “оборот” и отдельных нормативных положений гражданского законодательства»³. Однако сделанная в начале работы заявка на «системный анализ», увы, осталась нереализованной, равно как не получили должного научного

знавательным средствам, не может получить абсолютную характеристику системного или несистемного» (*Блауберг И. В.* Философско-методологические проблемы системного исследования : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.08. М., 1983. С. 149).

¹ См., например: *Григорьева М. А.* Гражданский правопорядок (опыт системного исследования). Красноярск, 2010. С. 28.

² Данное замечание относится и к нашей собственной работе (см.: *Виниченко Ю. В.* Отдельные аспекты проблемы разумности в гражданском обороте), в которой мы писали о гражданском обороте как о параллельной («сосуществующей») по отношению к объективному гражданскому праву самоорганизующейся системе (см.: *Указ. соч.* С. 61), однако без должного обоснования.

³ См.: *Астахова М. А.* Оборот в гражданском праве: понятие, структура, разновидности. С. 2.

обоснования ни само название статьи, содержащее термин «структура» (являющийся атрибутом системного подхода), ни принципиально верное суждение автора о необходимости системного исследования гражданского оборота. В данной связи достаточно указать на итоговый вывод М. А. Астаховой, согласно которому «в условиях современной реальности гражданский оборот представляет собой правовую форму экономического оборота и является его юридическим “отражением”»¹. Подобный вывод представляется нелогичным, поскольку категориальная пара «форма» – «содержание» методологически является иной «системой координат» и, как отмечается в юридической литературе, использование категорий «форма» и «содержание» означает рассмотрение объекта как «не-системы»².

Критической оценки заслуживают и иные положения указанной работы, иллюстрирующие неосведомленность автора об элементарных категориях системного подхода³. Более того, фраза М. А. Астаховой о том, что «наличие доктринальных противоречий требует выработки особых теоретических подходов» (имея в виду, как следует из последующего изложения, именно «системный анализ»), вообще ставит под сомнение знание автора о сути системного подхода. Можно допустить, что подразумевалась необходимость применения этого метода научного познания к исследованию гражданского оборота как явления действительности. Хотя таким образом можно додумывать за автора и то, что под «смыслом рассматриваемого явления» (гражданского оборота) он имел в виду его сущность, либо, напротив, буквально говорил о смысле термина (слова) «гражданский оборот». Последнее, кстати, более вероятно, поскольку далее в работе прямо указывается на необходимость «проведения системного анализа семантического понятия категории “оборот”».

Помимо проявления крайней непоследовательности приведенных суждений усматривается абсолютная некомпетентность автора относительно понятийно-категориального аппарата науки в целом.

¹ Астахова М. А. Оборот в гражданском праве: понятие, структура, разновидности. С. 5.

² См.: Григорьева М. А. Указ. соч. С. 28.

³ Взять хотя бы следующий тезис: «Таким образом, в структурном плане оборот может рассматриваться как системное явление, к внешним составным элементам которого относятся его объекты и субъекты, а к внутренним – содержание» (Астахова М. А. Оборот в гражданском праве: понятие, структура, разновидности. С. 2).

Обозначив гражданский оборот как явление, М. А. Астахова пытается установить «истинный смысл» этого явления посредством системного анализа «семантического понятия категории “оборот”»¹, упуская из виду, что «категория» – это понятие предельной степени общности, что термин «семантика» в русском языке означает «значение, смысл» и относится к языковым единицам, то есть словам, не тождественным, в свою очередь, понятиям (категориям), в связи с чем сконструированный ею словесный оборот следует расценивать как многоуровневую тавтологию.

Косвенное подтверждение использования системной методологии при исследовании гражданского оборота, в частности недвижимости, усматривается в диссертации В. А. Петрушкина. Это явствует как из заглавия самой диссертационной работы ученого («Системный анализ гражданско-правовой модели оборота недвижимости: проблемы теории и практики») и ее отдельных разделов (гл. 1 «Оборот недвижимости как система: ...»), так и из используемых им системологической терминологии и приемов познания, характерных для системного подхода. Так, помимо употребления терминов «система», «системный анализ», автор рассматривает вопрос о структуре и элементах гражданского оборота, определяет место системы субъектов оборота недвижимого имущества в системе субъектов гражданского оборота².

В то же время, говоря о структуре гражданского оборота, В. А. Петрушкин отмечает, что «в самом общем виде указанная структура включает»: 1) участников, 2) объекты и 3) собственные условия гражданского оборота³. Вместе с тем общепризнанным в общей теории систем (далее – ОТС) является понимание структуры как отношений (связи) между элементами системы, а для обозначения набора (перечня) таких элементов используют иное понятие – состав системы⁴.

¹ Астахова М. А. Оборот в гражданском праве: понятие, структура, разновидности. С. 2.

² См.: Петрушкин В. А. Системный анализ гражданско-правовой модели оборота недвижимости: проблемы теории и практики. П. 1.1 гл. 1 «Сущность гражданского оборота: определение, структура, условия», С. 5, 9, 13, 49, 54, 110 и др.

³ Там же. С. 26. Примечательно, что определение понятия «система» дается только на с. 207 диссертации.

⁴ См.: Малиновский А. А. Теория структур и ее место в системном подходе // Системные исследования. Ежегодник 1970. М. : Наука, 1970. С. 28 ; Сагатовский В. Н. Основы систематизации всеобщих категорий. Томск : Изд-во ТГУ, 1973. С. 243, 277, 322–323 ; Юдин Б. Г. Становление и характер системной ориентации // Системные исследования. Ежегодник 1971. М. : Наука, 1972. С. 30.

Одновременно с этим участников оборота и объекты, находящиеся в обороте, ученый называет «внутренними характеристиками оборота», которыми, наряду с «его (оборота. – Ю. В.) установленными правом пределами», по мнению правоведа, определяется сущность оборота¹. Ученый называет гражданский оборот и особой сферой общественных отношений, и особой правовой областью². Допустимым считает автор указание на то, что речь может идти «не только о гражданском обороте в целом, но и о его отдельных участках»³; одним из таких «участков гражданского оборота» является рассматриваемый ученым оборот недвижимости⁴. Используется им и такое выражение, как «стадии гражданского оборота»⁵. Изложенное позволяет заключить, что, несмотря на использование отдельных категорий и приемов, присущих системному подходу, исследование В. А. Петрушкина, так же, как и отмеченная статья М. А. Астаховой, в действительности системологическим не является.

Использование системного подхода, повторим, нуждается в обосновании. В свою очередь это предполагает определенную ясность относительно особенностей данного метода. В частности, предпринимаемое системное исследование того или иного объекта, следует понимать, что использование системного подхода ориентирует исследователя на выявление системных характеристик изучаемого объекта и обнаружение закономерностей его функционирования. При этом системные характеристики объекта выявляются в целях получения возможно более полного системного описания объекта, которое проводится с привлечением системного категориального аппарата. Кроме этого, следует иметь в виду, что существует множество вариантов («категориальных каркасов»⁶) системного подхода, исходя из чего, предпринимая системное исследование, надлежит конкретизировать ту модель (алгоритм), на которой будет основываться последующее системное описание объекта.

Наиболее удачным и приемлемым для исследования сложных юридически значимых явлений (к числу которых относится, по наше-

¹ См.: *Петрушкин В. А.* Системный анализ гражданско-правовой модели оборота недвижимости: проблемы теории и практики. С. 29.

² Там же. С. 29, 53.

³ Там же. С. 30.

⁴ Там же. С. 32.

⁵ Там же. С. 47, 54.

⁶ Выражение В. Н. Сагатовского (см.: *Сагатовский В. Н.* Указ. соч. С. 411).

му убеждению, и гражданский оборот) признается использование системных алгоритмов, предложенных А. И. Уемовым и В. Н. Сагатовским. Так, в частности, в числе выгодных отличий варианта системного подхода В. Н. Сагатовского называют его «ярко-выраженную практически-прикладную направленность в сочетании с достаточно глубоким философским обоснованием, четкость и отработанность исследовательского алгоритма, существенные в практической реализации системного подхода понятность и простоту, а также немаловажную для юриспруденции ориентацию этого алгоритма на решение проблемных ситуаций в гуманитарной сфере»¹.

Наиболее значимыми категориями системного подхода в рамках указанной модели являются следующие: 1) система (объект, представляющий собой целостность); 2) элемент системы (исходная функциональная единица системы); 3) состав системы (набор элементов системы); 4) структура системы (связь между элементами системы); 5) цель системы (результат, для достижения которого существует система); 6) функции системы (способы действия системы); 7) функционирование системы (деятельность системы на пути достижения цели)².

Возвращаясь к вопросу о необходимости использования системного подхода при изучении гражданского оборота, укажем, что обусловлена она, прежде всего, характером имеющихся представлений о данной категории и отражаемом в ней явлении реальной действительности.

Анализ соответствующих научных взглядов свидетельствует о следующем. Во-первых, будучи основанными на положениях позитивного права, представления о гражданском обороте в отечественной цивилистике являются преимущественно описательными. Зачастую эти представления выводятся путем логического толкования легально закрепленных нормативных установлений, содержащих понятие «оборот» (и его производных). Однако как образно и вполне справедливо заметил В. А. Белов, «закон – не источник правовой действительности; он лишь зеркало, в котором эта действительность... более-менее полно и точно отражается»³. Подобный нормативистский подход к

¹ Протасов В. Н. Указ. соч. С. 26.

² Подробнее см.: Сагатовский В. Н. Системная деятельность и ее философское осмысление // Системные исследования. Ежегодник 1980. М. : Наука, 1981. С. 64–67 ; Его же. Опыт построения категориального аппарата системного подхода // Философские науки. 1976. № 3 ; Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем. Гл. II, III.

³ Белов В. А. Наука гражданского права как система. С. 169.

изучению гражданского оборота может быть охарактеризован как первичное, досистемное описание рассматриваемого объекта, дающее представление о его отдельных свойствах или элементах. Данное досистемное описание, безусловно, необходимо, но недостаточно. Во-вторых, конструируя понятие гражданского оборота, ученые оперируют одними и теми же категориями («правоотношение», «юридические факты», «форма» и др.), просто ставя во главу угла одну из них в качестве определяющей. Данное обстоятельство делает выделение тех или иных подходов к определению понятия гражданского оборота крайне условным. Кроме этого, акцентируя внимание на одной из характеристик гражданского оборота, авторы подвергают детальному рассмотрению именно этот, ключевой, по их мнению, признак. Даже если и предпринимается анализ иных признаков понятия «гражданский оборот», взаимосвязь отдельных признаков между собой из поля зрения исследователей выпадает.

В этих условиях наиболее очевидной представляется необходимость установления связи между категориями, используемыми в науке для определения понятия «гражданский оборот». А поскольку категория «связь» (или «структура») является одной из ключевых именно при системном подходе, применение последнего к познанию гражданского оборота видится несомненно актуальным.

Следует заметить, что в системологической литературе все множества разделяются на два вида – суммативные комплексы и системы (целостные единства), главное различие между которыми заключается в различии «объектов, образующих устойчивые целостные единства со строго заданной структурой, и объектов, которые хотя и образуют некие единства, но без строго фиксированной ... структуры»¹. Полагая, что гражданский оборот представляет собой не просто совокупность тех или иных элементов (суммативный комплекс), а устойчивое целостное единство, целостность которого вызвана наличием связей между элементами (феноменом интеграции элементов²), обуславливающих «появление в целостной системе новых свойств, не присущих элементам в отдельности»³. В современной литературе по системному анализу подчеркивается: «Объединение частей в систему порождает у

¹ Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М. : Политиздат, 1986. С. 47.

² Там же. С. 305.

³ Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. Методологические проблемы современной науки. М. : Наука, 1978. С. 180.

системы качественно новые свойства, не сводящиеся к свойствам частей, не выводящиеся из свойств частей, присущие только самой системе... Система есть нечто большее, нежели простая совокупность частей»¹. Эти новые свойства, отличающие систему от суммативного множества, имеют название «эмерджентность»².

Решая вопрос о выборе методологических средств познания гражданского оборота нельзя не учесть замечание специалиста в области методологии права Д. А. Керимова о том, что отдельные правовые нормы, акты или отношения, являясь конкретными правовыми явлениями, имеют самые разнообразные характеристики и обладают разнообразными связями как между собой, так и с другими явлениями, и «для того чтобы в них разобраться, понять тенденцию их движения, назначение и роль в общественной жизни, необходимо прежде всего выяснить то, что их объединяет, вскрыть “ядро”, основу, общую закономерность развития всех правовых явлений, т. е. обнаружить и определить их общую сущность»³. При этом понятие «сущность» трактуется ученым как «внутренняя субстанция», «устойчивое отношение, нечто единое в многообразии явлений», то, что отражает объекты «в “очищенном” от случайностей виде», а сущностное понятие права предполагает, по мнению ученого, «обнаружение тех внутренних и необходимых, общих и основных, главных и устойчивых свойств, признаков, черт правовых явлений и процессов, единство и взаимообусловленность которых определяет их специфику и закономерности развития»⁴. Признавая справедливость приведенных суждений, и учитывая то, что гражданский оборот является не только понятием, ис-

¹ Тарасенко Ф. Н. Прикладной системный анализ : учеб. пособие. М. : КНОРУС, 2010. С. 45.

² Термин «эмерджентность» в специальной литературе применяется для обозначения одной из присущих системам закономерностей, сформулированных в середине XX в. Л. фон Берталанфи. По мнению ученого, исследование *частей* сложных биологических и социальных объектов и явлений не позволяет понять свойства *целого* без учета того нового свойства, которое возникает у системы в результате взаимодействия ее элементов (подробнее об этом см.: Васильев Ю. С., Козлов В. Н., Волкова В. Н. Кибернетика – теория систем – киберфизика // Системный анализ в проектировании и управлении : сб. науч. тр. 21-й Междунар. науч.-практ. конф. 29–30 июня 2017 г. Ч. 1. СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2017. С. 5–12). См. также: Блауберг И. В. Целостность и система // Системные исследования. Ежегодник 1977. М. : Наука, 1977. С. 26.

³ См.: Керимов Д. А. Указ. соч. С. 154.

⁴ См.: Там же. С. 154–155.

пользуемым при формулировании законодательных установлений, но в первую очередь – явлением реальной действительности, бытием, мы приходим к выводу, что его действительное познание возможно лишь посредством постижения сущности данного юридически значимого явления. Для этого, в свою очередь, необходимо иметь целостное представление о гражданском обороте, что и является одним из оснований выбора системного подхода в его исследовании.

Полагаем, что в современной познавательной ситуации состояние цивилистического знания настоятельно требует перехода на новый уровень познания такого сложного и значимого явления, как гражданский оборот. По нашему мнению, указанный переход способно обеспечить применение системного подхода к его исследованию.

Таким образом, мы приходим к выводу, что гражданский оборот необходимо рассматривать как систему, т. е. устойчивое целостное единство, характеризующееся наличием цели своего существования, исходя из которой и следует определять набор входящих в эту систему элементов, связь между ними, а также функции (способы действия) данной системы.

РАЗДЕЛ II. СИСТЕМНОЕ ОПИСАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА

ГЛАВА I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СИСТЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА

§ 1. Цель, функции и видовая характеристика системы гражданского оборота

Как уже отмечалось, системный подход предполагает рассмотрение определенного объекта как некой целостности, которую относят к содержательным признакам системности¹. При этом речь идет не об объединении неких элементов в единое целое, но, напротив, о «препарировании скальпелем системного подхода»² изначально единого объекта³.

Показателем такой целостности является наличие цели, на достижение которой направлено существование системы. Цель представляет собой объективное стремление «вещи» к собственной целостности, — отмечал В. Н. Сагатовский⁴. В. Н. Протасов пишет, что «как система объект выступает лишь относительно своей цели, той цели, которую он способен реализовать, достигнуть. И в этом отношении объект является *целым*, представляет собой *целостность*», и заключает: «Думается, что в *прикладном* аспекте “целостность” и “системность” должны рассматриваться как тождественные свойства явлений»⁵. Именно цель определяет состав и структуру, а также функционирование системы. Указанные общие положения в полной мере касаются и системы гражданского оборота, исследование которой, таким образом, следует начать с выявления и определения той цели, которая позволяет характеризовать гражданский оборот как систему.

В свою очередь представление «о системе как целом» можно получить, если подходить к изучаемой системе как к части некоей метасистемы — системы высшего порядка, в которую данная система

¹ Блауберг И. В. Целостность и система. С. 16.

² Белов В. А. Наука гражданского права как система. С. 171.

³ Как отмечает признанный специалист в области системных исследований И. В. Блауберг, «системное исследование в отличие от аналитического подхода предполагает движение не от частей к целому, а от целого к частям» (Блауберг И. В. Целостность и система. С. 22).

⁴ Сагатовский В. Н. Основы систематизации всеобщих категорий. С. 347.

⁵ Протасов В. Н. Указ. соч. С. 17.

входит как элемент¹, извне, т. е. из среды, в которую она вписана и в которой функционирует². Именно вышестоящая система, частью которой непременно является любая система (свойство иерархичности систем³), согласно общепризнанным системологическим представлениям, задает цель (цели) нижестоящим системам, определяет их предназначенность⁴; ради этих целей системы создаются (формируются) и существуют.

¹ Руткевич М. Н. Структура как философская категория // Категория структуры в системе философских категорий. Свердловск, 1973. С. 9 ; Протасов В. Н. Указ. соч. С. 30.

² Каган М. С. Системный подход и гуманитарное знание : избр. ст. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. С. 21. См. также: Малиновский А. А. Основные понятия и определения теории систем (в связи с приложением теории систем к биологии) // Системные исследования. Ежегодник 1979. М. : Наука, 1980. С. 82, 84 ; Прангишвили И. В. Системный подход и общесистемные закономерности. М. : Синтез, 2000. С. 123. Как отмечает Ю. П. Сурмин, «система есть конечное множество функциональных элементов и отношений между ними, выделяемое из среды в соответствии с определенной целью в рамках определенного временного интервала» (Сурмин Ю. П. Теория систем и системный анализ : учеб. пособие. Киев : МАУП, 2003. С. 58).

³ Иерархичность системы означает, что каждый ее компонент может рассматриваться как система, а сама исследуемая система представляет собой лишь один из компонентов более широкой системы (Садовский В. Н. Парадоксы системного мышления // Системные исследования. Ежегодник. 1972. М. : Наука, 1972. С. 134). Данное свойство признается важнейшей особенностью объекта исследования как системы и поэтому включается в определение понятия «система». Так, В. Н. Садовский определял систему как иерархически организованную целостность (Садовский В. Н. Общая теория систем как метатеория // Вопросы философии. 1972. № 4. С. 89). В вопросе понимания системы приведенному определению следовал также И. В. Блауберг (Блауберг И. В. Целостность и система. С. 19, в сноске). Другую дефиницию системы, предложенную В. Н. Садовским, – согласно которой система есть «упорядоченное определенным образом множество элементов, взаимосвязанных между собой и образующих некоторое целостное единство» – в качестве исходного определение системы, «наиболее простой и четкой» признает такой выдающийся системолог, как М. С. Каган (Каган М. С. Система и структура // Системные исследования. Ежегодник. 1983. М. : Наука, 1983. С. 89.).

⁴ Как пишет М. А. Гайдес, «Автомобиль предназначен для перевозок, калькулятор – для вычислений, а фонарь – для освещения... Насосные системы кровообращения (правый и левый желудочек сердца) – для перекачки крови... Но цель перевозки нужна не автомобилю, а кому-то или чему-то внешнему по отношению к нему. Автомобилю нужна только его способность выполнять эту цель. Цель перекачивать кровь желудочком сердца нужна не желудочку, а дру-

Рассматривая оборот как систему и основываясь на распространенной и признанной в научной литературе дихотомии систем «природные – социальные»¹, систему гражданского оборота следует отнести к числу социальных систем. Исходя из этого, вышестоящей по отношению к ней метасистемой (или, как ее еще называют, суперсистемой², надсистемой, гиперсистемой³) надлежит признать систему общества.

В составе системы общества, в свою очередь, традиционно выделяют такие сферы (подсистемы), как экономическая, социальная, политическая и духовная⁴. Каждая из указанных социальных сфер занимает в системе общества определенное место и «выполняет (хоро-

гим тканям организма. Желудочку сердца нужна только способность выполнять эту цель. Целью является необходимость в чем-то для чего-то внешнего, а данная система только лишь выполняет это, обслуживая это внешнее. Следовательно, цель системе ставится извне, а от системы требуется только *способность* выполнять эту цель. Этим внешним является другая система или системы, потому что Мир заполнен только системами» (*Гайдес М. А.* Общая теория систем (системы и системный анализ). Глобус-Пресс, 2005. С. 29–30).

¹ Выделяя социальные системы в отдельную группу, системологи их противопоставляют, в частности, физическим и биологическим системам (*Сетров М. И.* Основы функциональной теории организации : филос. очерк. Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. С. 114–115), и отмечают, что социальные системы образуют особый класс систем живой природы (органических систем) (*Лекторский В. А., Садовский В. Н.* О принципах исследования систем (В связи с «общей теорией систем» Л. Берталанфи) // Вопросы философии. 1960. № 8. С. 70).

² Социология. Основы общей теории : учеб. пособие / под ред. Г. В. Осипова, Л. Н. Москвичева. М. : Аспект Пресс, 1996. С. 121.

³ *Прангишвили И. В.* Указ. соч. С. 37.

⁴ Подобная структурная организация общества отмечается в специальной учебной литературе, в которой, как правило, излагаются устоявшиеся взгляды на определенные вопросы в какой-либо области знаний (Социология. Основы общей теории. С. 121. Отдельные ученые выделяют как наиболее существенные характеристики жизни любого общества экономику, право и политику (*Яковлев А. М.* Социальная структура общества : учебник. М. : Экзамен, 2002. С. 10)). Общеизвестным называют деление общества на четыре сферы (экономическую, социальную, политическую и духовную) и предваряют словами «как известно» указание на то, что подсистемами общества являются экономика, политика, идеология и пр., и в монографической литературе (*Резник Ю. М.* Указ. соч. С. 269, 355). Однако можно заметить, что помимо такого «сферного» подхода к структурному анализу социальной организации не меньшим признанием в доктрине пользуется функциональный подход, согласно которому выделение подсистем общества предпринимается в зависимости от выполняемых ими функций.

шо, плохо или вовсе не выполняет) строго очерченные функции»¹, т. е. имеет свое функциональное назначение, цель, которая заключается, в конечном счете, в сохранении общества как вышестоящей системы². В этой иерархии система гражданского оборота относится к экономической сфере, являющейся системой жизнеобеспечения и представляющей собой систему отношений, возникающих между людьми в процессе производства материальных благ, их обмена и распределения. Исходя из этого, в рамках системного исследования традиционно разграничиваемые в отечественной цивилистике гражданский оборот и оборот экономический следует признать одним и тем же явлением.

В пользу вывода о тождестве гражданского оборота с экономическим оборотом можно привести и иные аргументы, причем основанные на кардинально противоположной методологии – общепринятой трактовке гражданского оборота как правовой формы экономического оборота.

При этом, прежде всего, укажем на необходимость четкого осознания того, что именно подлежит сопоставлению – понятия «гражданский оборот» и «экономический оборот» или же феномены гражданский оборот и экономический оборот. Очевидно, что допустимо сопоставлять их только как однопорядковые величины, т. е. либо как понятия, либо как явления. Подобная ремарка обусловлена тем, что в цивилистической литературе, увы, имеют место суждения типа: «по

¹ Социология. Основы общей теории. С. 121–122. Наиболее детально данный вопрос разработан в рамках отмеченного выше функционального подхода к структурному анализу социальной организации, который представлен, в частности, в системной концепции Т. Парсонса. Согласно данной концепции, социальная система предстает в виде четырехфункциональной схемы (парадигмы), дифференцируясь в зависимости от функций (интеграция, генерализация ценностей, целедостижение, адаптация) на соответствующие четыре подсистемы – социетальное сообщество (составляющее ядро социальной системы и «самой общей функцией» которого является «сочленение системы норм с коллективной организацией, обладающей единством и внутренней логикой»), фидуциарную систему (систему сохранения и воспроизводства образца, которая «преимущественно касается отношений общества с культурной системой и через нее с высшей реальностью»), политику (которая выполняет функцию постановки общих целей общества и принятия решений) и экономику (которая обеспечивает общество средствами адаптации к изменениям окружающей среды) (Парсонс Т. Система современных обществ. М. : Аспект Пресс, 1998. С. 23–25).

² Прангишвили И. В. Указ. соч. С. 123.

своему содержанию *понятие* (здесь и далее курсив наш. – Ю. В.) “гражданский оборот” является частью более широкого явления – “экономический оборот”»¹; «*понятие* “коммерческий оборот” является по сравнению с понятием “гражданский оборот” значительно более узким *явлением*»².

Безусловно, и гражданский оборот, и экономический оборот в равной мере возможно рассматривать как в качестве понятий, так и в качестве явлений реальной действительности. Вместе с тем при соотношении гражданского и экономического оборота через призму категорий «форма» – «содержание», как это имеет место при формальном подходе к пониманию гражданского оборота, по нашему убеждению, их следует воспринимать именно как явления. Иначе, если сопоставлять понятия «гражданский оборот» и «экономический оборот», выступающие видовыми по отношению к родовому понятию «оборот», придется признать, что одно из видовых понятий составляет содержание другого видового понятия, что является очевидно неверным.

Будучи признанным правовой формой экономического оборота, гражданский оборот как феномен, следовательно, должен представлять собой явление реальности, содержание которого составляет экономический оборот. Но тогда изучение гражданского оборота как феномена, имеющего экономическое содержание и, таким образом, явления экономического порядка должно составлять предмет не правоведения, а экономической теории. Между тем экономисты не только не используют понятие гражданского оборота, но и не считают необходимым подчеркивать всякий раз, что они имеют в виду экономический оборот. Более того, далеко не всегда употребляют они и родовое понятие «оборот», яркой иллюстрацией чего является отсутствие в экономических словарях отдельной статьи, посвященной раскрытию содержания данного понятия и соответствующего ему термина³; го-

¹ Морозов А. А. Правовое регулирование использования в предпринимательской деятельности имущества, ограниченного в обороте : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 15.

² Илюшина М. Н. Правовой режим сделок в коммерческом обороте и в обороте долей хозяйственных обществ: общее и особенное : дис. ... д-ра юрид. наук. С. 43–44.

³ Большая экономическая энциклопедия. М. : Эксмо, 2007. С. 423 ; Большой экономический словарь / под ред. А. Н. Азрилияна. М. : Фонд «Правовая культура», 1994. С. 262 ; Румянцева Е. Е. Новая экономическая энциклопедия. М. : Инфра-М, 2013. С. 463.

раздо чаще в экономической теории оперируют понятиями «товарооборот», «обращение», «обмен».

Понятие «экономический оборот» активно используют представители иной отрасли науки – цивилисты, которые посредством противопоставления его понятию гражданского оборота стремятся выявить признаки последнего, указывая, напомним, на то, что объектами гражданского оборота, в отличие от оборота экономического, являются не сами объекты гражданских прав, т. е. не те или иные блага, а имущественные права на них; блага же выступают объектами экономического оборота. Если исходить из того, что в понятийно-категориальном аппарате определенной сферы научного знания отражается предметная область данной науки (изучаемые ею явления), следует признать, что разграничение гражданского и экономического оборота, осуществляемое только в рамках гражданско-правовой науки, является, таким образом, значимым только для цивилистов и *имеет исключительно познавательный характер*. При этом в выражениях «гражданский оборот» и «экономический оборот» смысловой акцент делается правоведами на термины «экономический» и «гражданский», последний из которых фактически используется в значении «гражданско-правовой», будучи призванным, по-видимому, подчеркнуть предметно-отраслевую принадлежность соответствующих отношений гражданскому праву; иными словами, «гражданским» оборот именуют в силу урегулированности его нормами гражданского права. В качестве константы, значение которой сущностно неизменно, в указанных выражениях выступает термин «оборот», в контексте рассматриваемого вопроса в общем виде означающий движение имущественных благ – денежных средств, товаров¹. Исходя из этого, более точно, как представляется, говорить не о понятиях «гражданский оборот» и «экономический оборот», а о понятии «оборот» в гражданско-правовом смысле и в экономическом смысле, соответственно.

Однако достаточно дискуссионным является и выражение «оборот в гражданско-правовом смысле». Помимо того, что оборот имущественных благ регламентируется нормами не только гражданского права, в юридической литературе, как было отмечено, высказана точка зрения, согласно которой понятие гражданского оборота, базирующееся на «чисто цивилистическом подходе при определении его

¹ Большой толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Изд-во АСТ : Изд-во Астрель, 2004. С. 537 ; Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 435.

юридической сущности» является устаревшим, и понятие «частный оборот» нуждается в замене на «экономический» или «имущественный»¹; существует также позиция, в соответствии с которой категория «гражданский оборот» является экономико-правовой².

В данной связи заметим, что терминологически и понятийно оправданно (т. е. сообразно смыслу, который вкладывается в соответствующий термин, как присущий понятию признак) оборот может именоваться «гражданским»: 1) либо потому, что он складывается между гражданами (субъектный критерий) – но тогда к нему не должны относиться отношения с участием юридических лиц и публично-правовых образований, что очевидно не согласуется ни с эмпирическим образом соответствующего явления, ни с его пониманием в правоведении; 2) либо потому, что он регулируется нормами гражданского права (предметно-отраслевой критерий) – но тогда необоснованно полностью исключается регулирующее воздействие на оборот норм иных отраслей права, в том числе тех, которые устанавливают правовые последствия оборота ограниченно оборотоспособных объектов (оружия, наркотиков и т. д.). Если ни один из этих смыслов не является истинным, выражение «гражданский оборот» следует признать условным. Использование этого условного по своему характеру термина вызвано, на наш взгляд, доктринально-методологическими причинами: таким образом правоведы, а именно цивилисты, очерчивают свою предметную область.

Так или иначе, разграничение гражданского и экономического оборота, повторим, имеет исключительно познавательный характер и осуществляется только в рамках науки гражданского права. С онтологических же позиций гражданский оборот и экономический оборот представляют собой одно и то же явление – оборот имущественных благ, различные стороны (аспекты) которого лишь составляют предмет познания разных отраслей науки – правоведения и экономики. В частности, представители экономических наук, прежде всего экономической теории, исследуют отношения оборота сообразно общему предмету экономики, т. е. как систему экономических явлений, процессов и законов³, в то время как для правоведов значимыми являются регуля-

¹ Мозолин В. П. Указ. соч. С. 23.

² Петрушкин В. А. Системный анализ гражданско-правовой модели оборота недвижимости: проблемы теории и практики. С. 9.

³ Курс лекций по основам экономики; микроэкономике; макроэкономике / под ред. В. П. Горева. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2003. С. 31–37.

тивный и охранительный аспекты данных отношений, т. е. правила оборота отдельных видов объектов (благ) и последствия их нарушения.

При этом представляется бесспорным, что отмеченные правила оборота, объективируемые в том числе в нормах позитивного права, не тождественны самому обороту, выступающему системой определенных социальных связей, относительно которых, в силу их значимости, и складывается та или иная нормативная регламентация, причем не только нормативно-правовая. Даже если определенное жизненное отношение, относящееся к сфере оборота, подпадает под действие юридических или нравственно-этических норм, это не ведет к его «удвоению» в реальной действительности. В данной связи сошлемся на справедливое замечание Н. Д. Егорова, отмечавшего относительно понятий производственных, материальных, экономических и имущественных отношений, что указанные понятия с разных сторон характеризуют один и тот же вид общественных отношений, в связи с чем отпадает основная причина, обуславливающая необходимость в их разграничении¹. Исходя из этого, *нивелируется и различие между экономическим оборотом как якобы сферой собственно оборота имущественных благ и гражданским оборотом – сущностно той же сферой социальной жизни, но урегулированной нормами права*. Таким образом, выражения и соответствующие им понятия «гражданский оборот», «экономический оборот» и «оборот» можно рассматривать как идентичные. Вместе с тем в соответствии с темой настоящей работы, следуя устоявшемуся словоупотреблению, в дальнейшем изложении мы будем оперировать преимущественно термином «гражданский оборот», чередуя его использование с термином «оборот».

Что касается правового регулирования данных отношений, трансформирующего, согласно классическим в правоведении взглядам, фактические отношения субъектов в правоотношения (а применительно к затронутому вопросу, экономический оборот – в оборот гражданский), то с позиций системного подхода оно осуществляется другой самостоятельной, внешней по отношению к системе гражданского оборота подсистемой общества – системой права. При этом наличие либо отсутствие соответствующих правовых норм, равно как и их содержание, детерминантами существования и сущности («суб-

¹ Егоров Н. Д. Гражданско-правовое регулирование экономических отношений : учеб. пособие. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. С. 5.

станционального ядра»¹⁾ оборота и его системы не являются. Об этом свидетельствует как принципиальная идентичность феномена оборота в разные временные периоды и в границах различных человеческих общностей, так и тот факт, что само появление имущественного оборота исторически предшествует формированию права как социального регулятора и является объективным процессом общественного развития, а именно результатом общественного разделения труда и появления вследствие этого прибавочного продукта²⁾.

Сказанное, безусловно, не исключает взаимодействия и взаимного влияния системы права и системы гражданского оборота³⁾. Влияние системы оборота на систему позитивного права заключается как в общей социальной обусловленности правовых норм⁴⁾, так и в «отклике» последних на процессы, происходящие собственно в системе оборота. В частности, отмеченное влияние усматривается в апелляции современных отечественных правоведов к потребностям гражданского оборота в ходе реформирования гражданского законодательства. Отстаивая идею тесной связи между «системой частноправных институтов и ходом хозяйственной жизни народов», Д. Д. Гримм указывал в том числе на «коренные перемены в строе обязательственных отношений, совершающиеся в связи с развитием обще-

¹ Философский энциклопедический словарь / ред.-сост.: Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. М. : Инфра-М, 2002. С. 444.

² «В основе появления правовых норм, – отмечал А. М. Яковлев, – лежало эпохальное событие в общественном развитии – появление экономических систем, в рамках которых оказалось возможным не только производить продукты, необходимые для обеспечения проживания, но и их излишки, что вызвало к жизни необходимость обмена товарами. Появилась потребность в регулировании процесса обмена, выявлении доброй воли участников сделки...» (Яковлев А. М. Указ. соч. С. 134). Подробнее об этом см. в гл. II разд. II монографии.

³ Их взаимодействие осуществляется по типу обратной связи, идею о роли которых в правоведении последовательно развивает, в частности, специалист в области финансового права О. Н. Горбунова (см.: Горбунова О. Н. Финансовое право и финансовый мониторинг в современной России. М. : Профобразование, 2003. С. 13–19; *Ее же*. Финансовое право и финансовый мониторинг в современной России. М. : Элит, 2012. С. 21–26).

⁴ Как пишет В. Д. Перевалов, «парадоксально, но влияние социума на формирование правовых норм осуществляется через общественные отношения, которые регулируются этими нормами. Содержание и структура фактических общественных отношений зачастую диктуют структурные параметры самих норм» (Перевалов В. Д. Нормы права: проблемы понимания и определения // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 5 (101). С. 13).

гражданского и торгового оборота»¹. Уместно привести и замечание К. И. Скловского о том, что «такие характерные, казалось бы, качества, как рациональность, ответственность, универсальность – это не собственные черты права. Скорее, это свойства товарного обмена»². В свою очередь влияние системы позитивного права на систему оборота заключается в том, что она относится к внешней среде существования, функционирования и развития системы оборота, к условиям которой, таким образом, участники оборота, как и данная система в целом объективно вынуждены приспособляться³. Учитывая изложенное, следует констатировать, что связь системы права с системой гражданского оборота *детерминистической не является*. В частности, цивилистика как отрасль национальной юридической системы, писал С. С. Алексеев, «на самом деле складывается и развивается на основе требований рынка, точнее – имущественных отношений, формирующихся в условиях товарно-рыночной экономики, отношений собственности, гражданского оборота. Именно “рынок”, его требования обуславливают необходимость... существования сферы, где вопросы решаются по воле и в соответствии с интересами участников рыночных отношений, занимающих юридически равные позиции»⁴; однако «частное право – не продукт рынка. А гражданское право – не только продукт рынка, а прежде всего – отрасль-обитель “чистых” частноправовых начал, в наибольшей мере отвечающая требованиям и условиям рыночных отношений и потому вмещающая нормативные положения рыночного характера не только без отторжения и сопротивления, но и в юридических формах и конструкциях, оптимальных для рыночной экономики»⁵.

Исходя из того, что гражданский оборот относится к числу социальных систем, приступая к осмыслению его системной организации, мы отталкиваемся от тех отношений, которые существуют в соответствующей сфере общества. Задаваясь при этом вопросом о том,

¹ *Гримм Д. Д.* К вопросу о соотношении институтов гражданского права с хозяйственным бытом народа.

² *Скловский К. И.* Собственность в гражданском праве. М. : Дело, 1999. С. 19.

³ В целом, аналогичным является соотношение системы гражданского оборота и с системой этических и нравственных норм, так же, как и система права, составляющей самостоятельную подсистему общества и выступающей по отношению к рассматриваемой системе элементом ее внешней среды.

⁴ *Алексеев С. С.* Право: азбука – теория – философия... С. 597.

⁵ Там же. С. 598.

что является причиной возникновения таких отношений, определяя тем самым *цель* существования (предназначенность) системы гражданского оборота, поставленную перед ней вышестоящей системой общества, следует признать, что она состоит в *опосредовании удовлетворения потребностей отдельных членов социума*: если субъекты в состоянии удовлетворять все свои потребности непосредственно, т. е. за счет только «своих» благ (как это, например, имеет место при натуральном хозяйстве), то необходимости в гражданском обороте нет. Такая необходимость появляется, когда удовлетворение определенных индивидуальных потребностей одного члена общества возможно лишь за счет «чужого» блага (т. е. имеющегося у другого члена общества или их группы), получаемого, как правило, взамен на некое встречное предоставление. Гражданский оборот и выступает той сферой, в которой осуществляется опосредованное в указанном смысле удовлетворение потребностей отдельных субъектов, а также сопряженное с реализацией данной исходной «посреднической» цели, как сопутствующий эффект, перераспределение имеющихся в обществе благ, обладающих потребительной стоимостью.

Будучи связанными с удовлетворением человеческих потребностей, отношения оборота крайне важны для существования и функционирования общества в целом и с точки зрения социальной значимости должны быть отнесены к числу социально необходимых¹. Такая оценка базируется на общепризнанной в экономической теории роли человеческих потребностей в жизнеобеспечении. По авторитетному мнению К. Менгера, «неудовлетворение потребностей ведет нашу природу к гибели, недостаточное удовлетворение – к разрушению ее, а удовлетворять потребности значит жить и преуспевать. Поэтому забота об удовлетворении потребностей имеет то же значение, что и забота о нашей жизни и нашем благосостоянии; она является самым важным из всех человеческих стремлений, как предположение и основа всех остальных»².

При этом важно уточнить, что гражданский оборот опосредует, на наш взгляд, удовлетворение *не только имущественных потребно-*

¹ Помимо социально необходимого поведения людей, в литературе выделяют также: социально желательное, социально допустимое и социально вредное, нежелательное для общества (Пьянов Н. А. Теория государства и права : в 2 ч. Ч. 2. Теория права : учеб. пособие. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2011. С. 297).

² Менгер К. Основания политической экономии / пер. Г. Тикчина, И. Абезгуза ; под. ред. Р. М. Орженцкого. М. : Директмедиа Паблишинг, 2008. С. 88.

стей субъектов. Последние мы понимаем как разновидность материальных потребностей, вещную форму объективной имущественной необходимости¹, соглашаясь с тем, что критерием определения имущественного характера потребности является «способ ее реализации, точнее форма ее удовлетворения – потребность в потребительских стоимостях – вещах или в их всеобщем эквиваленте – деньгах»². Помимо данного вида потребностей выделяют также потребности социальные (в коммуникации с другими людьми, принадлежности к социуму, группе, в межличностных отношениях, в проявлении заботы и получении ее взамен, в уважении и признании, в самоутверждении, в самоидентификации личности, в защите ее прав и достоинств и т. п.) и духовные (в познании, в творческой состоятельности, в эстетическом удовольствии и т. п.)³. В качестве примеров их удовлетворения посредством гражданского оборота можно привести следующие: услуги сотовой связи, благодаря которым удовлетворяются социальные потребности субъектов в общении и коммуникации; образовательные, театральные, развлекательные и т. п. услуги, благодаря которым удовлетворяются когнитивные, художественно-эстетические, зрелищные и иные духовные потребности людей.

Сообразно указанной цели существования системы гражданского оборота (опосредование удовлетворения индивидуальных потребностей членов социума и, косвенно – перераспределение имеющихся в обществе благ), ее *функцию* как способ или средство достижения цели системы⁴, способ достижения цели, основанный на целесообразных свойствах системы⁵, ее «идеальное “призвание”»⁶, по нашему мнению, образует *смена обладателя (обладателей) блага, имеющего*

¹ *Баринов Н. А.* Категория «имущественные потребности» – инновация в гражданском праве // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 3 (2). С. 31.

² *Баринов Н. А.* Имущественные потребности и гражданское право / под ред. Ю. Х. Калмыкова. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1987. С. 24.

³ См.: *Бережной Н. М.* Человек и его потребности. М. : Форум, 2000. Гл. 4 разд. II ; *Здравомыслов А. Г.* Потребности, интересы, ценности. М. : Политиздат, 1986. С. 27 ; *Маслоу А. Х.* Мотивация и личность. М. : Питер, 2014. С. 45–55 ; *Орлов С. В.* Человек и его потребности : учеб. пособие. СПб. : Питер, 2006. С. 130 и след.

⁴ *Афанасьев В. Г.* Системность и общество. М. : Политиздат, 1980. С. 35.

⁵ *Протасов В. Н.* Указ. соч. С. 28.

⁶ *Каган М. С.* Система и структура. С. 97.

*потребительную стоимость*¹. Соответственно, понимая *функционирование* системы как деятельность системы на пути достижения цели², процесс реализации свойств, обеспечивающих системе достижение цели³, либо процесс реализации целесообразных свойств системы, обеспечивающий ей достижение цели⁴, «*реальный пространственно-временной процесс*, в котором осуществляется определенная функция»⁵, можно говорить о том, что система гражданского оборота функционирует тогда, когда происходит отмеченная смена обладателей благ, в результате чего субъекты, не имевшие ранее интересующего их блага, получают его и, следовательно, удовлетворяют за счет него свою определенную потребность.

Цель опосредования удовлетворения индивидуальных потребностей членов социума является внешней целью системы гражданского оборота, поставленной перед ней обществом как вышестоящей системой. Однако система гражданского оборота, как и любая другая система, имеет также внутреннюю цель – самосохранение⁶, – которое необходимо для достижения данной системой цели ее существования. Как отмечается в литературе, «очевидно, что система не должна существовать только для того, чтобы существовать. Она существует для цели, заданной ей внешней средой. Но в то же время для достижения цели система должна существовать, поэтому функцию самосохранения можно рассматривать как функцию, направленную на достиже-

¹ В данной связи следует признать принципиально верным взгляд на гражданский оборот тех современных ученых, которые, оставаясь в рамках «формальной» парадигмы восприятия гражданского оборота, формулируя его дефиницию, делают акцент на факты изменения состояния принадлежности объекта (Жернаков Д. В. Указ. соч. С. 8) либо смену обладателя, правда, не самого блага, а субъективных гражданских прав на него (Белов В. А. Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота... С. 76).

² Сагатовский В. Н. Системная деятельность и ее философское осмысление. С. 64–67 ; Его же. Опыт построения категориального аппарата системного подхода ; Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем. Гл. II, III.

³ Афанасьев В. Г. Указ. соч. С. 35.

⁴ Протасов В. Н. Указ. соч. С. 28.

⁵ Каган М. С. Система и структура. С. 97.

⁶ И. В. Прангишвили писал: «Системный подход гласит, что система существует одновременно как целое и как часть вышестоящей системы, поэтому имеет две цели: 1) главную цель – самосохранение и 2) функциональную цель – сохранение вышестоящей системы» (Прангишвили И. В. Указ. соч. С. 123).

ние внутренней цели, обусловленную, в конечном счете, созданием условий для достижения внешней цели»¹.

Для достижения цели самосохранения системой гражданского оборота, очевидно, должны реализовываться иные функции, отличные от функции смены обладателей благ. Полагаем, что самосохранение системы гражданского оборота обеспечивается за счет двух функций: 1) функции *самоорганизации* и 2) функции *саморегуляции*.

В первом приближении «самоорганизация» и «саморегуляция» представляются если и не равнозначными, то весьма близкими понятиями: соответствующие им термины образуются способом сложения слова «сам»² и, соответственно, терминов «организация», «регуляция», в числе возможных смысловых компонентов каждого из которых в свою очередь выделяют «упорядочение», означающее приведение в порядок³. Однако, несмотря на отмеченную семантическую близость, их все же следует различать, руководствуясь при этом не правилами языкознания, а решением этого вопроса в специальной области знаний – общей теории социальных систем. Специалист в данной сфере, автор теории социальной системологии Ю. М. Резник, анализируя понятия системного подхода, приводит самоорганизацию и саморегуляцию в числе общесистемных понятий, определяющих основные динамические процессы, и интерпретирует самоорганизацию как «способность системы самостоятельно (без внешнего воздействия) повышать свою упорядоченность и организованность», а саморегуляцию – как «способность системы самостоятельно (без воздействия извне) устранять отклонения и дисфункции, возникающие в ней»⁴. Важным нюансом, вытекающим из приведенных дефиниций, на наш взгляд, является то, что саморегуляция имеет место при определенных «пороках» функционирования системы и в этом смысле имеет охранительное значение, в то время как при самоорганизации

¹ Григорьева М. А. Указ. соч. С. 212–213.

² При этом «само...» как первая часть сложных слов в русском языке имеет несколько значений, наиболее подходящими по смыслу к глагольным существительным «организация», «регуляция» из которых являются следующие: «направленности чего-нибудь на себя, исхождения от себя или осуществления для себя, напр. *самовосхваление, самозащита, самоснабжение, самоконтроль...*»; «совершения чего-нибудь без посторонней помощи; без постороннего участия, напр. *самодетельность, самолечение...*» (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 693).

³ Там же. С. 458–459, 672, 836.

⁴ Резник Ю. М. Указ. соч. С. 387.

просто повышается упорядоченность системы, которая в целом функционирует «нормально».

Принимая данные определения самоорганизации и саморегуляции в качестве исходных положений относительно системы гражданского оборота, отметим, что самоорганизация (самоупорядочение) как функция системы гражданского оборота заключается в выработке «в недрах» самой этой системы, в отличие от норм, извне устанавливаемых системой права, правил или моделей действия оборота, включая модели поведения его участников (субъектов) – например, обычаев, деловых обыкновений, различных новых договорных конструкций и др. Благодаря этой функции обеспечивается постепенное естественное объективное развитие системы гражданского оборота, а также своего рода «компенсация» неудовлетворительного¹ состояния внешней среды, в частности системы правовых норм.

Что касается саморегуляции, то она как функция системы гражданского оборота, на наш взгляд, является защитным механизмом, стихийно, спонтанно «включаемым» системой гражданского оборота для обеспечения своего функционирования в ответ на нерезонансное воздействие внешней среды². При чем такая ответная реакция не всегда может быть позитивной.

В качестве иллюстрации высказанного тезиса можно привести действия, совершаемые участниками гражданского оборота в обход закона. Задумываясь о причинах данного, безусловно, негативного социального феномена, следует признать, что они кроются не только в социальных свойствах самих участников гражданского оборота – их нравственных, моральных и этических качествах. Полагаем, что с позиций системы гражданского оборота в целом в рассматриваемом вопросе они имеют наименьшее значение. В противном случае придется признать, что абсолютное большинство членов нашего общества – плуты, мошенники и нигилисты, не признающие и не уважающие закон, стремящиеся лишь к тому, чтобы несмотря ни на что обойти его. Де-

¹ С точки зрения того, насколько внешние условия (среда) способствуют реализации системой гражданского права ее функций.

² И. В. Прангишвили, затрагивая вопрос об управленческой задаче выбора гармоничного пути внешнего воздействия на систему, указывает на «необходимость понять, как через управление способствовать собственным тенденциям, и как выводить системы на эти естественные пути развития, причем стараться попадать **в резонанс** с ними, а не насилловать внешним вмешательством» (Прангишвили И. В. Указ. соч. С. 90 и след.).

структивные личности существуют в любом обществе, но признавать их преобладание, – значит сводить на нет саму идею частного права.

В современной цивилистической доктрине отмечается, что в «уходе» регулируемых отношений в «тень», развитии «деструктивных процессов в гражданском обороте» выражается «“сопротивление” общественных отношений тому или иному приему правового регулирования»¹. Аналогичные суждения высказывались и дореволюционными правоведами. Например, Н. Л. Дювернуа писал, что в борьбе приватной автономии против давления легальных норм в сфере частного права целью может быть не корыстный интерес отдельного человека и «не к этому направленный обход закона», а «противодействие самой установленной норме, самому закону, целому институту, может быть, целой системе»². По замечанию ученого, противодействие в таких случаях «бывает обыкновенно массовое», выступая явлением «печального антагонизма между сознанием общественным и задачами, которые ставят себе руководящие сферы»³.

Признавая справедливость приведенных суждений, следует заключить, что проблема обхода закона в случае не единичного, а массового характера последнего сущностно сводится к своего рода противостоянию субъектов-участников системы гражданского оборота «внешним» установлениям позитивного права, препятствующим, создающим препоны для нормального (целесообразного) осуществления ими своей деятельности, необходимой в свою очередь для функционирования системы гражданского оборота. Иными словами, «обходные пути оборота»⁴ фактически оказываются вынужденной мерой самозащиты законопослушными изначально участниками гражданского оборота своих экономически обоснованных и в целом непротивоправных интересов. Так, и А. Л. Маковский относительно системы ограничений-принципов, к которым ученый причислил норму ст. 30

¹ Асланян Н. П. Основные начала российского частного права. С. 186.

² Дювернуа Н. Л. Чтения по гражданскому праву. Т. 2: Учение о вещах. Учение о юридической сделке / под ред. В. А. Томсинова. М. : Зерцало, 2004. С. 197.

³ Там же.

⁴ Выражение, используемое Г. Ф. Дормидонтовым (Дормидонтов Г. Ф. Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций / Казань : Типо-лит. Имп. ун-та, 1895. С. 73).

ГК РСФСР 1922 г.¹, указал, что они позволяют «считать незаконным формально правомерный частный оборот»².

Возвращаясь к вопросу о саморегуляции как функции системы гражданского оборота, заметим, что значение саморегулирования в социальных системах современного общества отмечают и правове-ды³, рассматривая, правда, при этом саморегулирование как комплексный правовой институт⁴. Не исключая возможность и такого понимания саморегулирования, в рамках настоящего исследования считаем его неприемлемым по следующим причинам. Во-первых, потому, что с позиций системного подхода правовое регулирование является внешним воздействием на систему гражданского оборота со стороны другой подсистемы общества – системы права, – и, таким образом, даже если не проводить четкого разграничения между самоорганизацией и саморегуляцией, в любом случае не может считаться самоупорядочением гражданского оборота. Впрочем, это не отрицает причастность системы права к процессу самоупорядочения системы гражданского оборота (более того, сам механизм частнопроводного регулирования, характеризуемый диспозитивностью и правовой иници-

¹ Устанавливавшую, что «недействительна сделка, совершенная с целью, противной закону или в обход закона, а равно сделка, направленная к явному ущербу для государства».

² *Маковский А. Л.* О кодификации гражданского права (1922–2006). М. : Статут, 2010. С. 25.

³ *Журина И. Г.* Можно ли признать саморегулируемую организацию юридическим лицом публичного права? Режим доступа: справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

⁴ Так, И. Г. Журина определяет саморегулирование как «комплексный правовой институт, под которым предлагается понимать совокупность правовых норм, регулирующих отношения по разработке и установлению стандартов и правил предпринимательской или профессиональной деятельности, а также по осуществлению контроля за соблюдением требований указанных стандартов и правил» (*Журина И. Г.* Гражданско-правовой статус саморегулируемых организаций в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2009. С. 10). Предлагая концепцию саморегулирования как правового способа организации предпринимательских отношений, Ю. Г. Лескова указывает на то, что «саморегулирование не составляет монополии какой-либо одной отрасли права, а является межотраслевым понятием и представляет собой комплексный правовой институт» (*Лескова Ю. Г.* Саморегулирование как правовой способ организации предпринимательских отношений: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. М., 2013. С. 13).

ативой¹, предполагает такую самоорганизацию²). Однако в этом случае речь должна идти именно о создании внешних условий для реализации системой гражданского оборота ее функций, в том числе функции самоупорядочения, а не о совокупности правовых норм, регламентирующих самоорганизационный механизм гражданского оборота. Во-вторых, процесс самоупорядочения в системе гражданского оборота не ограничивается санкционированной и контролируемой государством деятельностью саморегулируемых организаций; он гораздо сложнее, что, как представляется, явствует из рассмотренных выше функций самосохранения системы гражданского оборота.

Сказанное ни в коей мере не умаляет значимости регулирующего воздействия на гражданский оборот со стороны системы права. Вместе с тем, повторим, такое воздействие должно быть предельно взвешенным, резонансным. Для этого, в свою очередь, необходимо знать свойства гражданского оборота как системы, выявить которые позволит ее видовая характеристика, полученная путем соотнесения рассматриваемой системы с выделяемыми классификационными группами (типами, классами, видами) систем.

Единое и общепризнанное деление систем на отдельные виды в общей теории систем отсутствует. Тем не менее обращение к специальной литературе обнаруживает классификации, в которых сходится большинство ученых.

Поскольку подробное рассмотрение вопроса о предлагаемых в науке типологиях систем в рамках настоящего исследования представляется нецелесообразным, позволим себе изложить его в общем виде, взяв за основу наиболее емкий обзорный анализ данного вопроса, содержащийся в работе Ю. М. Резника³, и снабдив его ссылками на соответствующие труды других ученых-системологов.

¹ В. Ф. Яковлев относил их к основным чертам гражданско-правового метода (Яковлев В. Ф. Указ. соч. С. 113–131).

² Это все те случаи, когда принятие юридически значимых решений отдается на усмотрение самих субъектов – участников гражданского оборота. С воплощением в ГК РФ идеи общей оспоримости сделок, нарушающих требования закона или иного правового акта (относительно которой в абз. 2 п. 8 разд. 1 Концепции развития гражданского законодательства РФ отмечалось, что при оспоримости сделок «лишение их юридической силы зависит от частной воли участников правоотношения») область самоорганизации в системе гражданского оборота еще более расширилась.

³ Который в результате предпринятого анализа пришел к выводу, что «какой-либо универсальной типологии или классификации систем в научной лите-

Исходным делением всего многообразия систем на типы является их дифференциация на реальные (существующие объективно в пространстве и времени) и абстрактные (существующие идеально, т. е. в мире мыслительных форм, например, нравственных правил, норм права, профессионального кодекса, систем управления, форм политического устройства и т. д.)¹.

В числе реальных систем выделяют материальные системы, которые в свою очередь подлежат дальнейшей градации: 1) по уровню материальной организации на органические и неорганические²; 2) по формам развития на механические, физические, химические, биологические и социальные³, причем первые три вида входят в класс неорганических систем, а биологические и социальные – органических; 3) по характеру происхождения на естественные (возникающие стихийно и спонтанно (самопроизвольно) в процессе длительной эволюции), искусственные (возникающие в результате человеческой деятельности) и смешанные (возникающие под воздействием как природных факторов,

ратуре не существует» и предложил авторскую «интегральную» схему типологии систем (Резник Ю. М. Указ. соч. С. 389–398).

¹ Так, М. С. Каган полагал, что «самое общее членение бытия есть различение материальной и духовной (идеальной) его форм, что дает возможность провести такую исходную типологизацию, выделив структуры материальных и идеальных систем. Первые разворачиваются в пространстве и во времени, что придает их структурам *пространственный*, или *временной*, или *пространственно-временной* характер. У вторых отсутствует вещественный субстрат, а подчас и процессуальная динамика, и поэтому они носят *внепространственный*, а часто и *вневременной* характер» (Каган М. С. Система и структура. С. 95). На разграничение материальных (вещественных) и концептуальных систем указывал Э. Г. Юдин (Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности... С. 179). Наличие класса идеальных систем отмечает И. В. Прангишвили, не именуя, однако, их абстрактными и не противопоставляя их реальным системам (Прангишвили И. В. Указ. соч. С. 49).

² Ю. М. Резник в качестве примеров неорганических систем приводит Солнечную систему, атомы и молекулы, часы и машины, выделяя функциональные системы (автомашина) и нефункциональные (кристаллы и пр.). К органическим системам, которые «характеризуются большой активностью целого по отношению к частям, гибкостью и способностью к саморазвитию» ученый относит два класса систем: биологические и социальные (Резник Ю. М. Указ. соч. С. 389).

³ На физические, биологические и социальные (естественные и искусственные) делил системы, в частности, М. И. Сетров – создатель функциональной теории организации (Сетров М. И. Указ. соч. С. 114–115).

так и человеческой деятельности, Например, социоприродные комплексы)¹; 4) по способу существования на статические (состояние которых не изменяется в течение определенного периода) и динамические (изменяющие свое состояние во времени, в том числе и путем саморазвития)²; 5) по типу взаимодействия со средой на открытые (свободно обменивающиеся со средой веществом, энергией и другими проводниками³) и закрытые (обменивающиеся со средой только энергией⁴,

¹ Резник Ю. М. Указ. соч. С. 389. Естественные и искусственные системы разграничивал и М. И. Сетров, полагая их видами социальных систем (*Сетров М. И.* Указ. соч. С. 114–115). И. В. Прангишвили также отмечает имеющееся в науке деление систем на естественные (эволюционные, природные – которые объективно существуют в действительности, в живой и неживой природе) и искусственные (креационные – системы, созданные человеком), однако в качестве классификационного критерия их градации называет «субстанциональный признак» и наряду с указанными по этому признаку выделяет еще два класса систем: идеальные и концептуальные системы – системы, которые выражают образцовую действительность или образцовый мир (например, картина, возникшая в голове человека от восприятия научной теории); виртуальные системы – не существующие в действительности модельные или мыслительные представления реальных объектов, явлений, процессов, являющиеся изоморфными к ним (*Прангишвили И. В.* Указ. соч. С. 49–53). В. Г. Афанасьев делит системы на объективные и искусственные (сконструированные), выделяя в одном ряду с ними также концептуальные (идеальные) и смешанные системы (*Афанасьев В. Г.* Указ. соч. С. 49–52).

² Резник Ю. М. Указ. соч. С. 390. И. В. Прангишвили называет такие системы неразвивающимися (стабильными) и развивающимися (*Прангишвили И. В.* Указ. соч. С. 53), а Э. Г. Юдин – развивающимися и лишенными развития (*Юдин Э. Г.* Системный подход и принцип деятельности... С. 179). На стабильные, функционирующие и динамические делит системы А. И. Ракитов (*Ракитов А. И.* Историческое познание. Системно-гносеологический подход. М.: Политиздат, 1982. С. 74–75).

³ По указанию Ю. М. Резника, типичным примером открытой системы является человек; применительно же к характеристике социальных систем открытость есть «способность отбирать и использовать лучшие образцы культуры и социальной организации, ориентация на все новое и прогрессивное» (*Резник Ю. М.* Указ. соч. С. 390).

⁴ Как отмечает известный американский математик Т. Саати, «По определению единственной известной полностью закрытой системой является Вселенная. Все находится в ее пределах, ее граница пуста, и ничего не пересекает ее границу» (*Саати Т., Кернс К.* Аналитическое планирование. Организация систем. М.: Радио и связь, 1991. С. 82). В контексте нашей работы примечательным является следующее замечание ученого: «Чтобы способствовать лучшему пониманию этой концепции, можно использовать такое приближение за-

замкнутые)¹; 6) по характеру обусловленности средой на детерминированные (поведение которых однозначно обусловлено воздействием внешней среды и позволяет проследить связь между причиной и следствием), вероятностные (поведение которых может быть предсказано с определенной степенью вероятности на основе изучения ее прошлого)² и индетерминированные (поведение которых воздействием внешней среды однозначно не обусловлено).

Классифицируют системы и по иным признакам: 1) по степени дифференциации – на дискретные (расчлененные, функционирующие в дискретном временном пространстве) и синкретичные (слитные, нерасчлененные, функционирующие в едином информационном пространстве)³; 2) по масштабности и размерности – на большие (состоящие из множества частей и элементов и имеющие сложное поведение и структуру) и малые (содержащие несколько однородных и простых частей (элементов) со слабо выраженной структурой); 3) по степени организованности на простые (как правило, они являются синкретичными) и сложные (предполагающие наличие в них двух и более уровней структурной организации, а также достаточно развитой функциональной иерархии; они относятся к классу дискретных систем).

мкнутых систем, как экономическая система Робинзона Крузо. Конечно, такая система взаимодействует со средой, так как поглощает солнечную энергию, однако она замкнута в смысле перемещения товаров и услуг» (Там же).

¹ Открытые системы противопоставляли закрытым (изолированным), например, В. А. Лекторский и В. Н. Садовский (*Лекторский В. А., Садовский В. Н.* Указ. соч. С. 70).

² То, что вероятностным системам, специфической особенностью которых является «отсутствие регулярности в поведении элементов: их характеристики изменяют свои значения независимым образом; каждое из значений рассматривается как случайное явление», противопоставляются системы, функционирующие по схеме жесткой детерминации, отмечал И. В. Блауберг (*Блауберг И. В.* Целостность и система. С. 10).

³ Например, А. Уемов, И. Сараева, А. Цофнас, указывая на то, что системы могут быть «*расчлененными*, т. е. состоять не менее, чем из двух элементов, либо *нерасчлененными*, состоящими только из одного элемента», отмечают, что «системообразующее отношение в нерасчлененных системах всегда рефлексивно, т. е. является отношением к самому себе» и в качестве примера такой системы приводят Нарцисса – героя древнегреческих мифов, от безответной любви к которому нимфа Эхо высохла так, что от нее остался только голос» (*Уемов А., Сараева И., Цофнас А.* Общая теория систем для гуманитариев : учеб. пособие / под общ. ред. А. И. Уемова. Бм., 2000. С. 70).

В свою очередь сложные системы подразделяются на организуемые (организованные) и самоорганизующиеся (обладают развитой способностью регуляции и саморегуляции; в основе их поведения лежит программа, т. е. четкий алгоритм операций (действий), необходимых для выполнения какой-либо функции). В свою очередь самоорганизующиеся системы подразделяются далее на адаптивные (самоприспосабливающиеся системы – существуют как в мире животных, так и растений), адаптирующиеся (самонастраивающиеся системы – являются исключительной принадлежностью мира животных, в том числе и людей) и целенаправленные (системы, обладающие свойством целенаправленности – направленности поведения на достижение цели; встречаются только в социальном мире людей)¹.

Приведенная картина взглядов на типологию систем не является исчерпывающей, существуют и иные классификации. Вместе с тем в ней отражены основные выделяемые в науке разновидности (типы, классы) систем, которые, полагаем, являются достаточными для системной характеристики гражданского оборота.

Исходя из признаков, присущих отдельным видам систем, систему гражданского оборота, на наш взгляд, можно охарактеризовать как реальную, органическую, естественную, социальную, динамическую, открытую, вероятностную, сложную, самоорганизующуюся, адаптивную, адаптирующуюся, целенаправленную систему. При этом *значимыми с позиций правового регулирования* из перечисленных характеристик рассматриваемой системы представляются следующие: 1) *реальный* характер системы гражданского оборота, предполагающий ее объективное существование в пространстве и времени, что обуславливает саму возможность правового регулирования этой системы; 2) *динамический* характер системы гражданского оборота, предполагающий постоянное развитие данной системы, т. е. количественное и качественное изменение ее состава (видов объектов, субъектов)²,

¹ Как отмечает Ю. М. Резник, человек является одновременно адаптивной, адаптирующейся и целенаправленной системой: как адаптивная система он включен в биосферу посредством поведения, а как целенаправленная система он является субъектом деятельности (Резник Ю. М. Указ. соч. С. 391).

² Например, на современном этапе – появление таких *объектов*, как: криптовалюта, одним из важнейших направлений развития которой в современных условиях, по мнению отдельных авторов, является потенциальная возможность ее использования не только в качестве средства платежа и обмена, но

типов, видов, форм связей между элементами¹, что обуславливает необходимость периодической корректировки соответствующих правовых норм либо такое их юридико-техническое оформление, которое если и не исключит вовсе, то минимизирует постоянное внесение изменений и дополнений в нормативные правовые акты;

3) *открытый* характер системы гражданского оборота, предполага-

и как закрепленное в блокчейне право (обязанность), например, в качестве «акции» или «векселя» (см.: *Белых В. С., Егорова М. А.* Криптовалюта как средство платежа: новые подходы и правовое регулирование // Вестник университета им. О. Е. Кутафина. 2019. № 2 (54). С. 146); так называемое виртуальное имущество – «игровое имущество», виртуальные деньги, доменные имена и проч., объекты *digital art* – компьютерная анимация, электронная музыка, цифровая живопись и т. д. (подробнее об этом см.: *Рожкова М. А.* Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2018. 13 июня. URL: https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovye_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnositsya_virtualnoe_s_cifrovym) или таких новых разновидностей *субъектов*, как: нотариальные палаты (подп. 15 п. 3 ст. 50 ГК РФ, введенный федеральным законом от 07.02.2017 г. № 12-ФЗ); социальные Интернет-сети (см.: *Черемисинова М. Е.* Социальная интернет-сеть в качестве субъекта правоотношений // Право в сфере Интернета : сб. ст. / рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. М. : Статут, 2018. С. 375–386).

¹ Например, появление и развитие электронной коммерции. Заметим, что в отечественной цивилистике внимание на проблему правового регулирования электронной коммерции было обращено еще десятилетие назад. В частности, В. С. Белых отметил, что «в условиях информационной экономики повышается значение глобальных, национальных и региональных информационных сетей. Принято говорить об электронной коммерции, Интернет-бизнесе, об изменениях в информационных технологиях. Россия, отечественное законодательство делают в этом направлении первые, порой робкие шаги» (*Белых В. С.* Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России. § 6 гл. 5). Примечательно, что в контексте именно данного вопроса обратился ученый и к категории «гражданский оборот». Разделяя в вопросе ее понимания позицию О. А. Красавчикова и полагая, что «правовая категория гражданского оборота не совпадает с понятием оборота в экономическом смысле, поскольку складываются различные общественные отношения в сферах гражданского и экономического оборота» и что «понятие экономического оборота тесно связано со сферой обмена, распределения и перераспределения материальных ресурсов», применительно к вопросу об электронной коммерции, В. С. Белых заключает: «Будучи составной частью производственного процесса, электронная коммерция состоит из отдельных действий, в том числе правомерных действий гражданско-правовых обязательств, направленных на передачу имущества, выполнение работ, оказание услуг или уплату денег. Иначе говоря, гражданский оборот – важный (но не единственный) компонент электронной коммерции» (Там же).

ющий ее свободное взаимодействие и обмен с иными подсистемами общества, что обуславливает, с одной стороны, возможность восприятия системой права моделей и правил, естественным образом сложившихся внутри системы гражданского оборота, а с другой – допустимость неограниченного обратного влияния права на оборот, т. е. нормативное установление любых правотворческих «задумок»; 4) *вероятностный* характер системы гражданского оборота, предполагающий нерегулярность поведения данной системы, но в то же время возможность его предсказания с определенной степенью вероятности на основе изучения прошлого системы, что обуславливает необходимость учета «погрешностей» в прогнозах реакции системы оборота на определенное воздействие со стороны права, а также выявления закономерностей развития гражданского оборота; 5) *сложный* характер системы гражданского оборота, предполагающий ее многоуровневую структурную организацию¹, что обуславливает как соответствующее – разноуровневое – правовое воздействие на данную систему, так и необходимость унификации и гармонизации правовых норм, принимаемых на разных уровнях, а также возможность выбора наиболее эффективного с точки зрения задач государства уровня правового регулирования гражданского оборота; 6) *самоорганизующийся* характер системы гражданского оборота, предполагающий ее развитую способность к самоупорядочению, что обуславливает принятие таких правовых норм, которые бы поощряли и стимулировали социально-полезные направления естественного саморазвития системы гражданского оборота и, напротив, ограничивали или блокировали социально-вредные тенденции. Указанные особенности (свойства) системы гражданского оборота наиболее отчетливо проявляются при функционировании данной системы, в связи с чем мы еще вернемся к ним в последующем изложении.

Подводя итоги предпринятого исследования вопроса о цели и функциях системы гражданского оборота, сделаем следующий вывод. Присущее всем системам свойство иерархичности, заключающееся в том, что исследуемая система представляет собой лишь один из компонентов более широкой системы, а также признанная в науке дихотомия систем «природные – социальные» позволяет отнести систему

¹ Так, по пространственному критерию в гражданском обороте можно выделить уровни: 1) общемировой, 2) складывающийся в рамках интеграционных объединений (СНГ, ВТО, ЕС и т. п.), 3) внутригосударственный, 4) региональный, 5) местный.

гражданского оборота к числу *социальных*, признав иерархически вышестоящей по отношению к ней систему общества.

Будучи подсистемой общества, гражданский оборот относится к *экономической сфере*. Разграничение гражданского и экономического оборота осуществляется только в рамках науки гражданского права, исходя из чего имеет исключительно познавательный характер. С онтологических позиций гражданский оборот и экономический оборот представляют собой одно и то же явление – оборот имущественных благ, различные аспекты которого лишь составляют предмет познания разных отраслей науки – правоведения и экономики. Таким образом, выражения и соответствующие им понятия «гражданский оборот», «экономический оборот» и «оборот» следует рассматривать как идентичные.

Система права и система гражданского оборота являются самостоятельными подсистемами общества; они взаимодействуют и способны оказывать взаимное влияние, однако связь между ними *не является детерминистической*. Аналогичным является соотношение системы гражданского оборота и с системой этических и нравственных норм, так же как и система права, составляющей самостоятельную подсистему общества и выступающей по отношению к системе гражданского оборота элементом ее внешней среды.

Как системе гражданскому обороту присущи два вида целей: внешняя – цель существования (предназначенность) системы и внутренняя, обусловленная созданием условий для достижения внешней цели, – *самосохранение*. Предназначенностью системы гражданского оборота является *опосредование удовлетворения потребностей отдельных членов социума*. Гражданский оборот опосредует удовлетворение не только имущественных потребностей.

Сообразно указанным целям, система гражданского оборота выполняет следующие функции: *функцию смены обладателя (обладателей) блага* – объекта, имеющего потребительную стоимость; *функцию самоорганизации* (самоупорядочения) – выработку самой системой гражданского оборота правил или моделей действия оборота, включая модели поведения его субъектов; *функцию саморегуляции*, которая не ограничивается санкционированной и контролируемой государством деятельностью саморегулируемых организаций (скорее, связанной с функцией самоупорядочения) и является защитным механизмом, спонтанно приводимым в действие системой гражданского оборота для обеспечения своего функционирования в ответ на нерезонансное воздействие внешней среды.

По своей видовой характеристике, значимой с позиций правового регулирования, гражданский оборот является реальной, динамической, открытой, вероятностной, сложной, самоорганизующейся системой.

Изложенное позволяет предложить следующую дефиницию: гражданский оборот – это система социальных связей, призванная опосредовать удовлетворение индивидуальных потребностей субъектов – участников данной системы путем смены обладателей благ, имеющих потребительную стоимость. Данное определение является «базовым» и при желании может быть расширено указанием на дополнительные признаки (видовые характеристики системы гражданского оборота, ее элементы и структуру), которые, однако, на понимание сущности явления, отображаемого в понятии «гражданский оборот», не влияют.

§ 2. Общая характеристика состава и структуры системы гражданского оборота

Рассмотрение вопроса о составе и структуре гражданского оборота с системологических позиций, которому посвящен данный параграф, предварим характеристикой сложившейся познавательной ситуации в этой предметной области.

С точки зрения превалирующего формального подхода к пониманию гражданского оборота вопрос о его составе на настоящий момент в отечественной науке гражданского права сводится к многолетней полемике, образует ли его некая совокупность (либо юридических фактов, либо гражданско-правовых отношений, либо фактических отношений, либо всего вышеперечисленного, либо иных явлений) или он представляет собой процесс перехода (либо субъективных прав и обязанностей, либо объектов гражданских прав, либо и объектов гражданских прав, и прав на них).

Что касается вопроса о структуре гражданского оборота (заметим, затрагиваемого учеными в контексте попыток системологического анализа последнего), то степень его теоретической разработки емко отражает справедливое замечание А. Г. Кузнецовой о том, что «отдавая себе отчет в различии понятий “состав” и “структура”, большинство исследователей, характеризуя структуру системы, на самом деле больше внимания уделяли ее составу, чем характеру свя-

зей между компонентами»¹. Так, например, М. А. Астахова, указывая на необходимость системного анализа гражданского оборота, делает вывод, что «в *структурном* (здесь и далее курсив наш. – Ю. В.) плане оборот может рассматриваться как системное явление, к внешним составным *элементам* которого относятся его объекты и субъекты, а к внутренним – содержание»². Аналогичным образом В. А. Петрушкин, обращаясь к вопросу о структуре гражданского оборота при рассмотрении системы оборота недвижимости, включает в нее: 1) участников, 2) объекты и 3) собственные условия гражданского оборота³. Исходя из отмеченного выше общепризнанного в системном подходе понимания структуры как связи между элементами системы, а состава – как набора таких элементов⁴, следует заключить, что четкого разграничения между категориями «состав гражданского оборота» и «структура гражданского оборота» в литературе не проводится. Следовательно, несмотря на использование цивилистами терминологии системного подхода, вопрос о структуре гражданского оборота нельзя признать разрешенным.

Между тем, по авторитетному замечанию М. С. Кагана, «без выявления структуры любой из систем самое детальное описание ее элементного состава не принесет нам знания ни природы данной системы, ни закономерности ее поведения, ни ее движения и развития»⁵. Применительно к нашему исследованию это означает, что только выявив структуру системы оборота, можно реально прогнозировать, а не просто предполагать и «угадывать» варианты развития этой системы и определять адекватные направления воздействия на нее позитивного права. В то же время структура любой системы не может быть выявлена без определения набора составляющих ее элементов, который в свою очередь детерминирован решением основополагающего при системном подходе вопроса – о цели системы.

¹ Кузнецова А. Г. Развитие системного подхода в отечественной педагогике конца 60-х–80-х годов XX века : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01. Хабаровск, 2000. С. 264–265.

² Астахова М. А. Оборот в гражданском праве: понятие, структура, разновидности. С. 2.

³ Петрушкин В. А. Системный анализ гражданско-правовой модели оборота недвижимости: проблемы теории и практики. С. 26.

⁴ Сагатовский В. Н. Опыт построения категориального аппарата системного подхода ; *Его же*. Системная деятельность и ее философское осмысление. С. 64–67 ; Каган М. С. Система и структура. С. 89.

⁵ Каган М. С. Система и структура. С. 104.

Общая характеристика состава системы гражданского оборота. Исходя из выявленных целей и функций системы гражданского оборота, ее состав, т. е. набор элементов, достаточный и необходимый для функционирования этой системы¹ образуют две группы элементов – субъекты и объекты гражданского оборота.

Субъекты включаются в рассматриваемую систему, так как для удовлетворения *их* потребностей в обществе возник и существует гражданский оборот. Участников гражданского оборота может быть бесконечное множество. Необходимым и достаточным для достижения гражданским оборотом целей его существования при этом является наличие, как минимум, двух субъектов. Поскольку это значимо с позиций вопроса о структуре системы гражданского оборота, определяя элементный состав данной системы, целесообразно в качестве самостоятельных элементов указывать: «субъект № 1» (S_1) и «субъект № 2» (S_2) или лучше «субъект № N» (S_n , где $N, n > 1$), допуская тем самым бесконечное количественное наращивание компонентов данной группы элементов.

Включение в состав системы гражданского оборота объектов необходимо потому, что *за счет них* и удовлетворяются потребности субъектов, в связи с чем невключение их в состав системы гражданского оборота сделает невозможным выполнение данной системой ее функций. Для функционирования гражданского оборота достаточно и необходимо наличие хотя бы одного оборотоспособного объекта, однако так же как и субъектов, компонентов данной группы может быть бесконечное множество.

Таким образом, минимальный набор элементов системы гражданского оборота образуют следующие три составляющие: «субъект № 1» (S_1), «субъект № N» (S_n), «объект» (O).

Наличие иных, кроме указанных элементов в составе системы гражданского оборота для выполнения системой ее функций (целей) не является необходимым в силу свойств, присущих этим элементам.

Приступая к их рассмотрению, заметим, что в качестве субъектов системы гражданского оборота могут выступать как отдельные физические лица, так и их объединения (группы): юридические лица, публично-правовые образования (РФ, субъекты РФ, муниципальные образования), участники гражданско-правовых сообществ (в смысле п. 2 ст. 181.1 ГК РФ). Однако забегаая вперед, отметим, что с позиций

¹ Каган М. С. Системный подход и гуманитарное знание. С. 37 ; Протасов В. Н. Указ. соч. С. 27–28.

структуры системы подобная множественность субъектов является безразличной¹: в обороте указанные коллективные образования выступают как один субъект, причем элементом собственно внутрисистемной связи, образующей гражданский оборот, выступает конкретное физическое лицо, «олицетворяющее» данное коллективное образование. Исходя из этого, характеристика субъектов гражданского оборота сводится к вопросу о свойствах физических лиц.

Общепризнанным в различных отраслях современной науки, изучающих человека (таких «человековедческих науках»², как философия, социология, психология, педагогика и др.), является положение о том, что человеческая личность может рассматривать как структурная целостность биогенных, психогенных и социогенных составляющих, на основании чего выделяют биологическую, психологическую и социальную структуру личности³.

Принимая во внимание, что психологические качества личности могут быть как биологически, так и социально обусловленными, полагаем необходимым деление свойств субъектов как элементов систе-

¹ Безразлична она и с позиций системного подхода в целом, поскольку в ОТС широко признано, что «элемент выступает как своеобразный предел возможного членения объекта», в связи с чем «собственное его строение (или состав) обычно не принимается во внимание при характеристике системы: составляющие элемента уже не рассматриваются как компоненты данной системы» (Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Системный подход в современной науке // Проблемы методологии системного исследования. М.: Мысль, 1974. С. 40). Элемент «означает части системы, которые далее в исследовании не разлагаются», «элементарность» элемента состоит в том, что он есть предел членения данной системы, поскольку его внутреннее строение в данной системе игнорируется и он выступает в ней как *простое*» (Малиновский А. А. Основные понятия и определения теории систем (в связи с применением теории систем к биологии. С. 82, 27). «Элемент – внутренняя исходная единица, функциональная часть системы, собственное строение которой не рассматривается, а учитываются лишь ее свойства, необходимые для построения и функционирования системы» (Протасов В. Н. Указ. соч. С. 27).

² Выражение М. С. Кагана (Каган М. С. Человеческая деятельность (Опыт системного анализа). М.: Политиздат, 1974. С. 316).

³ Социология. Основы общей теории. С. 173; Лысак И. В. Философско-антропологический анализ деструктивной деятельности современного человека: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13. Ростов н/Д, 2007. С. 18; Селевко Г. К. Энциклопедия образовательных технологий: в 2 т. Т. 2. М.: НИИ школьных технологий, 2006. С. 7.

мы гражданского оборота только на две группы¹: 1) антропологические (биологические, природные) – свойства, принадлежащие субъектам от рождения; 2) социальные – свойства, приобретенные субъектами вследствие жизни в обществе и характеризующие их как членов социума. Значение подобной градации усматривается в том, что она позволяет определить возможные *направления правового воздействия на субъекты гражданского оборота*: представляется, что *такому воздействию объективно подвержены исключительно социальные, но не антропологические свойства субъектов*.

В числе *антропологических свойств субъектов гражданского оборота* следует выделять:

– потребности, понимаемые как свойство субъекта, в котором выражается его отношение к необходимым условиям существования², *«свойство всего живого, выражающее первоначальную, исходную форму его активного, избирательного отношения к условиям внешней среды»*³. При этом речь идет, прежде всего, о так называемых первичных потребностях (именуемых также «низшими», «биогенными», «естественными», «потребностями первой группы»)⁴, удовлетворение которых важно для функционирования человеческого организма, его сохранения (это потребности в продуктах питания, одежде, жилище и т. п.);

– разумность как познавательная способность физических лиц, непосредственно участвующих в гражданском обороте, адекватно воспринимать окружающую действительность, понимать связь вещей

¹ Это вытекает из такого необходимого логического требования, предъявляемого к делению понятий, согласно которому члены деления должны быть несовместимыми друг с другом понятиями, в противном случае объемы членов деления будут иметь общие элементы – станут совместимыми понятиями (Корнакова С. В. Логика для юристов. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2015. С. 23).

² Кузнецов В. Философия : учебник. М. : Инфра-М, 2004. С. 308.

³ Здравомыслов А. Г. Указ. соч. С. 13–14.

⁴ В числе которых ученые выделяют, в частности: физиологические потребности и потребность в безопасности (А. Маслоу), потребность в самосохранении и, отдельно, – потребность в сохранении вида (К. Обуховский), потребность в самосохранении и безопасности (С. Б. Каверин) (общий обзор имеющихся подходов см., например: Каверин С. Б. О психологической классификации потребностей [Электронный ресурс]. URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1987/875/875121.htm>).

и явлений и действовать целесообразно этой связи¹. По существу, данная способность выражает потенциальную способность субъекта к волевому действию (потенциальную деятельность активность, потенциальную волевою деятельность). Указанное свойство прямо и неразрывно связано с предыдущим, исходя из того, что без деятельности человека² (в социологии и философии соотносимой с его активностью³) невозможно удовлетворение его потребностей, а именно волевая, суть, сознательная деятельность выделяет человека из всех представителей живой природы.

Однако разумность как познавательная способность является лишь потенциальной деятельностью субъектов. Для фактического удовлетворения потребностей субъекта это свойство должно реализоваться⁴. Реализуясь, оно трансформируется в актуальную (реальную) волевою деятельность, которая и влечет возникновение внутрисистемной связи между элементами системы гражданского оборота. Подобное понимание исключает необходимость выделения в составе системы гражданского оборота отдельного (самостоятельного) «связепоорождающего» элемента, который с позиций традиционных правовых представлений соотносился бы с категорией юридических фактов, выступающих основаниями возникновения, изменения и прекращения правоотношения как юридической связи субъектов⁵. В част-

¹ Тезис о возможности подобного понимания категории «разумность» был обоснован нами ранее (*Виниченко Ю. В.* Разумность в гражданском праве Российской Федерации. С. 18).

² Воспринимаемой как способ существования человека (*Каган М. С.* Человеческая деятельность (Опыт системного анализа). С. 5).

³ Там же. С. 39 ; Социология. Основы общей теории. С. 169.

⁴ Разумность может проявляться только в действии, и только будучи выраженной вовне, она может быть оценена: «Мы отличаем помешанного от вполне разумного и обоих от ребенка; мы оцениваем меру и вид их разума по действиям», — отмечал немецкий философ, психолог, один из основателей научной педагогики И. Ф. Гербарт (*Гербарт И. Ф.* Введение в философию // Антология мировой философии : в 4 т. Т. 3. М. : Мысль, 1971. С. 622–628).

⁵ В отечественной цивилистике юридический(ие) факт(ы) определяют как «факты реальной действительности, с которыми нормы права связывают наступление юридических последствий» (*Красавчиков О. А.* Юридические факты в советском гражданском праве // Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права. Избранные труды : в 2 т. Т. 2. М. : Статут, 2005. С. 101), «реальное жизненное обстоятельство, с правовой моделью которого гражданское право связывает определенные юридические последствия и фактическое наступление которого влечет такие последствия в сфере гражданских правоот-

ности, действия при системном подходе к пониманию гражданского оборота являются ничем иным как функционированием субъектов как элементов данной системы, заключающемся в проявлении ими рассматриваемого свойства разумности (потенциальной волевой деятельностью). Факты-события, бесспорно, оказывают влияние на систему гражданского оборота, внося в него флуктуации (моменты случайности), свойственные всем социальным системам, однако они находятся за познавательными (мыслимыми) границами системы гражданского оборота, относятся к ее внешней среде, вследствие чего в состав рассматриваемой системы не входят.

В числе *социальных свойств субъектов* как элементов системы гражданского оборота полагаем необходимым выделять:

– социальное сознание, т. е. осознание индивидом себя частью взаимосвязанной общности людей¹. Социологами данная категория используется для фиксирования эмпирических форм реального сознания людей. При этом отмечается, что, с одной стороны, социальное сознание порождается и ограничивается специфическими свойствами социального, сущность которого понимается как «результат взаимодействия людей, оказывающий влияние на поведение других людей», а с другой стороны, «состоит из тех представлений, установок, ценностей и т. д., которые являются... интерсубъективными относительно различных социальных субъектов и групп»². Иными словами, в социальном сознании отражаются ценностные установки общества, которые трансформируются в персональные ценностные качества субъектов, т. е. сформированные у них под влиянием социума этические, морально-нравственные и иные личностные свойства (в частности, справедливость, добросовестность). Уровень социального сознания у разных субъектов, равно как и у одного субъекта в разные периоды его жизни различен (при этом переход на новый уровень сопровождается

ношений» (Рожкова М. А. Юридические факты гражданского и процессуального права: оглашения о защите прав и процессуальные соглашения. М. : Статут, 2009. С. 14).

¹ Развитие социального сознания / Шлитц М., Витен К., Миллер Э. М. «Трансформация мировоззрения и развитие социального сознания» ; пер. Е. Хрипун [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vsepsihologi.ru/articles/art-special/247-socialcon.html>.

² Константинов С. А. Устойчивость как атрибут социального сознания (на материалах исследования студенчества) : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.06. Саратов, 1994. С. 9.

трансформационными сдвигами мировоззрения¹). Так или иначе, на настоящем этапе общественного развития социальное сознание присуще всем членам общества;

– индивидуализирующие признаки (в частности, имя, место жительства). Имя физического лица – личное название человека, даваемое ему при рождении и подлежащее государственной регистрации в органах записи актов гражданского состояния² – включает в себя фамилию, собственно имя, а также отчество, если иное не вытекает из закона или национального обычая (ст. 19 ГК РФ). Имя (наименование) юридического лица, признаваемое одним из его конститутивных признаков³ и так же подлежащее государственной регистрации⁴, помимо

¹ Развитие социального сознания / Шлитц М., Витен К., Миллер Э. М. Трансформация мировоззрения и развитие социального сознания.

² См. ст. 3 «Акты гражданского состояния», ст. 18 «Запись фамилии, имени и отчества ребенка при государственной регистрации рождения», ст. 22 «Содержание записи акта о рождении», ст. 23 «Свидетельство о рождении», ст. 29 «Содержание записи акта о заключении брака», ст. 37 «Содержание записи акта о расторжении брака», ст. 42 «Содержание записи акта об усыновлении», ст. 55 «Содержание записи акта об установлении отцовства» и др., гл. VII «Государственная регистрация перемены имени» федерального закона РФ от 15.11.1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» (Собр. законодательства РФ. 1997. № 47. Ст. 5340).

³ Ныне это явствует из легального определения понятия юридического лица (ст. 48 ГК РФ), в котором наряду с указанием на иные признаки прямо сказано, что юридическим лицом признается организация, которая может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности. В свое время вопрос о важности такого признака (критерия) юридического лица, как его участие в гражданском обороте от своего имени, был предметом научной дискуссии. В частности, А. В. Венедиктов, возражая С. Н. Братусю, полагавшему ключевым признаком юридического лица его имущественную обособленность, писал: *«Самостоятельное участие в гражданском обороте, выступление в нем в качестве самостоятельного (особого) носителя гражданских прав и обязанностей – следовательно, от своего имени – вот тот решающий критерий, который установлен советским законодательством в совершенно определенной и общей для всех без исключения юридических лиц форме и который вместе с тем образует самое содержание их гражданской правоспособности»*, «этот критерий как бы подводит конечный итог отдельным элементам организационной и имущественной обособленности коллектива, обладающего юридической личностью» (Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1948. С. 705, 708–709).

⁴ См. ст. 51 ГК РФ, ст. 5 «Содержание государственных реестров» федерального закона РФ от 08.08.2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации

собственно наименования содержит указание на организационно-правовую форму, а в случаях, когда законом предусмотрена возможность создания вида юридического лица, указание только на такой вид; наименование некоммерческой организации и в предусмотренных законом случаях наименование коммерческой организации должны содержать указание на характер деятельности юридического лица (п. 1 ст. 54 ГК РФ). Местом жительства физического лица признается место, где гражданин постоянно или преимущественно проживает (ст. 20 ГК РФ). Место нахождения юридического лица определяется местом его государственной регистрации на территории РФ, которая осуществляется по месту нахождения его постоянно действующего исполнительного органа, а в случае отсутствия постоянно действующего исполнительного органа – иного органа или лица, уполномоченных выступать от имени юридического лица в силу закона, иного правового акта или учредительного документа, если иное не установлено законом о государственной регистрации юридических лиц; в едином государственном реестре юридических лиц должен быть указан адрес юридического лица в пределах места его нахождения (пп. 2, 3 ст. 54 ГК РФ).

К средствам индивидуализации участников гражданского оборота в настоящее время следует относить не только имя и фамилию физического лица, фирменное наименование организации, их место нахождения (жительства). Установить, «опознать» конкретного субъекта позволяют и иные уникальные идентификаторы. М. А. Рожкова приводит в их числе: номер паспорта (документа, его заменяющего); идентификационный номер налогоплательщика (ИНН) – уникальный цифровой код, который позволяет учитывать налогоплательщиков; номер социального страхования – уникальный персональный номер, который используется в системе обеспечения поддержки престарелых и нетрудоспособных граждан, отмечая, что «приведенный список, бесспорно, не является закрытым и может быть продолжен»¹. Указанные

юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (Собр. законодательства РФ. 2001. № 33 (ч. 1). Ст. 3431).

¹ Рожкова М. А. Идентификаторы [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2017. 18 янв. URL: <https://zakon.ru/blog/2017/01/18/identifikatory>. К идентификаторам субъектов можно добавить ORCID (Open Researcher and Contributor ID) – реестр уникальных идентификаторов ученых и способ связи исследовательской деятельности с этими идентификаторами, ResearcherID – персональный идентификатор ученого, связанный с системой Web of Science.

идентификаторы выделяют субъектов в реальности, являются «реальными», наряду с которыми М. А. Рожкова выделяет виртуальные идентификаторы, имеющие целью решение технических задач и использующиеся в системах обработки информации: e-mail (сокращение от англ. *electronic mail*) – уникальный электронный адрес, предназначенный для пользователей независимой службы отправки электронной почты; ник (от англ. *nickname* – первоначально «кличка, прозвище», от среднеанглийского “*an eke name*” – «другое имя», перешедшее в одинаково звучащее “*a nick name*”) – псевдоним (сетевое имя), употребляемый пользователем в блогах, форумах, чатах в сети Интернет и др.¹

Основными свойствами объекта гражданского оборота как еще одного необходимого элемента состава системы гражданского оборота являются:

– потребительная стоимость, т. е. совокупность полезных свойств объекта, благодаря которым он обладает способностью удовлетворять какую-либо потребность общества или отдельного субъекта. При этом в экономике признано, что стоимость удовлетворяет потребности не того, кто создает объект (товар), а потребности других людей, вследствие чего является общественной потребительной стоимостью, которая «интересует производителя лишь в своей взаимосвязи со способностью данного товара обмениваться на другие его виды. Это особое качество товара, в свою очередь, получило название меновой стоимости, являющейся формой стоимости, ее внешним проявлением в акте обмена»²;

– оборотоспособность, которую, как уже было отмечено, следует понимать как *естественное* свойство объекта (блага) быть элементом гражданского оборота и, таким образом, в зависимости от наличия либо отсутствия у определенного объекта данного свойства классифицировать объекты гражданских прав не на свободные в обороте, ограниченные в обороте и изъятые из оборота (как это принято в отечественной цивилистике), а на оборотоспособные и необоротоспособные объекты. Очевидно, что в качестве элементов системы гражданского оборота могут выступать только оборотоспособные объекты.

Именно коррелирующий, взаимопредполагающий характер элементов системы гражданского оборота и их свойств – наличие потребностей у субъектов и потребительной стоимости у объектов – генетически обуславливает их объединение, взаимодействие, которое,

¹ Рожкова М. А. Идентификаторы.

² Большая экономическая энциклопедия. С. 671.

выступая в качестве системообразующего фактора, и формирует в итоге систему гражданского оборота.

Характеризуя взаимодействие элементов системы гражданского оборота, подчеркнем, что оно порождает возникновение у данной системы новых свойств и качеств, не присущих ее отдельным элементам или их сумме, т. е. уже упоминавшуюся эмерджентность (интегративность).

Помимо способности гражданского оборота приводить к удовлетворению потребностей субъектов за счет «чужого» блага (результатирующей выполнение им одной из своих базовых функций), *интегративным свойством системы гражданского оборота* является ее способность преобразовывать (трансформировать) деятельностную активность субъектов как их природное свойство в потребительную стоимость как свойство объектов. Иными словами, система гражданского оборота способна *преобразовывать свойство одного своего элемента (субъекта) в свойство другого неоднородного с ним элемента своего состава (объекта)*.

В рассматриваемой системе данное интегративное свойство проявляется в форме оказания услуг. Так, сбалансированность индивидуальных интересов отдельных субъектов в имущественной сфере предполагает, хотя и не делает обязательным, встречное предоставление. В случае отсутствия у субъекта «своего» материального блага получить желаемое и необходимое для удовлетворения его потребностей он может, действуя по формуле «делаю, чтобы ты дал» (могут быть и обоюдные «благо-творительные» действия типа «делаю, чтобы ты сделал»). В подобных ситуациях потенциальная деятельностная активность как природное свойство субъектов, актуализируясь, не просто порождает системную связь и проявляется вовне в виде факта реальной действительности (действия), но как бы отделяется от самого субъекта и трансформируется в качественно иной элемент системы – объект гражданского оборота, а точнее в такое присущее последнему свойство, как потребительная стоимость. Отмеченные интегративные свойства системы гражданского оборота обуславливают, делая возможной, реализацию ею функции самосохранения (т. е. гражданский оборот будет существовать и в отсутствие материальных объектов или в условиях их крайнего дефицита: их недостаток будет компенсировать деятельностная активность субъектов).

Общая характеристика структуры системы гражданского оборота. Как было отмечено, структура системы представляет собой

связи (отношения) между ее элементами. Исходя из состава системы гражданского оборота и учитывая ее бытийственную социальную природу, следует признать, что ее структуру образуют фактические (реальные, жизненные) отношения, связывающие воедино такие элементы данной системы, как «субъекты» и «объекты». При этом в теории системного подхода является признанным, что каждый элемент системы непосредственно или опосредованно связан с каждым иным элементом¹. Таким образом, кроме прочего, признается наличие не только прямых, но и косвенных связей между элементами системы.

Очевидно, что некое благо должно быть связано с его обладателем непосредственно, равно как и то, что другой субъект может получить доступ к этому («чужому») благу и удовлетворить за счет него свою потребность только через отношение с его обладателем, которое в свою очередь возможно только при обоюдной реальной (а не потенциальной) активности субъектов².

¹ Так, например, Р. Акофф и Ф. Эмери определяют систему как «множество взаимосвязанных элементов, каждый из которых связан прямо или косвенно с каждым другим элементом, а два любые подмножества этого множества не могут быть независимыми» (*Акофф Р., Эмери Ф. О целеустремленных системах*. М.: Советское радио, 1974. С. 27). На то, что «все подсистемы (компоненты) и входящие в них элементы связаны по меньшей мере с одним другим элементом или подсистемой», указывал А. И. Ракитов (*Ракитов А. И. Указ. соч. С. 69*).

² Исключение составляет наследование по закону, при котором непосредственно проявляется деятельностная активность только благоприобретателя – наследника (наследников), принимающего наследство; проявление деятельностной активности наследодателя, не оставившего завещания или распорядившегося на случай своей смерти только частью своего имущества, скорее, является косвенным волеизъявлением. Вместе с тем количество случаев безвозмездного получения субъектами имущественных благ по указанному основанию столь значительно, что не может игнорироваться и, на наш взгляд, также подлежит включению в систему связей, образующих структуру гражданского оборота. Так, в 2018 г. доля свидетельств о праве на наследство по закону составила 82,08 % от общего количества свидетельств о праве на наследство, выданных российскими нотариусами; с учетом свидетельств о праве на наследство, выданных на выморочное имущество, этот показатель еще выше – 82,33 %, что более чем в 4,5 раза превышает количество случаев наследования по завещанию: согласно отчету Минюста России за 2018 г. всего было выдано свидетельств о праве на наследство 3 306 914, из них по закону – 2 712 661, по завещанию – 584 258, на выморочное имущество – 9 995 (URL: <https://minjust.ru/ru/about/statistics>, Сведения о нотариате в РФ). По удачному выражению В. Д. Перевалова, «можно сомневаться в статистике, но тенденция просматривается» (см.: *Перевалов В. Д. Проблемы формирования социально-правового государства в России // Право и государ-*

Для наглядности восприятия данного положения схематически представим базовый блок структуры системы гражданского оборота:

$$O \rightarrow S_1 \leftrightarrow S_n \text{ (схема 1),}$$

где S_1, S_n – «субъекты-участники гражданского оборота», O – «объект гражданского оборота», « \rightarrow » – связь-принадлежность, « \leftrightarrow » – взаимная связь элементов.

Из приведенной схемы следует, что связь-принадлежность («объект – субъект № 1») и связь субъектов имеют непосредственный (прямой) характер (прямую встречную по направленности связь можно назвать взаимной), в то время как связь «объект – субъект № N» является опосредованной (косвенной), поскольку представляет собой цепочку отношений ($O \rightarrow S_1$ и $S_1 \leftrightarrow S_n$), лишь одним звеном которой является связь субъектов (схематически косвенную связь можно обозначить следующим образом: « $\rightarrow \rightarrow$ », а применительно к указанной схеме: $O \rightarrow \rightarrow S_n$). Необходимо обратить внимание на то, что взаимная связь элементов, в частности, субъектов ($S_1 \leftrightarrow S_n$) указывает именно на наличие между ними *отношения*, а не на встречное предоставление благ (см. *схему 2*). В свою очередь эту связь могут образовывать не только возмездные, но и безвозмездные отношения субъектов (например, дарение), а также их односторонние действия (например, завещание и принятие наследства, являющиеся элементами одного фактического состава, необходимого для приобретения права собственности), влекущие смену обладателя блага (объекта)¹.

ство. 2016. № 2 (71). С. 17), а именно по рассматриваемому вопросу не наблюдается тенденция постепенного увеличения фактов перехода имущества по наследству на основании закона: в 2018 г. доля свидетельств о праве на наследство по закону от общего количества свидетельств о праве на наследство, как было указано, составила 82,08 %; в 2017 г. этот показатель равнялся 81,74 %, в 2016 г. – 81,43 %, в 2015 г. – 81,27 %, в 2014 г. – 79,10 %, т. е. рост за последние 5 лет составил почти 3 % (Доступ к статистическим данным, на основании которых произведены соответствующие расчеты: Там же).

¹ То, что «понятие о гражданском обороте... включает в свое содержание действия безмездные, как дарение, завещание», отмечал Г. Ф. Шершеневич (*Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. С. 36*). Признавал это и С. А. Муромцев, указывая: «Торговый оборот состоит из актов мены имущественных благ, и потому не вмещает в себя действий безвозмездных (дарение, завещание), также действий, которые выражают обмен неимущественных благ, и, наконец, действий односторонних. Напротив, все названные действия, производя каждое различные гражданско-юридические последствия, входят в гражданский оборот наряду с актами мены» (*Муромцев С. А. Указ. соч. С. 67*).

Если имеет место встречное предоставление благ, т. е. обмен, то приведенную схему следует дополнить еще одним компонентом группы элементов «объекты» (принимая во внимание, что их может быть бесконечное множество, обозначив его O_n) и для отграничения от этого дополнительно вводимого компонента присвоить базовому элементу «объект» (O) индекс «1» (O_1):

$$O_1 \rightarrow S_1 \leftrightarrow S_n \leftarrow O_n \text{ (схема 2),}$$

где S_1 и S_n также отображают субъектов, O_1 и O_n – объекты гражданского оборота, « \leftrightarrow » – взаимную связь элементов, а « \rightarrow » и « \leftarrow » – связь-принадлежность.

Типы дополнительно возникающих при этом отношений в основном будут идентичными отмеченным: аналогично отношению $O \rightarrow S_1$, связь $S_n \leftarrow O_n$ (или $O_n \rightarrow S_n$) будет являться прямой, а связь $S_1 \leftarrow O_n$ (или $O_n \rightarrow S_1$), подобно $O \rightarrow S_n$ ($O_1 \rightarrow S_n$), – опосредованной (косвенной). Возникающая связь элементов O_1 и O_n (объектов), так же как и отношение субъектов ($S_1 \leftrightarrow S_n$), по своей направленности будет встречной (это согласуется и с устоявшейся в правоведении терминологией – «встречное предоставление»), отличаясь косвенным характером, что не позволяет назвать ее взаимной. Косвенный характер связи объектов как элементов системы оборота, кроме прочего, указывает на то, что их потребительная стоимость может разниться и не быть абсолютно эквивалентной.

Помимо этого, опираясь на приведенные схемы структуры системы гражданского оборота, можно сделать два крайне важных вывода. Во-первых, косвенная связь-принадлежность «объект – субъект № N» («объект № 1 – субъект № N»), «объект № N – субъект № 1» ($O \rightarrow S_n$, $O_1 \rightarrow S_n$, $O_n \rightarrow S_1$), по сути, выражающая удовлетворение потребности определенного субъекта за счет «чужого» объекта, может возникнуть лишь в случае наличия связи «объект – субъект № 1» («объект № 1 – субъект № 1»), «объект № N – субъект № N» ($O \rightarrow S_1$, $O_1 \rightarrow S_1$, $S_n \leftarrow O_n$); в ее отсутствие (если нет одного из связываемых элементов) связь «объект – субъект № N» («объект № 1 – субъект № N»), «объект № N – субъект № 1» не возникнет.

На этом основании, а также учитывая общесистемологический постулат, согласно которому структура системы должна выражать *всю полноту связей* между компонентами последней, а не *ту или иную часть* этих связей, хотя бы и весьма существенных, поскольку именно полнота связей между компонентами определенной системы обеспе-

чивает само существование, а значит, и функционирование этой системы¹, следует признать необходимым включение в структуру системы гражданского оборота не только отношений по переходу благ (в приведенных схемах соответствующих отрезку $S_1 \leftrightarrow S_n$), но и отношений «статики», отражающих принадлежность имущества ($O \rightarrow S_1$, $O_1 \rightarrow S_1$, $S_n \leftarrow O_n$). Без включения последних в структуру системы гражданского оборота она будет неполной и связь, выражающая удовлетворение потребности определенного субъекта за счет «чужого» объекта ($O \rightarrow \rightarrow S_n$, $O_1 \rightarrow \rightarrow S_n$, $S_1 \leftarrow \leftarrow O_n$) не возникнет, ввиду чего невозможным окажется функционирование данной системы, а значит, – будет поставлен под вопрос сам факт ее существования.

Данный вывод весьма важен с позиций сложившегося в отечественной цивилистике понимания гражданского оборота: превалирующей, как уже неоднократно отмечалось, является трактовка его как исключительно «динамических» отношений, т. е. таких, которые связаны с переходом благ и (или) прав на них; так называемые отношения «статики» (принадлежности объектов), если и упоминаются при освещении вопроса о гражданском (имущественном) обороте, то либо включаются только в понятие гражданского оборота «в широком смысле», либо рассматриваются в качестве предпосылки и результата имущественного оборота². Системный же подход позволяет научно обосновать, что *отношения принадлежности являются неотъемлемой частью структуры* системы гражданского оборота, т. е. самого гражданского оборота как реально существующего явления, и что без «привязки» определенного (конкретного) объекта к отдельному (конкретному) субъекту, суть, отношений «статики», гражданский оборот невозможен.

¹ Казан М. С. Система и структура. С. 90, 93.

² Российское гражданское право : учебник. Т. 1 / отв. ред. Е. А. Суханов. М., 2011. С. 67. Скорее исключением является в данном отношении высказывание В. А. Петрушкина, который, рассматривая термин «оборот» отмечает, что он «отражает, главным образом, динамику имущественных отношений. Вместе с тем, в известном смысле он указывает и на статику таких отношений. Так, в целях обеспечения стабильности анализируемого оборота практически всегда учитывается фактор принадлежности того или иного имущества конкретному лицу, то есть факт законности владения (титульное владение). По существу, данный факт как раз подтверждает наличие “статической” составляющей в содержании категории “гражданский оборот”» (Петрушкин В. А. Системный анализ гражданско-правовой модели оборота недвижимости: проблемы теории и практики. С. 23).

С точки зрения права данный вывод подтверждается наличием института выморочного имущества, а также действующей презумпцией публичной собственности на отдельные социально значимые виды бесхозяйного имущества.

О так называемых бесхозяйных вещах следует оговориться особо¹. Их легальная дефиниция содержится в норме п. 1 ст. 225 ГК РФ: «бесхозяйной является вещь, которая не имеет собственника или собственник которой неизвестен либо, если иное не предусмотрено законами, от права собственности на которую собственник отказался». Данное определение позволяет сделать ряд выводов:

– во-первых, о законодательном признании наличия трех групп (видов) бесхозяйных вещей: 1) вещей, которые не имеют собственника, 2) вещей, собственник которых неизвестен и 3) вещей, от права собственности на которые собственник отказался;

– во-вторых, о том, что под «хозяином» вещи отечественный законодатель имеет в виду только *собственника* вещи.

Однако основываясь на иных установлениях действующего российского законодательства, необходимо признать, что «бесхозяйных» вещей в смысле ст. 225 ГК РФ (связывающей бесхозяйность вещи исключительно с вопросом о праве собственности на нее) не существует², поскольку с материально-правовых позиций *de jure* они имеют собственников, хотя последние и не всегда достоверно известны (что, впрочем, является вопросом иного – процессуального – порядка).

Вещей, которые не имеют собственника (первая из выделенных групп), на современном этапе развития общества не существует, поскольку вещь, появившаяся в результате деятельности человека, поступает либо в собственность создавшего ее лица, либо в собственность лица, являющегося собственником материала, из которого эта вещь изготовлена, и до тех пор, пока данная вещь будет физически

¹ Подробному анализу данного вопроса посвящена работа: *Виниченко Ю. В.* Бесхозяйность вещей: *de jure* vs. *de facto* // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Вып. 40. С. 225–239.

² Тезис об отсутствии в гражданском праве бесхозяйных вещей в целом не нов и уже обосновывался в юридической литературе, в том числе дореволюционной. Так, Д. И. Мейер, критически оценивая классификацию способов приобретения права собственности на «первообразные» (первоначальные) и «производные», отмечал, что «в нашем юридическом быту нет вещей, никому не принадлежащих, а если они и существуют в мире, то совершенно чужды юридическим определениям, как, например, планеты» (*Мейер Д. И.* Русское гражданское право. М. : Статут, 2000. С. 382).

существовать, будет сохраняться и право собственности на нее; со временем будут лишь меняться обладатели этого права. Отсюда следует, что если и существуют вещи, не имеющие собственника, то ими могут быть лишь такие обладающие потребительной стоимостью объекты материального мира, которые созданы природой. К ним можно отнести землю, воду, растения, животных и т. д. Но и они, как показывает анализ современного российского законодательства, не могут быть бесхозными. Являющиеся природными ресурсами земля, добытые из недр полезные ископаемые, вода, лес, при отсутствии права частной или муниципальной собственности на них, принадлежат государству¹. Аналогичное правило установлено в отношении животных: дикие животные, находящиеся в состоянии естественной свободы, являются государственной собственностью²; животные, признаваемые плодами, по общему правилу принадлежат собственнику плодоносящей вещи (ст. 136 ГК РФ).

Относительно следующей группы – вещей, собственник которых неизвестен, – скажем следующее. Движимые вещи данного вида (потерянные вещи, бродячие животные) с формально-юридической точки зрения являются «бесхозными» лишь в период между окончанием предусмотренного законом (п. 1 ст. 228 и п. 1 ст. 231 ГК РФ) срока для установления прежнего собственника (который до этого момента продолжает оставаться хозяином-собственником вещи) и возникновением права собственности на данную вещь у нового собственника (лица, обнаружившего вещь), т. е. столь мизерный период времени, что практическая возможность выявления и целесообразность выделения данного вида «бесхозных» вещей представляются сомнительными. Недвижимые вещи, собственник которых неизвестен, как и прочие «бесхозные» недвижимости, в силу абз. 1 п. 3, абз. 1 п. 4 ст. 225 ГК РФ подлежат государственному учету. При этом при принятии на учет Росреестром недвижимых вещей, собственник которых

¹ См.: п. 1 ст. 16 Земельного кодекса РФ ; ст. 1.2 закона РФ от 21.02.1992 г. № 2395-1 «О недрах» (ред. от 03.08.2018 г.) (Собр. законодательства РФ. 1995. № 10. Ст. 823) ; ст. 8 Водного кодекса РФ от 03.06.2006 г. № 74-ФЗ (ред. от 27.12.2018 г.) (Собр. законодательства РФ. 2006. № 23. Ст. 2381) ; ст. 6, 8 Лесного кодекса РФ от 04.12.2006 г. № 200-ФЗ (ред. от 18.12.2018 г.) (Собр. законодательства РФ. 2006. № 50. Ст. 5278).

² См.: ст. 1, 4 федерального закона РФ от 24.04.1995 г. № 52-ФЗ (ред. от 03.08.2018 г.) «О животном мире» // Собр. законодательства РФ. 1995. № 17. Ст. 1462.

неизвестен, в Едином государственном реестре недвижимости (далее – ЕГРН) в записи о вещном праве на такие недвижимости (с добавлением к номеру регистрации буквы «У») в отношении правообладателя указывается «не установлен» (п. 127 Порядка ведения ЕГРН¹). В то же время в отношении вида права при этом указывается «принят на учет как *бесхозный*» (курсив наш. – Ю. В.) объект недвижимого имущества». Подобный подход вызывает возражения на том основании, что сама по себе постановка определенной недвижимой вещи на учет (сначала – органом местного самоуправления, исполнительным органом государственной власти городов федерального значения, затем – Росреестром), равно как и последующее судебное решение о признании ее бесхозной², на наш взгляд, «качества» *бесхозности* данной вещи не придают³. Таким качеством вещь, собственник которой

¹ Об установлении порядка ведения Единого государственного реестра недвижимости, формы специальной регистрационной надписи на документе, выражающем содержание сделки, состава сведений, включаемых в специальную регистрационную надпись на документе, выражающем содержание сделки, и требований к ее заполнению, а также требований к формату специальной регистрационной надписи на документе, выражающем содержание сделки, в электронной форме, порядка изменения в Едином государственном реестре недвижимости сведений о местоположении границ земельного участка при исправлении реестровой ошибки: приказ Минэкономразвития России от 16.12.2015 г. № 943 (ред. от 27.02.2019). Режим доступа: справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

² Необходимость собственно констатации бесхозности определенной недвижимой вещи следует из положений п. 2 ст. 291 ГПК РФ (в соответствии с которым в заявлении о признании права собственности на бесхозную недвижимую вещь должны быть приведены доказательства, свидетельствующие об отсутствии ее собственника) и п. 2 ст. 293 ГПК РФ (по смыслу которого суд принимает решение о признании права муниципальной собственности либо собственности города федерального значения на вещь только после того, как признает, что эта недвижимая вещь не имеет собственника или собственник недвижимой вещи неизвестен и она принята на учет в установленном порядке).

³ В юридической литературе вопрос о значении подобных актов однозначно не разрешен. В свое время по нему высказывались следующие противоположные позиции: часть ученых отстаивала точку зрения, что имущество становится бесхозным именно в силу судебного или административного акта (С. М. Корнеев, М. Я. Кириллова и др.); по мнению других, бесхозность является объективным, т. е. независимым от каких-либо судебных или административных актов состоянием имущества и что указанные акты лишь подтверждают этот факт (Сергеев А. П. Правовой режим бесхозного и бесхозно-содержимого имущества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03.

неизвестен, наделяется «сверху» указанием закона, а именно нормой п. 1 ст. 225 ГК РФ, согласно которой «Бесхозной является вещь, которая...». Однако в действительности вещь, собственник которой не установлен, не *является*, а лишь *считается* «ничьей»¹, и считается до тех пор, пока не будет устранена неопределенность относительно ее юридической судьбы. Снимает же отмеченную неопределенность применительно к недвижимому имуществу либо (1) государственная регистрация на основании соответствующего судебного решения права муниципальной либо государственной собственности на объект, либо (2) государственная регистрация права собственности на недвижимость давностного владельца (лица, приобретшего это право в силу приобретательной давности) – если суд не признает эту вещь поступившей в муниципальную собственность либо собственность города федерального значения. При этом во втором из указанных случаев до государственной регистрации права собственности на вещь сохраняется, по-нашему мнению, за не установленным на момент постановки на учет, вынесения судебного решения собственником², который,

Л., 1982. С. 9). Мы разделяем последнюю из приведенных позиций, сторонники которой имеются и в современной доктрине. Так, Н. В. Кляус, анализируя вопрос о признании права собственности на бесхозную недвижимую вещь по ГПК РФ, пишет, что «сущность этих дел заключается в *подтверждении судом бесхозного статуса* (курсив наш. – Ю. В.) недвижимой вещи» (Кляус Н. В. Признание права собственности на бесхозную недвижимую вещь по ГПК РФ // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 1. С. 38). Д. А. Петров отмечает, что учет осуществляется в отношении вещей, статус которых как бесхозных уже подтвержден документами, которые предоставляются в регистрирующий орган вместе с заявлением о постановке недвижимости на учет (Петров Д. А. Объекты электросетевого хозяйства как бесхозные вещи [Электронный ресурс]. URL: <http://ppt.ru/news/111827>). Об отсутствии детерминационной связи между учетом вещи как бесхозной и собственно бесхозностью этой вещи свидетельствуют и материалы судебной практики (например, определение Верховного Суда РФ от 22.07.2015 г. № 305-ЭС15-513 по делу № А40-141381/2013, в котором указано, что «непринятие органами местного самоуправления мер по учету спорного теплопровода не лишает этот объект признаков бесхозной вещи»).

¹ Причем основная причина такой «бесхозности», позволим себе утверждать, кроется в отсутствии сведений о собственнике этой вещи в информационных базах публично-правовых образований.

² То, что учет объектов в качестве бесхозных не прекращает существующее право и не препятствует регистрации права собственности на них лица, которое ранее было неизвестно, признается и на практике (постановление ФАС

явившись, может виндигировать эту вещь у владельца. В соответствии с нормой п. 4 ст. 234 ГК РФ течение срока приобретательной давности в отношении вещи начинается не ранее истечения исковой давности по требованию о ее виндикации¹, что изначально если и не предполагает, то не исключает наличия собственника у вещи, которая, таким образом, *не является, а лишь считается бесхозяйной*.

Ключевым в вопросе о «бесхозяйности» третьей группы – вещей, от которых собственник отказался, – является норма абз. 2 ст. 236 ГК РФ, в соответствии с которой отказ от права собственности не влечет прекращения прав и обязанностей собственника в отношении соответствующего имущества до приобретения права собственности на него другим лицом. Из этого следует весьма очевидный и бесспорный вывод: до момента приобретения на вещь, от права собственности на которую собственник отказался, права собственности другим лицом², ее нельзя именовать «бесхозяйной», так как формально ее хозяином (т. е., по смыслу дефиниции, закрепленной в п. 1 ст. 225 ГК РФ, обладателем прав и обязанностей собственника) остается вполне конкретный субъект.

Анализ судебных материалов, юридической литературы по рассматриваемому вопросу, осмысление эмпирики обыденной жизни приводит к следующему выводу. Проблема бесхозяйности вещей состоит не только в том, что определенная вещь является «ничьей» с точки зрения права, т. е. по каким-либо причинам отсутствуют документально подтвержденные сведения о ее собственнике, поскольку как неоднократно отмечалось в судебных решениях, то обстоятель-

Северо-Западного округа от 17.11.2008 г. по делу № А56-10184/2008 ; постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 06.03.2014 г. по делу № А33-4465/2013 и др.).

¹ Более удачными с позиций практической реализации представляются соответствующие нормы в редакции законопроекта о внесении изменений в ГК РФ: в рамках одной статьи – ст. 242 «Приобретательная давность» – указано, что течение срока приобретательной давности начинается с момента *начала владения* вещью (абз. 1 п. 2) и что истребование вещи в порядке *виндикации* возможно *в течение всего срока владения* (п. 3).

² Таким моментом в соответствии с положениями п. 2 ст. 226 ГК РФ применительно к отходам и брошенным вещам стоимостью явно ниже пятикратного минимального размера оплаты труда является момент совершения лицом, в собственности, владении либо пользовании которого находится объект, где вещь брошена, конклюдентных действий по ее использованию, а применительно к другим брошенным вещам – момент вступления в законную силу судебного решения о признании вещи бесхозяйной.

ство, что спорные объекты «числились как бесхозные, не свидетельствует о том, что они действительно являлись таковыми»¹, а согласно правовой позиции Верховного Суда РФ, отсутствие у спорных вещей собственника не является безусловным основанием для признания судом этого имущества бесхозным².

Представляется, что одним из основных аспектов проблемы бесхозности вещей является несоответствие юридического и фактического статуса определенной вещи. При этом с позиций участников гражданского оборота ситуация *de facto* имеет первостепенное значение; вопросы о юридической судьбе вещи возникают лишь как следствие фактической бесхозности этого объекта, что в целом согласуется с законодательными нормами о бесхозности вещей как возможном основании возникновения права собственности.

Размышления по поводу причин бесхозности объектов как социального феномена приводят к выводу о том, что в конечном счете, данное явление вызвано отсутствием интереса в отношении определенной вещи со стороны конкретного лица. В частности, именно отсутствием экономической заинтересованности обусловлено, на наш взгляд, нежелание муниципалитетов и государства становиться собственниками требующих ремонта либо демонтажа заброшенных и полуразрушенных зданий, сооружений, помещений; так же нуждающихся в ремонте либо замене и периодически «прорывающих» водопроводных и канализационных сетей; памятников; стихийных «пригородных» и «загородных» свалок бытовой техники и т. п. Об отмеченном нежелании свидетельствует масса судебных требований о признании незаконным бездействия городской администрации и (или) обязанности ее либо поставить на учет в качестве бесхозного, обратиться с таким требованием в регистрирующий орган³,

¹ Постановление ФАС Северо-Западного округа от 29.03.2010 г. по делу № А05-3758/2009 ; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 21.11.2014 г. № Ф04-11012/2014 по делу № А67-7212/2013.

² Определение Верховного Суда РФ от 21.03.2016 г. № 303-ЭС16-917 по делу № А73-17377/2014.

³ Постановление ФАС Дальневосточного округа от 26.12.2008 г. № Ф03-5540/2008 по делу № А51-19431/20047-365/23 ; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25.01.2016 г. № Ф09-10599/15 по делу № А50-5612/2015 ; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 24.10.2016 г. № Ф04-4715/2016 по делу № А75-14533/2015 ; постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 15.02.2017 г. № Ф03-6323/2016 по делу № А73-6802/2016 ; постановление Арбитражного суда Поволжского окру-

либо принять в муниципальную собственность¹ то или иное недвижимое имущество².

Если говорить о приобретении вещей, от права собственности на которые собственники отказались либо собственники которых неизвестны, в частную собственность, то значительных проблем здесь не возникает как раз потому, что в отношении определенной вещи присутствует интерес конкретного лица (это касается и находок, и брошенных вещей, и «бесхозной» недвижимости). Однако если, реализуя свой интерес, субъект не «узаконит», когда это необходимо³, право собственности на вещь и просто вступит во владение ею, такая вещь согласно российскому гражданскому законодательству все равно продолжит считаться «бесхозной», поскольку фактический владелец (как и обладатель иного, помимо права собственности, вещного права) по смыслу нормы п. 1 ст. 225 ГК РФ «хозяином» вещи не признается.

га от 28.11.2017 г. № Ф06-26651/2017 по делу № А49-3957/2016 ; решение Центрального районного суда г. Волгограда от 17.05.2011 г. по делу № 2-2733/11.

¹ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 26.02.2016 г. № Ф04-349/2016 по делу № А45-3144/2015; постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 07.02.2017 г. № Ф01-6213/2016 по делу № А43-7490/2015.

² При этом единая позиция судебных органов относительно вопроса об обязательности принятия в муниципальную собственность, в частности, такого бесхозного имущества, как сети электро-, тепло-, газо- и водоснабжения, водоотведения отсутствует: часть судов, вынося соответствующие решения, отмечает, что действующее законодательство «не имеет норм, устанавливающих обязанность принятия бесхозного имущества в муниципальную собственность» (постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 15.02.2017 г. № Ф03-6323/2016 по делу № А73-6802/2016); другая часть правоприменителей аргументирует позицию, что орган местного самоуправления, осуществляя свои полномочия в этой сфере, обязан принимать меры к надлежащему обслуживанию бесхозных сетей, учету таких сетей и их обращению в муниципальную собственность (постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 24.10.2016 г. № Ф04-4715/2016 по делу № А75-14533/2015 ; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 26.02.2016 г. № Ф04-349/2016 по делу № А45-3144/2015).

³ Это касается недвижимых вещей (необходим факт государственной регистрации права собственности на вещь), а также брошенных движимых вещей стоимостью выше пятикратного минимального размера оплаты труда и не являющихся отходами (требуется судебное решение о признании вещи бесхозной и признании на нее права собственности лица, вступившего во владение).

Полагаем, что такие случаи к проблеме бесхозяйности вещей относиться не должны и *если вещь находится в чьем-либо фактическом владении, она не должна рассматриваться в качестве бесхозяйной*.

Как известно, владение характеризуется наличием владельческой воли, т. е. отношением к вещи как к «своей собственной», намерением стать ее собственником. Исходя из этого, владельцы готовы нести и несут расходы на содержание и поддержание надлежащего состояния вещи; именно потому, что, в частности, давностные владельцы – это потенциальные собственники, им предоставляется право на защиту своего владения против третьих лиц (п. 2 ст. 234 ГК РФ). Отрицать в такой ситуации, что владелец является «хозяином» вещи¹, на наш взгляд, абсурдно. Не вполне адекватным является подобное понимание и с позиций реальной действительности: несмотря на то, что результаты движения благ от одних лиц к другим, как справедливо отмечается в литературе, «не должны подвергаться необоснованным сомнениям»², вовлеченность в гражданский оборот вещей, подпадающих под признаки п. 1 ст. 225 ГК РФ, возражений не вызывает, и хотя такой оборот не всегда является законным, не иметь «хозяина», быть «ничьими» фактически обрабатываемые блага при этом в любом случае не могут³.

Учитывая изложенное, бесхозяйность вещи следует понимать как ее фактическое состояние вне зависимости от права собственности на нее, при котором данная вещь не находится ни в чьем обладании и (или) в отношении нее отсутствует интерес со стороны конкретного лица. Подобное восприятие устранил имеющееся на настоящий момент противоречие между легальным определением понятия бесхозяйной вещи и нормой ст. 236 ГК РФ. Согласуется оно и с планируемым закреплением в ГК РФ норм о владении как факте (факти-

¹ Примечательным является пояснение смысла слова «хозяин», данное С. И. Ожеговым, Н. Ю. Шведовой: первым из девяти выделяемых значений является пояснение «то же, что владелец» (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 865).

² Райников А. С. Стабильность гражданского оборота: контуры судебной практики // Защита частных прав: проблемы теории и практики : материалы 3-й ежегод. междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 19–20 сент. 2014 г.) / под ред. Н. П. Асланян, Ю. В. Виниченко. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2014. С. 93.

³ В данной связи уместно привести замечание Е. В. Васьковского, который полагая, что бесхозяйные вещи находятся вне гражданского оборота, связывал введение их в оборот с фактическим овладением ими (Васьковский Е. В. Учебник гражданского права. С. 305).

ческом отношении) и его защите¹, вследствие которого, полагаем, с логической необходимостью должно последовать расширение объема понятия «хозяин» – причисления к последним не только собственников, но и владельцев.

Применительно к вопросу о составе и структуре системы гражданского оборота, это означает, что: 1) субъектами гражданского оборота надлежит считать в том числе и фактических владельцев, 2) образующие структуру системы гражданского оборота отношения включают и фактические связи, т. е. отношения, не связанные с переходом субъективных прав.

То, что структура системы гражданского оборота охватывает в том числе и фактические отношения, причем даже те, которые являются «порочными» с точки зрения позитивного права (в частности, при неуправомоченном отчуждении «чужого» имущества) – с позиций системного подхода можно аргументировать, обратившись к приведенным выше схемам структуры системы гражданского оборота ($O \rightarrow S_1 \leftrightarrow S_n$ и $O_1 \rightarrow S_1 \leftrightarrow S_n \leftarrow O_n$).

Из них явствует, что функционирование системы оборота (смена обладателей благ, имеющих потребительную стоимость) достигается за счет *просто наличия* всех необходимых элементов и связей между ними, никаких иных условий с позиций структуры системы гражданского оборота для этого не требуется. Функционирование системы гражданского оборота будет невозможным лишь по причине либо отсутствия объекта у определенного субъекта ($S_1 ? O, O_1$ или $S_n ? O_n$), либо отсутствия «хозяина» (фактического владельца) у определенного объекта ($O, O_1 ? S_1$ или $O_n ? S_n$), либо отсутствия отношений между субъектами ($S_1 ? S_n$). Что касается квалификации соответствующих отношений как правомерных или неправомерных, то данный вопрос лежит за рамками системы гражданского оборота и является не более чем *оценкой* этих отношений со стороны другой, самостоятельной подсистемы общества – системы права.

В систему гражданского оборота, в его структуру, входят все возникающие отношения между ее элементами, а не только «нормальные», т. е., буквально, те, которые соответствуют нормам права². По-

¹ См.: подр. I разд. II ГК РФ в редакции Проекта.

² При этом выражение «нормальный гражданский оборот», нередко используемое в современной цивилистической литературе (Гражданское право : учебник : в 4 т. Т. 2 : Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права / под ред. Е. А. Суханова. М. : Волтерс

зитивное право, в том числе гражданское, содержит не только регулятивные, но и охранительные нормы, касающиеся сферы гражданского оборота¹, и признавая их актуальность, необходимо признать также

Клувер, 2008. П. 1 § 1, п. 1 § 3 гл. 19 ; Желонкин С. С. Указ. соч. С. 3 ; Петрушкин В. А. Системный анализ гражданско-правовой модели оборота недвижимости: проблемы теории и практики. С. 49, 288), является еще одним аргументом в пользу того, что гражданский оборот образуют фактические отношения, относительно которых существует определенная нормативная, в том числе нормативно-правовая регламентация. Так, исходя из того, что «нормальным» может быть признано то, что соответствует тем или иным нормам, нормальным является гражданский оборот, не сопряженный с нарушением определенных норм; а поскольку любые нормы (моральные, нравственные, правовые и др.), как известно, призваны воздействовать на поведение субъектов, деятельность которых в обществе проявляется во взаимодействии (отношениях, связях) с другими членами социума, и следует сделанный вывод о том, что гражданский оборот образуют фактические отношения.

¹ В ГК РФ помимо общих правил о виндикации, реституции, возмещении вреда и т. д., к ним относятся специальные нормы об изъятии из оборота и уничтожении без какой бы то ни было компенсации изготовленных в целях введения в гражданский оборот экземпляров материальных носителей, содержащих сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, незаконно полученную информацию о его частной жизни либо его неправомерно полученное или используемое изображение (п. 4 ст. 152, п. 2 ст. 152.1, п. 4 ст. 152.2 ГК РФ), равно как контрафактных материальных носителей, т. е. таких, изготовление, распространение или иное использование, а также импорт, перевозка или хранение которых приводят к нарушению исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации (п. 4 ст. 1252 ГК РФ). Охранительным по своему характеру является также положение ст. 1253 ГК РФ «Ликвидация юридического лица и прекращение деятельности индивидуального предпринимателя в связи с нарушением исключительных прав», по существу закрепляющее основание лишения отдельных субъектов права участия в гражданском обороте.

Правовые нормы, касающиеся правового регулирования гражданского оборота, содержатся и в целом ряде иных нормативных правовых актов, в частности, в тех, которые устанавливают меры ответственности за нарушение имеющихся правил оборота, включая введение в гражданский оборот, и незаконный (гражданский) оборот отдельных видов объектов. В их числе: ст. 25 ФЗ РФ от 22.11.1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» (Собр. законодательства РФ. 1995. № 48. Ст. 4553) ; ст. 127.2, 138.1, 146, 147, 151.1, 180, гл. 21, 22, ст. 204, 220, 222, 222.1, 226.1, 228–228.4, 229.1, 234, 234.1, 238, 238.1, 242, 242.1 и др. Уголовного кодекса РФ от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (Собр. зако-

наличие в гражданском обороте не только «нормальных», но и «ненормальных» отношений, т. е. таких, которые образуют ситуации, выходящих за рамки, установленные регулятивными нормами объективного права, сопряжены с их нарушением, являются неправомерными. Конфликтные (охранительные) отношения, составляющие предмет воздействия охранительных правовых норм, также подлежат включению в гражданский оборот; без этого представление о данной системе будет неполным и, следовательно, не может считаться адекватным.

Возвращаясь к общему вопросу о связи между элементами системы гражданского оборота, отметим, что изменение состава (появление новых либо исключение ранее существовавших элементов) системы гражданского оборота неизбежно сказывается на количестве образующих ее связей. По мере появления в составе системы новых элементов ее общая структура будет все более и более усложняться, однако типы связей отдельных элементов между собой будут оставаться неизменными¹, соответствуя одному из указанных выше (прямая, косвенная, встречная, взаимная связь)². Этим обуславливается временная устойчивость структуры, а следовательно, и всей системы

нодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954) ; ст. 27 ФЗ РФ от 13.12.1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» (Собр. законодательства РФ. 1996. № 51. Ст. 5681) ; ст. 47, 51, 52 ФЗ РФ от 08.01.1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (Собр. законодательства РФ. 1998. № 2. Ст. 219) ; ст. 24 ФЗ РФ от 02.01.2000 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» (Собр. законодательства РФ. 2000. № 2. Ст. 150) ; ст. 6.8, 6.15, 6.16, 6.16.1, 6.20, 6.27, 6.33, 7.5, 7.10, 7.11, 7.12, 7.15.1, 7.18, 7.19, 7.20, 7.24, 7.27, 7.30, 7.31.1, 7.32, 7.32.1, 7.32.3, 7.33, 8.20, 8.26, 8.28, 8.28.1, 14.2, 14.4, 14.4.2, 14.5, 14.7, 14.10, 14.11, 14.12, 14.13, 14.15, 14.16, 14.17, 14.24 и др. Кодекса РФ об административных правонарушениях ; п. 6 ст. 47, ст. 59, подп. 1) п. 1 ст. 69 ФЗ РФ от 12.04.2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» (Собр. законодательства РФ. 2010. № 16. Ст. 1815).

¹ Как отмечается в теории системного подхода, «структура – это абстрактный тип связей, независимый от числа и качества элементов» (*Малиновский А. А. Основные понятия и определения теории систем (в связи с применением теории систем к биологии). С. 84*).

² Не влияет на типы связей элементов также и отмеченная градация гражданского оборота на уровни.

гражданского оборота¹, поскольку, как признается в теории системного подхода, структура является стабилизирующим началом системы².

Исходя из этого, стабильность гражданского оборота, о необходимости обеспечения которой упоминается в юридической доктрине и судебной практике, с научных позиций означает устойчивость составляющих данную систему связей, в том числе и даже в первую очередь (если учитывать последовательность связей в общей цепочке структуры системы гражданского оборота) – отношений принадлежности благ³; соответственно, обеспечение стабильности гражданского оборота состоит в создании либо поддержании условий для сохранения образующих систему гражданского оборота социальных связей, включая последовательное разворачивание последних⁴. Именно при таком подходе выражение «обеспечение стабильности гражданского оборота», как представляется, обретает смысл и необходимую юридическую значимость, в том числе, при использовании его для обоснования необходи-

¹ Это объясняет и принципиальную идентичность феномена оборота, скажем, в Древнем Риме, средневековой Европе или современной России.

² «Структура не содержит потребности трансформации, она является, напротив, *стабилизирующим началом системы* (курсив наш. – Ю. В.)» (Каган М. С. Система и структура. С. 93).

³ Примечательным в данной связи является суждение М. Н. Семякина, который в числе основных тенденций, характерных для современного реформирования гражданского законодательства, выделяет «его направленность на *укрепление отношений собственности и гражданского оборота*» (см.: Семякин М. Н. Основные тенденции развития гражданского законодательства Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. Право. 2018. Т. 3. № 1. С. 62), ставя отношения собственности и гражданского оборота в один логический ряд.

⁴ В указанном понимании обеспечение стабильности гражданского оборота является одной из ключевых потребностей данной системы, говоря о которых, заметим следующее. Очевидно, что тезис о существовании у гражданского оборота как явления собственных потребностей, т. е. «надобности, нужды в чем-нибудь, требующей удовлетворения», является не вполне корректным, поскольку об удовлетворении как исполнении чьего-нибудь требования, желания (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 827), буквально можно говорить лишь применительно к субъектам. Что касается системы гражданского оборота, то применительно к ней как сфере социальной жизни, полагаем более верным рассматривать потребность как некую объективную необходимость, а именно необходимость *функционирования*, т. е. реализации той цели, ради которой система гражданского оборота существует, а также необходимость *обеспечения такого функционирования*, которое и достигается путем обеспечения стабильности данной системы, суть, образующих ее связей.

мости изменений отдельных нормативных установлений, посредством которых осуществляется правовое воздействие на поведение субъектов. При этом, однако, следует сделать одно существенное уточнение: принимая во внимание, что структуру системы гражданского оборота образуют все внутрисистемные связи (отношения) между ее элементами, в том числе отношения, не соответствующие нормам права, *обеспечение стабильности гражданского оборота должно заключаться в создании либо поддержании условий для сохранения не любых, а только социально-полезных связей, образующих данную систему.*

Если говорить при этом о тех нормах и институтах позитивного права, которые могут способствовать решению задачи обеспечения стабильности гражданского оборота¹, то следует признать, что, сооб-

¹ Соответствующие выводы можно сделать, обратившись также к правоприменительной практике. Как следует из судебных решений, функционально направленными на упорядочение гражданского оборота, признаются:

– *институт государственной регистрации права собственности и иных вещных прав на недвижимое имущество.* Например, в кассационном определении Магаданского областного суда от 13.12.2011 г. № 33-1362/11 по делу № 2-1810/11 указано, что «целью государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним является не только учет недвижимого имущества, но и обеспечение субъектам прав на недвижимое имущество гарантий устойчивости оборота такого имущества со стороны государства». В п. 38 постановления Пленума ВС РФ № 25, ссылки на который уже имеют место в решениях нижестоящих судов (см., например: постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 01.03.2016 г. по делу № А51-13412/2015), разъясняется, что по смыслу ст. 131 ГК РФ закон устанавливает необходимость государственной регистрации права собственности и других вещных прав на недвижимые вещи в целях обеспечения стабильности гражданского оборота;

– *институт приобретательной давности*, направленный на устранение правовой неопределенности относительно потенциальных объектов гражданского оборота – вещей, «выпадающих» из оборота, ввиду невозможности совершения сделок с ними (решение Пятигорского городского суда Ставропольского края от 29.04.2011 по делу № 2–794/11);

– *правила о виндикации, включая нормы о ее ограничении*: как неоднократно отмечалось в судебных решениях, при рассмотрении виндикационного иска обеспечивается возможность установления добросовестности приобретения имущества и его надлежащего собственника, соединение права и фактического владения, а также защита владельца правилами об исковой давности, что гарантирует всем участникам спора защиту их прав, интересов, а также стабильность гражданского оборота (постановление Президиума ВАС РФ от 04.09.2007 г. № 3039/07 по делу № А40-70770/05-85-579 ; решение АС Астраханской области от 12.04.2010 г. по делу № А06-6822/2009 ; решение АС Кемеровской области от

разно составу и структуре системы гражданского оборота, к их числу следует отнести не только и не столько нормы обязательственного права (в частности, способствующие «надлежащей организации оборота» правила об обеспечении обязательств¹), сколько правила 1) определяющие правовой статус (права и обязанности) субъектов и 2) устанавливающие правовой режим объектов.

Примечательно, что в ходе реформирования отечественного гражданского законодательства был изменен и дополнен значительный массив именно данных норм. Из числа новелл ГК РФ, касающихся субъектов как элементов системы гражданского оборота, к ним можно отнести, в частности, новые правила о дееспособности граждан (ст. 29, 30 ГК РФ), нормы о юридических лицах (гл. 4 ГК РФ). Сюда же, согласно предлагаемой нами позиции, в соответствии с которой юридические факты-действия есть проявление субъектами их свойства деятельностной активности, можно причислить легальное закрепление принципа добросовестности (ст. 1 ГК РФ), положения о пределах осуществления гражданских прав (ст. 10 ГК РФ), нормы о решениях собраний (породившие в науке в том числе вопрос о гражданско-правовом сообществе как субъекте гражданских прав) (гл. 9.1 ГК РФ), новеллы о недействительности сделки и условиях ее

08.02.2013 г. по делу № А27-11489/2012 ; решение АС г. Москвы от 12.11.2013 г. по делу № А40-52753/2012 (http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/18df04e9-51e1-470a-9d4f-788727442790/A40-52753-2012__20131112.pdf?download=true);

– *институт исковой давности*, относительно которого в судебных актах прямо отмечается, что в гражданском праве он «имеет целью упорядочить гражданский оборот, создать определенность и устойчивость правовых связей, дисциплинировать их участников, способствовать соблюдению хозяйственных договоров» (постановления Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.05.2015 г. по делу № А08-4047/2014, от 24.06.2015 г. по делу № А36-852/2015. Режим доступа: справ.-правовая система «КонсультантПлюс»), а «применение судом исковой давности по заявлению стороны в споре направлено на сохранение стабильности гражданского оборота, защищает его участников от необоснованных притязаний и одновременно побуждает их своевременно заботиться об осуществлении и защите своих прав» (постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 04.03.2016 г. 15АП-1085/2016 по делу № А32-3757/2015 (URL: <http://ras.arbitr.ru>) ; решение АС Ростовской области от 02.12.2010 г. по делу № А53-1583/2010 ; решение АС Республики Северная Осетия – Алания от 28.07.2015 г. по делу № А61-1176/2015).

Нельзя не заметить, что с точки зрения подотраслевой принадлежности значительная их часть может быть отнесена к вещному праву.

¹ Гонгало Б. М. Учение об обеспечении обязательств. М. : Статут, 2004. С. 7.

оспаривания, блокирующие действия субъектов, дестабилизирующие гражданский оборот (ст. 168, 166 ГК РФ), нормы о безотзывной доверенности (ст. 188.1 ГК РФ), призванной, напротив, сделать более устойчивыми и предсказуемым отношения участников гражданского оборота-предпринимателей. Относительно объектов гражданского оборота это новая ст. 8.1 ГК РФ о государственной регистрации прав на имущество; скорректированные правила об оборотоспособности объектов гражданских прав, исключившие из кодекса указание на категорию объектов, изъятых из оборота (ст. 129 ГК РФ), равно как и сам перечень объектов гражданских прав (ст. 128, новая редакция гл. 7 ГК РФ), правила 133.1 ГК РФ о новом виде недвижимых вещей – едином недвижимом комплексе; уточненные положения о неделимых и сложных вещах (ст. 133, 134 ГК РФ) и т. д.

Как видим, законодателем уже проделана колоссальная работа. Между тем комплекс мер, направленных на обеспечение стабильности гражданского оборота, по нашему мнению, может быть расширен.

Прежде всего, мы имеем в виду планируемый блок законодательных изменений норм о вещном праве, который пока не принят. Оценивая предлагаемые изменения, полагаем, что будут способствовать обеспечению стабильности гражданского оборота и закрепление владения как факта, и законодательное воплощение такого признаваемого доктриной признака вещных прав, как принудительная типизация. Серьезные сомнения (и содержательно, и с позиций юридической техники), впрочем, вызывают потенциальные новеллы о так называемых соседских правах, а именно помещение соответствующих норм в раздел ГК РФ о праве собственности¹.

Кроме этого, исходя из понимания гражданского оборота как подсистемы общества, включающей все социальные связи по опосредованному удовлетворению субъектами своих потребностей (т. е. за счет «чужих» благ), включая сопряженные с нарушением норм позитивного права, в том числе административного и уголовного, мы приходим к выводу, что воздействие на гражданский оборот должно быть комплексным, межотраслевым, в связи с чем обеспечению стабильности гражданского оборота может способствовать унификация понятийно-терминологического аппарата разных отраслей права (в частности, интерпретация используемых и в гражданском праве, и в отраслях публичного права понятий «оборот», «объекты, изъятые из оборота», «объ-

¹ Подробнее об этом см.: *Виниченко Ю. В., Асланян Н. П., Поротикова О. А.* Соседское право в России: исторические начала и подходы к пониманию.

екты, ограниченные в обороте»). Устойчивости гражданского оборота, на наш взгляд, в немалой степени способствовала бы также корректировка налогового законодательства, на сегодняшний день, увы, скорее провоцирующего деформацию системы оборота – увеличение в нем скрытых теневых процессов¹, с позиций юридической квалификации подпадающих под категорию обхода закона. Однако данные вопросы в большей степени относятся к правовой политике, речь о которой пойдет в следующей главе данной работы – в рамках исследования вопроса о началах функционирования системы гражданского оборота.

Завершая настоящий параграф, изложим основные выводы, полученные по вопросу о составе и структуре системы гражданского оборота. Элементный состав системы гражданского оборота образуют *субъекты* (участники) гражданского оборота и *объекты* гражданского оборота. Для достижения гражданским оборотом целей его существования необходимо и достаточно наличие, как минимум, двух субъектов и одного объекта. Наличие иных компонентов в составе системы гражданского оборота для ее функционирования не требуется в силу взаимопредполагающего характера указанных элементов и их свойств, что генетически обуславливает их взаимодействие.

Свойствами субъектов как элементов системы гражданского оборота с позиций внутрисистемной связи являются свойства физических лиц, включающие: 1) *антропологические* (биологические, природные) – свойства, принадлежащие субъектам от рождения, в числе которых следует выделять: а) потребности как свойство субъектов, выражающее их отношение к необходимым условиям существования, и б) разумность (познавательную способность) как свойство субъектов,

¹ Нам близка позиция ученых, выделяющих в теневой экономике такие относительно самостоятельные подвиды неформальной экономики (ненаблюдаемой экономической деятельности, т. е. такой, которая по тем или иным причинам не учитывается государственной статистикой, не охватывается налогом и не включается в ВВП), как криминальная (незаконная) экономика и скрытая (подпольная) экономика. При этом в отличие от криминальной экономики в рамках скрытой экономики обращаются блага, не ограниченные в обороте, в связи с чем ответственность наступает не за собственно оборот, а за сопутствующее этому обороту неисполнение обязательств, связанных с оборотом (уклонение от уплаты налогов, взносов и иных обязательных платежей) (Быков С. С. Уголовно-правовая реакция на проявления теневой экономики: границы, характер и направления совершенствования // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9, № 3. С. 594, 604).

выражающее их способность к деятельностной активности; 2) *социальные* – свойства, приобретенные субъектами вследствие жизни в обществе, в числе которых следует выделять: а) социальное сознание (осознание индивидом себя частью взаимосвязанной общности людей) и б) индивидуализирующие признаки. Правовому воздействию способны подвергаться только социальные свойства субъектов.

Основными свойствами объекта гражданского оборота как элемента состава системы гражданского оборота являются: 1) *потребительная стоимость*, т. е. совокупность полезных свойств объекта, благодаря которым он обладает способностью удовлетворять какую-либо потребность общества или отдельного субъекта; 2) *оборотоспособность* как естественное свойство объекта (блага) выступать элементом гражданского оборота.

Интегративным свойством системы гражданского оборота является ее способность преобразовывать свойство одного своего элемента (субъекта) в свойство другого неоднородного с ним элемента своего состава (объекта), а именно деятельностную активность субъектов – в потребительную стоимость объектов. В системе гражданского оборота данное интегративное свойство проявляется в форме оказания услуг.

Структура системы гражданского оборота, т. е. связи между ее элементами, исходя из состава системы и учитывая ее бытийственную социальную природу, образуют фактические (реальные, жизненные) отношения, связывающие воедино такие элементы данной системы, как субъекты и объекты.

Базовый блок структуры системы гражданского оборота может быть представлен в виде следующей схемы:

$$O \rightarrow S_1 \leftrightarrow S_n,$$

где S_1, S_n – «субъекты-участники гражданского оборота», O – «объект гражданского оборота», « \rightarrow » – связь-принадлежность, « \leftrightarrow » – взаимная связь элементов. Если имеет место встречное предоставление, т. е. обмен, то схема будет следующей:

$$O_1 \rightarrow S_1 \leftrightarrow S_n \leftarrow O_n,$$

где S_1 и S_n также отображают субъектов, O_1 и O_n – объекты гражданского оборота, « \leftrightarrow » – взаимную связь элементов, а « \rightarrow » и « \leftarrow » – связь-принадлежность.

Обосновано, что структуру системы гражданского оборота образуют *все внутрисистемные отношения* (связи) между ее элементами, а именно: 1) с позиций динамики/статике – и отношения по *переходу*

благ, и отношения по их *принадлежности*; 2) с позиций смены обладателя блага – и *возмездные*, и *безвозмездные* отношения, а также *односторонние* действия; 3) с позиций правовой опосредованности – и отношения, *опосредованные правом*, и отношения, *правом не опосредованные*, в том числе и не основанные на праве собственности; 4) с позиций правомерности – и отношения, соответствующие нормам права (*регулятивные*), и отношения, им не соответствующие (*охранительные*).

Бесхозяйность вещи следует понимать как ее *фактическое* состояние вне зависимости от права собственности на нее, при котором данная вещь не находится ни в чьем обладании и (или) в отношении нее отсутствует интерес со стороны конкретного лица. Подобное восприятие устранил имеющееся противоречие между легальным понятием бесхозяйной вещи и нормой ст. 236 ГК РФ; согласуется оно и с планируемым закреплением в ГК РФ норм о владении как факте (фактическом отношении) и его защите, вследствие которого должно последовать расширение объема понятия «хозяин» – причисления к последним не только собственников, но и владельцев.

Положение общей теории систем, конституирующее структуру в качестве стабилизирующего начала системы, позволяет обосновать содержание понятия «стабильность гражданского оборота», под которой следует понимать *устойчивость составляющих данную систему связей*. Однако обеспечение стабильности гражданского оборота должно заключаться в создании либо поддержании условий для сохранения *не любых, а только социально-полезных* связей, образующих данную систему. Сообразно составу и структуре системы гражданского оборота, к нормам и институтам позитивного права, которые могут способствовать решению задачи обеспечения стабильности гражданского оборота, следует отнести правила, определяющие правовой статус субъектов и устанавливающие правовой режим объектов, в том числе институты, с точки зрения подотраслевой принадлежности относящиеся к вещному праву.

ГЛАВА II. НАЧАЛА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА

§ 1. Понятие и виды факторов, обуславливающих функционирование системы гражданского оборота

Системное описание гражданского оборота будем неполным без исследования функционирования данной системы. Для этого в свою очередь необходимо сформировать по возможности более полное представление о том, как вообще может функционировать гражданский оборот, являясь системой.

Функционирование системы: общие положения. Согласно дефинициям, приведенным в настоящей работе, функционированием системы в общем виде является деятельность (пространственно-временное движение) системы на пути достижения цели посредством реализации своих функций. При этом в общей теории систем к понятиям, характеризующим функционирование любой системы, относят две группы понятий: 1) понятия, выражающие функциональные характеристики (свойства и состояния) систем, и 2) понятия, характеризующие разнообразные функциональные процессы. Как отмечал советский и американский экономист А. И. Каценелинбойген, «движение системы, равно как и отдельных ее подсистем, может быть описано двумя группами характеристик: *исходными* и *сопряженными*» и относил к исходным характеристикам «параметры, показывающие *состояние* системы – наличные ингредиенты – и возможности для перехода из одного состояния в другое, связанные только с параметрами состояния», а к сопряженным – «совокупность характеристик, связанных с направлением процесса движения системы»¹.

Относительно первой из указанных групп выделяют такие понятия, как «активность» (характеризующее поведение системы, выражающее ее способность оказывать воздействие на среду, исходя из собственных целей или функциональных задач), «реактивность» (характеризующее поведение системы, однозначно обусловленное воздействием среды), «адаптивность» (характеризующее степень приспособленности системы к новым условиям ее развития), «дисфункция (дисфункциональность)» (свойство элементов или подсистем, проявление которого ведет к нарушению нормального функциониро-

¹ Каценелинбойген А. И. Системный анализ и проблема ценностей // Системные исследования. Ежегодник. 1972. М. : Наука, 1972. С. 48.

вания системы в целом, уменьшению приспособления или адаптации системы к условиям среды), «целесообразность» (отражающее способность элементов и подсистем подчинять свое поведение общим целям системы), «стабильность» (характеризующее устойчивость функционирования системы в относительно продолжительный промежуток времени), «управляемость» (характеризующее возможности перехода управляемой системы из одного состояния в другое), «устойчивость» (означающее способность системы поддерживать намеченный режим функционирования, сохранять равновесие, несмотря на возмущающие воздействия), «эмерджентность» (свойство системы и ее компонентов, связанное с поддержанием целостности системы и обусловленное наличием в ней интегративных связей)¹.

К понятиям, характеризующим функциональные процессы систем, системологи относят следующие: «функционирование» (процесс изменения системы, направленный на ее сохранение и воспроизводство), «воспроизводство» (процесс непрерывного воссоздания свойств системы или ее компонентов, определяющих ее качественное своеобразие на данной стадии развития в зависимости от внешних или внутренних условий), «самовоспроизводство» (спонтанное, т. е. самопроизвольно протекающее поведение системы, направленное на ее воспроизводство за счет внутренних ресурсов и резервов), «адаптация» (приспособление системы к изменяющимся условиям жизнедеятельности), «интеграция» (процесс объединения элементов и частей системы в целое, достижение системой целостности более высокого уровня), «регуляция» (процесс поддержания связей и функций системы в заданном отношении или приведения их в соответствие с требованиями оптимального функционирования), «регулирование» (деятельность по регуляции системы, т. е. оптимизации функциональных связей между ее компонентами), «управленческое воздействие» (воздействие органа (субъекта) управления на систему (объект управления) с целью перевода его в новое или желательное состояние), «стабилизация» (процесс поддержания системы или ее компонентов в заданных границах состояния или значений управляемых переменных)².

Мы позволили себе столь подробное изложение выделяемых в науке функциональных свойств, состояний и процессов, присущих системам, полагая это необходимым для последующего анализа функционирования системы гражданского оборота. Так, в контексте

¹ Резник Ю. М. Указ. соч. С. 384–385.

² Там же. С. 385–386.

вопроса о функционировании системы следует допускать и вероятность ее дисфункционирования. Как отмечается в специальной литературе, в этом случае реализуются такие свойства системы, которые не отвечают стоящей перед ней цели¹. Применительно к системе гражданского оборота, примером подобных ситуаций могут быть, например, мнимые и притворные сделки, когда смена обладателя блага происходит лишь формально, без фактического его перехода к другому субъекту – участнику гражданского оборота, что удовлетворению потребностей других членов общества не способствует. Данный пример свидетельствует в том числе о том, что для характеристики рассматриваемой системы имеют значимость не только юридически оформленные, т. е. влекущие переход субъективных прав и обязанностей, но и фактические отношения (связи).

Однако в соответствии с приведенными положениями, описывая состояние системы гражданского оборота, в том числе в тот или иной период ее развития, не стоит ограничиваться просто констатацией ее функционирования или, напротив, дисфункции; в спектре возможных характеристик – и целесообразность, и стабильность (устойчивость), и самовоспроизводство, и регуляция данной системы, особенно значимые в контексте вопроса о факторах, влияющих на гражданский оборот. Равно как при исследовании взаимодействия гражданского оборота со средой, «в которой обитает система»², прежде всего, с системой права, оценивать рассматриваемую систему следует на предмет ее активности, реактивности, адаптивности и адаптации, управляемости, регулирования, стабилизации.

Анализ гражданского оборота с позиций изложенных функциональных характеристик будет предпринят в следующих частях работы, в корреляции с факторами, обуславливающими проявление данной системой тех или иных ее свойств, то или иное ее состояние. Здесь же сделаем еще одно общее замечание, касающееся действия системы оборота, – то, что ее функционирование в целом достигается за счет функционирования отдельных элементов этой системы.

Ранее (§ 2 гл. II разд. II монографии) мы пришли к выводу, что функционированием группы элементов «субъекты» являются их *активные действия*, к числу которых относятся и косвенные по харак-

¹ Протасов В. Н. Указ. соч. С. 61.

² Выражение В. М. Сарычева (Сарычев В. М. Методологические аспекты представления самовоспроизводящихся систем и целенаправленной деятельности // Системные исследования. Ежегодник. 1981. М. : Наука, 1981. С. 252).

теру волеизъявления конклюдентные действия¹. Бездействие, т. е. отрицательные действия², считать проявлением деятельностной активности как одного из ключевых свойств данной группы элементов, полагаем, нельзя³. При этом проявление отмеченной активности, т. е.

¹ Косвенный характер волеизъявления при совершении конклюдентных действий можно считать признанным в цивилистической литературе. Так, О. С. Иоффе при характеристике способов волеизъявления противопоставлял конклюдентному волеизъявлению прямое волеизъявление (см.: *Иоффе О. С. Избранные труды* : в 4 т. Т. 2. Советское гражданское право. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. С. 270). В. А. Белов пишет, что «о содержании воли могут также косвенно свидетельствовать и иные активные действия лиц (*конклюдентные действия*)» (см.: *Белов В. А. Гражданское право*. М., 2003. С. 157).

² При котором мы «отрицаем не наличие воли, а наличие ее положительного волеизъявления» (см.: *Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве*. С. 154). Несколько уже, а именно как «одну из форм противоправного поведения, являющегося обязательным признаком правонарушения и составляющего объективную сторону его состава», как «пассивное поведение, заключающееся в невыполнении обязанности, которую лицо должно было и могло исполнить» понимает юридически значимое бездействие О. А. Кузнецова (*Кузнецова О. А. Бездействие как гражданско-правовая категория // Четвертый пермский международный конгресс ученых-юристов : материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Пермь, Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 18–19 окт. 2013 г.) / отв. ред. О. А. Кузнецова ; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2013. С. 121).*

³ Считаем, бездействием следует признавать и молчание. В данной связи заметим, что в цивилистике для обозначения бездействия использовался такой термин, как «упущение». Например, Д. Д. Grimm именовал упущениями все отрицательные действия, отмечая что «люди проявляют свою волю не только активным воздействием на окружающую обстановку, но и молчаливым протестом против предъявляемых к ним требований, не делая того, чего от них, по обстоятельствам дела, считают возможным ожидать» (*Гримм Д. Д. Лекции по догме римского права*. С. 126–127). О. А. Красавчиков, также относивший молчание к числу отрицательных волеизъявлений, трактовал его несколько уже, чем Д. Д. Grimm, понимая под ним не любое, а только правомерное бездействие; термин «упущение» использовался ученым для обозначения неправомерного бездействия (*Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве*. С. 154). Анализ современного гражданского законодательства РФ, обнаруживающий помещение нормы о молчании в статью, посвященную формам сделок, дает основание для вывода, что отечественным законодателем была воспринята позиция О. А. Красавчикова. Подробнее о молчании см. работы: *Виниченко Ю. В., Никитина Ю. Д. О значении молчания в российском гражданском праве // Налоги (газета). 2010. № 12 ; Виниченко Ю. В. Презумпция согласия в гражданском праве // Проблемы регистрации прав, фиксации и*

перевод ее из потенциального в актуальное состояние, делает субъектов участниками (т. е. частью) гражданского оборота, автоматически порождая (либо, в отношениях статики, «привлекая») тем самым соответствующие внутрисистемные связи элементов. В отличие от этого функция («призвание») объектов гражданского оборота – удовлетворение (выступление средством удовлетворения) потребностей субъектов – реализуется объектами, в силу их природы, *пассивно*, посредством просто *наличия* в составе системы гражданского оборота.

Таковы исходные положения, связанные с вопросом о функционировании систем в общем и гражданского оборота как системы, в частности. Однако только выявления и изложения с системологических позиций того, какие функциональные характеристики присущи гражданскому обороту, какие функциональные процессы могут в нем протекать, наконец, посредством чего достигается функционирование системы гражданского оборота явно недостаточно. В рамках правового исследования, призванного способствовать решению прикладных задач права – упорядочения общественных отношений, защиты прав и интересов отдельных лиц, гораздо более значимым является выявление возможных, необходимых, эффективных (наиболее действенных с позиции государства, его правовой политики¹) и оптимальных (т. е. наилучших в данных условиях, в том числе с позиций соотношения частных и публичных интересов) направлений воздействия на данную систему норм позитивного права.

Для этого, в свою очередь, необходимо знать, чем обусловлено то или иное состояние или поведение системы гражданского оборота, какие факторы (начала) имеют при этом решающее значение. Полагаем, что лишь в таком случае принятие новых либо корректировка существующих правовых норм, направленных на упорядочение гражданского оборота, равно как и руководящих разъяснений относительно их интерпретации, будет иметь ожидаемый от этого эффект, не сопровождаясь «побочным действием» (сводящим на нет самые благие законодательные мотивы) типа обхода закона, криминализации оборота или иных подобных негативных социальных явлений. Как верно указывает А. Г. Карапетов, «стоит констатировать, что реальное по-

удостоверения фактов гражданского права : сб. ст. / рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. М. : Статут, 2013. С. 193–214.

¹ Мы исходим из понимания политики права как анализа того, «каким позитивное право должно быть с точки зрения содержательных задач общества и государства» (Карапетов А. Г. Экономический анализ права. М. : Статут, 2016. С. 12).

зитивное право всегда находилось и находится под значительным влиянием экономических, социальных, этических, культурных и даже религиозных идей и реалий, без понимания роли которых юрист не в силах осознать истинные приводные ремни развития соответствующего правового явления и предложить адекватные пути реформирования», образно замечая, что «юрист, который видит только конкретные изменения в законах и судебной практике и не анализирует их истинные политико-правовые основания, подобен тому медику, который наблюдает ход болезни, но не осознает ее причины и не интересуется путями эффективного лечения»¹.

Общая характеристика начал функционирования системы гражданского оборота. Прежде всего, подчеркнем, что понятие «начала» мы не отождествляем с понятием «принципы». Данное замечание обусловлено тем, что в отечественной доктрине и практике строгого разграничения данных понятий, как правило, не проводится, и с привлечением термина «начала» обычно дают дефиницию понятия «принципы права», определяя последние как «**основные начала**, наиболее общие руководящие положения права, имеющие в силу их законодательного закрепления общеобязательный характер»², «основные начала гражданско-правового регулирования общественных отношений»³. Например, в одном из авторитетных комментариев к ГК РФ при разъяснении положений ст. 1 говорится, что «в п. 1 статьи сформулированы основные начала (принципы) гражданского законодательства»⁴. В п. 6 постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 г. № 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга» указано, что «судам следует исходить из принципа добросовестности» и при этом сделана ссылка на п. 3 ст. 1 ГК РФ, которая, напомним, называется «Основные начала гражданского законодательства»; ссылка на п. 4 данной статьи, закрепляющий норму о недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения, содержится в п. 3 постановления Пленума ВАС

¹ Каранетов А. Г. Указ. соч. С. 16.

² Российское гражданское право : учебник. Т. 1 / отв. ред. Е. А. Суханов. М., 2011. С. 74 (автор раздела – Е. А. Суханов).

³ Гражданское право : учебник. Т. 1 / под ред. Ю. К. Толстого. С. 27 (автор раздела – Н. Д. Егоров).

⁴ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части первой (постатейный) / рук. авт. кол. и отв. ред. О. Н. Садиков. С. 2 (автор комментария – О. Н. Садиков).

РФ от 4 апреля 2014 г. № 22 и при этом также используется термин «принцип». Скорее исключением являются работы, авторы которых указывают на необходимость разграничения основных начал гражданского законодательства и принципов гражданского права. Так, М. Н. Семякин справедливо отмечает, что «юридическую конструкцию “основные начала” гражданского законодательства (ст. 1 ГК РФ) нельзя смешивать с такой близкой по форме, но отличающейся по смыслу и назначению категорией, как “принципы” гражданского права»¹, оправданно обращая внимание, в частности, на то, что основные начала гражданского законодательства характеризуют форму гражданского права, в то время как принципы гражданского права «относятся к содержанию названного права»².

По нашему убеждению, отождествление понятий «принципы» и «начала» является недопустимым. В понимании категории «начала» мы исходим из признаваемой нами теории начал частного права Н. П. Асланян³, которая, убедительно обосновав значимость данной общенаучной категории как важнейшего методологического средства постижения реальности⁴, не просто аргументировала вывод, что под началами следует понимать первопричины, обусловившие содержание и существо определенного феномена (а именно исследованного ученым российского частного права), но и выявила смысловые компоненты данной категории – гносеологический и онтологический. Гносеологический смысл будет точным смыслом термина «принцип», в то время как термин «начало» можно употреблять как в гносеологическом, так и в онтологическом смысле. В частности, под гносеологическими (мировоззренческими, теоретико-познавательными) началами частно-

¹ Семякин М. Н. Основные начала гражданского законодательства – новая юридическая конструкция или синоним известной цивилистической категории? // Алтайский юридический вестник. 2013. № 4 (4). С. 131 ; *Его же*. Основные тенденции развития гражданского законодательства Российской Федерации. С. 61.

² Семякин М. Н. Основные начала гражданского законодательства – новая юридическая конструкция или синоним известной цивилистической категории? С. 131.

³ Асланян Н. П. Основные начала российского частного права ; *Ее же*. Основные начала российского частного права : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. М., 2001.

⁴ И справедливо указав в связи с этим на то, что теоретическое обоснование начал является необходимым не только общетеоретическим, «но и любым концепциям в сфере отраслевых правовых дисциплин» (Асланян Н. П. Основные начала российского частного права : монография. С. 12–21, 31).

го права автор понимает его «идеальные, концептуальные основания», т. е. «систему представлений, взглядов, воззрений, иными словами – идею частного права»¹. Онтологические (именуемые также бытийственными, историческими) начала того или иного феномена правовед определяет как «факторы, вызвавшие его к жизни, оказавшие существенное воздействие на обретение им бытия, обусловившие ту или иную его форму»². Значимость онтологических (бытийственных) начал состоит в том, что именно они «способны раскрыть *сущностные черты исследуемого явления* (курсив наш. – Ю. В.) в первом периоде его исторического времени; дать ответ не только на вопрос, когда этот феномен зафиксирован в человеческой истории, но и почему он появился, какие объективные причины способствовали или препятствовали его возникновению и становлению, совпадают ли факторы, вызвавшие этот феномен к жизни, с факторами, оказавшими воздействие на его дальнейшее формирование»³.

Онтологические и гносеологические начала различают и иные современные ученые. Так, об онтологических и гносеологических основаниях, в частности, реформирования гражданского законодательства пишет М. Н. Семякин, заключая, что «в качестве онтологических оснований этого процесса должны выступать происходящие сегодня в России экономические, организационно-структурные, социально-культурные и другие важнейшие преобразования, тенденции, наметившиеся в правоприменительной практике, а также ряд иных явлений частноправовой действительности, обуславливающие необходимость их законодательного упорядочения, правового регулирования, стимулирования их развития в необходимом направлении»; гносеологическими основаниями реформирования гражданского законодательства, по его мнению, «должны быть соответствующие философские, общенаучные, конкретно-научные и прежде всего юридической науки, знания, а непосредственно – законоведение, учение о законодательстве, закономерностях и путях его формирования и развития, его цели и задачах и т. п.»⁴.

¹ Асланян Н. П. Основные начала российского частного права. С. 33.

² Там же. С. 203. Такими «первоистоками», «порождающей стихией», по мнению ученого, могут быть любые факторы, т. е. любые существенные фактические обстоятельства (см.: Там же. С. 33).

³ Там же. С. 203.

⁴ Семякин М. Н. Основные тенденции развития гражданского законодательства Российской Федерации (часть 2) // Вестник Челябинского государственного университета. Право. 2018. Т. 3. № 2. С. 75.

Основываясь на приведенной теории, и *начала функционирования гражданского оборота* также можно понимать в двух различных значениях – онтологическом и гносеологическом. Более того, полагаем, что гражданский оборот как реально существующее явление, представляющее собой неотъемлемую сферу человеческого бытия, *должен исследоваться с онтологических позиций*, поскольку по справедливому замечанию В. П. Тугаринова, «все обладающее бытием, т. е. все существующее ... может и должно рассматриваться в онтологическом плане»¹.

Учитывая изложенное и исходя из того, что гражданский оборот является социальной системой, под онтологическими (бытийственными) началами функционирования гражданского оборота следует понимать *фактические обстоятельства жизни общества*, обусловившие появление гражданского оборота и *определяющие его существование и развитие*, а под гносеологическими (мировоззренческими, теоретико-познавательными) – *основополагающие идеи (принципы, взгляды, представления*, в том числе получающие оформление в виде соответствующих нормативных правовых установлений), *влияющие на реализацию системой гражданского оборота выполняемых ею функций*. Указанные начала, разграничиваемые по субстанциональному признаку², различны по своей природе, которая проявляется в характере их влияния на функционирование гражданского оборота: влияние онтологических начал является *объективным*, гносеологических начал – *субъективным*.

С юридико-прагматической точки зрения имеет значение также дифференциация факторов, определяющих действие исследуемой системы, на *эндогенные и экзогенные факторы* (начала). Различие указанных начал этимологически очевидно: экзогенные факторы связаны с *внешним воздействием* на систему гражданского оборота, эндогенные – с *внутренним эволюционным (само-)развитием* данной системы³. Таким образом, критерием их градации является характер

¹ Тугаринов В. П. Философия сознания (современные вопросы). М.: Мысль, 1971. С. 35.

² В контексте основного вопроса философии, на категориях которой покоится данная градация, онтологические (исторические) начала относятся к сфере материального (бытия), гносеологические (мировоззренческие) – к сфере идеального (сознанию).

³ «Экзогенный» (от «экзо...» [гр. *ekhō* – снаружи, вне]) – «внешнего происхождения, вызываемый внешними причинами»; «эндогенный» (от «эндо...»

происхождения (способ формирования) и воздействия на систему гражданского оборота. Влияние данных видов факторов на функционирование гражданского оборота, по нашему мнению, подлежит оценке с позиций дихотомии «оптимальное» – «неоптимальное», и, таким образом, их разграничение позволяет выявить *оптимальные (лучшие при существующих условиях) направления правового воздействия* на гражданский оборот¹.

Понятия «эндогенный» и «экзогенный» используют, в частности, в макроэкономике – при прогнозном моделировании экономических явлений и процессов. Подобные экономические модели как «упрощенное отражение действительности, позволяющее выявить наиболее общие закономерности системы и взаимосвязи ее отдельных элементов»², включают два вида переменных: одни зависят от самой модели и значения других переменных, «т. е. являются результатом модели (они называются эндогенными)», другие переменные задаются вне модели и не зависят от нее (экзогенные)³.

Эндогенные переменные отдельные авторы называют целями макросистемы. Так, например, Т. Ю. Матвеева при описании макроэкономической системы отмечает, что она (1) «находится под влиянием внешних факторов (экзогенные переменные), к которым относят естественные и социальные факторы», и (2) «имеет целями (эндогенные переменные): устойчивый рост совокупного реального выпуска; полную занятость экономических ресурсов; стабильный общий уровень цен; равновесие платежного баланса». Относительно экзогенных переменных автор указывает, что они могут быть либо благоприятными, улучшающими макроэкономическую ситуацию (в качестве примера приводит теплый климат, хорошую погоду, политическую и социальную стабильность), либо неблагоприятными, способными привести к нарушению эффективной работы макроэкономических механизмов (например, засуха, кислотные дожди, наводнения, землетрясения, вой-

[гр. endon – внутри]) – «внутреннего происхождения, вызываемый внутренними причинами» (Современный словарь иностранных слов. СПб. : Дуэт, 1994. С. 701, 716–717).

¹ Подробнее об этом см. в § 3 гл. II разд. II монографии.

² Макроэкономика : учебник / под ред. С. Ф. Серegiной. М. : Юрайт, 2018. С. 16.

³ Там же. С. 17–18.

ны, революции, смена правительств)¹. Автор другого учебника по макроэкономике, С. Н. Ивашковский, анализируя кривую совокупного спроса, отмечает, что ее сдвиг вследствие эффекта импортных закупок может происходить в результате изменений макроэкономической политики (денежного обращения, государственных расходов или налогообложения) или изменения экзогенных переменных, в числе которых называет: объем производства в зарубежных странах, влияющий на объем экспорта, и уверенность бизнесменов, оказывающих непосредственное влияние на инвестиции².

Экзогенные и эндогенные факторы выделяют и отдельные представители юридической науки. Так, исследуя вопрос об основных началах российского частного права, Н. П. Асланян пришла к выводу, что в философских терминах развитие российского частного права можно охарактеризовать как «экзогенное, неподлинное развитие, всецело определяемое окружающей социальной средой, не позволившей в полной мере развернуться его историческим началам»³. По существу об экзогенных и эндогенных нормах, обуславливающих обычные условия гражданского (коммерческого или торгового) оборота, пишет К. А. Алимжан, разграничивая их на статутные нормы – нормы собственно законодательства и нормы обычного права⁴. О «внешнем» (суть, экзогенном) влиянии концепций, сформулированных на базе иных правовых систем, международной практики применительно к способам обеспечения исполнения обязательств пишет Б. М. Гонгало, указывая при этом, в частности, на такие меры, включенные в свое время в определенный законом перечень способов обеспечения обязательств, как удержание имущества должника и банковская гарантия⁵.

Целесообразность использования обеих предлагаемых классификаций – деления начал функционирования системы гражданского оборота на 1) онтологические и гносеологические и 2) эндогенные и экзо-

¹ Матвеева Т. Ю. Макроэкономика : учебник : в 2 ч. Ч. 1. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2017. С. 62.

² Ивашковский С. Н. Макроэкономика : учебник. М. : Дело, 2002. С. 26.

³ Асланян Н. П. Основные начала российского частного права : дис. ... д-ра юрид. наук. С. 12, 264.

⁴ См.: Алимжан К. А. Обычай как источник права в правовой системе Республики Казахстан [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.yurclub.ru/docs/civil/article73.html>.

⁵ Гонгало Б. М. Учение об обеспечении обязательств. С. 41–43.

генные – обусловлена их взаимодополняющим характером: полагаем, и намерены обосновать это в последующем изложении, что эндогенными являются онтологические начала функционирования гражданского оборота; как эндогенными, так и экзогенными могут быть гносеологические начала функционирования рассматриваемой системы.

Подобной постановки вопрос о началах функционирования гражданского оборота в отечественной доктрине не получал. Вместе с тем отдельные аспекты данной проблемы становились предметом научного анализа.

Так, И. А. Полуяхтов рассматривал вопрос об основных принципах гражданского оборота, отмечая, что возможность их выявления «определяет возможность дальнейшей систематизации норм, регулирующих порядок передачи субъективного права», и усматривая их значение с позиций выделения в ГК РФ самостоятельной главы о передаче субъективных прав. При этом под принципами права ученый понимает «прямо или опосредованно выраженные в законе объективные закономерности развития определенных отношений, в соответствии с которыми строится их нормативное регулирование» и полагает, что гражданский оборот подчиняется общим принципам гражданского права, изложенным в ст. 1 ГК РФ, а также принципам, «на которых строится передача субъективных прав», а именно принципам огласки, стабильности перехода прав, добросовестности приобретения прав, причинности¹.

Принцип огласки формулируется И. А. Полуяхтовым следующим образом: «Передача субъективного права производится с обязательным уведомлением обязанной стороны правоотношения о факте передачи. Способ уведомления зависит от вида субъективного права и определяется законом, а в установленных им случаях – договором»². Принцип (начало) стабильности перехода прав, в котором, по мнению ученого, «реализуется главное условие жизнеспособности экономических отношений – стабильность и прогнозируемость результатов» и который «охватывает собой и защиту добросовестного владельца и приобретение права собственности от неуправомоченного отчуждателя», «предполагает установление в законодательстве исчерпывающего перечня случаев, при которых допускается лишение правопреемника приобретенного права» и одновременное установление гарантии «быстрой и эффективной компенсации утраченного

¹ Полуяхтов И. А. Указ. соч. С. 39–40.

² Там же. С. 43.

права за счет недобросовестной стороны»¹. Начало добросовестности приобретения прав трактуется И. А. Полуяхтовым как частный случай действия общего начала добросовестности, понимаемого в субъективном смысле, т. е. как незнание субъекта о существовании какого-то факта или события, препятствующего приобретению права. Выделение данного начала ученый объясняет тем, что «оно весьма активно используется в правовом регулировании отношений, возникающих при передаче субъективных прав», и ссылается на «давно идущий спор» о возможности приобретения права собственности от неуправомоченного отчуждателя². Относительно начала причинности автор поясняет: «Правопреемство (передача субъективного права) всегда имеет определенное основание, выраженное в подлежащем юридическом факте (договоре, открытии наследства, решении о реорганизации и т.п.). Отсутствие последнего влечет признание перехода субъективного права несостоявшимся»; выделение данного начала аргументируется теоретическим тезисом, согласно которому «цель передачи субъективного права определяет характер последствий и получает выражение в основном договоре»³.

Анализируя приведенные суждения, следует заметить, что с позиций системного подхода к пониманию гражданского оборота, не все выделенные И. А. Полуяхтовым принципы можно признать таковыми. Так, начало стабильности, которое ученый верно связывает с жизнеспособностью экономических отношений, является не принципом действия (у автора – «объективной закономерностью развития») системы гражданского оборота, а ее свойством, подверженным в свою очередь воздействию различных факторов, под влиянием которых оно может менять свои показатели и, таким образом, не является объективно-закономерным. Выделяемое И. А. Полуяхтовым и связываемое им с правопреемством начало причинности не вписывается в системную характеристику гражданского оборота, исходя из того, что последний, как было показано, не ограничивается только случаями перехода субъективных прав. Не может быть признана принципом гражданского оборота и субъективная добросовестность, поскольку эталоном социального поведения при правовом регулировании общественных отношений должна выступать только добросовестность в

¹ Полуяхтов И. А. Указ. соч. С. 43–44.

² Там же. С. 45–46.

³ Там же. С. 47.

объективном смысле, но никак не извинительное незнание лица об определенных фактах и обстоятельствах.

Особо следует выделить научные работы, в которых рассматриваются условия гражданского оборота. К исследованию данного вопроса с позиций определения структуры гражданского оборота обращался, в частности, В. А. Петрушкин. Определение понятия «условия оборота» правовед не дает, однако можно заключить, что он понимает под ними «систему правовых принципов, характеризующих оборот в целом и его отдельные участки», поскольку через указанную систему, как пишет автор, «по существу, определяются те или иные условия гражданского оборота»¹. К числу таких условий-принципов В. А. Петрушкин, аналогично И. А. Полуяхтову, относит, прежде всего, общие принципы гражданского права, закрепленные в ст. 1 ГК РФ «Основные начала гражданского законодательства» (равенства участников регулируемых им отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты). Данные принципы автор называет правостимулирующими условиям, помимо которых выделяет также группу правоограничивающих условий, объединяющую специальные правовые принципы, «действующие на тех или других участках гражданского оборота» (в частности, принципы оборота земель сельскохозяйственного назначения), а также правовые ограничения «более частного порядка» (ограничения оборота объектов инфраструктуры морского порта, акций единого хозяйствующего субъекта и т. д.)². При этом, по мнению ученого, собственные условия гражданского оборота являются его самостоятельным элементом, наряду с субъектами и объектами гражданского оборота³; одновременно он именуется условиями-принципами предпосылками существования и развития гражданского оборота⁴.

В данной связи необходимо отметить следующее. Во-первых, не отрицая наличия в гражданском обороте собственных условий и их безусловной значимости для функционирования оборота, вместе с

¹ См.: *Петрушкин В. А.* Системный анализ гражданско-правовой модели оборота недвижимости: проблемы теории и практики. С. 32.

² См.: Там же. С. 32–35.

³ См.: Там же. С. 9, 26.

⁴ См.: Там же. С. 32.

тем полагаем, что с системологических позиций принципы права, равно как и законодательно установленные ограничения, не могут считаться «собственными» условиями гражданского оборота, так как они относятся к другой подсистеме общества – системе права.

Во-вторых, на наш взгляд, условия гражданского оборота (его функционирования) не следует ограничивать принципами гражданского оборота. Исходя из понимания условия как обстоятельства, от которого что-нибудь зависит, как обстановки, в которой происходит, осуществляется что-нибудь¹, можно заключить, что в выражении «условия гражданского оборота» имеются в виду определенные факторы², от которых зависит функционирование гражданского оборота, а также в целом «обстановка» или, используя терминологию системного подхода, среда функционирования гражданского оборота. В свою очередь эти факторы, как было отмечено, могут быть не только гносеологическими (принципами), но и онтологическими. Таким образом, *условия гражданского оборота включают в себя как гносеологические (мировоззренческие), так и онтологические (исторические) факторы (начала)*. Так, и сам В. А. Петрушкин делая вывод, что условия гражданского оборота могут быть подразделены на правовые³ и не правовые, в числе последних указывает на экономические условия⁴, которые очевидно являются фактическими обстоятельствами социальной жизни, а не некими принципами (идеями).

В-третьих, представляется, что с позиций общей теории систем отсутствуют основания для отнесения условий гражданского оборота к элементам этой системы, поскольку согласно отмеченным уже общесистемологическим постулатам все элементы системы должны

¹ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 839 (статья «условие»).

² В данной связи укажем на семантическую близость терминов «обстоятельство» и «фактор»: последний трактуется как «момент, существенное обстоятельство в каком-нибудь процессе, явлении» (Там же. С. 847).

³ Среди них ученый выделяет частноправовые и публично-правовые условия оборота, «в совокупности направленные на обеспечение его стабильности», и относит к ним: установление правил о сроках давности, информационная обеспеченность оборота (право на информацию и механизм его реализации), специальные правовые требования к участникам оборота, указанные выше условия процедурного характера, установление публично-правовых стимулов и ограничений оборота (через антимонопольное законодательство и пр.) (см.: Петрушкин В. А. Системный анализ гражданско-правовой модели оборота недвижимости: проблемы теории и практики. С. 54).

⁴ См.: Там же. С. 9, 45, 54.

быть связаны по меньшей мере с одним другим элементом данной системы, а условия оборота в интегративных внутрисистемных связях с другими элементами системы гражданского оборота (субъектами и объектами) *не состоят*. Условия гражданского оборота представляют собой систему факторов, которая влияет на связи (отношения), складывающиеся между субъектами и объектами гражданского оборота, определяет их порядок, исходя из чего, на наш взгляд, условия оборота следует отнести к механизму¹ организации связей, образующих систему гражданского оборота, или, иначе – к *механизму функционирования данной системы*. Подобное понимание предполагает некоторый процедурный характер условий оборота (они определяют, *как* функционирует или должен функционировать гражданский оборот). На это справедливо обращает внимание и В. А. Петрушкин, отмечая, что гражданский оборот «при его рассмотрении с точки зрения конкретного объекта (группы объектов) носит, в известной мере, процедурный характер: это система последовательно совершаемых процедур. Соответственно, система его условий носит, по сути, стадийный (и в этом смысле – процедурный) характер»². Данные условия, ученый распределяет по следующим стадиям гражданского оборота: 1) введение объекта в оборот; 2) осуществление прав в отношении такого объекта, уже находящегося в обороте; 3) защита, в том числе восстановление, отмеченных прав в случае их нарушения³.

Помимо отмеченной классификации условий гражданского оборота по стадиям, а также их градации на правостимулирующие и правоограничивающие, правовые и не правовые, В. А. Петрушкин разграничивает «обычные (традиционные, часто встречающиеся) и иные: частные, “не обычные”, выходящие из числа обычных» условия⁴, не поясняя в то же время какие именно условия следует считать «не обычными».

В данной связи обратимся к такому устойчивому в отечественной цивилистике терминологическому обороту, получившему и законодательное закрепление, как «обычные условия гражданского оборота». Данное выражение используется в ГК РФ в нормах абз. 1 п. 2

¹ Механизм – система, устройство, определяющие порядок какого-нибудь вида деятельности (См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 354).

² Петрушкин В. А. Системный анализ гражданско-правовой модели оборота недвижимости: проблемы теории и практики. С. 54.

³ См.: Там же.

⁴ См.: Там же. С. 9, 49, 54.

ст. 15 (в определении упущенной выгоды как неполученных доходов, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено) и абз. 2 п. 1 ст. 53.1, устанавливающей ответственность лица, уполномоченного выступать от имени юридического лица, в том числе если будет доказано, что при осуществлении своих прав и исполнении своих обязанностей его действия (бездействие) не соответствовали обычным условиям гражданского оборота или обычному предпринимательскому риску.

Преимущественно с позиций приведенных нормативных положений осуществляется и толкование указанной формулировки. Причем столь же устоявшейся, как и само выражение «обычные условия гражданского оборота», можно считать следующую его интерпретацию, данную Н. И. Клейн и буквально воспроизводимую как в современной юридической литературе¹, так и в правоприменительной практике²: «Под обычными условиями оборота следует понимать типичные для него условия функционирования рынка, на которые не воздействуют непредвиденные обстоятельства либо обстоятельства, трактуемые в качестве непреодолимой силы»³.

Вместе с тем, несмотря на широкое признание указанного пояснения (даже именуемого отдельными авторами «стандартным определением»⁴), некоторые вопросы, касающиеся толкования данного выражения, в науке гражданского права являются дискуссионными.

¹ Алтухова С. М. «Обычные условия гражданского оборота» и «обычный предпринимательский риск» как критерии оценки поведения лиц, входящих в состав органа юридического лица // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 3 (26). С. 39 ; Богданов А. В., Клячин А. А. Условия и основания гражданско-правовой ответственности лица, осуществляющего функции единоличного исполнительного органа акционерного общества // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 3. С. 65 ; Лукьяненко М. Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. М. : Статут, 2010. С. 267.

² См., например, постановления: ФАС Волго-Вятского округа от 07.10.2008 г. по делу № А29-702/2008, ФАС Волго-Вятского округа от 12.10.2011 г. по делу № А79-9077/2010, ФАС Московского округа от 05.04.2012 г. по делу № А41-14337/11.

³ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части первой (постатейный) / рук. авт. кол. и отв. ред. О. Н. Садилов. С. 68 (автор комментария – Н. И. Клейн).

⁴ Лукьяненко М. Ф. Указ. соч. С. 267.

Одним из них является вопрос о том, следует ли говорить об «обычности» условий гражданского оборота для всех его участников либо применительно к конкретным субъектам.

К сторонникам первого из указанных подходов можно отнести А. В. Богданова и А. А. Клячина, которые, проводя параллель между обычными условиями гражданского оборота и обычными условиями делового оборота, заключают, что последние необходимо понимать как «условия осуществления предпринимательской деятельности в той или иной сфере, которые являются для нее повсеместными и распространенными, типичными, общими для всех участников (например, степень риска, заложенная в каждой предпринимательской операции)»¹.

Напротив, И. М. Липень, предлагая отказаться от критерия обычных условий гражданского оборота в пользу выбора другого критерия определения размера упущенной выгоды – мер и приготовлений к извлечению выгоды, отмечает, что «рынок предполагает инициативного предпринимателя, который стремится к получению не обычной, постоянно неизменной (т. е. средней), а максимально возможной прибыли» и что «ограничивая предпринимателя рамками “обычных условий гражданского оборота”, закон тем самым сдерживает инициативу предпринимателя и лишает его стимула работать лучше других. В результате мы имеем в законе ситуацию, когда принцип полного возмещения убытков не обеспечивается в должной мере»². В отличие от этого приоритет предлагаемого автором критерия является, по его мнению, реальным показателем возможности получения прибыли; «упущенная выгода рассчитывается в данном случае достаточно конкретно, а не вообще применительно ко всем участникам коммерческого оборота»³. Аналогичную позицию занимает О. И. Долгополов, делая вывод, что под обычными условиями гражданского оборота следует понимать, в частности «ход событий: присущий конкретному хозяйствующему субъекту в условиях, которые определяются в момент причинения ему

¹ Богданов А. В., Клячин А. А. Указ. соч. С. 65.

² Липень И. М. Взыскание упущенной выгоды как реализация принципа полного возмещения убытков: актуальные вопросы теории и практики [Электронный ресурс] // Право Беларуси. 2005. № 4. URL: <http://www.kaznachey.com/doc/750HW2RCNdy>.

³ Там же.

вреда, на которые не воздействуют непредвиденные обстоятельства либо обстоятельства, трактуемые в качестве непреодолимой силы»¹.

Принимая во внимание норму п. 4 ст. 393 ГК РФ, согласно которой «при определении упущенной выгоды учитываются предпринятые кредитором для ее получения меры и сделанные с этой целью приготовления»² (т. е. меры и приготовления конкретного кредитора), вторая из приведенных точек зрения представляется более убедительной.

Другим неоднозначно решаемым в доктрине является вопрос о корреляции между обычными условиями гражданского оборота и нормами права.

Так, М. Ф. Лукьяненко указывает на п. 2 ст. 15 ГК РФ, содержащий рассматриваемое понятие, «говоря об обычных правилах»³, которые в свою очередь равнозначны, по ее мнению, понятию «обычно предъявляемые требования» и следование которым «по существу означает выбор субъектом того или другого стереотипного образа действий в однородных случаях при наступлении однородных условий»⁴. Исходя из этого, можно сделать вывод, что обычные условия гражданского оборота (1) причисляются данным ученым к обычным правилам (требованиям) и (2) представляют собой некий стереотипный образ действий в однородных случаях при наступлении однородных условий.

¹ Долгополов О. И. Возмещение убытков, причиненных налоговыми органами // Налоговый вестник. 2010. № 2.

² Хотя согласно п. 14 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 г. № 25, разъясняющему, что «упущенной выгодой является неполученный доход, на который увеличилась бы имущественная масса лица, право которого нарушено, если бы нарушения не было», положение п. 4 ст. 393 ГК РФ не означает, что в состав подлежащих возмещению убытков могут входить только расходы на осуществление таких мер и приготовлений. Следует заметить, что п. 133 названного постановления не подлежащим применению был признан посвященный упущенной выгоде п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 01.07.1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»; несмотря на это, отдельные суды по-прежнему апеллируют не к п. 14 постановления Пленума ВС РФ № 25, а к п. 11 совместного постановления Пленумов ВС РФ и ВАС РФ № 6/8 (см., например, решения: Арбитражного суда г. Москвы от 27.07.2015 г. по делу № А40-62291/15; Арбитражного суда Республики Саха (Якутия) от 10.09.2015 г. по делу № А58-658/2015).

³ Лукьяненко М. Ф. Указ. соч. С. 267.

⁴ Там же. С. 270.

Подобное понимание обычных условий гражданского оборота представляется неверным, прежде всего потому, что сопровождается смешением собственно условий оборота со «стереотипным образом действий» субъектов, который, как следует из вышеприведенной цитаты, сам детерминирован наступлением «однородных условий». Кроме этого, отмеченная позиция вызывает сомнения, учитывая тот смысл, который в русском языке может иметь термин «условие». Из ряда существующих значений данного слова М. Ф. Лукьяненко избрала термины «требование» и «правила». Однако помимо них выделяют уже отмеченные нами значения: «обстоятельство, от которого что-нибудь зависит» и «обстановка, в которой происходит, осуществляется что-нибудь», которые, полагаем, в большей мере соответствуют как общему смыслу выражения «обычные условия гражданского оборота», так и тому контексту, в котором оно используется. На наш взгляд, в данном словосочетании в том числе имеется в виду среда, в которой действует система оборота, и эта среда («обстановка») правилами и требованиями, о которых пишет М. Ф. Лукьяненко, не ограничивается. Наконец, понимание обычных условий гражданского оборота как просто «стереотипного образа действий» либо «типичных ситуаций и типичных вариантов реагирования на эти обстоятельства»¹ или традиционных, часто встречающихся условий оборота², «обычного хода вещей»³ вызывает возражения, поскольку допускает рас-

¹ Алтухова С. М. Указ. соч. С. 39.

² См.: Петрушкин В. А. Системный анализ гражданско-правовой модели оборота недвижимости: проблемы теории и практики. С. 9, 49, 54.

³ В. С. Белых, отмечая, что термин «упущенная выгода» применяется и при нарушении должником договорных обязательств, и в случае возникновения обязательства из причинения вреда и неосновательного обогащения, полагает, критерий «при обычных условиях оборота» некорректным, поскольку последний «“блокируется” спецификой внедоговорного обязательства», в связи с чем усматривает два варианта выхода из создавшейся ситуации. Ученый предлагает либо использовать в определении упущенной выгоды вместо словосочетания “при обычных условиях оборота” «нейтральное понятие “при обычном ходе вещей”» (и, соответственно, определять упущенную выгоду как «неполученные доходы, которые кредитор (потерпевшее лицо) получило бы при обычном ходе вещей, если бы его право не было нарушено»), либо, при отсутствии легального определения понятия «гражданский оборот», присоединиться к мнению о том, что гражданский оборот непосредственным образом связан с процессом правопреемства (см.: Белых В. С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России. § 5 гл. 6).

смотрение в этом качестве любых постоянных, привычных¹ моделей поведения субъектов, следовательно, в том числе тех, которые не соответствуют правовым либо моральным (нравственным) нормам. С сожалением следует признать, что в настоящее время в России указанные стереотипные действия участников оборота нередко таковы, что образуют состав правонарушения или преступления либо могут быть квалифицированы как обход закона (это и коррупционные схемы, включая так называемые «откаты», и «конвертная» трудовая заработная плата, и «серые» схемы обналичивания денег и ухода от налогов, и др.²). Подобные социальные связи также входят в систему гражданского оборота³, однако очевидно, что при определении размера упущенной выгоды, равно как и при оценке действий участников гражданских отношений, данные связи и ситуации, сколь бы типичны они ни были, в качестве ориентира и критерия оценки ввиду их социальной деструктивности выступать не должны.

Учитывая изложенное, с позиций нормативного воздействия на систему гражданского оборота, представляется необходимым трактовать «обычные условия гражданского оборота» как постоянные, привычные (типичные) факторы функционирования не любого, а только нормального гражданского оборота, т. е. такого, который соответствует правовым и иным социальным нормам. При этом отмечаемое в литературе разграничение обычных условий гражданского оборота на общепринятые условия, «обусловленные в решающей степени статутными нормами (нормами собственно законодательства)» и условия гражданского (коммерческого или торгового) оборота, определяемые нормами обычного права⁴, на наш взгляд, существенного значения не имеет.

В завершение настоящего параграфа изложим основные выводы, полученные по рассмотренным в нем вопросам об общих положениях, касающихся функционирования системы гражданского оборота, а

¹ «Обычный – постоянный, привычный» (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 442).

² См.: Спирихин А. 14 типовых схем по уходу от налогов «для служебного пользования ФНС» // Сайт Alinga Consulting Group, 05.07.2010 г. URL: http://www.acg.ru/14_tipovyh_shem_po_uhodu_ot_nalogov.

³ Более того, поскольку они в конечном итоге ведут к удовлетворению потребностей отдельных членов общества, с точки зрения ОТС и отстаиваемого нами тезиса об индифферентности гражданского оборота к праву собственности на оборачиваемые блага, связанные с подобными социальными связями ситуации нельзя признать дисфункционированием системы гражданского оборота.

⁴ Алимжан К. А. Указ. соч.

также о понятии и видах факторов, влияющих на такое функционирование. Исходя из общесистемологических представлений, *характеристика состояния или поведения системы гражданского оборота не должна ограничиваться исключительно их оценкой с позиции дихотомии «функционирование» – «дисфункционирование»*. Спектр функциональных характеристик любой системы, в том числе системы гражданского оборота, значительно обширней и подразумевает при анализе ее движения на пути достижения цели своего существования возможность констатации, в частности, таких свойств, состояний и процессов, как целесообразность, самовоспроизводство, активность, реактивность, адаптивность и адаптация, стабильность (устойчивость) и стабилизация, управляемость, регуляция и регулирование.

Функционирование системы гражданского оборота в целом достигается за счет функционирования отдельных элементов данной системы, а именно просто наличия в составе системы гражданского оборота объектов (благ, обладающих потребительной стоимостью) и активных действий субъектов как других необходимых элементов данной системы.

Разделяя научную позицию об отсутствии тождества между понятиями «начало» («начала») и «принцип» и связанного с этим тезиса, согласно которому категория «начало» может пониматься в онтологическом и гносеологическом смыслах, полагаем необходимым признать наличие двух видов факторов (начал), влияющих на функционирование системы гражданского оборота: 1) *онтологических (бытийственных) факторов (начал)* – фактических обстоятельств жизни общества, обусловивших появление гражданского оборота и объективно определяющих его существование и развитие; 2) *гносеологических (мировоззренческих) факторов (начал)* – основополагающих идей (принципов, взглядов, представлений), субъективно влияющих на реализацию системой гражданского оборота выполняемых ею функций. Их разграничение осуществляется по субстанциональному признаку.

Наряду с делением факторов (начал) функционирования системы гражданского оборота на онтологические и гносеологические, с юридико-прагматической точки зрения имеет значение также их дифференциация на *эндогенные* и *экзогенные* факторы (начала), отличающиеся характером происхождения и воздействия на систему гражданского оборота: экзогенные факторы формируются вне системы гражданского оборота и являются внешним воздействием на нее,

эндогенные – формируются внутри данной системы и определяют ее внутреннее эволюционное (естественное, закономерное) развитие. Разграничение данных видов факторов позволяет выявить *оптимальные (лучшие при существующих условиях) направления правового воздействия на гражданский оборот*.

Целесообразность использования обеих предлагаемых классификаций начал (факторов) функционирования системы гражданского оборота (их деления на две группы факторов: 1) онтологические и гносеологические и 2) эндогенные и экзогенные) обусловлена тем, что они являются взаимодополняющими.

Из отмеченного понимания начал функционирования системы гражданского оборота мы будем исходить в дальнейшем изложении.

§ 2. Онтологические начала функционирования гражданского оборота

Исследование вопроса об онтологических (исторических) началах системы гражданского оборота представляется целесообразным начать с рассмотрения генезиса данной системы.

Как уже было отмечено в общем виде (§ 1 гл. I разд. II монографии), появление имущественного оборота явилось объективным следствием процесса общественного развития, а именно результатом общественного разделения труда и появления прибавочного продукта. Согласно экономической истории – сфере научного знания, изучающей эволюцию социально-экономических систем, – появлению прибавочного продукта, точнее, превращению избыточного продукта в прибавочный, предшествовало два крупных разделения труда: разделение скотоводства и земледелия; отделение ремесла от других занятий, и прежде всего – земледелия¹, за чем последовало третье крупное разделение труда – выделение торговли как самостоятельной отрасли хозяйства.

Применительно к российскому обществу, до перехода к «хлебопашеству»² условия и образ жизни наших предков (славян, или вене-

¹ Экономическая история : учебник / О. Д. Кузнецова, И. Н. Шапкин, А. С. Квасов, Л. И. Пермякова. М. : Юрайт, 2016. С. 15–16 ; История экономики : учеб. пособие / сост. Л. В. Барт, Р. М. Камалтдинова, Э. Н. Разнодежина. Ульяновск : УлГТУ, 2010. С. 16–17.

² Которое, по замечанию Н. М. Карамзина, вывело их «из дикого, кочевого состояния, ибо сие благодетельное искусство было везде первым шагом человека к жизни гражданской, вселило в него привязанность к одному месту и к

дов) не отличались от жизни иных древних племен. Так же как и другие племена, согласно повествованиям Прокопия Кесарийского и Маврикия Стратега, относящимся к VI в., славяне живут «в жалких хижинах, на большом расстоянии друг от друга, и все они часто меняют места жительства», «ничем лишним открыто не владеют и ведут жизнь бродячую»¹. Характеристику уклада жизни древних славян как первобытного общества можно дополнить указанием на коллективное ведение хозяйства, совместное потребление получаемых продуктов или их уравнительное распределение², господство таких способов производства, как собирательство, охота и рыболовство, в экономике свойственные присваивающему виду хозяйства³.

Качественное изменение подобный общественно-экономический уклад претерпевает с переходом к земледелию и скотоводству, т. е. от присваивающего к производящему хозяйству⁴. При этом занятие земледелием следует рассматривать не просто как смену рода и характера деятельности членов данного доклассового общества, а как переход от первобытной общины к общине земледельческой (крестьянской), характеризующейся дуализмом «между общинной собственностью на землю и парцеллярным крестьянским хозяйством, с неизбежностью предполагавшим частное присвоение про-

домашнему крову» (*Карамзин М. Н. История государства Российского. М., 2005. С. 29*).

¹ Приводится по изданию: Хрестоматия по истории России : учеб. пособие / авт.-сост. А. С. Орлов, В. А. Георгиев, Н. Г. Георгиева, Т. А. Сивохина. М. : ТК Велби, Проспект, 2008. С. 6–7.

² *Алексеев В. П., Першиц А. И. История первобытного общества : учебник. М. : Высш. шк., 1990. С. 184.* Как отмечает советский и российский историк, философ, этнолог, специалист по философии истории и истории первобытного общества Ю. И. Семенов, уравнительные отношения «с необходимостью предполагают, что каждый член того или иного коллектива имеет право на часть общественного продукта, созданного его членами, совершенно независимо от того, участвовал ли он сам в его создании или не участвовал. Достаточным основанием для получения доли продукта, созданного в коллективе, является принадлежность к нему». По мнению ученого, такие отношения лучше именовать не уравнительными, а коммуналистическими, поскольку они являются отношениями полной собственности коллектива (коммуны) на созданный им продукт (см.: *Семенов Ю. И. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община // Становление классов и государства : сб. ст. М. : Наука, 1976. С. 20–21*).

³ Экономическая история. С. 11 ; *Крымлин В. Н. Введение в экономическую историю. История экономики : учеб. пособие. М. : Юрайт, 2019. С. 16.*

⁴ Экономическая история. С. 15.

дуктов труда»¹. Именно с появлением «своего»² имущества у отдельных членов общины стали возможны и отношения по переходу

¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1961. С. 418–419. Русский историк права М. Ф. Владимирский-Буданов писал: «Лишь только люди оседают и переходят к занятию земледелием, у них является необходимость, во-первых, права на часть земной поверхности для устройства постоянного (оседлого) жилища – для дома и, во-вторых, права на отдельный участок земли для обработки и для других целей хозяйственного пользования» (*Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. М.: Территория будущего, 2005. С. 588).

Заметим, что значительное внимание рассмотрению крестьянской общины уделяли отечественные ученые 60–90-х г. XIX в. (*Алексеев В. П., Першиц А. И.* Указ. соч.; История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины / отв. ред. Ю. В. Бромлей. М., 1986; *Першиц А. И.* Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории // Труды Института этнографии. Т. 54. М.-Л., 1960; *Семенов Ю. И.* Указ. соч.), и большинство из них противопоставляли крестьянскую общину первобытной как основанную не на родстве, а на соседских связях, исходя из чего крестьянскую (или земледельческую) общину часто рассматривают как синоним соседской (Советская историческая энциклопедия / гл. ред. Е. М. Жуков. Т. 10. М., 1967. Стб. 418; *Семенов Ю. И.* Указ. соч. С. 8–9). Наряду с соседской общиной отдельные ученые выделяли также первобытную соседскую общину, в числе отличительных черт которой от «собственно соседской» называли экономическую, отмечая что «в собственно соседской общине сельскохозяйственный двор уже находился в частной собственности, в первобытной соседской общине такая собственность... только вызревала» (см.: *Алексеев В. П., Першиц А. И.* Указ. соч. С. 305). При характеристике соседской общины специалисты отмечают, что, в отличие от родовой и большесемейной, она состоит из отдельных хозяйств, именуемых в литературе «крестьянскими домохозяйствами», «крестьянскими хозяйствами», «дворохозяйствами» (или «крестьянскими дворами»). Последний термин, по замечанию Ю. И. Семенова, «применяется лишь тогда, когда речь идет о русском крестьянстве» (*Семенов Ю. И.* Указ. соч. С. 37–38). Типичным, повторим, для соседской общины являлось «сочетание индивидуальной собственности (принадлежащей патриархальной семье, выделяющейся затем малой семье или отдельному лицу) на дом, приусадебный участок, а затем и на пашню, иногда – луг, и общинной собственности на пустующие земли и остальные угодья» (Советская историческая энциклопедия. Т. 10. Стб. 420).

² Которое очевидно способствовало развитию хозяйственной деятельности, поскольку, как верно отмечается в экономической литературе, «общественная “ничейная” собственность не стимулирует активную хозяйственную деятельность» (*Маховикова Г. А., Гукасян Г. М., Амосова В. В.* Экономическая теория: учебник и практикум. М.: Юрайт, 2019. С. 29).

благ¹, обмена ими². Так или иначе, не вызывает сомнений, что без появления индивидуальной собственности (не как права, а как фактической принадлежности, присвоенности), в условиях собственности коллективной, обмен имущественными благами, а, следовательно, и оборот (смена обладателей) самих этих благ возникнуть не могли. По существу, индивидуальное присвоение сформировало субъектов оборота, первым объектом которого явился избыточный продукт. Таким образом, *одним из онтологических начал системы гражданского оборота – фактором, детерминировавшим ее появление, – следует признать персонификацию имущества* (индивидуальное присвоение благ, индивидуальную собственность в экономическом смысле). Данный фактор имел значение не только на стадии зарождения (возникновения) системы оборота³; в качестве неперменного, конститутивного условия функционирования данной системы он выступает на всем протяжении истории общества. «Ничьи» блага обращаться не могут.

При этом, подчеркнем, речь должна идти именно о фактической присвоенности благ, а не о праве собственности на них. В историческом ракурсе в отсутствии определяющего влияния права собственности на систему гражданского оборота особенно отчетливо убеждает история поземельной собственности в российском государстве⁴.

¹ В экономической теории определяемых как «любая полезность (предмет, явление, продукт труда), удовлетворяющая определенную человеческую потребность» (Маховикова Г. А., Гукасьян Г. М., Амосова В. В. Экономическая теория. С. 33).

² Хотя, как отмечают специалисты, изначально обмен возник в межобщинной форме, когда происходил дарообмен между разными коллективами богатствами их природной среды – ценными сортами камня, охрой, янтарем и т. п. (Алексеев В. П., Першиц А. И. Указ. соч. С. 185–186). Уже на ранней стадии раннепервобытной общины, пишут В. П. Алексеев и А. И. Першиц, некоторые коллективы начинали получать не только жизнеобеспечивающий, но и избыточный продукт; в этих случаях наряду с уравнительным распределением возникало также и трудовое распределение, т. е. распределение продукта в соответствии с затраченным трудом, и заключают: «Вместе с избыточным продуктом и трудовым распределением зародился обмен» (Там же. С. 185).

³ Которое произошло с переходом от родовой к земледельческой общине (в период неолита, т. е. еще до нашей эры), а не, как полагают отдельные ученые, «в связи с принятием Гражданского кодекса РФ» (Иванова С. А. Принцип справедливости в гражданском праве России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01, 12.00.03. Владимир, 2006. С. 5).

⁴ Выводы о ситуации в отношении более экономически ценных и значимых недвижимых вещей как объектов оборота, бесспорно, будут верны и при-

С одной стороны, индивидуальная собственность была известна на Руси еще «в Олегово время», о чем свидетельствуют договоры «с греками» (911, 945 гг.), содержащие нормы о наследстве: «Ибо ежели бы имущество принадлежало роду, то не было бы места для завещания: член рода не мог бы распоряжаться и отдавать в собственность после своей смерти то, на что и сам не имел права собственности при жизни»¹. С другой стороны, под «имением», которое переходило по наследству, в этот период понимались только движимые вещи². «При редком населении, обширных пространствах земли, занимаемых им, громадных лесах, покрывавших почти всю Россию, — пишет Г. Ф. Шершеневич, — существование частной собственности на землю представляется невероятным, потому что из-за земли не возникало никаких споров, которые в первобытном обществе составляют начало юридических определений. Отношение к земле было фактическое, а не юридическое»³. О юридическом отношении к земле, равно как и к другим вещам, т. е. о праве собственности, как представляется, можно говорить не ранее закрепления на законодательном уровне самого понятия «право собственности», что в России происходит только в конце XVIII в., в указах Екатерины II (манифест 28 июня 1782 г.). Но если права собственности до этого момента не существовало, а была только собственность как фактическое (экономическое) завладение, присвоение «впрок», «навек»⁴, то, онтологически связывая оборот благ исключительно с правом собственности на них, придется сделать вывод, что гражданского оборота в тот период не было.

менительно к движимым вещам. При этом говорить именно о собственности на землю следует исходя из того, что вплоть до XVII в. такой объект как дом юридически рассматривался в качестве движимого имущества (*Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. соч. М., 2005. С. 588*).

¹ *Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. М. : Типолит. С. А. Петровского и Н. П. Панина, 1879. С. 71.*

² *Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. соч. С. 587.*

³ *Шершеневич Г. Ф. Курс гражданского права. Тула : Автограф, 2001. С. 225.*

⁴ Примером договора купли-продажи XVII в. может быть следующий: «С аз Иван Степанов сын Урусов с сыном своим Иваном продали есми впрок ... в дом преч. Богородицы... вотчину свою купленную ... селцо Степановское ... А взяли мы я Иван Урусов с сыном своим Иваном за ту свою вотчину ... две тысячи рублей денег» (*Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. соч. С. 759. См. также С. 591, 527, 641, 696, 758*).

Чем же тогда объяснить наличие в памятниках русского права – Русской Правде (относящейся к XII в.), Новгородской¹ и Псковской² Судных грамотах, Судебниках 1497 и 1550 гг., Соборном уложении 1649 г. – наличие норм, касающихся оборота имущественных благ?

Помимо положений об опосредующих оборот *договорах* (купле-продаже, займе, найме, залоге и др.), это, в частности, нормы *о порядке наследования*, содержащиеся в ст. 90–95, 98, 100–106 Пространной редакции Русской Правды³, ст. 15, 88–91 Псковской Судной грамоты⁴, ст. 60 Судебника 1497 г.⁵, ст. 92 Судебника 1550 г.⁶, ст. 1–15 и др. гл. XVII «О вотчинах» Соборного уложения 1649 г.⁷

К нормам, связанным с переходом имущественных благ, можно отнести и многочисленные правила *о возмещении вреда*. Например, в ст. 2 Русской Правды в ее Краткой редакции по Академическому списку устанавливалось, что если кто-то не может за себя мстить, «то взяти ему на обиду 3 гривне, а летцю мзда»⁸, что в переводе Б. Б. Кафенгауза означает «пусть возьмет с виновного 3 гривны и сверх того плату лекарю»⁹. Обязанность возместить убытки потерпевшему за лжесвидетельство устанавливалась правилами ст. 67 Судебника 1497 г. и ст. 99 Судебника 1550 г. («А послушествоует послух лживо не видево, а обыщется то опосле, ино на том послухе гибель исцева вся и с убыткы», «А послух опослушествоует, не видево, лживо, а обыщется то опосле, ино на виноватом послухе гибель исцова и убыткы все»¹⁰); о возмещении вреда в случае потравы посева скотом

¹ Вопрос о времени составления Новгородской Судной грамоты является дискуссионным. Исследователи относят ее к разным периодам – 1440, 1446, 1456, 1471 гг. (подробнее см.: Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М. : Юрид. лит., 1984. С. 303–304).

² 1397 г. (1467 г.). О датировании Псковской Судной грамоты см.: *Владимирский-Буданов М. Ф.* Указ. соч. С. 122 ; Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 345.

³ Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 70–71.

⁴ Там же. С. 333, 339–340.

⁵ Там же. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М. : Юрид. лит., 1985. С. 61.

⁶ Там же. С. 119.

⁷ Там же. Т. 3. Акты Земских соборов. М. : Юрид. лит., 1985. С. 178–182.

⁸ Там же. Т. 1. С. 47.

⁹ Хрестоматия по истории государства и права России : учеб. пособие / сост. Ю. П. Титов. М. : Велби, Проспект, 2005. С. 4.

¹⁰ Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. С. 61–62, 120.

говорилось в ст. 61 Судебника 1497 г., ст. 86 Судебника 1550 г. («а чьею огородою учинится протрава, ино тому платити, чья огорода», «а чьею изгородою учинитца протрава, ино тому платити, чья изгорода»¹). О возможности «доправити по сыску, и отдати истцу» причиненные последнему убытки, «взяти цену» по оценке сторонних людей за учиненную «поруху», за испорченное («мышми... изъеденое») платье или за определенную наемную вещь, гласили ст. 211, 216, 224, 272–274 и др. гл. X «О Суде» Соборного уложения 1649 г.²

Наконец, в рассматриваемых актах содержалась масса *положений о торговле, купцах* и т. п. Так, о случаях «на торгу» прямо говорит целый ряд норм Пространной редакции Русской Правды: «А челядин скроется, а закличють и на торгу...» (ст. 32); «Аче кто конь погубить, или оружие, или порт, а заповесть на торгу...» (ст. 34); «Паки ли будеть что татебно купил в торгу...» (ст. 37), «Аже пустить холопа в торг...» (ст. 117), «Аже кто многим должен будеть, а пришед (гость) из иного города или чужеземець, а не ведая запустить за нь товар, а опять начнеть не дати гост(ю) кун,.. то вести и на торг, продати же и отдати же первое гостины куны...» (ст. 55)³ либо об отношениях с участием купцов: уже указанная ст. 55; ст. 54, рассчитанная на случаи, когда купец, взяв товары или деньги в кредит, потерпит кораблекрушение, или подвергнется пожару, или будет ограблен неприятелем («Аже который купець, где любо шед с чюжими кунами, истопиться, любо рать возметь, ли огонь...»)⁴. Особый интерес представляет ст. 48 Русской Прав-

¹ Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. С. 61–62, 117–118.

² Там же. Т. 3. С. 138–140, 148–149.

³ Там же. Т. 1. С. 66, 72, 68. В. Н. Сторожев дает следующий перевод приведенных норм: «Если скроется холоп и господин заявит о нем на торгу...» (ст. 32); «Если у кого пропадет конь, оружие или одежда и он заявит о том на торгу...» (ст. 34); «Кто купит на рынке что-нибудь краденное...» (ст. 37); «Если кто дозволит своему холопу торговать...» (ст. 117); «Если кто будет многим должен, а купец, приехавший из другого города или из другой земли, не зная про то, поверит ему товар, – а тот будет не в состоянии и с ним расплатиться за товар,.. в таком случае вести должника на торг и продать...» (ст. 55) (Хрестоматия по истории государства и права России. С. 12, 13, 25, 16–17). Относительно значения термина «торг» уместно привести комментарий специалистов к ст. 32, на основании которого можно заключить, что он понимался как городская торговая площадь: «...указание на форму информации о бежавшем (*закличють и [его] на торгу*) – публичное извещение на городской торговой площади...» (Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 96).

⁴ Хрестоматия по истории государства и права России. С. 16 ; Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 68.

ды Пространной редакции, в переводе В. Н. Сторожева гласившая: «Если купец купцу даст деньги в оборот из барыша или на торговлю, то должнику нечего получать деньги при свидетелях; присутствие свидетелей здесь не требуется, но займодавец пусть сам идет к присяге, если должник станет запираяться»¹. Примечательным является использованный при переводе данной нормы термин «оборот», который в тексте статьи самого памятника отсутствует – там говорится о «купле»², относительно которой в то же время в примечаниях к данной статье указано «торговля»³. О купцах (горожанах, занимавшихся торговлей) как самостоятельном социальном слое (сословии), наряду с боярами, «житьими» и «черными» людьми, неоднократно упоминается в правовом документе крупнейшего торгового и ремесленного центра Древней Руси – Новгородской феодальной республики – Новгородской Судной грамоте (в частности, в преамбуле к указанному нормативному акту, в ст. 17, 18, 36, 38)⁴.

Значительное количество норм о торговле содержалось в таком памятнике русского права, как Псковская Судная грамота. В частности, ст. 38 грамоты предусматривала: «А кто имет на ком сочит торговых денег по доскам, тот человек противу положит рядницу, а в рядницы будет написано о торговли же, а противу той рядницы не будет во Святеи Троицы в лари в те ж речи другой, ино тая рядница повинити»⁵. В соответствии со ст. 45 «А кто имет сочит торговли, или

¹ Хрестоматия по истории государства и права России. С. 15.

² «Аже кто купец купцю дасть в куплю куны или в гостьбу, то купцю пред послухи кун не имати, послуши ему не надобе, но ити ему самому роте, аже ся почнетъ запирати» (Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 67).

³ Там же. С. 100.

⁴ Там же. С. 304, 306–308.

⁵ Там же. С. 335. По существу, это была норма, устанавливавшая форму «кредитных операций в торговой среде», относительно особенностей которых в комментарии к данной статье указано, что в отличие от периода Русской Правды, эти сделки оформляются письменно. Причем существенным является то, что взамен закладным доскам (являвшимся, согласно разъяснениям к ст. 28 грамоты, одним из способов оформления договора займа) появляются рядницы, копии которых хранятся в архиве Троицкого собора. «Рост товарооборота, увеличение численности купцов исключали и “домашние” способы заключения сделок. В связи с расширением круга лиц, ведущих торговые операции, уменьшается возможность неофициальных отношений между контрагентами. На первое место выступает *рядница*, но *рядница*, надлежащим способом оформленная. В противном случае это будет такой же неофициальный документ, как

поруки, или зблюдения или съсудиа, или выморшини безимянно, ино той не доискался»¹. Правило «О торговли и о поруке» содержала ст. 101: «А кто имеет на ком торговли искать, или поруку, или именного чего, ино того судить на того волю, на ком сочат, хочет на поле лезеть, или у креста положит»². То, что «корову купить за слюблено, а по торговли телят не сочить, а толка корова кровью помачиваться имет ино тая корова назад воротить, чтобы и день заплачены были» — устанавливала ст. 118³. Про торг упоминалось и в других нормах грамоты: в ст. 27 говорилось «А где учинится бой у торгу...»; ст. 46 устанавливала, что «А которой человек у человека знает свое что изгибшее, а тому молвит то слово: купил есми на торгу, а торгож есми не знаю, у кого купил, ино ему правда дать на том, что чисто будет на торгу купил, а с татем не поделился, а не поставит его, а сам не украл, ни пословицы не было будеть, ино тот не доискался»; в соответствии со ст. 47 «А кто што купил на чюжей земли или на городе, или найдеть где, а кто поймается толко, ино тот судить как в торгу»; ст. 56 предусматривала, что «А такоже, кто купил на торгу, а у кого купил, не знает его, а людем будет добрым ведомо, а у него имаются человек 4 или 5, скажут како право пред Богом, пред нами в торгу купит, ино той прав, у кого имаются, и целованья ему нет»⁴.

Нормы о купцах, о торге, «торговцах» и торговле содержались и Судебнике 1497 г. Это, в частности, и ст. 46 — аналог ст. 56 Псковской Судной грамоты⁵, и развившая положения ст. 47 Псковской Судной грамоты ст. 47 Судебника (устанавливавшая, что если «кто купит на чюжей земли что, а поймаются у него, и толко у него свидетелей два или три люди добрые скажут по праву, что перед ними купил в торгу, ино тот прав, у кого поимались, и целования ему нет; а не будет у него

и *доска*, а законодатель по традиции отдает предпочтение в этом случае *доске*» (Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 358, 362–363).

¹ Там же. С. 336. Термин «торговли» в данной статье трактуется историками как «денежные ссуды, связанные с совместным ведением торговли».

² Там же. С. 341.

³ Там же. С. 342–343. Речь шла о судьбе телят, родившихся после продажи коровы, т. е. о юридической судьбе принадлежности (приплода) (Там же. С. 386).

⁴ Там же. С. 334, 336, 337.

⁵ Буквально ст. 46 Судебника гласила: «О ТОРГОВЦЕХ. А кто купит на торгу что ново, опроче лошади, а у кого купит, не зная его, а будет людем добрым двема или трем ведомо и поймаются у него, и те люди добрые скажут по праву, что пред нима купил в торгу, ино тот прав, у кого поимались и целования ему нет» (Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. С. 60).

свидетелей, ино ему правда дати»¹), и ст. 55 «О ЗАЙМЕХ», содержащая выражение «идучи в торговлю» и рассчитанная на те же случаи, что и ст. 54 Пространной редакции Русской Правды (утраты купцами вследствие пожара, разбоя и т. п. заемных товара или денег)².

В том числе купцам – «торговым людям» и «торговым гостем» – были адресованы отдельные нормы и Судебника 1550 г. (в частности, ст. 26, 85, 90, 91, 95), в котором торговым отношениям был посвящен ряд новых норм. Например, ст. 93 предусматривала возможность покупки теперь «на торгу» старых вещей; при этом учитывая возможность продажи краденого, закон требовал наличия поручительства за продавца, при отсутствии которого купивший терял право на иск³. Другой новеллой являлась ст. 73⁴, предусматривавшая, по замечанию специалистов, «бытовавшие в гражданском обороте случаи несоразмерности иска с *жывотом* ищущих, а именно предъявление иска на большую, чем имущество истца, сумму путем включения в нее чужого *жывотом*, якобы находившегося у истца и изъятого во время боя или грабежа»⁵.

Помимо вышеуказанных норм, содержащихся в «сводных» законодательных актах (касающихся разнообразных общественных отношений), были и специальные акты, посвященные регламентации торговых отношений. В качестве примера можно привести Новгородский устав великого князя Всеволода о церковных судах, людях и ме-

¹ Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. С. 60.

² «А которой купецъ, идучи в торговлю, возмет у кого денги или товар, да на пути у него утерается товар безхитростно, истонет, или згорить, или рать возметь, и боярин обыскав, да велит дати тому диаку великого князя полетную грамоту с великого князя печятию, платити исцеву истину без росту. А кто у кого взявши что в торговлю, да шед пропиет или иным каким безумием погубит товар свой без напраздньства, и того исцю в гибели выдати головою на продажу» (Там же. С. 61).

³ «А кто купит на торгу что поношено у носящего или с лавки, ино тому купити с порукою с рядовою; а кто купит без поруки, и тому тем быти виновату» (Там же. С. 119, 169).

⁴ Которая гласила: «А которой человек скажет, что у него был жывот чюжей, и того обыскивати, был ли у него тот жывот и было ли столко того жывота; и чей скажет тот у него жывот был, ино про то обыскати, было ли у него столке жывота, и которым обычаем тот у него жывот взят; да по тому дело и вершити» (Там же. С. 114).

⁵ Там же. С. 158.

рилах торговых¹ – документ, которым князь устанавливал за городом контроль над торговыми мерами и связанный с ними суд, а также взимание торговых пошлин. В частности, в ст. 4 за городом закреплялось право использовать «мерила, иже на Торгу» – официальные эталоны объема и веса, применявшиеся в торговле и хранившиеся в городских «соборных церквах», а также «локоть еваньский» – эталон меры дины для измерения тканей². В ст. 15 устанавливалась ответственность епископа за правильное использование номинально принадлежавших ему торговых весов и мер: «Торговья вся весы, мерила и склавы воцанья, и пудовик медовый, и гривенка рублевая, и всякая известь, иже на Торгу промежи людьми от бога тако исконе установлено есть, епископу блюсти без пакости, ни умалити, ни умножити, а на всякий год извещивати. А скривится, а кому приказано, а того казнити близко смерти»³.

О торговле, торговых людях, правилах торговли говорилось и в положениях Соборного уложения 1649 г. (в частности, в ст. 26, 206, 269, 276 и др. гл. X «О Суде»⁴). Так, ст. 26 гл. X указанного акта гласила: «А против воскресных дней по вся суботы православным христианом от всякия работы и от торговли престати, и ряды затворити за три часа до вечера. А в воскресной день рядов не отпирать, и ничем не торговать, опричь съестных товаров и коньского корму. А съестные товары и конской корм овес и сено продавати по вся дни и часы невозбранно. А работы никакие в воскресной день никому не работать. Да и в Господьские праздники быти по тому же, как и в воскресные дни. А в которые дни бывает со кресты ход: и в те дни в рядех ничем не торговать и рядов не отпирать до тех мест, как ис ходу со кресты придут в соборную церковь, а потом торговать».

Признавая реальную значимость, а не номинальный характер всего массива приведенных выше норм, т. е. отражение в них наиболее актуальных и многочисленных, как можно полагать, ситуаций и отношений, существующих в обществе и нуждающихся в упорядочении, следует признать и факт наличия самих соответствующих со-

¹ В вопросе датирования данного документа историки не единодушны; разброс мнений варьируется от 1136 г. до конца XIV в. (см.: Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 249).

² Там же. С. 250–251, 255–256.

³ Там же. С. 252.

⁴ Там же. Т. 3. С. 106, 136, 148–149.

циальных связей¹. Отношения по присвоению и переходу благ существовали и до легального закрепления права собственности, но для их участников эти отношения были именно фактическими, на уровне материально-вещественного отграничения «своего», полученного в результате собственного завладения, и «чужого» как уже занятого кем-то другим². Поэтому даже если такие отношения по присвоению вещей и именовать собственностью, то именно собственностью, а не правом собственности. По существу, эти отношения являлись владением. На это не повлияло и законодательное закрепление права собственности, в подтверждение чего вновь приведем замечание С. В. Пахмана, сделанное им в 1877 г.: понятие права собственности «и поныне не установилось даже в законодательстве, так что самая выражения “собственность” и “владение” употребляются большею частию как синонимы»³.

Возвращаясь к общему вопросу о факторах, детерминирующих функционирование системы гражданского оборота, укажем, что еще одним исторически первым началом системы гражданского оборота следует считать *общественное разделение труда*, самым непосредственным образом обуславливающее необходимость удовлетворения субъектами своих потребностей за счет «чужих» благ. Можно утверждать, что по мере экономического развития общества отмеченное разделение только нарастает. Степень и масштабы производственной

¹ То же можно сказать и о советском периоде. Категорические возражения вызывают суждения типа «в Советском Союзе гражданского оборота не было», подкрепляемые указанием на отсутствие в нашем государстве того периода права частной собственности. Чем тогда обусловлены терминология и положения ст. 16, 20–23, 54, 181 ГК РСФСР 1922 г., п. 3 постановления Совмина СССР от 13 августа 1958 г. № 914 «Об утверждении Положения о Государственном архивном фонде Союза ССР и сети центральных государственных архивов СССР» (см. в § 1 гл. II разд. I монографии)?

² Об очевидности и бесспорности данного положения свидетельствует суждение С. В. Пахмана, предварившего свой тезис о том, что свойственное человеку стремление к исключительному и независимому обладанию определенными ценностями «первоначально проявляется в одном физическом господстве над вещами, основанном на индивидуальной силе, и всякое обладание носит характер чисто-физический» словами «как известно» (Пахман С. В. Обычное гражданское право в России. Юридические очерки. Т. 1. Собственность, обязательства и средства судебного охранения. СПб., 1877. С. 1).

³ См.: Там же. С. 2.

специализации¹, наблюдаемой сегодня во всех сферах (секторах) и на всех уровнях экономики (от микро- до мезо-, макро- и мега-)², очевидны любому обывателю и дают основание для вывода: общественное разделение труда не только обусловило появление оборота, но в форме специализации продолжает оказывать влияние на его функционирование и в настоящее время. В частности, оно определяет такое функциональное свойство системы гражданского оборота, как активность, которое, напомним, характеризует поведение системы, выражающее ее способность оказывать воздействие на среду, исходя из собственных целей или функциональных задач³. Подобное воздействие может заключаться, например, в необходимости выработки системой права (как самостоятельной, наряду с гражданским оборотом, подсистемой общества и в этом смысле элементом внешней среды системы оборота) юридических основ новых видов экономической (хозяйственной) деятельности⁴. Являясь по существу направлением

¹ В экономической теории этим термином обозначают: «1) сосредоточение деятельности на относительно узких, специальных направлениях, отдельных технологических операциях или видах выпускаемой продукции; 2) приобретение специальных знаний и навыков в определенной области; 3) разделение труда по его отдельным видам, формам» (*Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б.* Современный экономический словарь [Электронный ресурс]. М. : Инфра-М, 2011. Режим доступа: справ.-правовая система «КонсультантПлюс»). Выделяют такие виды специализации, как: предметная (выпуск конечного продукта), подетальная (выпуск отдельных деталей для производства готовой продукции), технологическая (специализация отдельных стадий технологического процесса) (Там же ; *Гацалов М. М.* Современный экономический словарь-справочник. Ухта : УГТУ, 2002. С. 306).

² В микроэкономике за основу анализа берется наименьшая хозяйственная единица – «домохозяйство» (отдельная фирма); мезоэкономика изучает законы и поведение определенных подсистем национальной экономики (агропромышленный комплекс, региональная экономика и т. п.); макроэкономика исследует экономику страны в целом; мегаэкономика изучает законы и поведение мировой экономики в целом (*Маховикова Г. А., Гукасьян Г. М., Амосова В. В.* Экономическая теория. С. 19).

³ *Резник Ю. М.* Указ. соч. С. 384.

⁴ Например, семейного предпринимательства, на необходимость специального законодательного регулирования в России которого указывается в отечественной юридической литературе (*Баркова Л. А.* Совершенствование российской правовой модели семейного предпринимательства с учетом зарубежного опыта правоприменения // Семейное и жилищное право. 2014. № 5. С. 6–9 ; *Левушкин А. Н.* Семейное супружеское предпринимательство и продажа бизнеса

естественного развития системы оборота, специализация обеспечивает также реализацию такого функционального процесса последней, как самовоспроизводство – спонтанное, т. е. самопроизвольно протекающее поведение системы, направленное на ее воспроизводство за счет внутренних ресурсов и резервов.

Другим внутренним ресурсом и резервом, обеспечивающим самовоспроизводство системы гражданского оборота, наверное, еще в большей мере, является непрерывно увеличивающий свои темпы *уровень материального, технического и технологического общественного развития*. Именно данный фактор обусловил в свое время переход общества от доиндустриальной экономики к индустриальной, а последней – к постиндустриальной. Очевидно, что при сохранении сущности системы оборота (выполнения последней функции смены обладателей имущественных благ) состав оборота, сложность его структуры и интенсивность в отмеченные периоды были различными. Материальное, техническое и технологическое развитие общества ведет к расширению и модификации экономических связей, порождая усложнение и видоизменение структуры системы гражданского оборота – появление в ней уровней¹, а в настоящее время – также «виртуализацию» пространства самого гражданского оборота, которая отражает новую эпоху в развитии человечества, характеризующуюся стиранием границ между физическими и цифровыми технологиями и обозначенную четвертой промышленной революцией. С этим связаны и функциональные интеграционные процессы (в ОТС понимаемые как объединение элементов и частей системы в целое, достижение системой целостности более высокого уровня): тенденция их расширения в системе оборота по мере прогресса материально-технического развития общества имеет характер общесистемной закономерности.

Рассматриваемый фактор детерминирует такое видовое свойство системы гражданского оборота, как ее динамический характер, предполагающий, как было отмечено, постоянное развитие данной систе-

супругов по законодательству Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 4. С. 25–30).

¹ Как отмечают системологи, в данном случае «системы каждого нижестоящего уровня есть элементы для построения системы более высокого уровня... Однако такое движение “вверх” по уровням иерархии не всегда соответствует повышению уровня организованности» (Малиновский А. А. Основные понятия и определения теории систем (в связи с приложением теории систем к биологии. С. 88).

мы, т. е. количественное и качественное изменение ее состава, структуры. Это обуславливает не только необходимость периодической корректировки существующих правовых норм, но и ставит вопрос о появлении в юридической науке и законодательстве принципиально новых разделов (например, так называемого «права роботов» или «робототехнического права»¹), побуждает правоведов к теоретическому решению новых, порожденных актуальной практикой, задач. Именно научно-техническое и технологическое развитие современного общества обусловило появление и все большее распространение цифровой (электронной) формы: возникли новые объекты гражданских прав, предполагающие существование их исключительно в цифровой (электронной) форме (это так называемое виртуальное имущество – «игровое имущество», криптовалюта, виртуальные токены, доменные имена, аккаунты пользователей и стикеры в социальных сетях и др.); приобрели новую – цифровую (электронную) – форму многие объекты гражданских прав, существовавшие в традиционной форме (это бездокументарные ценные бумаги, уже упомянутые объекты *digital art* – компьютерная анимация, электронная музыка, цифровая живопись и т. д.)². Очевидно, что фактические отношения, складывающиеся по поводу таких объектов, нуждаются в специальном правовом регулировании, учитывающем особенность цифровой формы соответствующего имущества. Однако законодательное регулирование в этой сфере на настоящий момент, по справедливой оценке М. А. Рожковой, «значительно отстает от потребностей оборота»³. Подобные виртуальные блага имеют реальную экономическую ценность, исходя из чего, применительно к ним, согласимся, вполне допустимо говорить об имущественных правах⁴. Вместе с тем имущественные права на такие объекты «не втискиваются ни в одну из раз-

¹ Аристов Е. В., Кузнецова О. А. К вопросу о формировании и развитии права роботов (правового регулирования робототехники) // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательское право; право и управление. 2018. № 8 (99). С. 58–62. См. также: Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А. Может ли робот быть субъектом права? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24–48.

² Подробнее об этом см.: Рожкова М. А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым.

³ Рожкова М. А. Информация как объект гражданских прав, или Что надо менять в гражданском праве.

⁴ Рожкова М. А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым.

*работанных в доктрине разновидностей правоотношений»*¹, в связи с чем, на наш взгляд, заслуживает поддержки тезис о необходимости расширения круга абсолютных правоотношений за счет включения в него новой разновидности гражданских правоотношений – имущественных отношений по поводу нематериальных объектов, существующих исключительно в цифровой (электронной) форме и имеющих экономическую значимость².

Возвращаясь к общему вопросу о фактических социальных обстоятельствах функционирования системы гражданского оборота следует указать также на *ограниченность и редкость ресурсов*, необходимых для производства благ. В экономической теории естественная ограниченность ресурсов (природных, инвестиционных, трудовых) интерпретируется как их конечность; редкость ресурсов заключается в том, что «все имеющиеся в распоряжении любого общества ресурсы всегда недостаточны для полного удовлетворения всех потребностей людей»³. Иногда такое разграничение не проводят, просто отмечая, что ресурсы «недостаточны, т. е. ограничены. Если бы ресурсов хватало, то не было бы надобности в экономической теории, поиске путей повышения уровня благосостояния общества»⁴.

С любой из указанных позиций об ограниченности ресурсов можно говорить не только в масштабах общества в целом, но и относительно каждого конкретного субъекта. В последнем случае влияние данного фактора на систему гражданского оборота усматривается в том, что в условиях ограниченности ресурсов перед субъектами – участниками оборота всегда стоит задача выбора: какими из своих потребностей они могут пренебречь и от каких благ, необходимых для удовлетворения этих потребностей, они готовы отказаться. Безусловно, это не может не сказываться на системе связей, образующих гражданский оборот, на избираемых субъектами моделях своего поведения и, следовательно, на соответствующих формах правового опосредования (например, заключение с целью получения имущества договоров не купли-продажи, а мены, аренды, найма и т. п.).

¹ Рожкова М. А. Информация как объект гражданских прав, или Что надо менять в гражданском праве.

² Там же.

³ Маховикова Г. А., Гукасян Г. М., Амосова В. В. Экономическая теория. С. 30.

⁴ Сидоров В. А., Кузнецова Е. Л., Болик А. В. Общая экономическая теория [Электронный ресурс] : учеб. для студ. высш. учеб. заведений. Майкоп : ЭЛИТ, 2017. Режим доступа: <http://201824.selcdn.ru/elit-050/index.html>. С. 18.

В числе онтологических факторов, влияющих на систему гражданского оборота, нельзя не выделить и *географический* фактор. Его значимость отмечают, в частности, экономисты¹, по мнению которых главными условиями, или средами, в которых осуществляется деятельность людей, являются две: социальная (общественная) и естественная (географическая); к социальной среде жизни людей относят отношения собственности и социальное устройство общества, к естественной среде – разного рода ресурсы и иные условия жизни².

Географический фактор, на наш взгляд, влияет на ряд моментов. Прежде всего, этим определяется объем и скорость оборота. В качестве пояснения приведем слова В. И. Курдиновского, который, рассматривая в свое время право соседства, писал: «Размеры Русского государства необъятны. Население многих местностей незначительно... Границы отдельных владений кое-где не определены и поныне. Понятное дело, что при таких условиях редки были столкновения между соседями...»³, в том числе, – дополним мы – в связи с оборотом имеющихся у них благ. Представляется бесспорным, что процесс гражданского оборота, скажем, в районах Крайнего Севера протекает значительно медленнее, чем в любом из российских мегаполисов; в последних система гражданского оборота функционирует более интенсивно. Соответственно, разнится и объем товарооборота. Природно-климатические, суть, также географические условия объективно определяют, кроме этого, потребности субъектов и, следовательно, преобладающие объекты оборота (их состав) в границах той или иной территории, климатической зоны: очевидно, что, например, в Иркутской области в отличие от Краснодарского края потребность в меховых изделиях и удельный вес последних в общем количестве оборачиваемых объектов несравнимо больше, чем потребность в пляжных купальных костюмах и их доля на рынке.

С точки зрения функционирования системы гражданского оборота под воздействием географического фактора проявляется, в частности, такое свойство данной системы, как «реактивность» (характеризующее поведение системы, однозначно обусловленное воздей-

¹ Курс лекций по основам экономики; микроэкономике; макроэкономике / под ред. В. П. Горева. С. 478, 493, 497 и др.

² Маховикова Г. А., Гукасян Г. М., Амосова В. В. Экономическая теория. С. 29–30.

³ Курдиновский В. И. К учению о легальных ограничениях права собственности на недвижимость в России. Одесса : «Экон.» тип., 1899. С. 229–230.

ствием среды¹), а также свойство адаптивности (характеризующее степень приспособленности системы к новым условиям ее развития²) и соответствующий ему функциональный процесс приспособления системы к изменяющимся условиям жизнедеятельности – адаптацию.

В отдельную группу онтологических начал функционирования системы гражданского оборота можно выделить факторы, *характеризующие субъектов – участников гражданского оборота*.

К ним, на наш взгляд, прежде всего, следует отнести *безграничность потребностей субъектов* в смысле их неутолимости. «Человек представляет собой испытывающее нужду животное и редко достигает состояния полного удовлетворения, разве что на короткое время. Как только удовлетворяется одно желание, тут же его место занимает другое. Когда и оно удовлетворено, на передний план выступает третье и т. д. Отличительной чертой человека на протяжении всей его жизни является то, что он беспрерывно чего-то желает», – писал знаменитый американский психолог А. Маслоу³, как известно, расположивший все потребности человека в виде определенной иерархии, получившей название «пирамида Маслоу». Эмпирический опыт убеждает нас в абсолютной справедливости данного суждения: удовлетворив все «низшие» потребности, человек не останавливается и продолжает подниматься вверх по пирамиде потребностей все выше и выше. Именно данным началом обусловлены и эмерджентность системы гражданского оборота (т. е. свойство системы и ее компонентов, связанное с поддержанием целостности системы и обусловленное наличием в ней интегративных связей⁴), и ее устойчивость (т. е. способность системы поддерживать намеченный режим функционирования, сохранять равновесие, несмотря на возмущающие воздействия⁵). Иными словами, именно благодаря неиссякаемости человеческих потребностей люди, несмотря на внутренние колебания или внешние потрясения, будут изыскивать возможности и средства для

¹ Резник Ю. М. Указ. соч. С. 384.

² Там же.

³ Маслоу А. Х. Мотивация и личность. М. : Питер, 2014. С. 37–38. Он определил пять наборов целей, которые обозначил базовыми потребностями и отнес к ним: физиологические нужды, потребность в безопасности, потребность в любви, потребность в удовлетворении чувства собственного достоинства и потребность в самоактуализации. Подробнее см.: Там же. С. 45–55.

⁴ Резник Ю. М. Указ. соч. С. 385.

⁵ Там же.

удовлетворения своих потребностей, вновь и вновь порождая интегративные связи, образующие существо гражданского оборота, и тем самым делая последний *бесконечно функционирующей системой*.

Еще одним онтологическим началом функционирования системы гражданского оборота является *разумность как природная познавательная способность физических лиц*, непосредственно участвующих в гражданском обороте, адекватно воспринимать окружающую действительность, понимать связь вещей и явлений и действовать целесообразно этой связи¹. Указанную способность субъектов как компонентов системы гражданского оборота уже в первом приближении нельзя не соотнести с таким функциональным свойством любой системы, как целесообразность – способность элементов и подсистем подчинять свое поведение общим целям системы². Более того, разумность не только обуславливает определенное (целесообразное) поведение участников системы гражданского оборота, в том числе следование ими существующим правилам и нормам, но и выступает началом, буквально – источником самоорганизации и саморегуляции данной системы, т. е. деятельности по выработке внутренних правил или моделей действия оборота (обыкновений, договорных конструкций и т. п.), а также реакции на то или иное воздействие на систему оборота со стороны внешней среды, включая установления позитивного права. По своей природе отмеченные «внутренние» правила системы гражданского оборота являются социальными нормами³, которые, так

¹ Такое определение можно дать исходя из этимологического анализа термина «разумность» и того значения, в котором в современной философии понимается «разум»; последний определяется как «способность, деятельность человеческого духа, направленная не только на причинное, дискурсивное познание (как рассудок), но и на познание ценностей, на универсальную связь вещей и всех явлений и на целесообразную деятельность внутри этой связи» (см. соотв.: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 4. СПб., 1996. С. 53 ; *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Указ. соч. С. 655 ; *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 2. М. : Рус. яз., 1999. С. 289 ; *Философский энциклопедический словарь* / ред.-сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. С. 383). Подробнее о категории «разумность» в гражданском праве см.: *Виниченко Ю. В.* Разумность в гражданском праве России.

² *Резник Ю. М.* Указ. соч. С. 385.

³ Относительно которых в общетеоретической юридической литературе отмечается, что «социальные нормы создаются *разумными существами*, которые чаще всего могут предвидеть последствия, связанные с ее действием», и неоднократно указывается, что в определенный исторический период знания

же как и противопоставляемые им правовые нормы, являются «продуктом человеческой головы»¹: именно благодаря разумности как познавательной способности физических лиц «постоянным комбинациям конкретных отношений сосуществования»² придается значимость и складывается их регламентация; причем в виде норм получают оформление наиболее целесообразные (разумные, рациональные), а потому необходимые с позиций данного конкретно-исторического общества, модели поведения. Как писал В. М. Хвостов, «разум, отличающий человека от животного, дает возможность сознательно относиться и к социальной жизни... Многое в истории человеческих обществ является продуктом условий, не зависящих от человеческого рассудка и не входящих в людские расчеты... Но тем не менее целевая деятельность людей, освещаемая данными познания, составляет могущественный фактор социального развития. Она приводит к тому, что и формы человеческого общежития не остаются одними и теми же, но постоянно развиваются и разнообразятся»³.

Особое место в ряду онтологических факторов функционирования системы гражданского оборота занимают *персональные ценностные качества субъектов*, представляющие из себя, как уже отмечалось, сформированные у субъектов под влиянием социума их этические, морально-нравственные личностные свойства (в частности, справедливость, добросовестность).

В данной связи, прежде всего, сделаем оговорку терминологического толка – об использовании терминов и соответствующих им понятий «этика» («этический»), «мораль» («моральный») и «нравственность» («нравственный»). Предприняв попытку их разграничения, и

людей и их сознание, интеллектуальные способности, уровень абстрактного мышления были еще слишком несовершенны или, напротив, достаточно высокими для появления тех или иных фактов правовой действительности (*Кашанина Т. В.* Происхождение государства и права : учеб. пособие. М. : Высш. образование, 2009. С. 200–201, 217–218, 219, 225, 228, 241, 243 и др.).

¹ Выражение А. М. Даниеляна (*Даниелян А. М.* Содержание и форма социалистического права : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. Ереван, 1971).

² Выражение Д. Д. Гримма (*Гримм Д.* Соотношение между юридическими институтами и конкретными отношениями. М. : Тип. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1914. С. 6).

³ *Хвостов В. М.* Общая теория права. Элементарный очерк. М. : Университет. тип., 1905. С. 9–10.

убедившись, что интерпретация данных терминов неоднозначна¹, а их исходные значения близки до уровня смешения², поскольку это не приблизит нас к сути основного вопроса – о влиянии соответствующих факторов на функционирование системы гражданского оборота – мы позволили себе обобщенно обозначить эти факторы как «ценностные» (т. е. отражающие дихотомии «добро и зло», «добродетель и порок», «справедливость и своенравность», «правильное и неправильное» и др.), безотносительно к их характеристике как этических, моральных, нравственных, морально-нравственных, морально-этических и т. п.

Что касается добросовестности и справедливости, то также не останавливаясь на подробном анализе соответствующих категорий, укажем в общем виде, в чем, с одной стороны, в науке усматривают онтологический характер собственно справедливости и добросовестности и в чем, с другой стороны, по нашему мнению состоит онтоло-

¹ Так, в Современном философском словаре указано: «Первоначально понятия “этика”, “мораль” и “нравственность” совпадали и означали науку о человеческих нравах. Позже, по мере развития общественного сознания и самой науки, за ними стали закреплять различные смыслы. Под этикой стали понимать теоретическую науку, область философии, которая изучает мораль (нравственность). Под моралью – само реальное общественное явление (форма отношений людей в обществе и совокупность норм (правил), регулирующих эти отношения). Вместе с тем, “мораль – не просто то, что есть; она, скорее, есть то, что должно быть” (А. А. Гусейнов, Р. Г. Апресян). В общекультурной лексике “нравственность” считается русским аналогом латинского слова “мораль”» (Современный философский словарь / под общ. ред. В. Е. Кемерова. М. : Академ. проект, 2004. С. 408).

² Например, в одном из энциклопедических изданий указано: «Нравственность – термин, употребляемый, как правило, синонимично термину “мораль”, реже – “этика”» (Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. М. : Гардарики, 2004. С. 587). Другой словарь содержит следующее, близкое, пояснение: «Нравственность – один из самых важных и существенных факторов общественной жизни, общественного развития и исторического прогресса; мораль» (Философский энциклопедический словарь. С. 309). Исходя из этого, можно сделать вывод об отождествлении слов «нравственность» и «мораль». В то же время примечательно, что, в частности, в последнем из указанных изданий слову «мораль» посвящена отдельная словарная статья, из содержания которой следует, что связь этого термина с лексемой «нравственность» состоит лишь в том, что «мораль» происходит «от лат. *moralis* – нравственный» (Там же. С. 275–276). Ожидаемые в случае синонимичности терминов «перекрестные» отсылки между указанными словарными статьями отсутствуют.

гическое значение их как персональных качеств субъектов, влияющих на функционирования системы гражданского оборота.

Справедливость¹, «с древних времен», как отмечается в литературе, означающая «компромисс, сочетание противоположных интересов, в результате которого каждый получает “свое”»², аналогичным образом – как оплот баланса интересов различных субъектов – воспринимается и в настоящее время, причем не только в доктрине. Так, из положений п. 9, 10 постановления Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах»³ недвусмысленно следует, что несправедливость, в частности, договорных условий заключается в нарушении баланса интересов сторон. Аналогичная позиция ранее была высказана Конституционным Судом РФ, указавшим на то, что принципы соразмерности и справедливости «предполагают необходимость обеспечения справедливого баланса между общественными интересами и правами частных лиц в договорных отношениях»⁴. Являясь своего рода границей в реализации личных интересов, справедливость отражает то, что «выгодно не одному, а всем, на чем все могут сойтись»⁵, т. е. уже не только личный, но и

¹ В отечественной цивилистике этический характер принципа справедливости признают, например, А. Г. Карапетов, А. И. Савельев, Д. Е. Богданов, С. А. Иванова (*Карапетов А. Г., Савельев А. И. Свобода договора и ее пределы*. М. : Статут, 2012 ; *Богданов Д. Е. Справедливость как основное начало гражданско-правовой ответственности в российском и зарубежном праве : монография*. М. : Проспект, 2013. С. 19 и след. ; *Иванова С. А. Указ. соч.* С. 16).

² *Аракелян А. Ю. Справедливость в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Краснодар, 2008. С. 58.*

³ Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.

⁴ См.: п. 4 мотивировочной части постановления КС РФ от 06.06.2000 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца третьего пункта 2 статьи 77 федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” в связи с жалобой открытого акционерного общества “Тверская прядильная фабрика”» (Рос. газ. 2000. 15 июня).

⁵ *Иеринг Р. Цель в праве*. СПб., 1881. С. 109. Ср.: «А будет кто истец и ответчик в суде пошлютца оба на *обчую правду*, а после того на другой или на третий день, или неделю спустя, у тех же у истца и у ответчика будет суд в ыном в каком деле, и кто из них учнет на суде слатца на тое первую ссылку, а другой тое первую ссылку учнет отводить и скажет с тою первую ссылкой какую нибудь недружбу, и тое ссылки в последнем иску не допрашивать, а перчой суд вершить по той *опчей ссылке* (курсив наш. – Ю. В.)» (ст. 181 гл. X «О суде» Соборного уложения 1649 г. См.: Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. С. 131).

общественный интерес, понимаемый как разновидность социальной потребности, обусловленной объективным состоянием развития общества и направленной на самосохранение и дальнейшее совершенствование последнего¹.

Онтологический характер справедливости обосновала А. Ю. Аракелян. Исследуя категорию «справедливость» в российском гражданском праве, она отмечает, что, появляясь изначально «как врожденное чувство, побуждение, потребность», справедливость с течением времени «переходит в умственную сферу и приобретает характер идеи»², которая, выступая «компонентом общественной жизни», содействовала образованию гражданского права, являлась «генетическим его основанием», т. е. онтологическим началом права³. Примечательным в контексте нашей работы является следующий вывод А. Ю. Аракелян, сделанный ею в результате анализа воззрений романистов на историю взаимодействия римского права и справедливости: «Римское право связывало сущность категории “справедливость” с преобладанием в гражданском обороте личностного начала... Таким образом, требование справедливости заключалось в том, что в процессе применения правовых норм следовало исходить из потребностей гражданского оборота, которые помимо прочего предусматривали необходимость учитывать истинную волю субъектов правоотношения»⁴.

Добросовестность, тезис о нравственном характере которой в российской гражданско-правовой доктрине является широко признанным⁵, в цивилистической доктрине понимается в двух смыслах —

¹ Алиева И. Д. Гражданско-процессуальная защита прав и охраняемых законом интересов других лиц по законодательству Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Махачкала, 2000. С. 29.

² Аракелян А. Ю. Указ. соч. С. 117.

³ Там же. С. 119, 25, 58.

⁴ Там же. С. 58, 68.

⁵ Белов В. А. К вопросу о недобросовестности налогоплательщика: критический анализ правоприменительной практики. М : Волтерс Клувер, 2006 // Режим доступа: справ.-правовая система «КонсультантПлюс» ; Богданова Е. Е. Указ. соч. С. 11, 24–25 ; Василенко Е. В. Категории «добросовестность» и «разумность» в гражданском праве: вопросы соотношения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Краснодар, 2012. С. 8 ; Попова А. В. Указ. соч. С. 11–12 ; Татарников А. В. Принципы разумности и добросовестности в гражданском праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2010. С. 25. Об отдельных аспектах добросовестности в гражданском праве см. также: Булаев-

в объективном и в субъективном: добросовестность в объективном смысле (объективная добросовестность) трактуется как «внешнее мерило», масштаб, стандарт оценивания поведения субъектов¹; добросовестность в субъективном смысле (субъективная добросовестность) – как осведомленность (знание или незнание) конкретного лица о каких-либо фактических обстоятельствах, как извинительное незнание о фактах или правах других лиц². Добросовестность в объективном смысле, по мнению ряда авторов, (так же, как и справедливость) имеет онтологическое значение, которое проявляется в том, что она, выступая сначала критерием оценки личностных качеств отдельных членов общества, со временем становится эталоном социального поведения и в таком виде начинает непосредственно влиять

ский Б. А. Презумпция добросовестности в вещных правоотношениях // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2013. № 6 (92). С. 121–125 ; *Ширвиндт А. М.* Принцип добросовестности в ГК РФ и сравнительное правоведение // *Aequum ius*. От друзей и коллег к 50-летию профессора Д. В. Дождева. М. : Статут, 2014. С. 203–242 и др.

¹ В этом значении добросовестности выступает как принцип гражданского права, системное толкование которого «позволяет включать в его содержание обязанность субъекта правореализации обнаруживать соответствующую заботливость о правах и интересах других участников гражданского оборота» (*Кузнецова О. А.* Системное толкование принципов гражданского права // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. № 101 (07). С. 1453–1462. URL: <http://ej.kubagro.ru/2014/07/pdf/94.pdf>).

² *Новицкий И. Б.* Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 1916. № 6. С. 56 ; *Белов В. А.* К вопросу о недобросовестности налогоплательщика: критический анализ правоприменительной практики. § 2 Ч. 1 ; *Дроздова Т. Ю.* Добросовестность в российском гражданском праве. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2006. С. 13 ; *Жгулев А. А.* Добросовестность при исполнении обязательства. М. : Инфотропик Медиа, 2011. С. 3 ; *Мазур О. В.* Требование разумности в соотношении с требованием добросовестности в гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. СПб., 2012. С. 7 ; *Сулейменов М. К.* Добросовестность в гражданском праве: проблемы теории и практики // Добросовестность в гражданском праве : материалы междунар. науч.-практ. конф. в рамках ежегод. цивилист. чтений, посвящ. 20-летию Граждан. кодекса Респ. Казахстан (Алматы, 22–23 мая 2014 г.) / отв. ред. М. К. Сулейменов. Алматы, 2014. С. 21–24 ; *Демкина А. В.* Добросовестность лица и достоверность данных реестра юридических лиц // Гражданское право. 2017. № 4 ; Принципы гражданского права и их реализация : монография / под ред. Т. П. Подшивалова, Г. С. Демидовой. М. : Проспект, 2017. С. 111–112 (автор раздела – Т. П. Подшивалов).

на содержание принимаемых в этом обществе правовых норм. Как отмечает Т. В. Новикова, относя добросовестность к онтологическим (историческим) началам права, «частное право должно развиваться именно посредством дальнейшей кристаллизации правил поведения, сложившихся и поощряемых в обществе... Следовательно, признание правил добросовестного поведения одним из исторических начал частного права будет способствовать формированию более социально обоснованных частноправовых предписаний»¹.

Справедливость и добросовестность, равно как и иные персональные ценностные качества субъектов, следует относить не к гносеологическим, а к онтологическим началам функционирования гражданского оборота ввиду свойственности их субъектам как элементу данной системы. Иными словами, персональные ценностные качества субъектов выступают факторами, онтологически (бытийственно) обуславливающими функционирование системы гражданского оборота, поскольку являются не «голой» идеей, абстрактными представлениями о справедливости и добросовестности, а *качествами, реально воплощенными в конкретных лицах*, и, таким образом, существующими в этой системе как некая объективно наличествующая данность, непосредственно детерминирующая действия (функционирование) субъектов, а через это – и функционирование системы гражданского оборота в целом.

Следует заметить, что к числу ценностных качеств субъектов могут быть отнесены не только справедливость и добросовестность². Так, Н. Л. Бондаренко, отмечая дискуссионность вопроса о необходимости использования этических ценностных категорий в гражданско-правовых отношениях, пишет, что «вместе с тем эффективное функционирование гражданского оборота возможно только на основе доверия его участников друг к другу, государству, законодателю, судебной системе»³. По ее мнению, «в контексте гражданского права доверие может рассматриваться как фактор, активизирующий граж-

¹ Новикова Т. В. Понятие добросовестности в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Краснодар. 2008. С. 153.

² Именно по этой причине мы сделали оговорку «в частности».

³ Бондаренко Н. Л. Доверие как условие эффективного гражданского оборота // Пятый пермский международный конгресс ученых-юристов : материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Пермь, Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 24–25 окт. 2014 г.) / отв. ред. О. А. Кузнецова ; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2014. С. 64.

данский оборот»¹; соответственно, дефицит доверия выступает, на взгляд ученого, одним из важнейших факторов, тормозящих развитие гражданского оборота и снижающих его эффективность, в частности, в Республике Беларусь². При этом доверие автор трактует как «психологическое состояние, когда субъект добровольно, осознанно и без колебаний ставит свое личное благополучие в зависимость от внешнего фактора, которому доверяет»³. Укреплению доверия, полагает Н. Л. Бондаренко, будет способствовать «усиление ответственности (в том числе и персональной) субъектов хозяйствования, государственных органов, законодателя и судей за принимаемые ими решения», и отмечает, что эффективный гражданский оборот «немыслим без доверия к законодателю, определяющему “правила игры”»⁴.

Позиция Н. Л. Бондаренко в части рассмотрения доверия как фактора, оказывающего влияние на гражданский оборот, принципиальных возражений не вызывает и в целом заслуживает поддержки. Вместе с тем не вполне ясно, что понимает автор под эффективностью гражданского оборота⁵. На наш взгляд, термин «эффективный» применительно к гражданскому обороту является излишним, поскольку противоположного – неэффективного гражданского оборота быть не может: выражение «эффективный гражданский оборот» буквально означает, что гражданский оборот достигает определенного эффекта (результата), а по существу – что он функционирует; но если гражданский оборот не будет функционировать (достигать результата своего действия – смены обладателя (обладателей) благ), следует констатировать, что он отсутствует.

Кроме этого, не можем согласиться с тезисом Н. Л. Бондаренко, согласно которому «правила игры» для гражданского оборота определяет законодатель. Безусловно, роль позитивного права в нормировании системы оборота весьма значительна. Однако неверно полагать, что поведение этой системы зависит исключительно от внешнего законодательного воздействия на нее. Гораздо большее влияние на

¹ Бондаренко Н. Л. Доверие как условие эффективного гражданского оборота.

² Там же. С. 65.

³ Там же. С. 64.

⁴ Там же. С. 65.

⁵ Выражение «эффективность гражданского оборота» используют и другие авторы (см., например: Семякин М. Н. К вопросу о концепции цивилистической науки // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 17 (372). Право. Вып. 43. С. 125).

функционирование гражданского оборота оказывают рассмотренные онтологические начала¹.

В силу своей объективной природы, т. е. существования вне и независимо от человеческого сознания, онтологические начала имеют характер сущностно неизменных данностей, закономерностей. При этом все они, за исключением географического фактора, по характеру происхождения и влияния на гражданский оборот являются *внутри-системными*, следовательно, *эндогенными* факторами. А именно такие факторы, как персонификация имущества, общественное разделение труда, уровень материального, технического и технологического общественного развития, ограниченность и редкость ресурсов можно объединить в группу *экономических начал*, эндогенный характер которых по отношению к системе гражданского оборота вытекает из того, что последняя относится, как мы установили, к экономической сфере общества. Что касается таких факторов, как безграничность потребностей субъектов, разумность (природная познавательная способность физических лиц) и персональные ценностные качества субъектов, то они относятся к числу эндогенных, т. е. определяющих действие системы гражданского оборота изнутри, на том основании, что характеризуют участников гражданского оборота, являющихся *элементом* данной системы.

Объективный характер существования онтологических начал функционирования системы гражданского оборота, а также их принадлежность к числу эндогенных факторов, которые, как было отмечено, детерминируют внутреннее *естественное* (эволюционное, закономерное) развитие системы оборота, с одной стороны, свидетельствуют о самодостаточности данной системы, о ее высоком самоорганизационном потенциале, а с другой, юридически-значимой, – позволяют, *при условии знания таких факторов*, относительно точно *определять тенденции развития гражданского оборота и на этом основании – направления соответствующего правового воздействия на него*². В частности, про-

¹ Уместно напомнить и о такой функции системы гражданского оборота, как самоорганизация.

² В данной связи сошлемся на позицию М. Н. Семякина, который анализируя основные тенденции развития российского гражданского законодательства, выделяет в их числе усиление дифференциации (детализации и конкретизации) гражданско-правового регулирования общественных отношений и отмечает: «В частности, необходимо уяснить, каковы *онтологические основания* (курсив наш. – Ю. В.), а также эпистемологические (познавательные) пределы

гнозируемым является появление в гражданском обороте новых видов хозяйственной деятельности и расширение интеграционных процессов (что объективно обусловлено постоянным развитием производственной специализации), новых видов объектов (что детерминировано материально-техническим и технологическим социальным прогрессом), повышение общего уровня потребностей субъектов (что диктуется уровнем материального развития современного общества, а также безграничностью потребностей субъектов) и т. д. Безусловно, для конкретики и точности соответствующих прогнозов необходимы дополнительные «вводные» данные, например: информация о том, в каких направлениях ведутся перспективные научно-технические исследования и экспериментальные технологические разработки – для выявления объектов, которые могут потребовать оформления их специального правового режима; статистические данные о количестве и составе потребляемых субъектами благ, степени удовлетворенности участников гражданского оборота актуальной ситуацией, их ожиданиях и т. п. – для определения организационно-правовых форм деятельности, договорных и иных конструкций, востребованных у субъектов оборота, достаточности этих форм и конструкций, готовности субъектов на пути удовлетворения своих потребностей безоговорочно следовать нормативно-правовым предписаниям.

В данной связи следует отметить, что уровень социального сознания, отраженного в персональных ценностных свойствах субъектов, равно как и уровень развития познавательных способностей, потребностей, у всех субъектов различен. Более того, поведение каждого из субъектов в сфере оборота с позиций морально-нравственной оценки, целесообразности принимаемых решений, не является стабильным (постоянным), наверняка предсказуемым. Указанные обстоятельства позволяют заклю-

подобного “уплотнения” гражданского законодательства» (Семякин М. Н. Основные тенденции развития гражданского законодательства Российской Федерации. С. 68). По справедливому замечанию ученого, в качестве онтологических оснований указанного явления, «не могут и не должны выступать различного рода казусы, зачастую встречающиеся на практике, когда правовая норма с фотографической точностью, как этого нередко требуют правоприменители, не отражает все “тонкости” и нюансы конкретной ситуации», что влечет предложения установить новые правовые нормы, изменить или дополнить действующие нормативные положения (Там же); изменение действующего законодательства, по мнению правоведа, должно быть обусловлено «причинами и обстоятельствами, носящими системный характер, отражающими те или иные явления, закономерности (их отдельные аспекты), тенденции социального, экономического и иного подобного порядка» (Там же).

чить, что именно рассматриваемые начала – факторы, характеризующие субъектов – участников гражданского оборота, – определяют отнесение системы гражданского оборота к числу вероятностных: согласно общесистемологическим представлениям, специфической особенностью вероятностных систем является «отсутствие регулярности в поведении элементов: их характеристики изменяют свои значения независимым образом»¹. Это обстоятельство следует учитывать при принятии тех или иных правовых норм либо иных государственно-управленческих решений, направленных на урегулирование гражданского оборота, изначально допуская наличие в прогнозах реакции последнего на определенное воздействие со стороны права доли «погрешности».

Обобщая изложенное, онтологическими (бытийственными) началами системы гражданского оборота следует признать:

1) *экономические факторы*, в их числе: а) персонификацию имущества; б) общественное разделение труда, на современном этапе имеющее форму производственной специализации; в) уровень материального, технического и технологического общественного развития; г) ограниченность и редкость ресурсов;

2) *географический фактор*;

3) *факторы, характеризующие субъектов – участников гражданского оборота*, в их числе: а) безграничность потребностей субъектов; б) разумность как природную познавательную способность физических лиц адекватно воспринимать окружающую действительность, понимать связь вещей и явлений и действовать целесообразно этой связи; в) персональные ценностные качества субъектов – их этические, морально-нравственные личностные свойства.

Онтологические начала функционирования системы гражданского оборота имеют объективный характер и, за исключением географического фактора, являются эндогенными, определяющими естественное (закономерное) развитие данной системы, исходя из чего, знание таких факторов позволяет определять тенденции развития гражданского оборота и на этом основании – направления соответствующего правового воздействия на него. В то же время часть онтологических начал функционирования системы гражданского оборота, а именно связанная с характеристикой субъектов – ее участников, содержит элемент флуктуации, что непременно следует учитывать при определении и реализации мер, направленных на регулирование гражданского оборота.

¹ Блауберг И. В. Целостность и система. С. 10.

§ 3. Гносеологические начала функционирования гражданского оборота

Гносеологические начала функционирования гражданского оборота, рассмотрению которых посвящен настоящий параграф, представляют собой основополагающие идеи (принципы, взгляды), влияющие на реализацию системой гражданского оборота выполняемых ею функций.

Исходя из того, что отмеченные начала являются теоретико-познавательными, *мировоззренческими*, а система гражданского оборота – одной из подсистем общества, следует признать, что идеальные, концептуальные основания системы гражданского оборота образуют представления, взгляды и воззрения, составляющие идеологическую¹ матрицу общества в целом. Развивая данную мысль, мы приходим к выводу, что основными гносеологическими началами системы гражданского оборота являются функционально призванные решению задач социального «смыслообразования», ценностно-нормативной ориентации социума *духовные и политико-правовые начала общества*, т. е., соответственно, его *общие морально-нравственные, этические и иные ценностные установки, и политические установки государства, объективированные в правовых нормах*.

Отвечая за идеологию, духовные и политико-правовые начала задают обществу систему координат, незримо, но безоговорочно детерминирующую характер и направления деятельности каждого его члена. Рождаясь в обществе и проживая в нем, каждый человек на протяжении всей своей сознательной жизни является носителем социального сознания о какой бы сфере или стороне его жизни не шла речь. В полной мере это относится и к сфере жизнеобеспечения – экономической, т. е. сфере гражданского оборота.

В качестве общего контекста социальных связей, посредством которых субъекты удовлетворяют свои насущные потребности, представления о справедливости, честности, добропорядочности, разумности, осмотрительности, щедрости, рачительности либо, напротив, несправедливости, бесчестности, подлости, недобропорядочности, нерациональности, неосторожности, меркантильности, расчетливо-

¹ От «идеология (от греч. idea – идея, представление и logos – слово, понятие, учение) – система (совокупность) взглядов и идей, в которых: (а) осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг другу; (б) выражаются основные интересы различных социальных групп» (Современный философский словарь / под общ. ред. В. Е. Кемерова. С. 261).

сти, расточительности, а также о желательном, возможном, необходимом и должном выступают непреложными условиями формирования у субъектов гражданского оборота тех или иных оценок, принятия ими тех или иных решений (в частности, относительно стоимости определенного блага, о выборе контрагента, о совершении сделки и др.), совершения ими тех или других действий.

Поведение отдельных участников оборота, а через него – и функционирование рассматриваемой системы в целом, определяют также *обычные* (обыденные, «житейские») *представления субъектов* и те *правила (модели действия), которые складываются внутри оборота*. Представляется, что именно указанные факторы подразумевал В. И. Синайский, когда, рассматривая вопрос об ответственности за фактические недостатки вещи, писал, что при решении вопроса, какие недостатки вещи и насколько уменьшают ее ценность, «судье приходится руководствоваться общими воззрениями оборота»¹.

Все выделенные группы гносеологических (мировоззренческих) начал функционирования системы гражданского оборота – духовные, политико-правовые и собственные правила и модели действия оборота – являясь *идеями (представлениями)*, субъективны по своей природе и, в отличие от объективно существующих онтологических начал, производны от человеческого сознания, порождаются им. Вместе с тем способ, характер их формирования различен. Так, духовные начала (принципы) общества, равно как и собственные правила оборота, складываются постепенно, естественным образом, в то время как политико-правовые установки, теснейшим образом связанные с изменениями социально-экономического и политического государственного строя, со сменой власти, обычно отличаются «революционным» характером как своего происхождения, так и содержания. С учетом этого, можно заключить, что из числа гносеологических начал функционирования системы оборота именно последние являются наиболее изменчивыми, произвольными.

Все многообразие идей (принципов, взглядов, представлений), оказывающих воздействие на реализацию системой гражданского оборота выполняемых ею функций, отличается друг от друга также характером происхождения и воздействия *относительно системы гражданского оборота*. В зависимости от этого, гносеологические начала функционирования гражданского оборота могут быть либо эн-

¹ Синайский В. И. Указ. соч. С. 344.

догенными, либо экзогенными. Гносеологические начала эндогенного происхождения складываются *внутри* этой системы, вследствие чего их влияние на функционирование гражданского оборота воспринимается как *естественное*, а потому является наиболее действенным, объективно-закономерным и оптимальным (т. е. наилучшим в данных условиях). В отличие от этого гносеологические начала экзогенного происхождения носят *внешний* по отношению к системе гражданского оборота характер, в связи с чем реакция на них этой системы и ее участников может быть различной: как нечто внешнее по отношению к системе, экзогенные принципы могут быть либо восприняты системой гражданского оборота (в этом случае можно говорить об адаптации системы к изменяющейся среде ее существования), либо не воспринято ею (что может повлечь отторжение системой «инородного» элемента – легально установленной «сверху» нормы).

Как представляется, духовные начала общества и собственные правила и модели действия оборота имеют эндогенный характер. В данной связи, однако, необходимо сделать оговорку относительно духовных начал (морально-нравственных, этических и иных ценностных социальных установок), которые, на первый взгляд, должны признаваться внешними для системы гражданского оборота, поскольку относятся к такой самостоятельной подсистеме общества, как духовная сфера. Вместе с тем отмеченные ценностные (аксиологические) начала, являясь не только ключевыми, базовыми идеями, но и исторически первыми социальными нормами, определявшими взаимодействие отдельных членов социума и их групп во всех сферах жизнедеятельности, со временем настолько прочно вкрапились в сознание субъектов гражданского оборота и настолько тесно переплелись с их обыденными представлениями и правилами самого оборота, что в значительной степени стали для оборота его внутренними, собственными условиями. Разграничение духовных начал общества и собственных правил оборота, обыденных представлений его участников является достаточно условным и определяется теоретико-познавательными задачами; в реальной жизни данные начала тесно взаимосвязаны. Особенно отчетливо это видно на примере обычного права, предваряя очерк о котором, С. В. Пахман в свое время писал: «Каковы бы ни были мнения о решениях наших волостных судов, но при ближайшем ознакомлении с ними нельзя не убедиться, что в них отражаются большею частью *чисто-народные юридические воззре-*

ния (курсив наш. – Ю. В.)»¹; при этом сами крестьяне как носители этих воззрений, по замечанию ученого, на предлагаемый им вопрос о том, есть ли у них какие-либо обычаи, как правило, заявляли, что «дела решаются “по справедливости”, “по убеждению совести”, “по человеку”, “по обстоятельствам” и т. п.»².

Что касается *политико-правовых установок государства* как еще одного выделенного нами вида гносеологических начал функционирования системы гражданского оборота, то они могут иметь как *эндогенный, так и экзогенный характер происхождения и воздействия на систему оборота*.

В первом случае нормативно-правовую фиксацию получают идеи (принципы, взгляды, представления), уже сложившиеся («созревшие»³), наличествующие в гражданском обороте. Таковы, например, нормы, закрепляющие требования (принципы) добросовестности, разумности и справедливости. Законодательное установление соответствующих гражданско-правовых правил, продиктованное стремлением законодателя повысить стабильность и защищенность гражданского оборота⁴,

¹ Пахман С. В. Указ. соч. С. XII.

² Там же. С. 390–391.

³ См.: Кузнецова О. А. Нормы-принципы российского гражданского права. М. : Статут, 2006. С. 61.

⁴ Об этом свидетельствует целый ряд положений Пояснительной записки к законопроекту о внесении изменений в ГК РФ. В частности, при пояснении ст. 1 в данном документе отмечалось, что «эффективное развитие рынка невозможно без укрепления начал автономии воли и свободы договора участников оборота. Однако неограниченная свобода в достижении экономических интересов таит в себе возможность дестабилизации оборота. Правила о добросовестности являются естественным противовесом правилам, утверждающим свободу договора и автономию воли сторон». Относительно положений ст. 53.1 и 53.4 ГК РФ в редакции законопроекта пояснялось, что лица, уполномоченные выступать от имени юридического лица, «должны возмещать убытки, причиненные ими юридическому лицу, если будет доказано, что при осуществлении своих прав и исполнении обязанностей они действовали недобросовестно или неразумно, в том числе если их действия (бездействие) не соответствовали обычным условиям гражданского оборота или обычному предпринимательскому риску». В пояснении нормы ст. 178 ГК РФ о том, что обязанность заблуждавшейся стороны по возмещению реального ущерба, возникшего у другой стороны, наступает не во всех случаях, а только тогда, когда другая сторона не знала о наличии заблуждения и не должна была знать об этом, указывалось, что «подобное регулирование в большей степени отвечает требованиям добросовестности поведения сторон в гражданском обороте». О «требованиях справедливо-

вне всяких сомнений, следует оценивать как наиболее оптимальное, а потому резонансное воздействие системы права на систему гражданского оборота, причем не столько потому, что ценностные по своей сути и оценочные по степени определенности своего содержания понятия «добросовестность», «разумность» и «справедливость» позволяют учитывать нюансы каждого конкретного случая¹, сколько ввиду того, что на всем протяжении существования общества идеи справедливости, добросовестности и разумности отражали, как было отмечено, «чисто-народные юридические воззрения». Так, и в Преамбуле к Конституции Российской Федерации² говорится о памяти предков, «передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость».

го оборота» говорилось в Пояснительной записке при разъяснении новеллы ГК РФ об умолчании как возможном способе обмана (п. 2 ст. 179). Изменения в положения ГК о представительстве (глава 10) призваны были «повысить защищенность и стабильность гражданского оборота, снизить риск лиц, вступающих в отношения с лицом, предъявившим доверенность, а также возложить риск недобросовестных действий представителя на представляемого при условии, что контрагент является добросовестным».

Взаимосвязь начал добросовестности, справедливости и гражданского оборота признается также на уровне судебной практики. Например, в п. 2 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 06.06.2000 г. № 9-П отмечено, что «ограничения права собственности, имущественных прав, а также свободы договора в гражданско-правовом обороте должны отвечать требованиям справедливости». В п. 2 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 21 апр. 2003 г. № 6-П указано, что «в силу статей 15 (часть 2), 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 55 (части 1 и 3) Конституции Российской Федерации и исходя из общеправового принципа справедливости защита права собственности и иных вещных прав, а также прав и обязанностей сторон в договоре должна осуществляться на основе соразмерности и пропорциональности, с тем чтобы был обеспечен баланс прав и законных интересов всех участников гражданского оборота – собственников, сторон в договоре, третьих лиц» (Рос. газ. 2003. 26 апр.).

¹ Как отмечал И. А. Покровский, «пусть я чужак, но я все же человек, и если право желает докончить свою задачу, оно должно признать и *право чужака на существование*» (см.: Покровский И. А. Абстрактный и конкретный человек перед лицом гражданского права // Вестник гражданского права. 1913. № 4. С. 41).

² Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ // Официальном интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 01.08.2014).

В данной связи в числе эндогенных политико-правовых начал, безусловно, следует указать и на иные установления Конституции РФ, в целом, касающиеся *свободы действий участников гражданского оборота*: норму, относящуюся к числу положений, составляющих основы конституционного строя РФ и провозглашающую, что в Российской Федерации гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности (п. 1 ст. 8); составляющие основы правового статуса личности нормы о том, что каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности и что не допускается экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию (ст. 34), что каждый вправе распоряжаться имуществом как единолично, так и совместно с другими лицами (п. 2 ст. 35), что никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда и что принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения (п. 3 ст. 35), что гарантируется право наследования (п. 4 ст. 35), что распоряжение землей и другими природными ресурсами, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц, осуществляются их собственниками свободно (п. 2 ст. 36).

Эндогенными по характеру происхождения можно считать также те положения, которые в результате модернизации отечественного гражданского законодательства по существу легально закрепили следующие обычные (обыденные, житейские) представления субъектов-участников гражданского оборота: идею, согласно которой гарантировать исполнение обязательства могут не только банки или иные кредитные организации, но и другие коммерческие организации (оправданное восприятие которой повлекло корректировку норм § 6 гл. 23 ГК РФ, ныне посвященного не банковской, а независимой гарантии); тезис о том, что в случае предъявления иска по ничтожной сделке лицом, не являющимся стороной сделки, начало течения исковой давности должно начинаться не с момента, когда началось ее исполнение, а со дня, когда это лицо узнало или должно было узнать о начале ее исполнения (п. 1 ст. 181 ГК РФ); принцип, согласно которому при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая

права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию (п. 3 ст. 307 ГК РФ).

Кардинально иными являются гносеологические начала экзогенного происхождения – они исходят от государства, которое при этом не просто осуществляет нормативно-правовую фиксацию определенных воззрений (идей), объективно сложившихся в гражданском обороте и выявленных посредством соответствующих научных исследований, но выступает именно «автором» (либо транслятором – в случае рецепции) их содержания. В действующем отечественном гражданском законодательстве примерами таких экзогенных положений могут служить нормы, воплотившие, в частности, идеи: о том, что адвокатские и нотариальные палаты, общины коренных малочисленных народов РФ являются особыми организационно-правовыми формами некоммерческих юридических лиц (ст. 50 ГК РФ); что хозяином вещи может считаться только ее собственник (п. 1 ст. 225 ГК РФ), а не фактический владелец; что размер процентов за неправомерное пользование чужими денежными средствами с 1 января 2019 г. следует определять ключевой ставкой Банка России, действовавшей в соответствующие периоды, а не средними ставками банковского процента по вкладам физических лиц (как это было установлено федеральным законом о внесении изменений в ГК РФ от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ), либо не ставкой рефинансирования Банка России (первоначальная редакция ст. 395 ГК РФ)¹.

Последние примеры иллюстрируют произвольный характер гносеологических начал экзогенного характера, не позволяющий однозначно указать на причину того или иного законодательного решения. Воплощение части из них, как можно полагать, продиктовано соображениями не сугубо правовыми, а в большей мере политическими, т. е. теми, которые соответствуют выполняемым государством функциям, возложенным на него в сфере регулирования экономических отношений² (распределения и перераспределения ресурсов и национального

¹ М. Н. Семякин усматривает в новой редакции нормы ст. 395 ГК РФ (в системной связи с положениями ст. 317.1 ГК РФ) проявление тенденции унификации гражданско-правового регулирования общественных отношений (см.: Семякин М. Н. Основные тенденции развития гражданского законодательства Российской Федерации. С. 65–66).

² По справедливому замечанию В. Д. Первалова, «необходимо четко различать участие государства в экономике и государственно-правовое регулиро-

дохода, контроля за деятельностью хозяйствующих субъектов, поддержания конкуренции и защиты прав потребителей и др.). Однако «эффективность» подобного – политико-правового – воздействия на систему гражданского оборота не всегда бесспорна и очевидна. В данной связи как нельзя более уместны слова С. С. Алексеева, в контексте вопроса о соотношении рынка и гражданского права указавшего на известные истории права случаи, когда «правовые формы, рожденные частным правом, не воспринимают и более того – сопротивляются навязыванию им “предмета”, отторгают его», и заключившего: «В этом и состоит истинная драма советского гражданского права... Это право находилось в непреодолимом противоречии (настойчиво сглаживаемом советскими цивилистами) с “планом”, “приоритетом государственной собственности” и другими управленческими, административными юридическими реалиями советского времени, упорно вводимыми официальной догмой в содержание гражданского права как отрасли социалистической правовой системы»¹.

Экзогенный характер нередко имеют и положения, «продвигаемые» в качестве «передового» опыта «цивилизованных правопорядков». Как справедливо отмечает Б. М. Гонгало, «необходимость обогащения российской науки гражданского права за счет концепций, сформулированных на базе иных правовых систем, не вызывает сомнения. Однако восприятие соответствующих концепций и адаптация их к условиям гражданского оборота в России не должны приводить к утрате уже накопленного»; в качестве примера ученый приводит институт доверительной собственности (траст)². Замечание относительно института траста делает также М. Н. Семякин, полагая, что «попытка механически “пересадить”» данный институт, характерный для англо-саксонской правовой семьи, на отечественную цивилистическую «почву» «закономерно потерпела неудачу», поскольку концепция доверительной собственности, «безусловно, является чужеродным элементом, противоречащим основополагающим концептам теории “вещного права”, цивилистическим ментальным представлениям, сложившимся в науке и на практике на протяжении всей истории существования цивилистического правоведения в России»³.

вание экономических отношений» (см.: *Перевалов В. Д.* Проблемы формирования социально-правового государства в России. С. 18).

¹ *Алексеев С. С.* Право: азбука – теория – философия... С. 598.

² *Гонгало Б. М.* Учение об обеспечении обязательств. С. 32–33.

³ *Семякин М. Н.* К вопросу о концепции цивилистической науки. С. 124.

Законодательное «продвижение» определенных концепций и конструкций заслуживает особой оговорки. По меткому замечанию Б. М. Гонгало, «обычно логика развития чего-либо позволяет предполагать определенные решения. И очень часто принимаются вовсе не те решения, которые следовало ожидать»¹. Наглядной иллюстрацией сказанного является общий ход реформирования российского гражданского законодательства. Как известно, на основе Концепции развития гражданского законодательства РФ был подготовлен проект федерального закона о внесении изменений в ГК РФ № 47538-6, 27 апреля 2012 г. принятый Государственной Думой РФ в первом чтении² (далее – законопроект № 47538-6). Однако далее Государственной Думой РФ было принято решение о последующем принятии данного законопроекта в виде отдельных законов о внесении изменений в различные разделы кодекса. Оценивая подобный порядок внесения изменений и дополнений в ГК РФ, В. В. Витрянский, непосредственно работавший над созданием Концепции развития гражданского законодательства РФ, отмечает, что принятие изначально единого законопроекта «по кускам» повлекло за собой немало отрицательных последствий, а именно несогласованность между собой отдельных новых положений, вносимых в разные части кодекса, а также утрату юридической ответственностью контроля над данной работой³. «Негативный результат не заставил себя ждать: правоведы, участвовавшие в подготовке Концепции и разработке законопроекта, с удивлением обнаружили в окончательном тексте законоположений, внесенных в Гражданский кодекс РФ, немало “новелл”, которые не предусматривались Концепцией и ни с кем из разработчиков не обсуждались. И напротив, на пути подготовки и принятия отдельных “кусков” законопроекта некоторые весьма важные новые законоположения были “потеряны”»⁴. На то, что «ко второму чтению в тексте неожиданно появился целый ряд неприятных сюрпризов, возникших почти из ниоткуда» указал, комментируя ос-

¹ Гонгало Б. М. Гражданское право. Жилищное право. Семейное право: Избранное. М. : Статут, 2011. С. 127.

² О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации : проект федерального закона № 47538-6 (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 27.04.2012 г.). URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=94778>.

³ Витрянский В. В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М. : Статут, 2016. С. 5.

⁴ Там же. С. 5–6.

новые положения реформы ГК РФ в части норм договорного права, и А. Г. Карапетов¹, так же участвовавший в разработке потенциальных новелл кодекса. В качестве примера можно привести ст. 157 ГК РФ «Сделки, совершенные под условием», в которую законопроектом № 47538-6 был введен п. 3 следующего содержания: «Сделка не может быть совершена под условием, наступление которого исключительно или преимущественно зависит от воли одной из сторон сделки, если иное не установлено законом или не вытекает из существа сделки. Совершение сделки под условием не допускается, если это противоречит существу сделки (заявление о зачете, доверенность и т.п.)»; федеральным законом РФ от 07.05.2013 г. № 100-ФЗ, которым были внесены изменения в раздел ГК РФ о сделках, данный пункт в положениях ст. 157 ГК РФ учтен не был. Другой пример – уже упомянутая норма ст. 395 ГК РФ, ко второму чтению законопроекта воплотившая правило об определении размера процентов за неправомерное пользование чужими денежными средствами не по учетной ставке банковского процента (ставке рефинансирования), как было первоначально в законопроекте № 47538-6, а по среднему уровню процентов по вкладам физических лиц; комментируя ее, А. Г. Карапетов восклицает: «Вот это сюрприз так сюрприз! По сравнению с ним остальное меркнет... Откуда взялась эта норма, не вполне понятно... Просто слов нет, честно говоря»². Представляется бесспорным, что подобные нормы-«сюрпризы» (или «сюрпризы в виде “теневых” поправок»³) также имеют экзогенный характер.

Безусловно, устанавливая «сверху» те или иные правовые нормы, государство отталкивается от того «фактического материала», с которым имеет дело. Как отмечает А. Г. Карапетов, «трудно отрицать, что право в значительной степени функционирует по модели “вызов – ответ”»⁴. Например, закрепление в ст. 10 ГК РФ такой формы злоупотребления правом, как обход закона⁵, следует воспринимать как реак-

¹ Карапетов А. Г. Реформа ГК РФ в части норм договорного права после второго чтения: комментарий к основным положениям [Электронный ресурс] // Закон.ру. 23.02.2015. URL: https://zakon.ru/blog/2015/2/23/reforma_gk_rf_v_chasti_norm_dogovornogo_prava_posle_vtorogo_chteniya_kommentarij_k_osnovnym_polozhen.

² Там же.

³ См.: Витрянский В. В. Указ. соч. С. 329.

⁴ Карапетов А. Г. Экономический анализ права. С. 16.

⁵ Указанные изменения были внесены ФЗ РФ от 30.12.2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 ч. 1 ГК РФ» (URL: <http://www.pravo.gov.ru>) и вступили в действие 1 марта 2013 г.

цию отечественного законодателя на количественное увеличение подобных случаев в современном гражданском обороте. В данной связи проведем параллель с ГК РСФСР 1922 г.¹, норма ст. 30 которого гласила: «Недействительна сделка, совершенная с целью, противной закону или в обход закона, а равно сделка, направленная к явному ущербу для государства». Подобная параллель обусловлена не столько тем, что именно в данном кодексе впервые в отечественном гражданском законодательстве было закреплено понятие «обход закона», сколько сходством той экономической ситуации в нашем обществе обоих исторических периодов (современного и периода новой экономической политики – 1921–вторая половина 1930-х гг.), в условиях которой данная категория получила свою законодательную фиксацию. Современные российские реалии, конечно, не стоит равнять со временами НЭПа; в то же время нельзя, как представляется, не обратить внимания на имевший место тогда и сейчас «расцвет» скрытых теневых процессов, с позиций юридической квалификации как раз и подпадающих под категорию обхода закона. Вспомним хотя бы «Дело Александра Ивановича Корейко», так искусно описанное И. Ильфом и Е. Петровым в «Золотом тельняшке»². В приговоре, озвученном великим комбинатором скромному конторскому работнику «Геркулеса» в августе 1930 г., фигурируют так узнаваемые деяния отдельных современников: торговля казенными медикаментами во время голода и тифа, а также работа по снабжению, которая привела к исчезновению железнодорожного маршрута с продовольствием, шедшего в «голодающее Поволжье»; две обыкновенные бочки, наполненные водопроводной водой, носившие, правда, выразительное название «Промысловая артель химических продуктов “Реванш”» и принесшие четыреста тысяч золотых рублей; строительство электростанции; спекуляция валютой, камушками, мехами и прочими «компактными предметами первой необходимости»; серия «самовзрывающихся акционерных обществ под цветистыми нахально-кооперативными названиями»... Актуальность и востребованность законодательного закрепления запрета обхода закона как общего предела осуществления гражданских прав в таких условиях сомнению не подвергаются.

¹ Известия ВЦИК. 1922. № 256. Режим доступа: справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

² URL: <http://libraryebook.ru/klassicheskaya-proza/zolotoj-telenok-ilya-ilf-i-evgenij-petrov.html>.

В то же время гражданский оборот остро нуждается не просто в рефлексии на определенные ситуации или их паллиативе со стороны государства, а в принятии последним «опережающих»¹, «рабочих» и, главное, сбалансированных, оптимальных управленческих решений². Ключевое значение при этом имеет не столько вопрос о соотношении частных (на которых покоится система образующих гражданский оборот связей) и публичных начал – публичное всегда возьмет верх над частным, поскольку «всегда побеждает тот, на чьей стороне сила»³, сколько то, чтобы государство, на принудительной силе которого зиждутся исходящие от него или санкционируемые им правовые нормы и их применение, использовало эту силу во благо оборота, реально, а не номинально способствуя его нормальному функционированию.

В свою очередь для того, чтобы государство, оправданно называемое отдельными авторами гарантом гражданского оборота⁴, действительно выступало в этом качестве, недостаточно закрепить те или иные правовые нормы. Необходим механизм, фактически создающий благоприятные условия для реализации системой оборота тех функций, которые возложены на нее обществом, причем механизм межотраслевой⁵. Если же этот механизм отсутствует вовсе либо не является «прозрачным», то не просто растет социальная напряжен-

¹ Представляется очевидным, что гораздо эффективнее *выявлять и устранять истинные причины* тех или иных деструктивных с точки зрения социума процессов и явлений в гражданском обороте, особенно массовых, чем ломать копья в борьбе с их последствиями.

² Относительно приведенного примера – просто закрепление обхода закона как формы злоупотребления правом, в отсутствие комплекса иных соответствующих государственных мероприятий и решений, является полумерой, действительно проблему обхода закона не снимающей.

³ *Асланян Н. П.* Основные начала российского частного права : монография. С. 202.

⁴ *Куприянов А. А.* Указ. соч.

⁵ Так, В. Д. Перевалов, в числе политических и правовых факторов, тормозящих развитие экономики, отмечает не только недостаточную разработанность договорного и корпоративного права, противоречивость и непоследовательность судебной практики, но и, в частности, декларативную и противоречивую политику по отношению к среднему и малому бизнесу, завышенные ставки по кредитам, незавершенность формирования системы мотивации физического и умственного труда, неэффективность организационного и правового регулирования отношений в сфере наукоемких и высокотехнологичных отраслей экономики, отсутствие эффективной системы защиты прав инвесторов (*Перевалов В. Д.* Проблемы формирования социально-правового государства в России. С. 16).

ность и утрачивается и без того зыбкое в России доверие к государству, происходят изменения в функционировании самой системы оборота, проявляющиеся в уходе части образующих ее связей «в тень». Оценивая первопричины подобных ситуаций, следует признать, что во многом сам факт их появления вызван не вполне продуманной, «однобокой» политикой государства, которое, с одной стороны, провозглашает идею необходимости обеспечения стабильности гражданского оборота¹, а, с другой стороны, на практике зачастую самоустраняется от решения этой задачи.

В данной связи обратим внимание на те случаи, когда некие факты и обстоятельства, реально существующие в гражданском обороте, объявляются или допускаются находящимися вне (за рамками) правового поля. О расхожести подобных представлений, увы, свидетельствуют не только публицистические очерки (в которых находящимися вне правового поля называют и решения российских судов², и работу мессенджеров³, и криптовалюту⁴, и отдельных людей либо их группы⁵, и др.⁶) или специальная литература, в том числе учебная⁷, но и акты, исходящие от исполнительных органов власти⁸, а также судебные ре-

¹ Положения п. 9 разд. I, п. 5.2.1 разд. II, п. 2.4.1 подр. 2.4 разд. VI Концепции развития гражданского законодательства РФ.

² См.: <https://ccsr-инфо.рф/2017/07/30/в-рф-нет-судов-все-решения-незаконны-и/>.

³ См., например: <http://www.rupolitika.com/info/83208.html>.

⁴ См.: <https://xsud.ru/news/kriptovalyuta-ostaetsya-za-ramkami-pravovogo-polya> ; https://zakon.ru/discussion/2018/03/12/kriptovalyuta_fakticheski_vne_pravovogo_polya_as_moskvy_obyasnil_pochemu_ne_vklyuchil_ee_v_konkursn#comment_458677.

⁵ См.: https://vladnews.ru/ev/vl/1809/79042/lyudi_pravovogo ; <http://actualcomment.ru/vne-pravovogo-polya-1608251845.html> ; <https://e.novapteca.ru/article.aspx?aid=627439> ; http://www.trunov.com/press-centr/news_smi/igra_za_ramkami_pravovogo_polja_jeksperty_o_reshenii_suda_po_isku_socgosproekta.

⁶ См.: <https://echo.msk.ru/blog/konstantindobrynin/2054544-echo> ; <https://context.reverso.net/перевод/русский-английский/находящихся+вне+правового+поля> ; https://vladnews.ru/ev/vl/1809/79042/lyudi_pravovogo ; http://pmrf2.ru/0100_all-articles/strana-vne-pravovogo-polya ; <https://www.lawmix.ru/comm/7006> ; <https://e.novapteca.ru/article.aspx?aid=627439>.

⁷ Международное частное право : учебник : в 2 т. Т. 1: Общая часть / под ред. С. Н. Лебедева, Е. В. Кабатовой. М. : Статут, 2011.

⁸ См.: О создании рабочих групп по выявлению и пресечению деятельности автомобильных перевозчиков, работающих вне правового поля на территории Республики Крым : распоряжение Совета Министров Респ. Крым от 11.06.2014 г. № 521-р. URL: <http://crimea.regnews.org/doc/jq/2n.htm>; Об утверждении Концепции оптимизации механизмов проектирования и реализации

шения¹. При этом в подавляющем большинстве случаев вопрос о том, что понимается под правовым полем и, соответственно, должно признаваться находящимся за его пределами обходится молчанием², хотя на основании общего хода суждений авторов соответствующих текстов и можно предположить о том смысле, который вкладывается ими в словосочетание «вне (за рамками) правового поля».

Предпринятый анализ доктринальных и нормативных источников, материалов правоприменительной практики по данному вопросу, позволил сделать вывод, что находящимся вне правового поля при-

межведомственного информационного взаимодействия, оптимизации порядка разработки и утверждения административных регламентов в целях создания системы управления изменениями: распоряжение Правительства РФ от 20.08.2015 г. № 1616-р (ред. от 18.10.2018 г.). Режим доступа: справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

¹ См. постановления: Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 13.09.2018 г. № Ф08-6836/2018 по делу № А15-3601/2016, Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 21.03.2017 г. № Ф04-20/2015 по делу № А46-6493/2015, Арбитражного суда Московского округа от 07.09.2015 г. № Ф05-9207/2015 по делу № А40-59299/2014, Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 18.05.2015 г. № Ф02-2043/2015 по делу № А19-10162/2013, ФАС Московского округа от 04.08.2014 г. № Ф05-7943/2014 по делу № А40-133728/13-41-1231, ФАС Волго-Вятского округа от 29.03.2012 г. по делу № А17-2962/2011.

² Причем даже в тех случаях, когда термин «правовое поле» вынесен в заглавие научной работы (см.: *Пресняков М. В.* Принцип права как вектор и функция правового поля // *Гражданин и право.* 2012. № 4). Несмотря на широкое использование понятия «правовое поле», нам удалось выявить только ряд научных статей, посвященных его исследованию, предпринятого с общетеоретических позиций, а именно в контексте вопросов о правовом пространстве, сфере правового регулирования (*Капустина М. А.* О понятии «правовое поле» // *Правоведение.* 2006. № 6. С. 220–222 ; *Капустина М. А.* Правовое пространство: формирование системной концепции правового регулирования // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 14. Право.* 2016. Вып. 2. С. 4–11), о «юрисдикции» права, в том числе в части взаимодействия последнего с другими социальными нормами (такими, как мораль, религия, обычаи), о смысловом поле права (*Гаврилова Ю. А.* Понятия «смысловое поле права», «правовое поле», «правовая жизнь»: проблемы соотношения // *Правовая политика и правовая жизнь.* М., Саратов : Сарат. фил. ИГИП РАН. 2013. № 4. С. 16–20). Несомненно, можно образно рассуждать о «белых пятнах правового поля» (*Кагирова Г. В.* Белые пятна правового поля в современной медицине // *Медицинское право.* 2003. № 3) или о его «сорняках» (*Чермянинов Д. В.* Сорняки правового поля таможенного дела // *Юрист.* 2005. № 6), однако для этого, полагаем, прежде всего, следует иметь четкое видение того, что представляет из себя «правовое поле».

знают, в частности: 1) либо нечто незаконное, 2) либо нечто, не получившее прямой нормативной регламентации.

Так, при первом из выделенных подходов, осуществляемой вне правового поля называют незаконную предпринимательскую деятельность микрофинансовых организаций, сведения о которых не содержатся в реестре Центрального банка РФ, и которые продолжают нелегально кредитовать население¹. О нахождении зачастую вне правового поля трудовых мигрантов, большинство которых «продолжают трудиться нелегально», пишет Э. А. Мамонтова². В Стратегии развития янтарной отрасли Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 15 сентября 2017 г. № 1966-р³ незаконный оборот янтарного сырья и янтарных изделий противопоставляется деятельности предприятий по добыче и переработке янтаря, действующих в рамках правового поля. Аналогичным образом в Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 2 июня 2016 г. № 1083-р⁴ установлен такой принцип реализации Стратегии, как «работать легально выгодно», с последующим указанием: «Важно продемонстрировать все плюсы ведения предпринимательской деятельности в правовом поле».

Сторонники второго подхода указывают на следующее. Я. В. Антонов, отмечает, что Интернет изначально существовал вне правового поля, и указывает при этом на «отсутствие надлежащего правового регулирования» этой сети⁵. А. М. Рабец, констатируя «факт полного отсутствия правового регулирования отношений между опекуном (попечителем) и подопечным, в которых каждый из указанных субъектов может быть как потенциальным плательщиком

¹ Финансовый мониторинг : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / под ред. Ю. А. Чиханчина, А. Г. Братко. М. : Юстицинформ, 2018. Т. 1. Режим доступа: справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

² Мамонтова Э. А. Незаконная миграция в России и вопросы обеспечения национальной безопасности // Миграционное право. 2018. № 4.

³ Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 18.09.2017.

⁴ Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 10.06.2016.

⁵ Антонов Я. В. Политико-правовые проблемы развития механизмов электронной демократии в Российской Федерации // Российская юстиция. 2017. № 7. Режим доступа: справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

алиментов, так и их потенциальным получателем», заключает: «Таким образом, данные отношения оказались вне правового поля»¹. Е. Капитонова указывает на «отсутствие в России нормативных актов, регулирующих деятельность ремесленников-одиночек, в результате чего последние работают вне правового поля»². Значительное количество работ содержит вывод о нахождении вне правового поля, ввиду отсутствия соответствующих специальных правовых норм, криптовалюты³, что согласуется и с имеющейся судебной практикой⁴.

Подобное восприятие термина «вне правового поля», на наш взгляд, имеет произвольный характер и по существу низведено до уровня обиходного понимания, вследствие чего заслуживает критической оценки. Если подойти к решению вопроса о значении выражения «вне правового поля» с научных позиций, то, например, признание находящимися вне правового поля явлений, которые не соответствуют правовым нормам, можно опровергнуть, опираясь на постулаты общей теории права и используя семантический анализ словосочетания «правовое поле». Последнее образуется путем лексико-грамматического единства терминов «поле» и «правовое». При этом

¹ Рабец А. М. Алиментные обязательства и отношения по опеке и попечительству: проблемы сосуществования // Современное право. 2018. № 2. Режим доступа: справ.-правовая система «КонсультантПлюс». См. также: Рабец А. М. Алиментные и опекунские правоотношения: проблемы взаимодействия // Семейное и жилищное право. 2018. № 2. Режим доступа: справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

² Капитонова Е. Борьба с контрафактом в сфере народных промыслов: теория и практика // ИС. Авторское право и смежные права. 2017. № 8. Режим доступа: справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

³ Быкова Е. Г., Казаков А. А. О правовой оценке противоправного безвозмездного изъятия криптовалюты // Уголовное право. 2018. № 2. С. 16–19 ; Бычков А. Транзакции с криптоактивами и их правовая защита // Новая бухгалтерия. 2018. № 4. С. 100–127 ; Хоменко Е. Г. О возможности использования криптовалюты при оказании платежных услуг // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 3. С. 79–83.

⁴ См., например: постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 18.10.2018 г. № Ф06-38270/2018 по делу № А57-21957/2017, апелляционное определение Ульяновского областного суда от 31.07.2018 г. по делу № 33-3142/2018 ; определение Арбитражного суда г. Москвы от 05.03.2018 г. по делу № А40-124668/17-71-160Ф ; решения Приморского районного суда г. Санкт-Петербурга от 05.09.2017 г. по делу № 2-8532/2017, Красногвардейского районного суда г. Санкт-Петербурга от 07.08.2017 г. по делу № 2-3141/2017.

наиболее сочетаемыми с термином «правовое»¹ являются следующие выделяемые в русском языке значения слова «поле»: «пространство, в пределах которого проявляется действие каких-нибудь сил», «область деятельности, поприще»². Принимая во внимание, что право как социальный регулятор имеет своим предметом, как известно, правовое поведение субъектов в целом, т. е. любое «социально значимое осознанное поведение индивидуальных или коллективных субъектов, урегулированное нормами права и влекущее за собой юридические последствия»³, которое в свою очередь может быть как правомерным, так и противоправным⁴, а также то, что объективное право включает в себя не только регулятивные, но и охранительные правовые нормы, в сферу («поприще») его действия с логической необходимостью должны входить как регулятивные, так и охранительные отношения, т. е. как соответствующие, так и не соответствующие нормативным правовым предписаниям. Исходя из этого, содержание понятия «правовое поле», отображаемого в одноименном термине, не следует ограничивать указанием лишь на правомерные (законные) феномены, и *действительно находящимися вне правового поля следует признавать либо юридически безразличные явления (например, таинства крещения или венчания в православной церкви граждан РФ)⁵, либо явления, которые объективно не могут подлежать нормативной регламентации (как, например, творческий процесс создания интеллектуальной собственности)⁶.*

¹ Прилагательного, производного от существительного «право», в данном случае, как представляется очевидным для каждого, сведущего в вопросах правоведения, понимаемого в объективном смысле, т. е. как совокупность правовых норм.

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 552.

³ Теория государства и права : учеб. для юрид. вузов и фак. / под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. М. : Инфра-М ; Нома, 1997. С. 399, 401.

⁴ Общая теория государства и права. Академический курс : в 3 т. Т. 3 / отв. ред. М. Н. Марченко. М. : Зерцало-М, 2002. С. 384.

⁵ Как отмечается в общетеоретической литературе, «отдельные отношения людей находятся вне сферы правового регулирования, а потому вообще не оцениваются правом (отношения любви, дружбы и т. д.). Они поддаются лишь моральной оценке. Другие отношения не регулируются правом, юридически безразличны и не требуют правового опосредования (например, увлечение спортом, музыкой, спортивные игры)» (Теория государства и права : учебник / под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. С. 399).

⁶ Гаврилов Э. П., Еременко В. И. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации. М. : Экзамен, 2009. С. 282.

Относительно второго из выявленных вариантов восприятия выражения «вне правового поля» (согласно которому *вне правового поля – все, что прямо не урегулировано объективным правом*) укажем, что в сфере частного права¹ он является неприемлемым, поскольку реализация системой права возложенных на нее функций в сфере частноправового регулирования не может быть поставлена в зависимость от наличия либо отсутствия определенных (специальных) нормативно-правовых установлений: любая социально-значимая ситуация, в том числе конфликтная, безусловно подлежит разрешению имеющимися правовыми средствами. И такие средства действующее российское гражданское законодательство содержит: достаточно указать на диспозитивный метод гражданско-правового регулирования, а также на наличие в Гражданском кодексе РФ ст. 1, закрепляющей основные принципы гражданского законодательства, и ст. 6, устанавливающей правила об аналогии закона и аналогии права, согласно которым права и обязанности субъектов в любом случае могут быть определены, исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства и требований добросовестности, разумности и справедливости².

Именно таким образом, на наш взгляд, следует интерпретировать понятие «вне правового поля». И если обратные (имеющиеся, указанные выше) представления еще могут бытовать среди непосредственных участников гражданского оборота, то для профессиональных юристов, по нашему убеждению, они недопустимы. Тем более, не должны «прикрываться» неурегулированностью определенных жизненных ситуаций или их незаконностью как государство, при-

¹ Данное уточнение необходимо ввиду того, что термин «вне (за рамками) правового поля» используется представителями не только частного, но и публичного права, например, уголовного (*Быкова Е. Г., Казаков А. А.* Указ. соч.), финансового (Финансовый мониторинг : учеб. пособие ; *Васильева Н. В.* К вопросу об определении понятия и видов бюджетных доходов // Сибирский юридический вестник. 2015. № 4. С. 26), банковского (*Хоменко Е. Г.* Указ. соч.).

² В силу этого, в частности, в отношении криптовалюты, на наш взгляд, заслуживает поддержки позиция тех ученых, по мнению которых до момента разработки и принятия соответствующих правовых норм «следует ориентироваться на гражданско-правовой принцип свободы договора, закрепленный в п. 2 ст. 421 Гражданского кодекса РФ, согласно которому стороны могут заключить договор, как предусмотренный, так и не предусмотренный законом или иными правовыми актами» (*Долгиева М. М.* Криптовалюта в вопросах судебной практики // Современное право. 2018. № 12. С. 85–88. Режим доступа: справ.-правовая система «КонсультантПлюс»).

нявшее на себя миссию гаранта стабильности гражданского оборота, так и выносящие свои решения именем Российской Федерации судебные органы.

В качестве еще одной иллюстрации самоустранения государства от решения поставленной им же задачи обеспечения стабильности гражданского оборота, можно привести случаи, связанные с отказом в возмещении налога на добавленную стоимость (далее – НДС). В предельно общем виде суть подобных ситуаций сводится к тому, что государство в лице налоговых органов отказывает «белым» налогоплательщикам, заявляющим соответствующие требования, на том основании, что их контрагенты оказались «серыми» (или, как указано в одном из судебных актов, «обладают признаками “проблемного” контрагента»¹): отсутствуют по их юридическим адресам, представляют «нулевую отчетность», не платят налогов, транзитный характер имеют движения денежных средств по расчетным счетам и т. п.², фактически перекладывая тем самым бремя неблагоприятных последствий неисчисления и неуплаты налогов одними участниками гражданского оборота на других. При этом усматривая в поведении заявителей не проявление «должной осмотрительности и осторожности при выборе контрагента» (исходя из смысла абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ, значит ли, что их вины?), налогоплательщикам указывают на то, что при заключении сделок им следовало предпринять все возможные в рамках их компетенции усилия для сбора информации о контрагентах, запросив у них в частности наряду с копиями Уставов, свидетельств о государственной регистрации, лицензий, копии свидетельств о постановке на учет в налоговых органах³. Таким образом, сомнения налоговых, а вслед за ними – и судебных органов в добросовестности налогоплательщика, оплатившего НДС продавцу (контрагенту), покоятся на факте его неинформированности (незнания) о невыполнении этим контрагентом налоговой обязанности, притом что перечисленные выше документы о начислении и уплате налогов контрагентами отнюдь не свидетельствуют, сами налоговые органы такой информации третьи лицам не предоставляют, а возможность официальной проверки достоверности подобной информации в слу-

¹ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 04.03.2016 г. № 17АП-498/2016-АК (URL: <http://ras.arbitr.ru>).

² Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 16.09.2009 г. № А19-993/09. Режим доступа: справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

³ Там же.

чае предоставления ее контрагентом отсутствует. Отрадно, что в практике последних лет имеют место и такие судебные решения, в которых указывается на то, что «исполнение функции налогового контроля за деятельностью контрагентов, не может быть возложено на налогоплательщика, а является прямой обязанностью налоговых органов. Возложение указанной обязанности на налогоплательщика противоречит общим принципам функционирования гражданского оборота, участниками которого являются налогоплательщики при совершении хозяйственных операций»¹.

Решению затронутой проблемы способствовало бы создание единой официальной (государственной) информационной базы (хотя бы в части неплательщиков налогов), открытой и доступной любому заинтересованному лицу, как минимум стороне сделки. Кроме прочего, данная мера облегчила бы работу самих налоговых органов, сократив количество необоснованных обращений. В то же время такого рода решения являются организационными, «технологическими»² и действительному снятию существующих на практике проблем не способствуют.

Принимая во внимание имеющийся у государства административный ресурс, *возможным* (т. е. принципиально допустимым) является *любое* его воздействие на систему гражданского оборота. Однако для того, чтобы это влияние было *действенным и оптимальным*, по-настоящему обеспечивающим удовлетворение потребностей и интересов как отдельных членов социума, так и общества в целом, оно *должно иметь системный характер*.

Это означает, что такое воздействие, прежде всего, должно быть лишено случайных, конъюнктурных моментов. Те или иные законо-

¹ См.: решение АС Республики Коми от 14.03.2016 г. по делу № А29-10570/2015 (URL: <http://ras.arbitr.ru>).

² На общую и неизменную пока тенденцию решения глобальных правовых проблем не юридическими решениями, а технологиями, указывает, в частности, Р. С. Бевзенко. «Например, – отмечает ученый, – предлагается сделать так, чтобы после окончания строительства тот, кто вводит объект в эксплуатацию, автоматически направлял документы в Росреестр. То есть чиновники считают, что технологически они смогут закрыть фундаментальные дыры в неправильном построении самой системы регистрации прав недвижимости. На мой взгляд, это цивилизационный тупик – надеяться на то, что решения, связанные с единым окном, с внутриведомственным обменом, смогут сделать реестр лучше» (Бевзенко Р. Мы пытаемся технологическими решениями закрывать фундаментальные правовые проблемы : интервью номера // Закон. 2019. № 2. С. 19).

дательные изменения «не должны решаться “механически” и требуют глубокой социально-экономической, юридической и иной научной и практической проработки»¹. При этом в вопросах влияния на экономическую сферу общества, которой, как мы установили, по своей природе и является гражданский оборот, важна, по терминологии экономистов, долгосрочная перспектива, предполагающая *концептуальное решение исходных, базовых вопросов*, касающихся оборота имущественных благ – в частности: о правовом статусе определенных категорий субъектов; о конститутивных признаках отдельных объектов оборота, их правовом режиме; о видах связей (отношений), включаемых в гражданских оборот; об объеме и содержании понятий, значимых с точки зрения представлений о функционировании оборота. С указанных позиций к числу уже предпринятых мер системного характера можно отнести, например, разработку и постепенное претворение в жизнь законопроекта «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации» в части совершенствования гражданского оборота и создания режима единого объекта недвижимости², в котором уточняются понятие объекта недвижимости, правовое регулирование в отношении единого недвижимого комплекса, устанавливается порядок преобразования нового объекта недвижимости (за исключением земельных участков). В числе концептуально необходимых решений хотелось бы наблюдать также изменение подхода к интерпретации понятия «хозяин» – в части признания таковым любых фактических владельцев, а не только собственников, признание отношений «статики» не предпосылкой или результатом, а частью самого гражданского оборота, а также решение еще более фундаментальной задачи – разработки теории макроюридических (общеправовых, межотраслевых) категорий в целом и теории цивилистических категорий, в частности.

Кроме этого, системный характер воздействия на гражданский оборот означает решение вопросов регламентации его действия (функционирования) *не средствами какой-то одной отдельно взятой отрасли права, в частности гражданского, а с позиций системы права в целом*. Идею о системном действии норм различных отраслей права последовательно проводил В. Ф. Яковлев, отмечая, что «системность правоприменения, конечно, должна быть заложена в самом

¹ Семякин М. Н. Основные тенденции развития гражданского законодательства Российской Федерации. С. 68.

² URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=62515>.

праве, т. е. в нем должны существовать все элементы и частного, и публичного права»¹, что «отрасли права по-прежнему следует разграничивать по предмету и методу, но в современных условиях налицо их взаимозависимость и взаимодействие в регулировании экономических отношений. В целом регулирование экономики является комплексным»², что «опосредуемые гражданским правом отношения собственности и товарно-денежного оборота находятся под воздействием и других отраслей права. Они охраняются уголовным правом, испытывают на себе влияние норм административного, семейного права. Вообще право эффективно лишь постольку, поскольку оно действует как единое целое во взаимодействии всех или нескольких его отраслей. Поэтому эффективность гражданско-правового регулирования возрастает при должном его взаимодействии с другими отраслями права»³. Следует заметить и то, что усиление системного действия норм гражданского законодательства признается одной из основных тенденций, характерных для его современного реформирования⁴. Полагаем, что в настоящее время эта тенденция отражает об-

¹ Яковлев В. Ф. О системном применении права // Вестник ВАС РФ. 2007. № 3. С. 5–6.

² Яковлев В. Ф. Роль публичного и частного права в регулировании экономики // Журнал российского права. 2012. № 2 (182). С. 13.

³ Яковлев В. Ф. Проблемы частного права в современных условиях // Журнал российского права. 2016. № 1 (229). С. 9.

⁴ Семякин М. Н. Основные тенденции развития гражданского законодательства Российской Федерации (часть 2). С. 70. В связи с этим, а именно относительно случаев «“разбалансированности” правового регулирования на межотраслевом уровне» (ссылаясь на «многочисленные противоречия и “нестыковки”, возникающие между нормами Гражданского кодекса РФ и иными законодательными, в том числе кодифицированными, актами»), М. Н. Семякин указывает в том числе на необходимость глубокой теоретической и методологической разработки «конструкции межотраслевого нормативного образования (межотраслевого правового института, комплекса)» (Там же. С. 72). Правовед выделяет два рода взаимосвязей правовых норм в пределах отмеченных комплексных нормативных образований – предметную взаимосвязь норм (обусловленную однородностью или близостью предмета правового регулирования, при которой «для обеспечения эффективности правового регулирования, должного единства и согласованности действия различных правовых средств необходимо прежде всего определиться с той основной целью, желательной для законодателя (увеличение оборота товаров и т. д.), которая и должна выступать в качестве главного ориентира в процессе “настройки” соответствующего правового инструментария») и функциональную (при которой «разные нормативные установления призваны выпол-

щее направление развития науки и практики по пути междисциплинарного взаимодействия¹.

Помимо очевидной задачи унификации понятийно-терминологического аппарата различных отраслей российского права, нормы которых так или иначе касаются оборота имущественных благ либо содержат идентичные формулировки², при этом требуют своего разрешения вопросы о юридической квалификации действий, одновременно образующих состав как гражданско-правового, так и публично-правового нарушения (в том числе сделок, совершаемых в обход закона, — не является ли двойным вменением субъекту *pro uno delicto* квалификация их как злоупотребления субъективным гражданским правом за нарушение, в действительности, норм иной отрасли права, в частности, налогового?). В сфере регулятивных отношений, помимо прочего, необходимо обратить внимание на то, что функционирование гражданского оборота определяется нормами не только федерального, но и регионального уровня. Наиболее показательным, как представляется, в данной связи является пример с северным завозом: на наш взгляд, постановления региональных властей, утверждающих перечень товаров, подлежащих завозу в районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности в ограниченные сроки, по существу определяют тем самым виды объектов гражданского оборота в рамках отдельно взятой территории³, в связи с чем должны быть причис-

нять определенную необходимую, в конечном счете единую функцию — экономического, финансового, организационно-правового и иного характера», например, институт несостоятельности (банкротства)) (Там же).

¹ Нельзя не согласиться с А. Г. Карапетовым в том, что «представления о должном и путях правовой реформы юрист должен черпать из этики и моральной философии, экономики, социологии и других областей знания», в каждой из которых «накоплен богатейший эмпирический и аналитический материал, без учета которого построение рациональной системы правотворчества сейчас просто немыслимо. Поэтому единственный выход из положения состоит в формировании междисциплинарной исследовательской программы» (Карапетов А. Г. Экономический анализ права. С. 17).

² Например, так и не ясна позиция отечественного законодателя относительно объектов, изъятых из оборота, — с одной стороны, соответствующая формулировка исключена из ст. 129 ГК РФ, но с другой — сохранена в массе иных законодательных актов (см. в § 1 гл. II разд. I монографии).

³ Так, согласно постановлению Правительства Иркутской области от 04.02.2019 г. № 67-ПП «О перечне продовольственных товаров, доставляемых в поселения Иркутской области, расположенные в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях с ограниченными сроками завоза грузов (про-

лены к правовым нормам, регулирующим систему гражданского оборота. Исходя из положений ст. 71 Конституции РФ, относящей гражданское право к исключительному ведению РФ, изложенное еще раз подтверждает межотраслевой, а не сугубо гражданско-правовой характер как самого феномена гражданского оборота, так и той категории, в которой он отображается.

Наконец, системное воздействие на гражданский оборот со стороны государства посредством принятия и реализации соответствующих нормативных правовых установлений предполагает *восприятие и гражданского оборота, и системы права в качестве элементов общей для них надсистемы – системы общества*, с позиций интересов и потребностей которой, таким образом, и должно осуществляться их взаимодействие. Именно подобное – *социо-телеологическое* – воздействие позитивного права на систему оборота может считаться *необходимым*. Речь идет о том действительно важном, неоспоримо нужном вмешательстве государства (и мере такого вмешательства) в процесс функционирования гражданского оборота, которое связано с ограничением и блокированием антисоциальных, суть, нарушающих права и интересы других участников оборота как членов социума, связей системы гражданского оборота.

Однако все вышеперечисленное возможно и имеет смысл при одном-единственном условии – *изначальном признании гражданского оборота реально существующим явлением, подверженным воздействию в том числе правовых норм*, что в устоявшуюся парадигму его восприятия как правовой формы экономического оборота не укладывается.

Преломлению данной парадоксальной, по нашему убеждению, познавательной ситуации глобально и было посвящено настоящее исследование.

Итак, функционирование системы гражданского оборота осуществляется под воздействием определенных начал (факторов), среди которых наряду с онтологическими (бытийственными) основаниями следует выделять гносеологические начала – основополагающие идеи (принципы), влияющие на реализацию системой гражданского оборота выполняемых ею функций.

дукции) и (или) на территории островов» (URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 07.02.2019 г.), жителям соответствующих местностей на территории Иркутской области «не положен», ввиду отсутствия в соответствующем перечне, такой объект, как сыр.

Гносеологическими (мировоззренческими) началами функционирования системы гражданского оборота являются: 1) духовные, т. е. общие морально-нравственные, этические и иные ценностные установки общества; 2) собственные правила и модели действия оборота, включая модели поведения его участников (субъектов); 3) политико-правовые – политические установки государства, объективированные в правовых нормах.

В зависимости от характера происхождения и воздействия на систему гражданского оборота гносеологические начала функционирования гражданского оборота могут иметь либо эндогенный, либо экзогенный характер. Эндогенные гносеологические начала гражданского оборота постепенно (естественным образом) складываются внутри данной системы, исходя из чего их влияние на функционирование гражданского оборота является наиболее оптимальным и действенным. В отличие от этого гносеологические начала экзогенного происхождения носят произвольный характер, в связи с чем реакция на них системы гражданского оборота может быть различной – от адаптации до полного отторжения. Данное обстоятельство обуславливает необходимость системного решения вопросов правового регулирования гражданского оборота.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В завершение предпринятого исследования еще раз подчеркнем, что гражданский оборот – это не некое идеальное отражение, не «слепок» с фактических отношений субъектов, а значительный пласт самих этих отношений во всем их многообразии. Отрицание данного факта с логической необходимостью влечет вывод о невозможности нормативно-правового воздействия на гражданский оборот. Напротив, признание допустимости юридической регламентации гражданского оборота предполагает признание его реального, бытийственного характера, ибо правовое регулирование, как известно, возможно относительно поведения и отношений субъектов, но никак не правовых форм. Именно тезис о феноменологическом статусе гражданского оборота и составляет концептуальное основание предлагаемой нами частной научной теории.

При этом для формирования полного, непротиворечивого и адекватного представления о феномене, отображаемом в категории «гражданский оборот», необходимо выйти за рамки формального подхода к его восприятию и исследованию. Решение данной задачи способен обеспечить системный подход, который позволяет не только получить целостное видение множества изолированно изучаемых характеристик гражданского оборота и раскрыть его сущность, но и понять, как он организован, функционирует, а на этом основании – реально прогнозировать варианты развития гражданского оборота и определять такие направления правового воздействия на него, которые будут отвечать актуальным потребностям и интересам российского общества, способствовать благополучию и прогрессу последнего.

В числе основных теоретических выводов, полученных в результате проведенного исследования, укажем следующие:

1. Актуальную познавательную ситуацию в области исследования гражданского оборота следует признать проблемной: современная система знаний о гражданском обороте характеризуется разрозненностью, терминологической непоследовательностью, вариативностью как имеющихся дефиниций гражданского оборота, так и трактовки самих подходов к его пониманию; сложившееся в советский период и преобладающее ныне в отечественной цивилистике восприятие гражданского оборота как правовой формы экономического оборота требует пересмотра в связи с тем, что: 1) категория правовой формы, на которой базируется формальный подход, в правоведении не имеет достаточной теоретической разработки; 2) формальный подход к понима-

нию гражданского оборота содержит категориальную ошибку, поскольку причисляет его к категориям гносеологии и лишает онтологического статуса.

2. В силу принадлежности категории «гражданский оборот» к дисциплинарной матрице цивилистики система знаний о гражданском обороте, фиксируемая в содержании данной категории, претендует на парадигмальный статус, т. е. на то, чтобы служить исходной концептуальной моделью, принятой в качестве образца для решения исследовательских задач в области гражданского права. Учитывая, что отдельные аспекты гражданского оборота составляют предметное поле различных отраслей правоведения, выдвинут тезис, что по мере усиления конвергенции в праве именно категория «гражданский оборот» может составить то базовое методологическое основание, которое позволит максимально отразить взаимосвязи и взаимозависимости различных частей системы права.

3. Исследование гражданского оборота посредством исторического (ретроспективно-описательного), формально-логического, сравнительно-правового методов научного познания неэффективно, так как их применение дает отрывочные представления об отдельных сторонах соответствующего феномена, необходимый прирост знаний о нем не обеспечивает и, таким образом, решению научной задачи построения целостной непротиворечивой теории гражданского оборота не способствует.

4. Формирование адекватного научного представления о феномене гражданского оборота способен обеспечить системный подход к его исследованию. Понимание гражданского оборота как системы позволяет: 1) составить целостное представление о множестве изолированно изучаемых в доктрине отдельных характеристиках гражданского оборота; 2) раскрыть сущность гражданского оборота посредством определения его целей; 3) дать исчерпывающую характеристику организации и функционирования гражданского оборота; 4) показать объективный характер существования и развития гражданского оборота; 5) решить ряд дискуссионных в современной отечественной правовой науке вопросов, связанных с пониманием гражданского оборота (о допустимости включения в него фактических, безвозмездных, односторонних и неправомерных действий, о «динамическом» характере гражданского оборота); 6) наполнить смыслом такие используемые в доктрине и практике выражения, как «введение объек-

тов в гражданский оборот», «потребности гражданского оборота», «стабильность гражданского оборота».

5. Гражданский оборот предлагается понимать как систему социальных связей, призванную опосредовать удовлетворение индивидуальных потребностей ее участников путем смены обладателей благ (объектов, имеющих потребительную стоимость). По своей видовой характеристике, значимой с позиций правового регулирования, гражданский оборот является реальной, динамической, открытой, вероятностной, сложной, самоорганизующейся системой.

6. Систему гражданского оборота следует отнести к числу социальных, признав иерархически вышестоящей по отношению к ней систему общества. Будучи подсистемой общества, гражданский оборот относится к экономической сфере. Разграничение гражданского и экономического оборота осуществляется только в рамках науки гражданского права, исходя из чего имеет исключительно познавательный характер. С онтологических позиций гражданский оборот и экономический оборот представляют собой одно и то же явление – оборот имущественных благ, различные аспекты которого составляют предмет познания разных отраслей науки – правоведения и экономики. Таким образом, понятия «гражданский оборот», «экономический оборот» и «оборот» следует рассматривать как идентичные.

7. Система гражданского оборота и система права, являясь самостоятельными подсистемами общества, взаимодействуют и способны оказывать взаимное влияние, однако связь между ними не является детерминистической.

8. Как системе гражданскому обороту присущи две цели: внешняя и внутренняя. Внешняя (предназначенность системы, цель ее существования) заключается в опосредовании удовлетворения потребностей отдельных членов социума (как имущественных, так и неимущественных). Внутренняя (самосохранение системы) заключается в создании условий для достижения внешней цели. Сообразно указанным целям система гражданского оборота выполняет следующие функции: функцию смены обладателя (обладателей) блага – объекта, имеющего потребительную стоимость; функцию самоорганизации (самоупорядочения) – выработку самой системой правил (моделей) действия оборота, включая модели поведения его участников (субъектов); функцию саморегуляции – спонтанного приведения в действие защитного механизма, обеспечивающего функционирование системы в ответ на нерезонансное воздействие внешней среды.

9. Элементный состав системы гражданского оборота образуют субъекты (участники) гражданского оборота и объекты гражданского оборота. Для достижения гражданским оборотом цели своего существования необходимо и достаточно наличие, как минимум, двух субъектов и одного объекта, хотя участников гражданского оборота, так же, как и его объектов может быть бесконечное множество. Наличие иных составляющих в составе системы гражданского оборота для ее функционирования не требуется в силу взаимопредполагающего характера указанных элементов и их свойств, генетически обуславливающих их взаимодействие.

10. Свойствами субъектов как элементов системы гражданского оборота являются свойства физических лиц, включающие: 1) антропологические (биологические, природные) – свойства, принадлежащие субъектам от рождения, в числе которых следует выделять: а) потребности как свойство субъектов, выражающее их отношение к необходимым условиям существования, и б) разумность (познавательную способность) как свойство субъектов, выражающее их способность к деятельностной активности; 2) социальные – свойства, приобретенные субъектами вследствие жизни в обществе, в числе которых следует выделять: а) социальное сознание (осознание индивидом себя частью взаимосвязанной общности людей) и б) индивидуализирующие признаки. Правовому воздействию способны подвергаться только социальные свойства субъектов.

11. Основными свойствами объекта гражданского оборота как элемента состава системы гражданского оборота являются: 1) потребительная стоимость; 2) оборотоспособность. При этом оборотоспособность является естественным свойством объектов (благ) выступать элементом гражданского оборота и по критерию оборотоспособности объекты гражданских прав следует классифицировать на оборотоспособные и необоротоспособные. Эта классификация важна для определения детерминированных данным свойством: 1) правового режима отдельных видов объектов (который, в свою очередь, должен быть положен в основу принятого деления объектов на свободные в обороте, ограниченные в обороте и изъятые из оборота); 2) вида правоотношений, складывающихся по поводу тех или иных видов объектов: исходя из того, что легально установленные возможности субъектов в отношении необоротоспособных объектов всегда обладают способностью принудительного осуществления – свойством, которого не имеет регулятивное субъективное право, – по поводу необоротоспо-

собных объектов могут складываться только охранительные гражданские правоотношения, в то время как по поводу оборотоспособных объектов могут складываться как охранительные, так и регулятивные гражданские правоотношения.

12. Интегративным свойством системы гражданского оборота является ее способность преобразовывать свойство одного своего элемента (субъекта) в свойство другого неоднородного с ним элемента своего состава (объекта), а именно деятельность субъектов – в потребительную стоимость объектов. В гражданском обороте данное интегративное свойство проявляется в форме оказания услуг.

13. Структуру системы гражданского оборота образуют все внутрисистемные отношения между ее элементами, а именно: 1) с позиций динамики/статики – и отношения по переходу благ, и отношения по их принадлежности; 2) с позиций смены обладателя блага – и возмездные, и безвозмездные отношения, а также односторонние действия; 3) с позиций правовой опосредованности – и отношения, опосредованные правом, и отношения, правом не опосредованные, в том числе и не основанные на праве собственности; 4) с позиций правомерности – и отношения, соответствующие нормам права (регулятивные), и отношения, им не соответствующие (охранительные).

14. Бесхозяйность вещи следует понимать как ее фактическое состояние вне зависимости от права собственности на нее, при котором данная вещь не находится ни в чьем обладании и (или) в отношении нее отсутствует интерес со стороны конкретного лица. Подобное восприятие устранил имеющееся противоречие между легальным определением бесхозяйной вещи, содержащимся в ст. 225 ГК РФ, и нормой ст. 236 ГК РФ; согласуется оно и с планируемым закреплением в ГК РФ норм о владении как факте (фактическом отношении) и его защите, вследствие которого должно последовать расширение объема понятия «хозяин» – причисления к последним не только собственников, но и владельцев.

15. Положение общей теории систем, конституирующее структуру в качестве стабилизирующего начала системы, позволяет обосновать содержание понятия «стабильность гражданского оборота», под которой следует понимать устойчивость составляющих данную систему связей. Однако обеспечение стабильности гражданского оборота должно заключаться в создании либо поддержании условий для сохранения не любых, а только социально-полезных связей, обра-

зующих данную систему. Сообразно составу и структуре системы гражданского оборота, к нормам и институтам позитивного права, которые могут способствовать решению задачи обеспечения стабильности гражданского оборота, следует отнести правила, определяющие правовой статус субъектов и устанавливающие правовой режим объектов, в том числе институты, с точки зрения подотраслевой принадлежности относящиеся к вещному праву.

16. Функционирование гражданского оборота осуществляется под воздействием различных начал (факторов), которые следует разграничивать: 1) по субстанциональному признаку на а) онтологические (бытийственные) – фактические обстоятельства жизни общества, обусловившие появление гражданского оборота и объективно определяющие его существование и развитие, и б) гносеологические (мировоззренческие) – основополагающие идеи (принципы, взгляды, представления), субъективно влияющие на реализацию системой гражданского оборота выполняемых ею функций; 2) по характеру происхождения и воздействия на систему гражданского оборота на а) эндогенные, т. е. формирующиеся внутри данной системы и определяющие ее внутреннее естественное (эволюционное, закономерное) развитие, и б) экзогенные, т. е. формирующиеся вне системы гражданского оборота и осуществляющие внешнее воздействие на нее.

Целесообразность использования обеих предлагаемых классификаций обусловлена их взаимодополняющим характером: онтологические начала функционирования системы гражданского оборота являются эндогенными; гносеологические начала функционирования системы гражданского оборота могут быть как эндогенными, так и экзогенными. Оптимальным (лучшим при существующих условиях) является направление правового воздействия на гражданский оборот, основанное на эндогенных факторах.

17. К онтологическим началам функционирования гражданского оборота следует относить: 1) экономические факторы (в их числе: а) персонификацию имущества; б) общественное разделение труда в форме производственной специализации; в) уровень материального, технического и технологического общественного развития; г) ограниченность ресурсов); 2) географический фактор; 3) факторы, характеризующие субъектов – участников гражданского оборота (в их числе: а) безграничность потребностей субъектов; б) разумность как природную познавательную способность физических лиц адекватно воспринимать окружающую действительность, понимать связь вещей

и явлений и действовать целесообразно этой связи; в) персональные ценностные качества субъектов – их этические, морально-нравственные личностные свойства). К гносеологическим началам функционирования гражданского оборота следует относить: 1) духовные, т. е. общие морально-нравственные, этические и иные ценностные установки общества; 2) собственные правила и модели действия оборота, включая модели поведения его субъектов; 3) политико-правовые – политические установки государства, объективированные в правовых нормах.

Формулируя авторское определение гражданского оборота, мы в то же время не ратуем за его легальное закрепление (пусть, даже с оговоркой *«регулируемая правом система социальных связей...»*), равно как и не настаиваем на иных изменениях и дополнениях действующего законодательства (хотя соответствующие соображения и изложены по тексту работы). Перед современными юристами, по нашему убеждению, сейчас стоит гораздо более серьезная и важная задача – сменить саму парадигму гражданского оборота, перейти от «надстроечного» к «базисному» его восприятию. Без этого научные изыскания на пути его познания являются оторванными от жизни, а потому – тупиковыми.

Проводя, насколько нам это удалось, по ходу исследования красной нитью идею об ошибочности представлений о гражданском обороте как о правовой форме экономического оборота, мы при этом отнюдь не отвергаем значимости исследования вопроса о правовых формах гражданского оборота. В свою очередь, это обуславливает острую необходимость развития научной теории правовых форм, включающей в том числе и научную разработку с позиций правового оформления и юридической квалификации фактически существующих виртуальных (цифровых, электронных) форм как отдельных объектов гражданских прав, гражданского оборота, так и соответствующих социальных связей.

В числе иных перспективных направлений изучения гражданского оборота укажем также на вопросы, в нашем исследовании, исходя из его целей и задач, получившие лишь общее, концептуальное решение: о структуре гражданского оборота (в частности, о типах и видах связей, образующих систему гражданского оборота, об уровне организации данной системы), о самоорганизации и саморегуляции системы гражданского оборота с системологических позиций, а

не в качестве правового института, о междисциплинарных связях в системе гражданского оборота, о началах ее функционирования.

В завершение подчеркнем, что предложенная теория оценивается нами не как «точка» в вопросе понимания гражданского оборота в отечественной цивилистике, а, напротив, как теоретическая основа для дальнейшей научной разработки этого сложного юридически значимого явления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Учебники, учебные пособия, монографии

1. Акофф Р. О целеустремленных системах / Р. Акофф, Ф. Эмери ; пер. с англ. ; под. ред. И. А. Ушакова. – М. : Советское радио, 1974. – 272 с.
2. Алексеев В. П. История первобытного общества : учебник / В. П. Алексеев, А. И. Першиц. – М. : Высш. шк., 1990. – 351 с.
3. Алексеев П. В. Философия : учебник / П. В. Алексеев, А. В. Панин. – М. : Теис, 1996. – 504 с.
4. Алексеев С. С. Линия права / С. С. Алексеев. – М. : Статут, 2006. – 461 с.
5. Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. – М. : Статут, 1999. – 712 с.
6. Андреева Л. В. Коммерческое право России : учебник / Л. В. Андреева. – М. : Волтерс Клувер, 2008. – 320 с.
7. Анисимов А. П. Земельное право России: краткий курс лекций / А. П. Анисимов, А. Я. Рыженков, С. А. Чаркин ; под ред. А. П. Анисимова. М. : Юрайт, 2014. – 238 с.
8. Асланян Н. П. Основные начала российского частного права / Н. П. Асланян. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2001. – 270 с.
9. Асосков А. В. Правовые формы участия юридических лиц в международном коммерческом обороте / А. В. Асосков. – М : Статут, 2003. – 349 с.
10. Афанасьев В. Г. Системность и общество / В. Г. Афанасьев. – М. : Политиздат, 1980. – 368 с.
11. Байбак В. В. Обязательственное требование как объект гражданского оборота / В. В. Байбак. – М. : Статут, 2005. – 222 с.
12. Баринов Н. А. Имущественные потребности и гражданское право / Н. А. Баринов ; под ред. Ю. Х. Калмыкова. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – 192 с.
13. Баскин Ю. Я. Международное право: проблемы методологии. Очерки методов исследования / Ю. Я. Баскин, Д. И. Фельдман. – М. : Междунар. отношения, 1971. – 176 с.
14. Безик К. С. Одностороннее изменение и расторжение договоров в гражданском праве Российской Федерации : монография / К. С. Безик. – Иркутск, 2012. – 220 с.
15. Белов В. А. Гражданское право. Общая и Особенная части : учебник / В. А. Белов. – М. : Центр ЮрИнфоР, 2003. – 960 с.

16. Белов В. А. Гражданское право. Т. IV. Особенная часть. Относительные гражданско-правовые формы : учебник / В. А. Белов. – М. : Юрайт, 2013. – 1085 с.
17. Белов В. А. Гражданское право. Общая часть. Т. 1. Введение в гражданское право : учебник / В. А. Белов. – М. : Юрайт, 2011. – 521 с.
18. Белов В. А. Гражданское право. Общая часть. Т. 2. Лица, блага, факты : учебник / В. А. Белов. – М. : Юрайт, 2011. – 1093 с.
19. Белов В. А. К вопросу о недобросовестности налогоплательщика: критический анализ правоприменительной практики [Электронный ресурс] / В. А. Белов. – М. : Волтерс Клувер, 2006. – 96 с. – Режим доступа: справ.-правовая система «КонсультантПлюс».
20. Белых В. С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России [Электронный ресурс] : монография / В. С. Белых. – М. : Проспект, 2009. – 432 с. – Режим доступа: справ.-правовая система «КонсультантПлюс».
21. Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства / И. Д. Беляев. – М. : Типо-лит. С. А. Петровского и Н. П. Панина, 1879. – 736 с.
22. Бережной Н. М. Человек и его потребности / Бережной Н. М. ; Моск. гос. ун-т сервиса. – М. : Форум, 2000. – 159 с.
23. Блауберг И. В. Системный подход: предпосылки, проблемы, трудности / И. В. Блауберг, В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин. – М. : Знание, 1969. – 48 с.
24. Блауберг И. В. Становление и сущность системного подхода / И. В. Блауберг, Э. Г. Юдин. – М. : Наука, 1973. – 274 с.
25. Богданов Д. Е. Справедливость как основное начало гражданско-правовой ответственности в российском и зарубежном праве : монография / Д. Е. Богданов. – М. : Проспект, 2013. – 232 с.
26. Большая экономическая энциклопедия. – М. : Эксмо, 2007. – 815 с.
27. Большой толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Изд-во АСТ : Изд-во Астрель, 2004. – 1268 с.
28. Большой экономический словарь / под ред. А. Н. Азриляна. – М. : Правовая культура, 1994. – 525 с.
29. Борисенко И. И. Современный русско-английский юридический словарь / И. И. Борисенко, В. В. Саенко. – М. : ABBYYPress, 2009. – 489 с.

30. Борисова Л. В. Принцип разумности в российском гражданском процессе : учеб. пособие / Л. В. Борисова. – М. : Юнити-Дана, 2008. – 95 с.
31. Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права / С. Н. Братусь. – М. : Госюриздат, 1963. – 197 с.
32. Бритвин С. Н. Арендные права в гражданском обороте: проблемы теории и практики : монография / С. Н. Бритвин, А. Н. Садков, С. А. Чаркин ; под общ. ред., с предисл.: А. Я. Рыженков. – Волгоград : Альянс, 2006. – 160 с.
33. Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права / А. М. Васильев. – М. : Юрид. лит., 1976. – 264 с.
34. Васьковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов / Е. В. Васьковский. – М. : Центр ЮрИнфоР, 2002. – 508 с.
35. Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность / А. В. Венедиктов. – М.–Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1948. – 839 с.
36. Вердников В. Г. Гражданско-правовые формы товарно-денежных отношений / В. Г. Вердников, А. Ю. Кабалкин. – М. : Юрид. лит., 1970. – 224 с.
37. Вершинин А. П. Электронный документ: правовая форма и доказательства в суде : учеб.-практ. пособие / А. П. Вершинин. – М. : Городец, 2000. – 248 с.
38. Виниченко Ю. В. Исторические начала соседского права в России : монография / Ю. В. Виниченко. – Иркутск : Институт законодательства и правовой информации им. М. М. Сперанского, 2012. – 84 с.
39. Виниченко Ю. В. Соседское право в России: исторические начала и подходы к пониманию : монография / Ю. В. Виниченко, Н. П. Асланян, О. А. Поротикова. – М. : Юриспруденция, 2014. – 152 с.
40. Витрянский В. В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги / В. В. Витрянский. – М. : Статут, 2016. – 431 с.
41. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. – М. : Территория будущего, 2005. – 800 с.

42. Власов В. И. Сравнительное правоведение : учеб. пособие / В. И. Власов, Г. Б. Власова, С. В. Денисенко. – М. : КНОРУС, 2014. – 248 с.
43. Вятчин В. А. Значение неустойки в современном гражданском обороте : монография / В. А. Вятчин. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 184 с.
44. Вятчин В. А. Роль и значение аренды в гражданском обороте : монография / В. А. Вятчин, Т. А. Еремкина. – М. : Спутник+, 2010. – 175 с.
45. Гаврилов Э. П. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации / Э. П. Гаврилов, В. И. Еременко. – М. : Экзамен, 2009. – 978 с.
46. Гайдес М. А. Общая теория систем (системы и системный анализ) / М. А. Гайдес. – Глобус-Пресс, 2005. – 201 с.
47. Гамбаров Ю. С. Курс гражданского права : Часть общая. Т. 1 / Ю. С. Гамбаров. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1911. – 793 с.
48. Гацалов М. М. Современный экономический словарь-справочник / М. М. Гацалов. – Ухта : УГТУ, 2002. – 371 с.
49. Гонгало Б. М. Гражданское право. Жилищное право. Семейное право: Избранное / Б. М. Гонгало. – М. : Статут, 2011. – 256 с.
50. Гонгало Б. М. Учение об обеспечении обязательств / Б. М. Гонгало. – М. : Статут, 2004. – 222 с.
51. Гончарова А. В. Недвижимость в гражданском обороте : монография / А. В. Гончарова. – Волгоград : Изд-во Волгогр. ин-та экон., социол. и права, 2011. – 160 с.
52. Горбунова О. Н. Финансовое право и финансовый мониторинг в современной России / О. Н. Горбунова. – М. : Профобразование, 2003. – 158 с.
53. Горбунова О. Н. Финансовое право и финансовый мониторинг в современной России / О. Н. Горбунова. – М. : Элит, 2012. – 296 с.
54. Горшенев В. М. Контроль как правовая форма деятельности / В. М. Горшенев, И. Б. Шахов. – М. : Юрид. лит., 1987. – 176 с.
55. Гражданское право : учебник : в 3 т. Т. 1 / под ред. Ю. К. Толстого. – М. : Проспект, 2013. – 784 с.
56. Гражданское право : учебник : в 4 т. – Т. 1 : Общая часть / под ред. Е. А. Суханова. – М. : Волтерс Клувер, 2008. – 736 с.
57. Гражданское право : учебник. – Т. 1 / под ред. Е. А. Суханова. – М. : Волтерс Клувер, 2004. – 720 с.

58. Гражданское право : учебник : в 2 т. Т. 1 / отв. ред. Е. А. Суханов. – М., 1998. – 785 с.
59. Гражданское право. Т. 1. Общая часть : учеб. для вузов (академ. курс) / отв. ред. М. К. Сулейменов. – Алматы, 2013. – 776 с.
60. Гражданское право : учебник : в 3 т. – Т. 1 / под общ. ред. С. А. Степанова. – М. : Проспект, Екатеринбург : Ин-т частного права, 2010. – 632 с.
61. Гражданское право : учебник : в 2 т. – Т. 1 / под ред. Б. М. Гонгало. – М. : Статут, 2018. – 528 с.
62. Гражданское право : учебник : в 2 т. – Т. 2 / под ред. Б. М. Гонгало. – М. : Статут, 2018. – 560 с.
63. Григорьева М. А. Гражданский правопорядок (опыт системного исследования) / М. А. Григорьева ; Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2010. – 235 с.
64. Grimm Д. Д. К вопросу о соотношении институтов гражданского права с хозяйственным бытом народа / Д. Д. Гримм. – СПб. : Сенатская тип., 1907. – 28 с.
65. Гримм Д. Д. Лекции по догме римского права / Д. Д. Гримм ; под ред. и предисл. В. А. Томсинова. – М. : Зерцало, 2003. – 496 с.
66. Гримм Д. Соотношение между юридическими институтами и конкретными отношениями / Д. Гримм. – М. : Тип. т-ва И. Н. Кушнерева и К°, 1914. – 18 с.
67. Гуляев А. М. Об отношении русского гражданского права к римскому (Вступительная лекция, читанная 16 сент. 1894 г.) / А. М. Гуляев. – Киев, 1894. – 16 с.
68. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – Т. 4 / В. И. Даль. – СПб. : Диамант, 1996. – 683 с.
69. Дигесты Юстиниана : пер. с лат. – Т. 3 / отв. ред. Л. Л. Кофанов. – М. : Статут, 2003. – 780 с.
70. Дигесты Юстиниана : пер. с лат. – Т. 5, полутом 1 / отв. ред. Л. Л. Кофанов. – М. : Статут, 2004. – 614 с.
71. Дигесты Юстиниана : пер. с лат. – Т. 4 / отв. ред. Л. Л. Кофанов. – М. : Статут, 2004. – 780 с.
72. Дождев Д. В. Римское частное право : учебник для вузов / Д. В. Дождев ; под общ. ред. В. С. Нерсисянца. – М. : Норма, 2003. – 784 с.
73. Дормидонтов Г. Ф. Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций / Г. Ф. Дормидонтов. – Казань : Типо-лит. Имп. ун-та, 1895. – 185 с.

74. Дроздова Т. Ю. Добросовестность в российском гражданском праве / Т. Ю. Дроздова. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2006. – 152 с.
75. Дювернуа Н. Л. Чтения по гражданскому праву. – Т. 2: Учение о вещах. Учение о юридической сделке / Н. Л. Дювернуа ; под ред. В. А. Томсинова. – М. : Зерцало, 2004. – 320 с.
76. Егоров Н. Д. Гражданско-правовое регулирование экономических отношений : учеб. пособие / Н. Д. Ершов. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 213 с.
77. Единообразный торговый кодекс США : пер. с англ. – Сер.: Современное зарубежное и международное частное право. – М. : Междунар. центр фин.-эконом. развития, 1996. – 427 с.
78. Ершов О. Г. Внедоговорные отношения в строительстве и их гражданско-правовая форма : монография / О. Г. Ершов. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. – 194 с.
79. Ершов О. Г. Договорные отношения в строительстве и их гражданско-правовая форма : монография / О. Г. Ершов. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. – 432 с.
80. Жалинский А. Введение в немецкое право / А. Жалинский, А. Рёрихт. – М. : Спарк, 2001. – 767 с.
81. Жгулев А.А. Добросовестность при исполнении обязательства. – М. : Инфотропик Медиа, 2011. – 112 с.
82. Жданова И. Ф. Русско-английский экономический словарь / И. Ф. Жданова. – М. : Рус. яз.-Медиа : Дрофа, 2008. – 879 с.
83. Желдыбина Т. А. Становление и развитие сравнительно-правовых исследований в цивилистике России (XI – начало XX века) : монография / Т. А. Желдыбина. – М. : Инфра-М, 2014. – 120 с.
84. Желонкин С. С. Недействительность анτισоциальных сделок : монография / С. С. Желонкин. – М. : Инфра-М, 2014. – 159 с.
85. Здрвомыслов А. Г. Потребности, интересы, ценности. – М. : Политиздат, 1986. – 223 с.
86. Земельное право [Электронный ресурс] : учебник / В. Х. Улюкаев, В. Э. Чуркин, В. В. Нахратов и др. – М. : Частное право, 2010. – Режим доступа: справ.-правовая система «Консультант-Плюс».
87. Зенин И. А. Гражданское право : учебник. – М. : Юрайт, 2010. – 616 с.
88. Иванов Е. А. Логика : учебник / Е. А. Иванов. – М. : БЕК, 1996. – 309 с.

89. Ивашковский С. Н. Макроэкономика : учебник. – М. : Дело, 2002. – 472 с.
90. Илюшина М. Н., Челышев М. Ю. Коммерческое право : учеб. пособие. – Казань : Изд-во Центра инновац. технологий, 2001. – 344 с.
91. Иоффе О. С. Вопросы теории права / О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. – М. : Госюриздат, 1961. – 381 с.
92. Иоффе О. С. Избранные труды : в 4 т. – Т. 2. Советское гражданское право. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 511 с.
93. История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины / отв. ред. Ю. В. Бромлей. – М. : Наука, 1986. – 574 с.
94. История экономики : учеб. пособие для студ. экон. спец. техн. вуза всех форм обучения / сост. Л. В. Барт, Р. М. Камалтдинова, Э. Н. Разнодежина. – Ульяновск : УлГТУ, 2010. – 209 с.
95. Кавелин К. Д. Что есть гражданское право и где его пределы / К. Д. Кавелин // Кавелин К. Д. Избранные произведения по гражданскому праву. – М. : Центр ЮрИнфоР, 2003. – С. 65–175.
96. Каган М. С. Человеческая деятельность (Опыт системного анализа). – М. : Политиздат, 1974. – 328 с.
97. Карапетов А. Г. Свобода договора и ее пределы [Электронный ресурс] : в 2 т. – Т. 1. Теоретические, исторические и политико-правовые основания принципа свободы договора и его ограничений / А. Г. Карапетов, А. И. Савельев. – М. : Статут, 2012. – 452 с. – Режим доступа: справ.-правовая система «КонсультантПлюс».
98. Карапетов А. Г. Свобода договора и ее пределы [Электронный ресурс] : в 2 т. – Т. 2. Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве / А. Г. Карапетов, А. И. Савельев. – М. : Статут, 2012. – 453 с. – Режим доступа: справ.-правовая система «КонсультантПлюс».
99. Карапетов А. Г. Экономический анализ права / А. Г. Карапетов. – М. : Статут, 2016. – 528 с.
100. Кархалев Д. Н. Охранительное гражданское правоотношение / Д. Н. Кархалев. – М. : Статут, 2009. – 332 с.
101. Кашанина Т. В. Происхождение государства и права : учеб. пособие / Т. В. Кашанина. – М. : Высш. обр., 2009. – 358 с.
102. Керимов Д. А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права / Д. А. Керимов. – М. : Изд-во СГУ, 2009. – 521 с.

103. Ковалевский М. Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права / М. Ковалевский – М. : Тип. О. Б. Миллера, 1880. – 72 с.
104. Комментарий к Гражданскому кодексу Республики Казахстан (Общая часть) [Электронный ресурс] / сост. Р. А. Маметова ; отв. ред.: М. К. Сулейменов, Ю. Г. Басин // ИС «Параграф». – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30120950.
105. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части первой (постатейный) / рук. авт. кол. и отв. ред. О. Н. Садиков. – М. : Контракт ; Инфра-М, 2003. – 940 с.
106. Корнакова С. В. Логика для юристов / С. В. Корнакова. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2015. – 120 с.
107. Крашенинников Е. А. К теории права на иск / Е. А. Крашенинников. – Ярославль : Изд-во Яросл. ун-та, 1995. – 76 с.
108. Крусс В. И. Конституционализация фискально-экономических обязанностей в Российской Федерации : монография / В. И. Крусс. – М. : Норма, Инфра-М, 2017. – 304 с.
109. Крымин В. Н. Введение в экономическую историю. История экономики : учеб. пособие / В. Н. Крымин. – М. : Юрайт, 2019. – 184 с.
110. Кузнецов В. Г. Философия : учебник / В. Г. Кузнецов, И. Д. Кузнецова, В. В. Миронов, К. Х. Момджян. – М. : Инфра-М, 2004. – 519 с.
111. Кузнецова О. А. Нормы-принципы российского гражданского права / О. А. Кузнецова. – М. : Статут, 2006. – 269 с.
112. Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса / В. П. Кузьмин. – М. : Политиздат, 1986. – 399 с.
113. Кун Т. Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями 1969 г. / Т. Кун. – М. : Прогресс, 1977. – 300 с.
114. Курдиновский В. И. К учению о легальных ограничениях права собственности на недвижимость в России / В. И. Курдиновский. – Одесса : «Экон.» тип., 1899. – 396 с.
115. Курс лекций по основам экономики; микроэкономике; макроэкономике / под ред. В. П. Горева. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2003. – 541 с.
116. Лапач В. А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика / В. А. Лапач. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. – 544 с.

117. Левитан К. М. Юридический перевод: основы теории и практики : учеб. пособие / К. М. Левитан. – М. : Проспект ; Екатеринбург : ИД «Уральская государственная юридическая академия», 2011. – 352 с.
118. Лобанов С. А. Публичная собственность в гражданском обороте: проблемы правового регулирования / С. А. Лобанов. – М. : Ин-т бизнеса и политики, 2008. – 168 с.
119. Лукьяненко М. Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность / М. Ф. Лукьяненко. – М. : Статут, 2010. – 423 с.
120. Маковский А. Л. О кодификации гражданского права (1922–2006) / А. Л. Маковский. – М. : Статут, 2010. – 736 с.
121. Макроэкономика : учебник для бакалавриата и специалиста / С. Ф. Серегина [и др.] ; под ред. С. Ф. Серегиной. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Изд-во Юрайт, 2018. – 527 с.
122. Малахов В. П. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории : монография / В. П. Малахов. – М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2011. – 431 с.
123. Малахов В. П. Философия права : учеб. пособие / В. П. Малахов. – М. : Юнити-Дана, 2007. – 336 с.
124. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1961. – 670 с.
125. Марченко М. Н. Проблемы теории государства и права : учебник / М. Н. Марченко. – М. : ТК Велби : Проспект, 2008. – 768 с.
126. Маслоу А. Х. Мотивация и личность / А. Х. Маслоу. – М. : Питер, 2014. – 351 с.
127. Матвеева Т. Ю. Макроэкономика : учебник : в 2 ч. – Ч. 1 / Т. Ю. Матвеева ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2017. – 438 с.
128. Матузов Н. И. Теория государства и права : учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – М. : Юрист, 2004. – 512 с. – Режим доступа: справ.-правовая система «КонсультантПлюс».
129. Маховикова Г. А. Экономическая теория : учебник и практикум / Г. А. Маховикова, Г. М. Гукасян, В. В. Амосова. – М. : Юрайт, 2019. – 443 с.
130. Мачковский Г. И. Русско-французский юридический словарь / Г. И. Мачковский. – М. : АБВУУPress, 2009. – 408 с.
131. Мачковский Г. И. Французско-русский юридический словарь / Г. И. Мачковский. – М. : АБВУУPress, 2009. – 554 с.

132. Международное частное право : учебник : в 2 т. – Т. 1: Общая часть / под ред. С. Н. Лебедева, Е. В. Кабатовой. – М. : Статут, 2011. – 400 с.
133. Мейер Д. И. Русское гражданское право / Д. И. Мейер. – М. : Статут, 2000. – 831 с.
134. Мелехин А. В. Теория государства и права : учебник / А. В. Мелехин. – М., 2009. – 545 с.
135. Менгер К. Основания политической экономии / К. Менгер ; пер. Г. Тикчина и И. Абезгуза ; под. ред. Р. М. Орженцкого. – М. : Директмедиа Паблишинг, 2008. – 495 с.
136. Моргунов С. В. Виндикация в гражданском праве. Теория. Проблемы. Практика / С. В. Моргунов. – М. : Статут, 2006. – 301 с.
137. Мотовиловкер Е. Я. Теория регулятивного и охранительного права / Е. Я. Мотовиловкер. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. – 136 с.
138. Муромцев С. А. Гражданское право Древнего Рима / С. А. Муромцев. – М. : Статут, 2003. – 685 с.
139. Назаров С. Н. Надзорная деятельность: этапы развития, сферы реализации, правовая форма / С. Н. Назаров ; под ред. Д. Ю. Шапсугов. – Ростов н/Д : Изд-во АПСН СКНЦ ВШ, 2005. – 180 с.
140. Немецко-русский юридический словарь / под ред. П. И. Гришаева, М. Беньямина. – М. : АБИ Пресс, 2010. – 616 с.
141. Общая теория государства и права. Академический курс : в 3 т. – Т. 3 / отв. ред. М. Н. Марченко. – М. : Зерцало-М, 2002. – 518 с.
142. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.
143. Орлов С. В. Человек и его потребности : учеб. пособие. – СПб. : Питер, 2006. – 160 с.
144. Основные начала российского и французского права : учебник / Ж.-С. Боргетти [и др.] ; под ред. Г. А. Есакова, Н. Мазека, Ф. Мелэн-Сукраманьена. – М. : Проспект, 2012. – 424 с.
145. Парсонс Т. Система современных обществ / пер с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева ; под ред. М. С. Ковалевой. – М. : Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
146. Пахман С. В. Обычное гражданское право в России. Юридические очерки. – Т. 1. Собственность, обязательства и средства судебного охранения / С. В. Пахман. – СПб., 1877. – 447 с.

147. Петрушкин В. А. Актуальные проблемы правовой модели системы оборота недвижимости : монография / В. А. Петрушкин; науч. ред. В. В. Витрянский. – М. : Статут, 2014. – 285 с.
148. Петюкова О. Н. Правовые формы отношений Советского государства и Русской православной церкви в 1917–1945 годах : монография / О. Н. Петюкова. – М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2012. – 351 с.
149. Пиляева В. В. Гражданское право. Части общая и особенная : учебник / В. В. Пиляева. – М. : КноРус, 2011. – 998 с.
150. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права / И. А. Покровский. – М. : Статут, 2001. – 354 с.
151. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой [Электронный ресурс] / под ред. П. В. Крашенинникова. – М., 2011. – Режим доступа: справ.-правовая система «КонсультантПлюс».
152. Прангишвили И. В. Системный подход и общесистемные закономерности / И. В. Прангишвили. – М. : Синтег, 2000. – 521 с.
153. Предпринимательское право России : учебник / В. С. Белых, Г. Э. Берсункаев, С. И. Виниченко [и др.] ; отв. ред. В. С. Белых. – М. : Проспект, 2009. – 656 с.
154. Принципы гражданского права и их реализация : монография / под ред. Т. П. Подшивалова, Г. С. Демидовой. – М. : Проспект, 2017. – 352 с.
155. Проблемы методологии и методики правоведения / ред. кол. Д. А. Керимов [и др.]. – М. : Мысль, 1974. – 205 с.
156. Протасов В. Н. Правоотношение как система / В. Н. Протасов. – М. : Юрид. лит., 1991. – 143 с.
157. Пугинский Б. И. Коммерческое право России : учебник. – М. : Зерцало-М, 2005. – 328 с.
158. Пугинский Б. И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях / Б. И. Пугинский. – М. : Юрид. лит., 1984. – 224 с.
159. Пьянов Н. А. Теория государства и права : в 2 ч. – Ч. 2. Теория права : учеб. пособие / Н. А. Пьянов. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2011. – 391 с.
160. Радько Т. Н. Методологические вопросы познания функций права. – Волгоград : НИ и РИО, 1974. – 150 с.
161. Райзберг Б. А. Современный экономический словарь [Электронный ресурс] / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский,

Е. Б. Стародубцева. – М. : Инфра-М, 2011. – Режим доступа: справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

162. Райл Г. Понятие сознания / Г. Райл ; пер. с англ. – М. : Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – 408 с.

163. Ракитов А. И. Историческое познание. Системно-гносеологический подход / А. И. Ракитов. – М. : Политиздат, 1982. – 303 с.

164. Резник Ю. М. Введение в социальную теорию : Социальная системология / Ю. М. Резник ; Ин-т человека. – М. : Наука, 2003. – 525 с.

165. Рожкова М. А. Юридические факты гражданского и процессуального права: оглашения о защите прав и процессуальные соглашения / М. А. Рожкова ; Иссл. центр частного права. – М. : Статут, 2009. – 332 с.

166. Российское гражданское право : учебник : в 2 т. – Т. 2: Обязательственное право / отв. ред. Е. А. Суханов. – М. : Статут, 2011. – 1208 с.

167. Российское гражданское право : учебник : в 2 т. – Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. – 2-е изд., стереотип. – М. : Статут, 2011. – 958 с.

168. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. – Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. – М. : Юрид. лит., 1985. – 520 с.

169. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. – Т. 3: Акты Земских соборов. – М. : Юрид. лит., 1985. – 512 с.

170. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. – Т. 1. Законодательство Древней Руси. – М. : Юрид. лит., 1984. – 432 с.

171. Рузавин Г. И. Методология научного познания : учеб. пособие / Г. И. Рузавин. – М. : Юнити-Дана, 2012. – 287 с.

172. Румянцева Е. Е. Новая экономическая энциклопедия / Е. Е. Румянцева. – 4-е изд. – М. : ИНФРА-М, 2013. – 882 с.

173. Саати Т., Кернс К. Аналитическое планирование. Организация систем / Т. Саати, К. Кернс ; пер. с англ. Р. Г. Вачнадзе, под ред. И. А. Ушакова. – М. : Радио и связь, 1991. – 224 с.

174. Сагатовский В. Н. Основы систематизации всеобщих категорий / В. Н. Сагатовский. – Томск : Изд-во ТГУ, 1973. – 432 с.

175. Седова Ж. И. Унифицированная правовая форма международного юридического лица. Тенденции развития международных

экономических отношений : монография / Ж. И. Седова. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2003. – 244 с.

176. Селевко Г. К. Энциклопедия образовательных технологий : в 2 т. / Г. К. Селевко. – Т. 2. – М. : НИИ школьных технологий, 2006. – 816 с.

177. Сетров М. И. Основы функциональной теории организации : филос. очерк / М. И. Сетров. – Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. – 164 с.

178. Сидоров В. А. Общая экономическая теория [Электронный ресурс] : учеб. для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Сидоров, Е. Л. Кузнецова, А. В. Болик. – Майкоп : ЭлИТ, 2017. – Режим доступа: <http://201824.selcdn.ru/elit-050/index.html>.

179. Современный словарь иностранных слов. – СПб. : Дуэт, 1994. – 752 с.

180. Синайский В. И. Русское гражданское право / В. И. Синайский. – М. : Статут, 2002. – 638 с.

181. Скловский К. И. Собственность в гражданском праве / К. И. Скловский. – М. : Дело, 1999. – 512 с.

182. Словарь-справочник терминов и определений понятий модельного законодательства государств – участников СНГ / под ред. М. А. Вуса и В. В. Бондуrowsкого. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2012. – 360 с.

183. Советская историческая энциклопедия / гл. ред. Е. М. Жуков. – Т. 10. – М. : Совет. энцикл., 1967. – 1038 с.

184. Современный философский словарь / под общ. В. Е. Кемерова. – М. : Академ. проект, 2004. – 864 с.

185. Соколов В. А. Мирный договор – основная правовая форма восстановления послевоенных отношений между государствами / В. А. Соколов. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1965. – 192 с.

186. Социология. Основы общей теории : учеб. пособие / под ред. Г. В. Осипова, Л. Н. Москвичева. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 461 с.

187. Сурмин Ю. П. Теория систем и системный анализ : учеб. пособие / Ю. П. Сурмин. – К. : МАУП, 2003. – 368 с.

188. Сусллова С. И. Жилищные отношения и их правовые формы : монография / С. И. Сусллова. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 376 с.

189. Сырых В. М. Материалистическая философия частного права : монография / В. М. Сырых. – М. : Юрлитинформ, 2014. – 552 с.
190. Сырых В. М. Метод правовой науки: (Основные элементы, структура) / В. М. Сырых. – М. : Юрид. лит., 1980. – 176 с.
191. Тарасенко Ф. Н. Прикладной системный анализ : учеб. пособие / Ф. Н. Тарасенко. – М. : КНОРУС, 2010. – 224 с.
192. Теория государства и права : учеб. для юрид. вузов и фак. / под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. – М. : Инфра-М ; Нома, 1997. – 570 с.
193. Теория права и государства : учебник / под ред. В. В. Лазарева. – М. : Юрист, 1996. – 472 с.
194. Тонков Е. Е. Трансформация юридических форм государственной деятельности в период экономического кризиса / Е. Е. Тонков. – М. : Изд-во СГУ, 2009. – 336 с.
195. Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права / Е. Н. Трубецкой. – СПб. : Лань, 1999. – 224 с.
196. Тугаринов В. П. Философия сознания (современные вопросы). – М. : Мысль, 1971. – 199 с.
197. Удинцев В. А. История обособления торгового права / В. А. Удинцев // Избранные труды по торговому и гражданскому праву. – М. : Центр ЮрИнфоР, 2003. – 360 с.
198. Уемов А. И. Вещи, свойства и отношения / А. И. Уемов. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 184 с.
199. Уемов А. Общая теория систем для гуманитариев : учеб. пособие / А. Уемов, И. Сараева, А. Цофнас ; под общ. ред. А. И. Уемова. – Бм., 2000. – 338 с.
200. Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем / А. И. Уемов. – М. : Мысль, 1978. – 272 с.
201. Ушаков Е. В. Введение в философию и методологию науки : учебник / Е. В. Ушаков. – М. : Экзамен, 2005. – 528 с.
202. Филиппова С. Ю. Инструментальный подход в науке частного права / С. Ю. Филиппова. – М. : Статут, 2013. – 350 с.
203. Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. – М. : Гардарики, 2004. – 1072 с.
204. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. – М. : Инфра-М, 2002. – 576 с.

205. Философский энциклопедический словарь. М. : Инфра-М, 1999. – 576 с.
206. Финансовый мониторинг : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / под ред. Ю. А. Чиханчина, А. Г. Братко. – М. : Юстицинформ, 2018. – Т. 1. – Режим доступа: справ.-правовая система «КонсультантПлюс».
207. Халфина Р. О. Право как средство социального управления / Р. О. Халфина. – М. : Наука, 1988. – 256 с.
208. Хвостов В. М. Общая теория права. Элементарный очерк. – М. : Университет. тип., 1905. – 212 с.
209. Хрестоматия по истории государства и права России : учеб. пособие / сост. Ю. П. Титов. – М. : Велби, Проспект, 2005. – 464 с.
210. Хрестоматия по истории России : учеб. пособие / авт.-сост. А. С. Орлов, В. А. Георгиев, Н. Г. Георгиева, Т. А. Сивохина. – М. : ТК Велби, Проспект, 2008. – 592 с.
211. Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права : в 2 т. – Т. 1. Основы / К. Цвайгерт, Х. Кётц ; пер. с нем. – М. : Междунар. отношения, 2000. – 480 с.
212. Чеговадзе Л. А. Структура и состояние гражданского правоотношения / Л. А. Чеговадзе. – М. : Статут, 2004. – 542 с.
213. Челышев М. Ю. Взаимодействие гражданского и налогового права в регулировании отношений с участием предпринимателей / М. Ю. Челышев. – М. : Статут, 2014. – 160 с.
214. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. – Т. 2 / П. Я. Черных. – М. : Рус. яз., 1999. – 560 с.
215. Чорновол Е. П. Гражданско-правовое регулирование оборота валютных ценностей : монография / Р. А. Ражков, Е. П. Чорновол. – Екатеринбург : Изд-во Урал. юрид. ин-та МВД России, 2007. – 152 с.
216. Чубаров В. В. Проблемы правового регулирования недвижимости / В. В. Чубаров. – М. : Статут, 2006. – 336 с.
217. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. Т. 1: Введение. Торговые деятели / Г. Ф. Шершеневич. – М. : Статут, 2003. – 480 с.
218. Шершеневич Г. Ф. Задачи и методы гражданского правоведения / Г. Ф. Шершеневич. – Казань : Типо-литогр. Императ. ун-та, 1898. – 46 с.
219. Шершеневич Г. Ф. Курс гражданского права / Г. Ф. Шершеневич. – Тула : Автограф, 2001. – 720 с.

220. Экономическая история : учебник / О. Д. Кузнецова, И. Н. Шапкин, А. С. Квасов, Л. И. Пермякова. – М. : Юрайт, 2016. – 424 с.

221. Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. Методологические проблемы современной науки [Электронный ресурс] / Э. Г. Юдин. – М. : Наука, 1978. – Режим доступа: <http://www.pseudology.org/science/SystemPodxod.htm>.

222. Яковлев А. М. Социальная структура общества : учебник / А. М. Яковлев. – М. : Экзамен, 2002. – 384 с.

223. Яковлев В. Н. Древнеримское частное право и современное российское гражданское право : учебник / В. Н. Яковлев; предисл. С. Д. Бунтов, Н. В. Кузнецова, А. А. Подопригора. – М. : Волтерс Клувер, 2010. – 960 с.

224. Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений / В. Ф. Яковлев. – 2-е изд. – М. : Статут, 2006. – 240 с.

225. Kettler St. H. Wörterbuch der Rechts- und Wirtschaftssprache = Словарь юридических и экономических терминов. Band I. Rrussisch-deutsch / St. H. Kettler, Yu. Kiseleva. – München : Verlag C. H. Beck, 2006. – 419 s.

226. Kettler St. H. Wörterbuch der Rechts- und Wirtschaftssprache = Словарь юридических и экономических терминов. Band II. Deutsch-russisch / St. H. Kettler, Yu. Kiseleva. – München : Verlag C. H. Beck, 2006. – 442 s.

227. Regelsberger F. Pandekten. Band 1 [Электронный ресурс] / F. Regelsberger. – Leipzig, 1893. – XVIII, 717 s. // Digital library; Max-Planck-Institut für europäische Rechtsgeschichte. – Режим доступа: <http://dlib-pr.mpier.mpg.de>.

228. Voirin P. Droit civil. T. 1 : Personnes – Famille – Personnes protégées – Bien – Obligations – Sûretés / P. Voirin, G. Goubeaux. – 32-e éd. – Paris. L.G.D.J – Lextenso édition, 2009. – 790 p.

Статьи в периодических изданиях и сборниках трудов

1. Алгазинова Е. Э. Правоотношение как юридическая форма осуществления расходов организаций в целях налогообложения прибыли / Е. Э. Алгазинова // Современные проблемы теории налогового права (The Modern Problems of Tax Law Theory) : материалы между-

нар. науч. конф. Воронеж, 4–6 сент. 2007 г. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2007. – С. 390–396.

2. Алексеев Д. Б. Финансовый контроль как самостоятельная организационно-правовая форма государственной контрольной деятельности / Д. Б. Алексеев // Бизнес в законе. – 2013. – № 6. – С. 182–187.

3. Алексей П. В. Администрирование гражданского оборота / П. В. Алексеев, В. Н. Васин // Вестник Московского университета МВД России. – М. : Изд-во Моск. ун-та МВД России, 2008. – № 6. – С. 88–90.

4. Алимжан К. А. Обычай как источник права в правовой системе Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.yurclub.ru/docs/civil/article73.html>.

5. Алтухова С. М. «Обычные условия гражданского оборота» и «обычный предпринимательский риск» как критерии оценки поведения лиц, входящих в состав органа юридического лица / С. М. Алтухова // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2013. – № 3 (26). – С. 38–43.

6. Альтшулер А. Б. Новая международно-правовая форма экономического сотрудничества / А. Б. Альтшулер // Советское государство и право. – 1964. – № 10. – С. 54–65.

7. Анисимов А. П. Правовой режим земельных участков: новый межотраслевой подход к соотношению норм гражданского и земельного права / А. П. Анисимов, А. И. Мелихов // Право и экономика. – 2008. – № 12. – С. 4–8.

8. Антонов Я. В. Политико-правовые проблемы развития механизмов электронной демократии в Российской Федерации / Я. В. Антонов // Российская юстиция. – 2017. – № 7. – Режим доступа: справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

9. Аполлонов А. Водные объекты в гражданском обороте / А. Аполлонов, Э. Страунинг // Закон. – 2001. – № 5. – С. 45–47.

10. Аристаков Ю. М. Социалистические концерны – новая организационно-правовая форма развития самостоятельности предприятия / Ю. М. Аристаков // Экономико-правовые проблемы перестройки хозяйственного механизма. – М. : Изд-во ИГиП АН СССР, 1989. – С. 63–66.

11. Аристов Е. В. К вопросу о формировании и развитии права роботов (правового регулирования робототехники) / Е. В. Аристов, О. А. Кузнецова // Наука и образование: хозяйство и экономика;

предпринимательское право; право и управление. – 2018. – № 8 (99). – С. 58–62.

12. Артеменко Н. В. Правовые формы государственного регулирования предпринимательской деятельности / Н. В. Артеменко // Финансовые и правовые проблемы РФ и пути их решения: теория и практика : материалы межвуз. науч.-практ. конф. – Ч. 5. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2009. – С. 33–35.

13. Асланян Н. П. Об истине и плюрализме мнений в цивилистике (на примере теории охранительных правоотношений) / Н. П. Асланян // Защита частных прав: проблемы теории и практики : материалы 7-й ежегод. междунар. науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 3 дек. 2018 г.) / под ред. Н. П. Асланян, Ю. В. Виниченко. – Иркутск : Изд-во БГУ, 2019. – С. 5–17.

14. Асланян Н. П. Об отношении к категориям в цивилистической литературе и роли категорий в научном познании / Н. П. Асланян // Защита частных прав: проблемы теории и практики : материалы 6-й ежегод. междунар. науч.-практ. конф., состоявшейся в рамках Байк. юрид. форума (Иркутск, 21–22 сент. 2017 г.) / под ред. Ю. В. Виниченко, А. П. Ушаковой. – Иркутск : Изд-во БГУ, 2017. – С. 6–20.

15. Астахова М. А. К вопросу о понятии гражданского оборота / М. А. Астахова // Бюллетень нотариальной практики. – 2006. – № 5. – С. 42–45.

16. Астахова М. А. Оборот в гражданском праве: понятие, структура, разновидности / М. А. Астахова // Бюллетень нотариальной практики. – 2006. – № 4. – С. 2–6.

17. Ахмедова З. А. Участие некоммерческих организаций в гражданском обороте / З. А. Ахмедова // Северо-кавказский юридический вестник. – 2003. – № 3. – С. 82–89.

18. Бабаев А. Б. Проблемы общего учения о гражданском правоотношении / А. Б. Бабаев, В. А. Белов // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. – М. : Юрайт-Издат, 2007. – С. 258–263.

19. Баринов Н. А. Категория «имущественные потребности» – инновация в гражданском праве Н. А. Баринов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2014. – № 3 (2). – С. 30–33.

20. Баркова Л. А. Совершенствование российской правовой модели семейного предпринимательства с учетом зарубежного опыта

правоприменения / Л. А. Баркова // Семейное и жилищное право. – 2014. – № 5. – С. 6–9.

21. Батурина Ю. Б. Понятие «правовая форма» / Ю. Б. Батурина // Научные труды РАЮН : в 3 т. – Вып. 3, т. 1. – М. : Юрист, 2003. – С. 36–44.

22. Бевзенко Р. Мы пытаемся технологическими решениями закрывать фундаментальные правовые проблемы : интервью номера / Р. С. Бевзенко // Закон. – 2019. – № 2. – С. 8–19.

23. Бедняков А. А. Организационно-правовые формы вовлечения государственного имущества в гражданский оборот / А. А. Бедняков // Цивилист. Научно-практический журнал. – 2009. – № 1. – С. 27–29.

24. Белов В. А. «Наследование» и «наследственное правопреемство»: фактическое отношение и его правовая форма / В. А. Белов // Наследственное право. – 2014. – № 1. – С. 6–16.

25. Белов В. А. Наука гражданского права как система / В. А. Белов // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. – М. : Юрайт-Издат, 2007. – С. 161–196.

26. Белов В. А. Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота: содержание и соотношение понятий / В. А. Белов // Объекты гражданского оборота : сб. ст. / отв. ред. М. А. Рожкова. – М. : Статут, 2007. – С. 6–77.

27. Белов В. А. Предметно-методологические проблемы цивилистической науки // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / В. А. Белов / под общ. ред. В. А. Белова. – М. : Юрайт-Издат, 2007. – С. 124–160.

28. Белокрылова О. Филиал как организационно-правовая форма объективизации внутрихозяйственного распределения фонда накопления / О. Белокрылова // Хозяйство и право. – 1994. – № 1. – С. 54–59.

29. Белых В. С. Криптовалюта как средство платежа: новые подходы и правовое регулирование / В. С. Белых, М. А. Егорова // Вестник университета им. О. Е. Кутафина. – 2019. – № 2 (54). – С. 139–146.

30. Беляев М. А. Современные парадигмы теории права / М. А. Беляев // Вопросы экономики и права. – 2009. – № 9. – С. 25–29.

31. Беляева О. А. Чеки в современном гражданском обороте // Журнал российского права. – 2001. – № 3. – С. 137–142.

32. Беляневич Е. А. Стабильность гражданского оборота: вопросы теории [Электронный ресурс] / Е. А. Беляневич. – Режим доступа: <http://pravo.zakon.kz/4658720-stabilnost-grazhdanskogo-oborota.html>.

33. Беневоленская З. Э. Доверительное управление как правовая форма распоряжения имуществом / З. Э. Беневоленская // Закон. – 2005. – № 12. – С. 85–98.

34. Блауберг И. В. Системный подход в современной науке / И. В. Блауберг, В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин // Проблемы методологии системного исследования. – М. : Мысль, 1974.

35. Блауберг И. В. Целостность и система / И. В. Блауберг // Системные исследования. Ежегодник 1977. – М. : Наука, 1977. – С. 5–28.

36. Богданов А. В. Условия и основания гражданско-правовой ответственности лица, осуществляющего функции единоличного исполнительного органа акционерного общества / А. В. Богданов, А. А. Клячин // Вестник Пермского Университета. Юридические науки. – 2012. – № 3 (17). – С. 62–72.

37. Богданов Е. А. Участие образовательных учреждений в гражданском обороте / Е. А. Богданов // Законодательство. – 2004. – № 9. – С. 69–75.

38. Бондаренко Н. Л. Доверие как условие эффективного гражданского оборота / Н. Л. Бондаренко // Пятый пермский международный конгресс ученых-юристов : материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Пермь, Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 24–25 окт. 2014 г.) / отв. ред. О. А. Кузнецова ; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. – Пермь, 2014. – С. 63–65.

39. Борzych Д. Д. Акции как объект экономического и гражданского оборота / Д. Д. Борzych // Юридический аналитический журнал. – 2003. – № 4. – С. 52–57.

40. Борякова С. А. Негаторно-правовая форма защиты права собственности / С. А. Борякова // Актуальные проблемы международного частного и гражданского права : материалы междунар. науч.-практ. конф. Челябинск, 15 дек. 2009 г. – М. : Изд-во СГУ, 2010. – С. 81–85.

41. Братусь С. Н. О понятии гражданского оборота в советском гражданском праве (доклад на заседании Сектора гражданского права Всесоюзного института юридических наук) / С. Н. Братусь // Советское государство и право. – 1949. – № 11. – С. 70–71.

42. Братусь С. Н. Хозяйственный договор как гражданско-правовая форма распределения продукции между государственными

предприятиями / С. Н. Братусь // Советское государство и право. – 1953. – № 2–3. – С. 74–88.

43. Булаевский Б. А. Презумпция добросовестности в вещных правоотношениях / Б. А. Булаевский // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2013. – № 6 (92). – С. 121–125.

44. Буланов Р. Ю. Гражданско-правовая форма экономических свойств денег / Р. Ю. Буланов // Научный вестник Волгоградской академии государственной службы. – 2009. – № 2. – С. 60–66.

45. Быков С. С. Уголовно-правовая реакция на проявления теневой экономики: границы, характер и направления совершенствования / С. С. Быков, А. П. Киреенко, Е. Н. Невзорова // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – Т. 9, № 3. – С. 591–607.

46. Быкова Е. Г. О правовой оценке противоправного безвозмездного изъятия криптовалюты / Е. Г. Быкова, А. А. Казакова // Уголовное право. – 2018. – № 2. – С. 16–19.

47. Быковский В. К. Договор аренды лесного участка как правовая форма осуществления предпринимательской деятельности по использованию лесов / В. К. Быковский // Предпринимательское право. – 2008. – № 2. – С. 36–38.

48. Бычков А. Транзакции с криптоактивами и их правовая защита / А. Бычков // Новая бухгалтерия. – 2018. – № 4. – С. 100–127.

49. Бязров В. Г. Институт добровольного отказа как уголовно-правовая форма предупреждения захвата заложника и некоторые вопросы его совершенствования / В. Г. Бязров, Н. Ш. Козаев // Конституция и проблемы укрепления законности : материалы 6-й Северо-Кавказской региональной науч.-практ. конф. – Владикавказ : Изд-во Владикавказ. ин-та управления, 2011. – С. 164–176.

50. Василевская Д. В. Административные регламенты оказания государственных услуг и исполнения государственных функций в сфере недропользования как административно-правовая форма регулирования правоотношений / Д. В. Василевская // Бизнес в законе. – 2009. – № 2. – С. 205–208.

51. Василенко Е. В. Категории «добросовестность» и «разумность» в гражданском праве: вопросы соотношения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е. В. Василенко. – Краснодар, 2012. – 27 с.

52. Васильев Ю. С. Кибернетика – теория систем – киберфизика / Ю. С. Васильев, В. Н. Козлов, В. Н. Волкова // Системный анализ в проектировании и управлении : сб. науч. тр. 21-й Междунар. науч.-

практ. конф. (29–30 июня 2017 г.). – Ч. 1. – СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2017. – С. 5–14.

53. Васильева Н. В. К вопросу об определении понятия и видов бюджетных доходов / Н. В. Васильева // Сибирский юридический вестник. – 2015. – № 4. – С. 24–30.

54. Васильева Е. Н. Оборотоспособность в сфере интеллектуальной собственности / Е. Н. Васильева // Хозяйство, труд, право. – 2011. – № 8. – С. 26–34.

55. Виниченко Ю. В. Бесхозяйность вещей: *de jure vs. de facto* / Ю. В. Виниченко // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2018. – Вып. 40. – С. 225–239.

56. Виниченко Ю. В. Отдельные аспекты проблемы разумности в гражданском обороте / Ю. В. Виниченко // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2006. – № 6. – С. 58–62.

57. Виниченко Ю. В. Презумпция согласия в гражданском праве / Ю. В. Виниченко // Проблемы регистрации прав, фиксации и удостоверения фактов гражданского права : сб. ст. / рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. – М. : Статут, 2013. – С. 193–214.

58. Виниченко Ю. В. Проблемы понимания категории «право участия» в современной отечественной цивилистике / Ю. В. Виниченко // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2013. – № 4 (90). – С. 88–92.

59. Виниченко Ю. В. Соседское право и право собственности: вопрос взаимосвязи (историко-правовое исследование) / Ю. В. Виниченко // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2013. – № 1. – С. 21–31.

60. Виниченко Ю. В. О значении молчания в российском гражданском праве / Ю. В. Виниченко, Ю. Д. Никитина // Налоги (газета). – 2010. – № 12. – С. 20–24.

61. Винницкий А. В. Организационно-правовая форма государственных компаний: недостатки регулирования и перспективы реформирования / А. В. Винницкий // Современное право. – 2010. – № 11. – С. 70–75.

62. Волова И. В. Плебисцит как правовая форма волеизъявления народов колониальных стран / И. В. Волова // Тезисы итоговой научной конференции юридического факультета за 1966 год. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1967. – С. 18–19.

63. Гаврилова Ю. А. Понятия «смысловое поле права», «правовое поле», «правовая жизнь»: проблемы соотношения / Ю. А. Гаврило-

ва // Правовая политика и правовая жизнь. – М., Саратов : Сарат. филиал ИГИП РАН. – 2013. – № 4. – С. 16–20.

64. Гаджиев Г. А. Может ли робот быть субъектом права? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) / Г. А. Гаджиев, Е. А. Войниканис // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 4. – С. 24–48.

65. Галов В. В. Концессионное соглашение – правовая форма взаимодействия бизнеса и государства / В. В. Галов, С. А. Зинченко, О. Г. Ломидзе // Закон. – М., 2007. – Февраль. – С. 65–72.

66. Гербарт И. Ф. Введение в философию / И. Ф. Гербарт // Антология мировой философии : в 4 т. – Т. 3. – М. : Мысль, 1971. – С. 622–628.

67. Голева Е. В. Налоговая ответственность при сделках с «проблемными» контрагентами: противоречия судебной практики / Е. В. Голева // Налоги. – 2016. – № 5. – С. 11–15.

68. Головизнин А. Некоторые вопросы участия в гражданском обороте органов государственной власти (местного самоуправления) / А. Головизнин // Хозяйство и право. – 1999. – № 6. – С. 59–66.

69. Гонгало Б. М. Метод О. А. Красавчикова / Б. М. Гонгало // Российский юридический журнал. – 2006. – № 1. – С. 26–34.

70. Горбунов М. П. Договор как правовая форма хозяйственной инициативы / М. П. Горбунов // Правоведение. – 1979. – № 2. – С. 76–81.

71. Горелик А. П. Некоторые аспекты участия органов внутренних дел в гражданском обороте // Закон и право. – 2002. – № 7. – С. 43–44.

72. Грачева Е. Ю. Правовая форма финансового контроля / Е. Ю. Грачева // Финансовое право. – 2003. – № 3. – С. 3–6.

73. Гриценко Е. А. Аренда как экономико-правовая форма реализации собственности / Е. А. Гриценко, О. С. Марченко // Актуальные проблемы формирования правового государства : краткие тез. докл. и науч. сообщ. республ. науч. конф., 24–26 окт. 1990 г. – Харьков : Изд-во Харьк. юрид. ин-та, 1990. – С. 142–143.

74. Гударенко Р. Ф. Государственные целевые программы как конституционно-правовая форма осуществления деятельности по социальной защите инвалидов / Р. Ф. Гударенко // Права и возможности детей-инвалидов на получение образования, социальную реабилитацию и интеграцию в общество : ст. науч.-практ. конф. – Ставрополь : Мир данных, 2010. – С. 163–170.

75. Гулордава Д. Современная конституционная монархия как демократическая и правовая форма правления / Д. Гулордава // Право и жизнь. Независимый правовой журнал. – 2002. – № 48. – С. 338–344.

76. Демидов И. А. Правовое регулирование участия государства в международном гражданском обороте в свете вступления Российской Федерации во Всемирную торговую организацию / И. А. Демидов // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2008. – № 4 (62). – С. 35–38.

77. Демкина А. В. Добросовестность лица и достоверность данных реестра юридических лиц / А. В. Демкина // Гражданское право. – 2017. – № 4. – С. 9–12.

78. Денчик Н. Иностраннные инвестиции как правовая форма обновления хозяйственных связей / Н. Денчик // Хозяйство и право. – 1996. – № 6. – С. 47–56.

79. Дозорцев А. В. Объекты права государственной социалистической собственности и их классификация / А. В. Дозорцев // Советское государство и право. – 1949. – № 1. – С. 55–63.

80. Докучаев О. О. Контроль и запись переговоров как правовая форма взаимодействия следователя и органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность / О. О. Докучаев // Вестник криминалистики. – 2008. – Вып. 4 (28). – С. 48–51.

81. Докучаев О. О. Следственно-оперативная группа как правовая форма взаимодействия следствия и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность / О. О. Докучаев // Вестник криминалистики. – 2008. – Вып. 3 (27). – С. 109–113.

82. Долгиева М. М. Криптовалюта в вопросах судебной практики [Электронный ресурс] / М. М. Долгиева // Современное право. – 2018. – № 12. – С. 85–88. – Режим доступа: справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

83. Долгополов О. И. Проблемы толкования налогового законодательства [Электронный ресурс] / О. И. Долгополов. – Режим доступа: справ.-правовая система «КонсультантПлюс» ВерсияПроф, 2017.

84. Долгополов О. И. Возмещение убытков, причиненных налоговыми органами / О. И. Долгополов // Налоговый вестник. – 2010. – № 2. – С. 89–98.

85. Долинская В. В. Информационные отношения в гражданском обороте [Электронный ресурс] / В. В. Долинская // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2010. – № 4. – Режим доступа: справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

86. Дроздов-Тихомиров А. А. Соглашение о применимом праве и источники неформального регулирования международных коммерческих договоров, выраженные в форме правовых принципов / А. А. Дроздов-Тихомиров // Закон. – 2009. – № 8. – С. 192–203.

87. Дрыга М. А. Унитарное предприятие как правовая форма управления государственным имуществом / М. А. Дрыга // Юридический вестник РГЭУ. – 2004. – № 3. – С. 56–60.

88. Ермошин Г. Л. Статус судьи как организационно-правовая форма обеспечения его независимости / Г. Л. Ермошин // Российский судья. – 2012. – № 6. – С. 10–16.

89. Журина И. Г. Можно ли признать саморегулируемую организацию юридическим лицом публичного права? [Электронный ресурс] / И. Г. Журина. – Режим доступа: справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

90. Захаркина А. В. «Гражданский оборот» как фундаментальная цивилистическая категория / А. В. Захаркина // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2017. – Вып. 37. – С. 323–333.

91. Зеленцов А. Б. Обращения граждан как административно-правовая форма / А. Б. Зеленцов // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Юридические науки. – 2003. – № 1. – С. 5–15.

92. Землянухина С. Г. Соотношение юридических форм и экономических отношений собственности на рабочую силу / С. Г. Землянухина, Н. С. Землянухина // Экономический анализ права : материалы междунар. науч.-практ. семинара, 3–4 июня 2003 г. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2003. – С. 147–154.

93. Ивлиев М. Ф., Шерстобитов А. Е. Об участии государственных и муниципальных учреждений в гражданском обороте / М. Ф. Ивлиев, А. Е. Шерстобитов // Законодательство. – 2006. – № 12. – С. 19–22.

94. Илезов М. Б. Регистрация по месту пребывания и месту жительства как правовая форма управления в миграционной сфере / М. Б. Илезов // История государства и права. – 2008. – № 22. – С. 11–14.

95. Илюшина М. Н. Понятие правового режима как правовой формы коммерческих сделок / М. Н. Илюшина // Вестник Российской правовой академии. – 2007. – № 2. – С. 49–51.

96. Каверин С. Б. О психологической классификации потребностей [Электронный ресурс] / С. Б. Каверин. – Режим доступа: <http://www.voppsy.ru/issues/1987/875/875121.htm>.

97. Каган М. С. Система и структура / М. С. Каган // Системные исследования. Ежегодник 1983. – М. : Наука, 1983. – С. 86–106.
98. Каган М. С. Системный подход и гуманитарное знание : избр. ст. / М. С. Каган. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. – 383 с.
99. Кагирова Г. В. Белые пятна правового поля в современной медицине / Г. В. Кагирова // Медицинское право. – 2003. – № 3. – С. 29–30.
100. Калинова К. В. Концессия – организационно-правовая форма хозяйствования: особенности и определяющие их факторы. Статья 1. Концессия как инвестиционная база / К. В. Калинова // История государства и права. – 2014. – № 14. – С. 34–37.
101. Капитонова Е. Борьба с контрафактом в сфере народных промыслов: теория и практика [Электронный ресурс] / Е. Капитонова // ИС. Авторское право и смежные права. – 2017. – № 8. – Режим доступа: справ.-правовая система «КонсультантПлюс».
102. Капустина М. А. Правовое пространство: формирование системной концепции правового регулирования / М. А. Капустина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 14. Право. – 2016. – Вып. 2. – С. 4–11.
103. Капустина М. А. О понятии «правовое поле» / М. А. Капустина // Правоведение. – 2006. – № 6. – С. 220–222.
104. Карапетов А. Г. Реформа ГК РФ в части норм договорного права после второго чтения: комментарий к основным положениям [Электронный ресурс] / А. Г. Карапетов // Закон.ру. 23.02.2015. – Режим доступа : https://zakon.ru/blog/2015/2/23/reforma_gk_rf_v_chasti_norm_dogovornogo_prava_posle_vtorogo_chteniya_kommentarij_k_osnovnym_polozen.
105. Каценелинбойген А. И. Системный анализ и проблема ценностей / А. И. Каценелинбойген // Системные исследования. – Ежегодник. 1972. – М. : Наука, 1972. – С. 46–71.
106. Кияшко В. Реальные (консенсуальные) договоры в гражданском обороте / В. Кияшко // Право и экономика. – 2004. – № 5. – С. 37–40.
107. Клеандров М. И. Государственная корпорация: новая организационно-правовая форма – новые проблемы / М. И. Клеандров // Российский ежегодник предпринимательского (коммерческого) права. – СПб. : Универ. издат. консорц. «Юридическая книга», 2009. – № 2. – С. 303–313.

108. Кляус Н. В. Признание права собственности на бесхозную недвижимую вещь по ГПК РФ / Н. В. Кляус // Арбитражный и гражданский процесс. – 2017. – № 1. – С. 38–41.

109. Колодуб Г. В. Изучение системы категорий гражданского права через призму функций общей теории государства и права: к постановке вопроса / Г. В. Колодуб // Методологические проблемы цивилистических исследований : сб. науч. ст. Ежегодник / отв. ред. А. В. Габов, В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. – М. : Статут, 2017. С. 377–386.

110. Колодуб Г. В. К вопросу о системе категорий гражданского права / Г. В. Колодуб // Проблемы правопонимания и правоприменения в прошлом, настоящем и будущем цивилизации : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. – 2016. – С. 134–136.

111. Колодуб Г. В. К вопросу системности категорий гражданского права / Г. В. Колодуб // Шестой пермский конгресс ученых-юристов: Российская национальная правовая система: современное состояние, тенденции и перспективы развития : материалы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. О. А. Кузнецова. – Пермь, 2015. – С. 92–94.

112. Колодуб Г. В. На пути к формированию теории системности категорий гражданского права / Г. В. Колодуб // Юрист. – 2016. – № 12. – С. 20–22.

113. Колодуб Г. В. Развитие категориального аппарата гражданского права России в эпоху внедрения цифровой экономики / Г. В. Колодуб // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2018. – № 5 (124). – С. 125–128.

114. Колодуб Г. В. Система категорий гражданского права: общие положения о признаках и функциях / Г. В. Колодуб // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2016. – № 1 (108). – С. 100–104.

115. Колодуб Г. В. Теоретико-правовые причины самостоятельного статуса системы категорий гражданского права / Г. В. Колодуб // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. – 2018. – № 2 (33). – С. 135–139.

116. Колодуб Г. В. Теоретико-правовые причины системности категориального аппарата гражданского права / Г. В. Колодуб // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2017. – № 1 (114). – С. 144–147.

117. Колодуб Г. В. Динамика гражданско-правового обязательства: категория, содержание, значение / Г. В. Колодуб // Вестник Поволжской академии государственной службы. – 2011. – № 3. – С. 112–116.

118. Колодуб Г. В. К вопросу о понимании категории «динамика» гражданско-правового обязательства / Г. В. Колодуб // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2011. – № 3 (79). – С. 89–92.

119. Колокольцев А. Н. Административный договор как правовая форма управления / А. Н. Колокольцев // Право и политика. – 2007. – № 9. – С. 14–19.

120. Комягин Д. Л. Вопросы участия государственной казны в гражданском обороте / Д. Л. Комягин // Право и экономика. – 1999. – № 3. – С. 29–32.

121. Конобеевская И. М. К вопросу о юридической форме реализации прав на недвижимое имущество / И. М. Конобеевская // Политико-правовые проблемы взаимодействия власти и бизнеса в условиях кризиса : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 15-летию Сарат. обл. Думы и 100-летию Сарат. гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2009. – С. 159–161.

122. Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве / О. А. Красавчиков // Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права. Избранные труды : в 2 т. – Т. 2. – М. : Статут, 2005. – С. 49–241.

123. Красавчиков О. А. Гражданская правосубъектность как правовая форма / О. А. Красавчиков // Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права. Избранные труды : в 2 т. – Т. 2. – М. : Статут, 2005. – С. 26–50.

124. Красавчиков О. А. Гражданское правоотношение – юридическая форма общественного отношения / О. А. Красавчиков // Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права. Избранные труды : в 2 т. – Т. 2. – М. : Статут, 2005. – С. 7–25.

125. Красавчиков О. А. Советский гражданский оборот (понятие и основные звенья) / О. А. Красавчиков // Ученые записки СЮИ. Т. 5. Вопросы гражданского, трудового права и гражданского процесса. – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1957. – С. 3–27.

126. Крашенинников Е. А. Право на защиту / Е. А. Крашенинников // Методологические вопросы теории правоотношений : тез. 4-й обл. науч. практ. конф. молодых ученых и специалистов, 5–8 февр. 1986 г. – Ярославль : Изд-во Яросл. ун-та, 1986. – С. 6–11.

127. Криволапова Л. В. Субъекты гражданского оборота / Л. В. Криволапова // Право и государство: теория и практика. – 2007. – № 8 (32). – С. 46–51.

128. Кудашкин В. В. Оговорка о публичном порядке в международном частном праве как правовая форма, опосредующая содержание публичного порядка / В. В. Кудашкин // Законодательство и экономика. – 2004. – № 3. – С. 64–77.

129. Кудряшова О. А. Социально-правовая форма в системе элементов обстановки совершения преступления / О. А. Кудряшова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2011. – № 6 (223), вып. 25. – С. 54–57.

130. Кузин А. В. Товарищество как форма юридического лица. История и современность / А. В. Кузин, О. Е. Финогентова // Актуальные проблемы гражданского права и процесса. – 2006. – Вып. 1. – С. 55–58.

131. Кузнецова А. С. Гражданско-правовая форма распоряжения результатами научно-исследовательской деятельности образовательных учреждений системы МВД России / А. С. Кузнецова // Вопросы права и проблемы становления гражданского общества в России : сб. науч. ст. – Хабаровск : Изд-во Дальневост. юрид. ин-та МВД России, 2009. – С. 40–42.

132. Кузнецова О. А. Методы научного исследования в цивилистических диссертациях / О. А. Кузнецова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2014. – № 4 (26). – С. 254–270.

133. Кузнецова О. А. Бездействие как гражданско-правовая категория / О. А. Кузнецова // Четвертый пермский международный конгресс ученых-юристов : материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Пермь, Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 18–19 окт. 2013 г.) / отв. ред. О. А. Кузнецова ; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. – Пермь, 2013. – С. 121–122.

134. Кузнецова О. А. Изъятие имущества как санкция за нарушение исключительных прав / О. А. Кузнецова // Система управления интеллектуальной собственностью и защита интеллектуальных прав в образовательных организациях : сб. ст. всерос. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 27 сент. 2017 г.) / сост.: А. А. Молчанов. – СПб. : Изд-во СПб. ун-та МВД России, 2017. – С. 22–27.

135. Кузнецова О. А. Научная проблема и названия цивилистических исследований / О. А. Кузнецова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2013. – Вып. 4 (22). – С. 316–324.

136. Кузнецова О. А. Системное толкование принципов гражданского права [Электронный ресурс] / О. А. Кузнецова // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2014. – № 101 (07). – С. 1453–1462. – Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2014/07/pdf/94.pdf>.

137. Кузнецова О. А. Гражданско-правовая ответственность: необходимость смены методологической парадигмы / О. А. Кузнецова // Проблемы взыскания убытков в российском правовом порядке : сб. ст. 6-й ежегодн. междунар. науч.-практ. конф. «Коршуновские чтения» / отв. ред. Ю. С. Харитонов. – М., 2016. – С. 10–24.

138. Куликова Т. В. Муниципальные унитарные предприятия как правовая форма управления муниципальным имуществом / Т. В. Куликова // Научные труды РАЮН : в 3 т. – Вып. 3, т. 1. – М. : Юрист, 2003. – С. 501–507.

139. Куприянов А. А. Фактическое владение как основной аргумент в спорах о недвижимости [Электронный ресурс] / А. А. Куприянов // Недвижимость, строительство, право. – Изд. дом «Арбитражная практика», 2009. – № 1. – Режим доступа: <https://pravorub.ru/articles/1467.html>.

140. Курбатов А. Государственная корпорация как организационно-правовая форма юридического лица / А. Курбатов // Хозяйство и право. – 2008. – № 4. – С. 105–124.

141. Лалетина А. С. Гражданский оборот газопроводов. Можно ли избежать оформления земельных участков под газопроводами? / А. С. Лалетина // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2009. – № 1. – С. 137–140.

142. Лановая Г. М. Соотношение содержания и формы в юридическом праве / Г. М. Лановая // История государства и права. – 2010. – № 6. – С. 25–28.

143. Лебединец О. Н. Государственно-частное партнерство как экономико-правовая форма взаимодействия публичного и частного / О. Н. Лебединец // Актуальные проблемы частного и публичного права : сб. ст. по материалам межрегион. науч.-практ. конф. Волгоград, 12 окт. 2012 г. – Волгоград : ВА МВД России, 2013. – № 5. – С. 68–74.

144. Левин И. Д. Советская федерация – государственно-правовая форма разрешения национального вопроса в СССР / И. Д. Левин // Вопросы советского государства и права, 1917–1957. – М. : Изд-во АН СССР, 1957. – С. 213–268.

145. Левушкин А. Н. Семейное супружеское предпринимательство и продажа бизнеса супругов по законодательству Российской Федерации / А. Н. Левушкин // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 4. – С. 25–29.

146. Лекторский В. А. О принципах исследования систем (в связи с «общей теорией систем» Л. Берталанфи) / В. А. Лекторский, В. Н. Садовский // Вопросы философии. – 1960. – № 8. – С. 75–79.

147. Лескова Ю. Г. Некоторые проблемы участия учреждений в гражданском обороте / Ю. Г. Лескова // Юрист. – 2003. – № 2. – С. 27–30.

148. Лехтинен Л. Правовые формы предпринимательства на основе Гражданского кодекса России / Л. Лехтинен // Хозяйство и право. – 1995. – № 8. – С. 55–60.

149. Липень И. М. Взыскание упущенной выгоды как реализация принципа полного возмещения убытков: актуальные вопросы теории и практики [Электронный ресурс] / И. М. Липень // Право Беларуси. – 2005. – № 4. – Режим доступа: <http://www.kaznachey.com/doc/75ONW2RCNdy>.

150. Ломакин Д. В. Крупные сделки в гражданском обороте / Д. В. Ломакин // Законодательство. – 2001. – № 3. – С. 18–25.

151. Ломакин Д. В. Внутрикorporативные процедуры и стабильность гражданского оборота: проблема поиска приоритета / Д. В. Ломакин // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2010. – № 11. – С. 6–17.

152. Малинина Л. Ю. О некоторых особенностях участия унитарного предприятия в гражданском обороте / Л. Ю. Малинина // Актуальные вопросы частного права : межвуз. сб. науч. тр. – Самара : Самар. ун-т, 2004. – С. 92–98.

153. Малиновский А. А. Основные понятия и определения теории систем (в связи с приложением теории систем к биологии) / А. А. Малиновский // Системные исследования. – Ежегодник 1979. – М. : Наука, 1980. – С. 78–90.

154. Малиновский А. А. Теория структур и ее место в системном подходе / А. А. Малиновский // Системные исследования. – Ежегодник 1970. – М. : Наука, 1970. – С. 10–30.

155. Мамонтова Э. А. Незаконная миграция в России и вопросы обеспечения национальной безопасности / Э. А. Мамонтова // Миграционное право. – 2018. – № 4. – С. 25–27.

156. Маркелов В. В. Правовая форма бюджетной деятельности субъектов Российской Федерации / В. В. Маркелов // Финансовое право. – 2004. – № 4. – С. 38–41.

157. Марченко Ю. В. Правотворческая деятельность как правовая форма осуществления функций государства / Ю. В. Марченко // Вестник Саратовской государственной академии права. – Саратов : Изд-во СГАП, 2008. – № 5 (63). – С. 20–26.

158. Матвеев С. П. Административные регламенты как правовая форма обеспечения социальной защиты государственных служащих / С. П. Матвеев // Административное право и процесс. – 2011. – № 12. – С. 9–12.

159. Матияшук С. В. Электрическая энергия и мощность как особые объекты гражданского оборота: вопросы теории и практики / С. В. Матияшук // Журнал российского права. – 2008. – № 12. – С. 94–99.

160. Махина С. Н. Нормативно-правовая форма децентрализации публичного администрирования: Правотворчество и правоприменение: Взаимосвязь и проблемы повышения юридического качества / С. Н. Махина // Правовая наука и реформа юридического образования: Правотворчество и правоприменение: Взаимосвязь и проблемы повышения юридического качества : сб. науч. тр. – Вып. 19. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2006. – С. 98–116.

161. Машанский С. Е. Договор поставки как правовая форма планирования качества продукции / С. Е. Машанский // Всесоюзная научно-практическая конференция по правовым проблемам стандартизации качества продукции и метрологии : тез. докл. – М. : Изд-во стандартов, 1975. – С. 133–135.

162. Медикус Д. Отдельные виды обязательств в Германском гражданском уложении / Д. Медикус // Проблемы гражданского и предпринимательского права Германии : пер. с нем. – М. : БЕК, 2001. – С. 75–160.

163. Мирская О. А. Правовые формы и условия изменения конституционно-правового статуса и наименования субъекта Российской Федерации О. А. Мирская // Закон и право. – 2013. – № 3. – С. 35–36.

164. Мозолин В. П. О макро- и микроправовом регулировании комплексных имущественных отношений в сфере экономики / В. П. Мозолин // Новое в гражданском законодательстве: баланс частных и публичных интересов : материалы для 7-х Ежегодных науч. чтений памяти проф. С. Н. Братуся / отв. ред. Н. Г. Доронина. –

М. : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации ; Юриспруденция, 2012. – С. 9–24.

165. Монкявичюс Э. А. Договор как правовая форма межхозяйственной кооперации в Литовской ССР / Э. А. Монкявичюс // Правовые вопросы межхозяйственной кооперации. – М. : Изд-во ИГиП АН СССР, 1980. – С. 51–58.

166. Москаленко И. В. Сделки в гражданском обороте / И. В. Москаленко // Нотариус. – 2002. – № 2. – С. 23–30.

167. Муртаза-Оглы Ф. А. Советская автономия как государственно-правовая форма разрешения национального вопроса / Ф. А. Муртаза-Оглы // Вопросы теории права и государственного строительства. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1979. – Вып. 3. – С. 69–75.

168. Назаров С. Н. Надзорный процесс как правовая форма осуществления надзорной деятельности / С. Н. Назаров // Северокавказский юридический вестник. – 2006. – № 4. – С. 16–29.

169. Назарова И. С. Избирательные системы как конституционно-правовая форма (механизм) констатирования института народного представительства / И. С. Назарова // Вестник Московского университета МВД России. – 2011. – № 6. – С. 116–119.

170. Натарова О. А. Гражданско-правовой договор как правовая форма оказания платных образовательных услуг / О. А. Натарова // Закон и право. – 2009. – № 12. – С. 71–74.

171. Недоспасова В. В. Электронная цифровая подпись в гражданском обороте: проблемы применения / В. В. Недоспасова // Право : материалы науч. сессии (Волгоград, 19–25 апр. 2004 г.). – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2004. – Вып. 3. – С. 95–97.

172. Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права / И. Б. Новицкий // Вестн. гражданского права. – 1916. – № 6. – С. 56–90.

173. Обзор заседаний Сектора гражданского права Всесоюзного института Юридических наук // Советское государство и право. – 1949. – № 11. – С. 70–72.

174. Орлова Е. Необоснованная налоговая выгода – 11 лет спустя / Е. Орлова // Налоговый вестник – Консультации. Разъяснения. Мнения. – 2017. – № 9. – С. 33–50.

175. Пак А. Б. Правовая форма завещания / А. Б. Пак // Социально-экономические и правовые проблемы развития информационного общества : материалы междунар. науч.-практ. конф., 30 сент. 2009 г. :

в 5 т. – Т. 4. – Омск : Изд-во АНО ВПО «Омский экономический институт», 2009. – С. 253–261.

176. Перевалов В. Д. Нормы права: проблемы понимания и определения / В. Д. Перевалов // Российское право: образование, практика, наука. – 2017. – № 5 (101). – С. 10–19.

177. Перевалов В. Д. Проблемы формирования социально-правового государства в России / В. Д. Перевалов // Право и государство. – 2016. – № 2 (71). – С. 15–23.

178. Переломова Н. А. Развитие и самореализация личности в аспекте герменевтического подхода / Н. А. Переломова // Байкальский психологический и педагогический журнал. – 2005. – № 1–2 (5–6). – С. 104–109.

179. Першиц А. И. Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории / А. И. Першиц // Труды Института этнографии. – Т. 54. – М.-Л., 1960. – С. 151–172.

180. Петров Д. А. Объекты электросетевого хозяйства как бесхозные вещи [Электронный ресурс] / Д. А. Петров. – Режим доступа: <http://ppt.ru/news/111827>.

181. Петюкова О. Н. К вопросу о трактовке понятия «правовая форма» / О. Н. Петюкова // Векторы развития современной России : материалы 5-й межвуз. науч.-практ. конф. Моск. фил. ЛГУ им. А. С. Пушкина. Москва, 17 февр. 2010 г. : сб. ст. : в 2 ч. – Ч. 2. – М. : МФ ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2010. – С. 292–296.

182. Пойминова Я. В. Государственная регистрация прав как правовая форма реализации властных полномочий: методологические проблемы / Я. В. Пойминова // Нотариус. – 2009. – № 3. – С. 36–39.

183. Покровский И. А. Абстрактный и конкретный человек перед лицом гражданского права / И. А. Покровский // Вестник гражданского права. – 1913. – № 4. – С. 30–50.

184. Полищук Е. В. Риелтор – продавец информации или посредник на рынке жилой недвижимости? / Е. В. Полищук // Услуги: проблемы правового регулирования и судебной практики : сб. науч.-практ. ст. / [Редкол.: Н. Ф. Качур, М. В. Кратенко (отв. ред.), С. Н. Мальтов]. – М. : Волтерс Клувер, 2007. – С. 108–119.

185. Пометихина С. И. Банковская гарантия как правовая форма распределения обязательственного риска / С. И. Пометихина // Бизнес в законе. – 2009. – № 4. – С. 144–147.

186. Попондопуло В. Ф. Концессионное соглашение – правовая форма государственно-частного партнерства / В. Ф. Попондопуло // Правоведение. – 2007. – № 6. – С. 255–268.

187. Попондопуло В. Ф. Правовые формы реализации инвестиционных соглашений с участием публично-правового образования / В. Ф. Попондопуло // Правоведение. – 2013. – № 2. – С. 79–92.

188. Пратьков Д. Ю. Инвестиционный договор как правовая форма осуществления капитальных вложений по законодательству Российской Федерации / Д. Ю. Пратьков // Правовая политика и правовая жизнь. – 2013. – № 4. – С. 136–141.

189. Пресняков М. В. Принцип права как вектор и функция правового поля / М. В. Пресняков // Гражданин и право. – 2012. – № 4. – С. 3–16.

190. Рабец А. М. Алиментные обязательства и отношения по опеке и попечительству: проблемы сосуществования [Электронный ресурс] / А. М. Рабец // Современное право. – 2018. – № 2. – Режим доступа: справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

191. Рабец А. М. Алиментные и опекунские правоотношения: проблемы взаимодействия [Электронный ресурс] / А. М. Рабец // Семейное и жилищное право. – 2018. – № 2. – Режим доступа: справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

192. Развитие социального сознания [Электронный ресурс] / М. Шлитц, К. Витен, Э. М. Миллер // Трансформация мировоззрения и развитие социального сознания : пер. Е. Хрипун. – Режим доступа: <http://www.vsepsihologi.ru/articles/art-special/247-socialcon.html>.

193. Райников А. С. Стабильность гражданского оборота: контуры судебной практики / А. С. Райников // Защита частных прав: проблемы теории и практики : материалы 3-й ежегод. междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 19–20 сент. 2014 г.) / под ред. Н. П. Асланян, Ю. В. Виниченко. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2014. – С. 92–96.

194. Рожкова М. А. Идентификаторы [Электронный ресурс] / М. А. Рожкова // Закон.ру. – 2017. – 18 янв. – Режим доступа: <https://zakon.ru/blog/2017/01/18/identifikatory>.

195. Рожкова М. А. Информация как объект гражданских прав, или Что надо менять в гражданском праве [Электронный ресурс] / М. А. Рожкова // Закон.ру. – 2018. – 6 нояб. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2018/11/06/informaciya_kak_obekt_grazhdanskih_prav_ili_chto_nado_menyat_v_grazhdanskom_prave.

196. Рожкова М. А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым [Электронный ресурс] / М. А. Рожкова // Закон.ру. – 2018. – 13 июня. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovye_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnositsya_virtualnoe_s_cifrovym.

197. Рожкова М. А. Оборотоспособность объектов гражданских прав / М. А. Рожкова // Закон. – 2009. – № 3. – С. 212–218.

198. Рожкова М. А. Обязательство по компенсации репутационного ущерба как разновидность деликтного обязательства / М. А. Рожкова // Обязательства, возникающие не из договора : сб. ст. / рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. – М. : Статут, 2015. – С. 119–144.

199. Ротко С. В. Правовая природа векселя и его значение в гражданском обороте / С. В. Ротко // Ученые записки ДЮИ. – Ростов-н/Д, 2002. – Т. 19. – С. 275–289.

200. Руденко А. В. О понятии «гражданский оборот» / А. В. Руденко // Актуальные проблемы правоведения. – 2003. – № 3 (6). – С. 106–109.

201. Руткевич М. Н. Структура как философская категория / М. Н. Руткевич // Категория структуры в системе философских категорий. – Свердловск, 1973. – С. 3–13.

202. Рыбалов А. О. Экономические блага и гражданский оборот / А. О. Рыбалов // Объекты гражданского оборота : сб. ст. / отв. ред. М. А. Рожкова. – М. : Статут, 2007. – С. 78–94.

203. Савицкая А. Н. Стандарты предприятий как правовая форма реализации конституционных принципов управления экономикой / А. Н. Савицкая // Правовые проблемы управления качеством продукции на базе стандартизации и метрологического обеспечения : тез. всесоюз. науч.-практ. конф. Свердловск, 18–19 окт. 1978 г. – Свердловск : Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1978. – С. 61–62.

204. Сагатовский В. Н. Опыт построения категориального аппарата системного подхода / В. Н. Сагатовский // Философские науки. – 1976. – № 3. – С. 67–78.

205. Сагатовский В. Н. Системная деятельность и ее философское осмысление / В. Н. Сагатовский // Системные исследования. – Ежегодник 1980. – М. : Наука, 1981. – С. 52–68.

206. Садовский В. Н. Общая теория систем как метатеория / В. Н. Садовский // Вопросы философии. – 1972. – № 4. – С. 78–89.

207. Садовский В. Н. Парадоксы системного мышления / В. Н. Садовский // Системные исследования. – Ежегодник 1972. – М. : Наука, 1972. – С. 133–147.

208. Сарычев В. М. Методологические аспекты представления самовоспроизводящихся систем и целенаправленной деятельности / В. М. Сарычев // Системные исследования. – Ежегодник 1981. – М. : Наука, 1981. – С. 251–267.

209. Секинаева З. А. Международные соглашения как правовая форма регулирования гражданско-процессуальных отношений с участием иностранных лиц / З. А. Секинаева // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2009. – № 3 (18). – С. 149–156.

210. Семенов Ю. И. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община / Ю. И. Семенов // Становление классов и государства: сб. ст. – М. : Наука, 1976. – С. 7–86.

211. Семякин М. Н. Основные тенденции развития гражданского законодательства Российской Федерации / М. Н. Семякин // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Право. – 2018. – Т. 3. – № 1. – С. 60–71.

212. Семякин М. Н. Основные тенденции развития гражданского законодательства Российской Федерации (часть 2) / М. Н. Семякин // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Право. – 2018. – Т. 3. – № 2. – С. 70–76.

213. Семякин М. Н. К вопросу о концепции цивилистической науки / М. Н. Семякин // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 17 (372). – Право. – Вып. 43. – С. 123–130.

214. Семякин М. Н. Основные начала гражданского законодательства – новая юридическая конструкция или синоним известной цивилистической категории? / М. Н. Семякин // Алтайский юридический вестник. – 2013. – № 4 (4). – С. 129–132.

215. Семякин М. Н. Становление экономического анализа частного права России: проблемы и перспективы развития / М. Н. Семякин // Стратегии развития предпринимательства в современных условиях : сб. науч. тр. 2-й междунар. науч.-практ. конф. 25–26 янв. 2018 г. / под науч. ред. Е. А. Горбашко, В. Г. Шубаевой. – СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2018. – С. 33–36.

216. Сенчищев В. И. Объект гражданского правоотношения. Общее понятие / В. И. Сенчищев // Актуальные вопросы гражданского права / под ред. М. И. Брагинского ; Исследовательский центр част-

ного права. Российская школа частного права. – М. : Статут, 1998. – С. 109–159.

217. Солнцев А. В. Участие органов местного самоуправления в гражданском обороте / А. В. Солнцев // Труды юридического факультета Северо-Кавказского государственного технического университета. – 2005. – Вып. 11. – С. 226–228.

218. Сорокина С. Я. Участие учреждений в гражданском обороте / С. Я. Сорокина // Государство и право на рубеже веков : материалы Всерос. конф. Гражданское право. Гражданский процесс. – М. : Изд-во ИГиП РАН, 2001. – С. 57–64.

219. Спирихин А. 14 типовых схем по уходу от налогов «для служебного пользования ФНС» [Электронный ресурс] / А. Спирихин // Сайт Alinga Consulting Group, 05.07.2010 г. – Режим доступа: http://www.acg.ru/14_tipovyh_shem_po_uhodu_ot_nalogov.

220. Стоякин С. Г. Правовая природа основных международно-правовых форм интеграции государств-участников Союза Независимых Государств / С. Г. Стоякин // Аспирант и соискатель. – М. : Компания Спутник+, 2005. – № 2. – С. 83–93.

221. Сулейменов М. К. Добросовестность в гражданском праве: проблемы теории и практики / М. К. Сулейменов // Добросовестность в гражданском праве : материалы междунар. науч.-практ. конф. в рамках ежегод. цивилист. чтений, посвящ. 20-летию Граждан. кодекса Респ. Казахстан (Алматы, 22–23 мая 2014 г.) / отв. ред. М. К. Сулейменов. – Алматы, 2014. – С. 9–37.

222. Суханов Е. А. Государство и гражданский оборот [Электронный ресурс] / Е. А. Суханов // эж-Юрист. – 2004. – № 22. – Режим доступа: справ.-правовая система «Гарант».

223. Суханов Е. А. Правовая форма экономических отношений / Е. А. Суханов // Методологические проблемы правоведения. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1994. – С. 46–57.

224. Суханов Е. А. Стенограмма вводной лекции для слушателей Российской школы частного права (Высший Арбитражный Суд РФ, 4 окт. 2010 г.) [Электронный ресурс] / Е. А. Суханов // Портал российского частного права. – Режим доступа: http://www.privlaw.ru/index.php?news_year=2010.

225. Тарасов Н. Н. Метод и методологический подход в правоведении (попытка проблемного анализа) / Н. Н. Тарасов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2001. – № 1 (234). – С. 31–50.

226. Тимофеев И. С. Изменения в понимании предмета историко-научных исследований / И. С. Тимофеев // Вопросы истории естествознания и техники. – 1981. – № 2. – С. 97–102.

227. Трунина Е. В. Административные регламенты как правовая форма осуществления таможенными органами государственного контроля / Е. В. Трунина // Право и экономика. – 2012. – № 1. – С. 53–59.

228. Туктаров Ю. Е. Имущественные права как объекты гражданско-правового оборота / Ю. Е. Туктаров // Актуальные проблемы гражданского права : сб. ст. – Вып. 6 / под ред. О. Ю. Шиловцова. – М. : Норма, 2003. – С. 101–136.

229. Уемов А. И. Логический анализ системного подхода к объектам и его место среди других методов исследования / А. И. Уемов // Системные исследования. Ежегодник 1969. – М. : Наука, 1969. – С. 80–96.

230. Ульянов И. А. Предписание как правовая форма воздействия антимонопольного органа на договорные отношения хозяйствующих субъектов / И. А. Ульянов // Законодательство. – 2011. – № 2. – С. 40–48.

231. Уруков В. Дефектный вексель в гражданском обороте / В. Уруков // Право и экономика. – 2003. – № 2. – С. 36–42.

232. Фридман В. С. Правовая форма государственной деятельности / В. С. Фридман // Северо-Западная академия государственной службы. Ежегодник. 2001 : сб. науч. ст. – СПб. : Изд-во СЗАГС, Образование-Культура, 2002. – С. 289–312.

233. Фролова Е. Е. Правовые формы и содержание государственного финансового контроля в сфере наличного денежного обращения / Е. Е. Фролова // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. – 2010. – № 5. – С. 160–164.

234. Фролычева Е. А. Некоторые аспекты сравнительно-правового метода в экспертологии для исследования однородных институтов в странах с различными правовыми системами / Е. А. Фролычева // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. – 2010. – Вып. 3. – С. 101–103.

235. Халфина Р. О. // Правовое регулирование экономических отношений (вопросы теории) / Р. О. Халфина // Проблемы совершенствования советского законодательства. – Вып. 29. – М., 1984. – С. 82–95.

236. Халфина Р. О. О правовой форме экономических отношений / Р. О. Халфина // Советское государство и право. – 1965. – № 7. – С. 29–38.

237. Халфина Р. О. О формах воздействия социалистического права на экономику / Р. О. Халфина // Советское государство и право. – 1961. – № 11. – С. 35–46.

238. Халфина Р. О. Об объективной обусловленности правовых форм их экономическим содержанием / Р. О. Халфина // Тезисы докладов и сообщений на межвузовской конференции по теоретическим и методологическим проблемам правовой науки. – Кишинев, 1965. – С. 31–34.

239. Халфина Р. О. Роль права в экономическом развитии социалистического общества / Р. О. Халфина // СССР – Япония: право и социальный прогресс : материалы совет.-япон. юрид. симп. 1980 и 1982 гг. – М., 1983. – С. 20–25.

240. Харитонов А. В. Правовая форма договора факторинга в России и за рубежом / А. В. Харитонов // Актуальные проблемы совершенствования российского законодательства и правоприменения : материалы междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 29 апр. 2009 г. : в 3 ч. – Ч. 2. Гражданско-правовые проблемы. – Уфа, 2009. – С. 184–188.

241. Харитонов А. В. Правовая форма договора факторинга в России и за рубежом / А. В. Харитонов // Актуальные проблемы совершенствования российского законодательства и правоприменения : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Уфа, 29 апр. 2009 г.) : в 3 ч. – Ч. 2. Гражданско-правовые проблемы. – Уфа, 2009. – С. 184–188.

242. Хоменко Е. Г. О возможности использования криптовалюты при оказании платежных услуг / Е. Г. Хоменко // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 3. – С. 79–83.

243. Хохлов С. А. Понуждение заключить договор как правовая форма регулирования хозяйственных связей в капиталистических странах / С. А. Хохлов // Антология уральской цивилистики, 1925–1989 : сб. ст. – М. : Статут, 2001. – С. 228–241.

244. Храмцов К. В. Категория добросовестности и развитие гражданского оборота / К. В. Храмцов // Право и политика: история и современность : материалы Междунар. науч. конф. (сент. 2005 г.). – Омск : Изд-во Ом. акад. МВД России, 2006. – С. 39–44.

245. Храмцов К. В. Категория справедливости как нравственная основа гражданского оборота / К. В. Храмцов // Вестник Омского университета. Сер. Право. – Омск : Изд-во ОмГУ, 2006. – № 3/4 (8/9). – С. 72–82.

246. Цветков С. Б. О сущности и понятии гражданского оборота / С. Б. Цветков // Свобода. Право. Рынок : материалы всерос. науч.

конф. «40 лет Волгоградской цивилистике», 21–22 мая 2007 г. Вып. 5. – Волгоград : ВА МВД России, 2007. – С. 147–154.

247. Чаркин С. А. Крестьянское (фермерское) хозяйство как правовая форма осуществления субъективных прав граждан на предпринимательскую деятельность / С. А. Чаркин // Ученые записки : сб. ст. – Волгоград : Изд-во ВИЭСП, 2010. – № 10. – С. 380–386.

248. Чаркин С. А. Правовая форма хозяйственного товарищества как способ реализации субъективных прав граждан на индивидуальную предпринимательскую деятельность / С. А. Чаркин // Конституционно-правовые основы регулирования имущественных отношений и защиты имущественных прав : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., 13 дек. 2008 г. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2009. – С. 18–19.

249. Чемагина Н. А. Конституционно-правовая характеристика договора как юридической формы регулирования взаимоотношений в сложносоставном субъекте Российской Федерации / Н. А. Чемагина, Ф. Ш. Ямбушев // Научные исследования высшей школы : сб. тез. докл. и сообщений на итог. науч.-практ. конф., 10 февр. 2004 г. – Тюмень : Изд-во Тюмен. юрид. ин-та МВД РФ, 2004. – С. 15–16.

250. Черемисинова М. Е. Социальная интернет-сеть в качестве субъекта правоотношений / М. Е. Черемисинова // Право в сфере Интернета : сб. ст. / рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. – М. : Статут, 2018. – С. 375–386.

251. Черепяхин Б. Б. Правопреемство по советскому гражданскому праву / Б. Б. Черепяхин // Черепяхин Б. Б. Труды по гражданскому праву. – М. : Статут, 2001. – С. 307–442.

252. Чермянинов Д. В. Сорняки правового поля таможенного дела Д. В. Чермянинов // Юрист. – 2005. – № 6. – С. 41–43.

253. Четвериков А. О. Гражданство Европейского Союза как правовая форма либерализации трансграничных общественных отношений между государствами-членами ЕС / А. О. Четвериков // Lex Russica. – 2010. – № 4. – С. 860–872.

254. Чунаев К. Г. Гражданство как правовая форма существования государства / К. Г. Чунаев // Юридическая теория и практика в истории и современной России : сб. науч. ст. – М. : Юрист, 2010. – С. 150–160.

255. Чупин П. П. Научный метод и методология науки / П. П. Чупин // Научный метод и методологическое сознание : сб. науч. тр. – Свердловск, 1986. – С. 6–15.

256. Шварц Х. Д. Перевод хозяйственных единиц из социалистических правовых форм в формы обществ частного права / Х. Д. Шварц // Основы немецкого торгового и хозяйственного права. Германский Фонд международного правового сотрудничества. – М. : БЕК, 1995. – С. 102–112.

257. Шемчук О. А. О некоторых особенностях гражданско-правовых обязанностей / О. А. Шемчук // Защита частных прав: проблемы теории и практики : материалы междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 20–21 апр. 2012 г. / отв. ред. Н. П. Асланян. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2012. – С. 170–175.

258. Ширвиндт А. М. Принцип добросовестности в ГК РФ и сравнительное правоведение / А. М. Ширвиндт // *Aequum ius*. От друзей и коллег к 50-летию профессора Д. В. Дождева. – М. : Статут, 2014. – С. 203–242.

259. Шуршалов В. М. Международные договоры между социалистическими странами как основная правовая форма выражения социалистического интернационализма / В. М. Шуршалов // Советский Союз и международные договоры : сб. ст. – Вып. 8. – М., 1980. – С. 42–55.

260. Щербина В. Некоторые проблемы совершенствования хозяйственного и хозяйственного процессуального законодательства / В. Щербина // Ежегодник украинского права : сб. науч. тр. / отв. за вып. А. В. Петришин. – Харьков, 2001. – № 3. – С. 201–207.

261. Эбзеев Б. Б. Гражданский оборот: понятие и юридическая природа / Б. Б. Эбзеев // Государство и право. – 1999. – № 2. – С. 32–38.

262. Эстулин И. В. О понятии организационно-правовой формы юридического лица / И. В. Эстулин // Армия и общество. – 2014. – № 3 (40). – С. 14–19.

263. Юдин Б. Г. Становление и характер системной ориентации / Б. Г. Юдин // Системные исследования. Ежегодник 1971. – М. : Наука, 1972. – С. 18–34.

264. Яковлев В. Ф. О системном применении права / В. Ф. Яковлев // Вестник ВАС РФ. – 2007. – № 3. – С. 4–10.

265. Яковлев В. Ф. Проблемы частного права в современных условиях / В. Ф. Яковлев // Журнал российского права. – 2016. – № 1 (229). – С. 5–9.

266. Яковлев В. Ф. Роль публичного и частного права в регулировании экономики / В. Ф. Яковлев, Э. В. Талапина // Журнал российского права. – 2012. – № 2 (182). – С. 5–16.

267. Ямпольская Ц. А. К методологии науки управления / Ц. А. Ямпольская // Советское государство и право. – 1965. – № 8. – С. 12–21.

268. Носік В. В. Юридична природа ринкового обігу земельних ділянок / В. В. Носік // Законодавство України : науково-практичні коментарі. Юридичний журнал / ТОВ «Український інформаційно-правовий центр». – Київ, 2003. – № 10. – С. 92–96.

269. Пейчев К. Поняття обігу природних ресурсів / К. Пейчев // Підприємництво, господарство і право : науково-практичний, господарсько-правовий журнал / Ін-т приватного права і підпр-ва АПрН України та інш. – Київ, 2007. – № 7. – С. 51–53.

270. Zarandia T. Grundlagen des Zivilrechts in der georgischen Rechtsprechung / T. Zarandia // Grundlagen der Zivilrechtsordnung in den Staaten des Kaukasus und Zentralasiens in Theorie und Praxis : Materialien einer Konferenz an der Universität Bremen vom 29. und 30 März 2007 / R. Knieper, L. Chanturia, H.-J. Schramm (Hrsg.). – Berlin : Berliner Wissenschafts-Verlag, 2007. – S. 136–138.

Диссертации и авторефераты

1. Аблезгова О. В. Нормы «*lex mercatoria*» в правовом регулировании международного коммерческого оборота : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / О. В. Аблезгова. – М., 2008. – 202 с.

2. Аванесова Г. А. Применение банковской гарантии в товарном обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Г. А. Аванесова. – М., 1999. – 144 с.

3. Аверьянова М. В. Защита добросовестного приобретателя имущества в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / М. В. Аверьянова. – М., 2001. – 215 с.

4. Агапеева Е. В. Ценные бумаги как объекты гражданского оборота по законодательству России и США (сравнительно-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е. В. Агапеева. – М., 2006. – 176 с.

5. Алиева И. Д. Гражданско-процессуальная защита прав и охраняемых законом интересов других лиц по законодательству Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / И. Д. Алиева. – Махачкала, 2000. – 189 с.

6. Амирова Н. А. Принципы исполнения обязательств в торговом обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Н. А. Амирова. – М., 2009. – 190 с.
7. Апаликов Н. С. Форвардный договор в гражданском обороте и практике правоохранительных органов : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Н. С. Апаликов. – М., 2009. – 217 с.
8. Аракелян А. Ю. Справедливость в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. Ю. Аракелян. – Краснодар, 2008. – 225 с.
9. Асланян Н. П. Основные начала российского частного права : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Н. П. Асланян. – М., 2001. – 365 с.
10. Астахова М. А. Оборот прав на результаты интеллектуальной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / М. А. Астахова. – Тюмень, 2007. – 182 с.
11. Астахова М. А. Оборот прав на результаты интеллектуальной деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / М. А. Астахова. – Екатеринбург, 2007. – 23 с.
12. Бабайцева Е. А. Коммерческая организация как юридическая форма осуществления права на занятие предпринимательской деятельностью : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е. А. Бабайцева. – Волгоград, 2004. – 204 с.
13. Байбак В. В. Обязательственное требование как объект гражданского оборота : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / В. В. Байбак. – СПб., 2004. – 201 с.
14. Бакулина Е. В. Совершенствование правового регулирования реорганизации хозяйственных обществ: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е. В. Бакулина. – М., 2004. – 216 с.
15. Бакшинскас В. Ю. Акционерное общество как правовая форма объединения капиталов : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / В. Ю. Бакшинскас. – М., 1997. – 221 с.
16. Баранов В. М. Гражданско-правовое регулирование оборота природных ресурсов : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / В. М. Баранов. – М., 2006. – 163 с.
17. Баранова Е. А. Оборот недвижимости в российском и германском праве: сравнительное исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е. А. Баранова. – М., 2005. – 234 с.
18. Батурина Ю. Б. Правовая форма и правовое средство в системе понятий теории права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Ю. Б. Батурина. – М., 2001. – 149 с.

19. Беликова К. М. Правовое регулирование торгового оборота и кодификация частного права в странах Латинской Америки : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / К. М. Беликова. – М., 2012. – 438 с.
20. Белова Т. В. Правовое регулирование защиты информации и прав на нее в гражданском обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Т. В. Белова. – М., 2006. – 181 с.
21. Беляев В. П. Надзор как правовая форма государственной деятельности: общетеоретические проблемы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / В. П. Беляев. – Белгород, 2000. – 183 с.
22. Бикетова Т. А. Патентные права как объект гражданских прав и монополия в гражданском обороте РФ : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Т. А. Бикетова. – М., 2005. – 157 с.
23. Блауберг И. В. Философско-методологические проблемы системного исследования : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.08 / И. В. Блауберг. – М., 1983. – 306 с.
24. Богданова Е. Е. Добросовестность участников договорных отношений и проблемы защиты их субъективных гражданских прав : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Е. Е. Богданова. – М., 2010. – 63 с.
25. Бритвин С. Н. Арендные права и их гражданский оборот : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / С. Н. Бритвин. – Волгоград, 2006. – 28 с.
26. Бритвин С. Н. Арендные права и их гражданский оборот : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / С. Н. Бритвин. – Волгоград, 2006. – 182 с.
27. Бронникова М. Н. Гражданско-правовая презумпция по российскому законодательству: содержание, правовые формы и применение : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / М. Н. Бронникова. – Самара, 2006. – 205 с.
28. Васнев О. Г. Правовое регулирование оборота культурных ценностей : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / О. Г. Васнев. – Краснодар, 2006. – 184 с.
29. Виниченко Ю. В. Разумность в гражданском праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Ю. В. Виниченко. – СПб., 2003. – 21 с.
30. Виниченко Ю. В. Разумность в гражданском праве России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Ю. В. Виниченко. – Иркутск, 2003. – 190 с.

31. Волосатова Л. В. Принцип разумности в реализации субъективных гражданских прав : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03; 12.00.15 / Л. В. Волосатова. – М., 2005. – 195 с.
32. Волюнкина М. В. Гражданско-правовая форма инновационной деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / М. В. Волюнкина. – М., 2007. – 331 с.
33. Вятчин В. А. Роль неустойки в условиях свободы договора : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / В. А. Вятчин. – Саратов, 1999. – 209 с.
34. Галеева Р. Ф. Исключительное право: правовая природа и роль в гражданском обороте : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Р. Ф. Галеева. – М., 2011. – 30 с.
35. Галеева Р. Ф. Исключительное право: правовая природа и роль в гражданском обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Р. Ф. Галеева. – М., 2011. – 182 с.
36. Галиуллин Р. Р. Правовой режим недвижимого имущества в предпринимательском обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Р. Р. Галиуллин. – Казань, 2009. – 176 с.
37. Гена Е. И. Собственность граждан и юридические формы ее реализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е. И. Гена. – М., 1993. – 19 с.
38. Головизнин А. В. Гражданско-правовое регулирование оборота культурных ценностей : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. В. Головизнин. – Екатеринбург, 2006. – 226 с.
39. Грекова И. Л. Формуляр в международном гражданском и торговом обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / И. Л. Грекова. – Саратов, 2007. – 194 с.
40. Добряков Г. Э. Оборот исключительного права в Интернет-среде : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Г. Э. Добряков. – М., 2011. – 172 с.
41. Долгаев С. Е. Правовое регулирование оборота ценных бумаг : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / С. Е. Долгаев. – Самара, 2002. – 220 с.
42. Дранников А. В. Уголовная ответственность за контрабанду предметов, ограниченных в гражданском обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. В. Дранников. – Ростов н/Д, 2000. – 221 с.
43. Дроздов-Тихомиров А. А. Своды принципов договорного права как инструмент регулирования сделок в международном ком-

мерческом обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. А. Дроздов-Тихомиров. – М., 2011. – 200 с.

44. Дятлов Е. В. Согласие третьих лиц на совершение сделки в гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е. В. Дятлов. – М., 2014. – 154 с.

45. Евстафьева И. В. Правовое регулирование международного оборота имущественных авторских прав : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / И. В. Евстафьева. – Саратов, 2012. – 208 с.

46. Ельникова Е. В. Гражданско-правовой оборот земельных участков под строениями в России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е. В. Ельникова. – Волгоград, 2006. – 196 с.

47. Ельникова Е. В. Гражданско-правовой оборот земельных участков под строения в России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е. В. Ельникова. – Волгоград, 2006. – 26 с.

48. Еремкина Т. А. Договор аренды и его роль в гражданском обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Т. А. Еремкина. – М., 2008. – 169 с.

49. Ершова И. В. Правовой режим государственного имущества в хозяйственном обороте: Теоретические основы и пути совершенствования : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / И. В. Ершова. – М., 2001. – 445 с.

50. Жернаков Д. В. Правовой режим земельных участков как объектов гражданского оборота : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Д. В. Жернаков. – Екатеринбург, 2005. – 192 с.

51. Жуков А. С. Правовое регулирование оборота эмиссионных бездокументарных именных ценных бумаг в законодательстве России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. С. Жуков. – Ростов н/Д, 2005. – 183 с.

52. Журина И. Г. Гражданско-правовой статус саморегулируемых организаций в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / И. Г. Журина. – М., 2009. – 25 с.

53. Зинковский М. А. Гражданско-правовое регулирование договорных отношений в сфере оборота драгоценных металлов в обезличенной форме : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / М. А. Зинковский. – Белгород, 2010. – 170 с.

54. Зинковский М. А. Гражданско-правовое регулирование договорных отношений в сфере оборота драгоценных металлов в обезличенной форме : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / М. А. Зинковский. – Краснодар, 2010. – 18 с.

55. Иванова С. А. Принцип справедливости в гражданском праве России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01, 12.00.03 / С. А. Иванова. – Владимир, 2006. – 45 с.
56. Илюшина М. Н. Правовой режим сделок в коммерческом обороте и в обороте долей хозяйственных обществ: общее и особенное : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / М. Н. Илюшина. – М., 2012. – 522 с.
57. Илюшина М. Н. Правовой режим сделок в коммерческом обороте и в обороте долей хозяйственных обществ: общее и особенное : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / М. Н. Илюшина. – М., 2012. – 42 с.
58. Инжиева Б. Б. Участие государства в современном гражданском обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Б. Б. Инжиева. – Элиста, 2013. – 201 с.
59. Калентьева Т. А. Правовые формы реализации экономической функции Российского государства в условиях перехода к рыночным отношениям : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Т. А. Калентьева. – Самара, 2000. – 235 с.
60. Каримов М. Р. Роль предварительного договора в формировании договорных условий участников гражданского оборота : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / М. Р. Каримов. – М., 2002. – 169 с.
61. Кийко А. Ю. Частноправовые и публичные начала в гражданско-правовом регулировании государственного имущества в хозяйственном обороте России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. Ю. Кийко. – Волгоград, 2004. – 201 с.
62. Клишина А. А. Охрана коммерческой тайны в экономическом обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. А. Клишина. – М., 2004. – 190 с.
63. Клочков А. А. Стандартные (общие) условия договоров в коммерческом обороте: правовое регулирование в России и зарубежных странах : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. А. Клочков. – М., 2000. – 210 с.
64. Койчуев А. А. Гражданско-правовые средства регулирования оборота ценных бумаг : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. А. Койчуев. – Ставрополь, 2005. – 197 с.
65. Коломенская Е. В. Функции договора в торговом обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е. В. Коломенская. – М., 2006. – 172 с.

66. Коновалов А. И. Неустойка в коммерческом обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. И. Коновалов. – СПб., 2003. – 180 с.
67. Константинов С. А. Устойчивость как атрибут социального сознания (на материалах исследования студенчества) : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.06 / С. А. Константинов. – Саратов, 1994. – 16 с.
68. Королева И. Н. Парламентский регламент как правовая форма регулирования порядка деятельности представительного органа государственной власти: российская и зарубежные модели : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / И. Н. Королева. – М., 2007. – 173 с.
69. Кравченко Т. В. Правовое регулирование участия субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в коммерческом обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Т. В. Кравченко. – СПб., 2003. – 211 с.
70. Красавчиков О. А. Теория юридических фактов в советском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О. А. Красавчиков. – Свердловск, 1950. – 13 с.
71. Кузнецова А. Г. Развитие системного подхода в отечественной педагогике конца 60-х–80-х годов XX века : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01 / А. Г. Кузнецова. – Хабаровск, 2000. – 383 с.
72. Куликова А. А. Казенное предприятие как правовая форма реализации государственной и муниципальной собственности в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. А. Куликова. – Ростов н/Д, 2014. – 185 с.
73. Лаптева А. М. Имущественные комплексы в коммерческом обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. М. Лаптева. – СПб., 2010. – 175 с.
74. Ласточкина М. С. Уголовно-правовая защита средств индивидуализации участников гражданского оборота и производимой ими продукции : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / М. С. Ласточкина. – М., 2010. – 201 с.
75. Лескова Ю. Г. Саморегулирование как правовой способ организации предпринимательских отношений: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. – М., 2013. – 60 с.
76. Лысак И. В. Философско-антропологический анализ деструктивной деятельности современного человека : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.13 / И. В. Лысак. – Ростов н/Д, 2007. – 47 с.

77. Мазур О. В. Требование разумности в соотношении с требованием добросовестности в гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / О. В. Мазур. – СПб., 2012. – 23 с.

78. Майдаровский Д. В. Предварительный договор и заключение основного договора в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Д. В. Майдаровский. – Ростов н/Д, 2011. – 29 с.

79. Маленко В. С. Гражданско-правовое регулирование земельного оборота с иностранным элементом : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / В. С. Маленко. – М., 2007. – 161 с.

80. Мамажанов К. С. Участие в гражданском обороте лиц, осужденных к лишению свободы в Кыргызской Республике : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / К. С. Мамажанов. – СПб., 2011. – 241 с.

81. Маркина М. В. Введение прав юридических лиц на объекты промышленной собственности в хозяйственный оборот : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / М. В. Маркина. – М., 2007. – 168 с.

82. Матвеев Д. А. Гражданско-правовое регулирование оборота складских свидетельств : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Д. А. Матвеев. – М., 2011. – 216 с.

83. Михайлова Н. С. Оборотоспособность вещей в гражданском праве и роль актов органов внутренних дел Российской Федерации в ее реализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Н. С. Михайлова. – СПб., 2007. – 19 с.

84. Морозов А. А. Правовое регулирование использования в предпринимательской деятельности имущества, ограниченного в обороте : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. А. Морозов. – М., 2010. – 24 с.

85. Морозов А. А. Правовое регулирование использования в предпринимательской деятельности имущества, ограниченного в обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. А. Морозов. – М., 2010. – 181 с.

86. Налетов К. И. Лицензирование и договорно-правовые формы пользования недрами в РФ и за рубежом : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06 / К. И. Налетов. – М., 2006. – 26 с.

87. Неверов О. Г. Товарораспорядительные документы в торговом обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / О. Г. Неверов. – М., 2001. – 182 с.

88. Некрестьянов Д. С. Гражданско-правовое регулирование оборота объектов незавершенного строительства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Д. С. Некрестьянов. – СПб., 2005. – 225 с.
89. Нестерчук Ю. Н. Правовой режим нефти как объекта экономического оборота : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Ю. Н. Нестерчук. – М., 2012. – 225 с.
90. Нестерчук Ю. Н. Правовой режим нефти как объекта экономического оборота : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Ю. Н. Нестерчук. – М., 2012. – 24 с.
91. Нешатаева В. О. Международно-правовое регулирование экономического оборота культурных ценностей : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / В. О. Нешатаева. – М., 2010. – 172 с.
92. Новикова Т. В. Понятие добросовестности в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Т. В. Новикова. – Краснодар, 2008. – 192 с.
93. Олимова Р. М. Гражданско-правовое регулирование оборота драгоценных металлов и драгоценных камней в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Р. М. Олимова. – Казань, 2005. – 189 с.
94. Олимова Р. М. Гражданско-правовое регулирование оборота драгоценных металлов и драгоценных камней в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. – Казань, 2005. – 28 с.
95. Пантюхин А. В. Уголовно-правовые и криминологические меры борьбы с контрабандой товаров, не ограниченных в гражданском обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. В. Пантюхин. – М., 2005. – 195 с.
96. Пасикова Т. А. Особенности гражданского оборота земельных участков сельскохозяйственного назначения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Т. А. Пасикова. – Краснодар, 2008. – 199 с.
97. Петров Е. Ю. Государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним в гражданском обороте недвижимости : дис.... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е. Ю. Петров. – Екатеринбург, 2001. – 188 с.
98. Петрушкин В. А. Системный анализ гражданско-правовой модели оборота недвижимости: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / В. А. Петрушкин. – М., 2014. – 417 с.

99. Петюкова О. Н. Правовые формы отношений советского государства и Русской православной церкви в 1917–1945 годах : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / О. Н. Петюкова. – М., 2011. – 494 с.
100. Пленкин Ю. В. Изоляция осужденных к лишению свободы – признак наказания и правовая форма государственного принуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ю. В. Пленкин. – Рязань, 2005. – 26 с.
101. Полин Д. В. Правовое регулирование расчетов по аккредитиву в торговом обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Д. В. Полин. – М., 2001. – 165 с.
102. Полтавченко А. Г. Правовое регулирование трансграничного коммерческого оборота прав на товарные знаки : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. Г. Полтавченко. – М., 2011. – 208 с.
103. Полуяхтов И. А. Гражданский оборот имущественных прав : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / И. А. Полуяхтов. – Екатеринбург, 2002. – 183 с.
104. Попов А. В. Товарищество собственников жилья как юридическая форма, опосредующая правомочия собственников помещений в многоквартирном доме : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. В. Попов. – Волгоград, 2006. – 188 с.
105. Попов В. К. Гражданско-правовые формы реализации материальных интересов в агропромышленном комплексе СССР : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / В. К. Попов. – Харьков, 1983. – 400 с.
106. Попова А. В. Принцип добросовестности в международном коммерческом обороте : Законодательство и судебная практика Российской Федерации и стран-членов Европейского Союза : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. В. Попова. – М., 2005. – 195 с.
107. Ражков Р. А. Гражданско-правовое регулирование оборота валютных ценностей : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Р. А. Ражков. – Иркутск, 2007. – 220 с.
108. Ражков Р. А. Гражданско-правовое регулирование оборота валютных ценностей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Р. А. Ражков. – Иркутск, 2007. – 23 с.
109. Рогачев Д. Н. Разумность как общеправовая категория (проблемы теории, техники, практики) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Н. Д. Рогачев. – Н. Новгород, 2010. – 201 с.
110. Романова В. В. Правовое регулирование оборота земельных участков : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06 / В. В. Романова. – М., 2005. – 232 с.

111. Романова В. В. Правовое регулирование оборота земельных участков : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06 / В. В. Романова. – М., 2005. – 25 с.
112. Рубанова М. П. Правовой режим нежилых помещений и проблемы их участия в коммерческом обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / М. П. Рубанова. – СПб., 2008. – 159 с.
113. Рутковская О. А. Драгоценные металлы и драгоценные камни как объекты гражданского оборота на внутреннем и международном рынках : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / О. А. Рутковская. – М., 2013. – 189 с.
114. Рутковская О. А. Драгоценные металлы и драгоценные камни как объекты гражданского оборота на внутреннем и международном рынках : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / О. А. Рутковская. – М., 2013. – 29 с.
115. Рябко А. И. Социальный контроль и его правовые формы : Вопр. Теории : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А. И. Рябко. – М., 1995. – 181 с.
116. Савельева О. Ю. Недействительность сделок в гражданском обороте: теория и практика : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / О. Ю. Савельева. – Рязань, 2003. – 180 с.
117. Салимзянов Б. И. Обеспечительная функция предварительного договора в сфере оборота недвижимости : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Б. И. Салимзянов. – Казань, 2013. – 159 с.
118. Самакэ Исса. Международный договор как основная международно-правовая форма экономического сотрудничества стран Африки : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Исса Самакэ. – Киев, 1971. – 17 с.
119. Сапункова А. И. Правовое регулирование синдицированного кредитования в международном коммерческом обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. И. Сапункова. – М., 2008. – 171 с.
120. Семякин М. Н. Государственные стандарты и особые условия как специфические правовые формы регулирования отношений поставки : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. Н. Семякин. – Свердловск, 1978. – 22 с.
121. Сергеев А. П. Правовой режим бесхозяйного и бесхозяйственно содержимого имущества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. П. Сергеев. – Л., 1982. – 24 с.
122. Сидоров А. Е. Предприятие как объект гражданских прав в Германии, Австрии, Швейцарии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. Е. Сидоров. – М., 2014. – 27 с.

123. Смольянинов Е. С. Уголовно-правовые средства борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием организационно-правовых форм юридического лица : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е. С. Смольянинов. – М., 2000. – 174 с.
124. Солдатенко С. А. Особенности наследования имущества, вовлеченного в коммерческий оборот : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / С. А. Солдатенко. – СПб., 2009. – 212 с.
125. Тарасов Н. Н. Методологические проблемы современного правоведения : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Н. Н. Тарасов – Екатеринбург, 2002. – 342 с.
126. Татаринцева К. Н. Ограничения прав участников рынка ценных бумаг при обороте акций : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / К. Н. Татаринцева. – М., 2013. – 25 с.
127. Татарников А. В. Принципы разумности и добросовестности в гражданском праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. В. Татарников. – М., 2010. – 30 с.
128. Токарев Е. А. Вексельные обязательства и их действие в гражданском обороте Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е. А. Токарев. – Томск, 2001. – 181 с.
129. Токарева Е. В. Товарищество собственников жилья как социально-правовая форма объединения граждан по месту жительства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е. В. Токарева. – Волгоград, 2012. – 190 с.
130. Томилова Л. Н. Правовые формы и способы участия муниципального образования в предпринимательской деятельности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Л. Н. Томилова. – Саратов, 2003. – 235 с.
131. Успенский А. Э. Арест имущества в хозяйственном обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. Э. Успенский. – М., 2006. – 170 с.
132. Ушницкий Р. Р. Гражданско-правовая форма корпоративного отношения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Р. Р. Ушницкий. – Якутск, 2013. – 203 с.
133. Филимонов Н. С. Правовое регулирование гражданского оборота лесных участков (на примере аренды и сервитута) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Н. С. Филимонов. – М., 2010. – 182 с.
134. Филимонов Н. С. Правовое регулирование гражданского оборота лесных участков (на примере аренды и сервитута) : автореф.

дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Н. С. Филимонов. – М., 2010. – 24 с.

135. Фонотова О. В. Применение Инкотермс в торговом обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / О. В. Фонотова. – М., 2006. – 206 с.

136. Харатян А. Ж. Регулирование оборота валютных ценностей : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. Ж. Харатян. – М., 2000. – 207 с.

137. Цуглаева Н. В. Гражданско-правовой оборот музейных предметов и коллекций : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Н. В. Цуглаева. – Волгоград, 2013. – 175 с.

138. Челышев М. Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: Цивилистическое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / М. Ю. Челышев. – Казань, 2009. – 40 с.

139. Шаповалова Е. В. Гражданско-правовые формы оборота информации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е. В. Шаповалова. – М., 2008. – 240 с.

140. Шаханов В. В. Правовые парадигмы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / В. В. Шаханов. – Владимир, 2005. – 26 с.

141. Швабауэр А. В. Государственная регистрация прав, обременений прав и сделок в гражданском обороте недвижимого имущества : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. В. Швабауэр. – СПб., 2011. – 227 с.

142. Шлыкова Т. А. Права участников общества с ограниченной ответственностью: юридическая природа, понятие, виды : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Т. А. Шлыкова. – М., 2005. – 169 с.

143. Эбзеев Б. Б. Участие акционерных обществ в гражданском обороте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Б. Б. Эбзеев. – М., 2001. – 249 с.

Научное издание

Виниченко Юлия Варазатовна

**ГРАЖДАНСКИЙ ОБОРОТ:
ОПЫТ СИСТЕМНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Издается в авторской редакции

ИД № 06318 от 26.11.01.

Подписано в печать 16.10.19. Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная. Печать трафаретная. Усл. печ. л. 23,4. Тираж 500 экз. Заказ .

Издательство Байкальского государственного университета.
664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

Отпечатано в ИПО БГУ.